

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Департамент социологии

Институт социально-политических исследований РАН
Центр социальной демографии и экономической социологии

Российский фонд фундаментальных исследований

**НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

*Материалы II Международной
научно-практической конференции
8 декабря 2016 г.*

**Москва
2016**

УДК 314.15

ББК 60.7

Н76

Материалы опубликованы и конференция проведена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
(грант № 16-06-20532\16)

Ответственные редакторы-составители:

Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН;
Письменная Е.Е., доктор социологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Хорие Н., профессор (Университет Гояма, Япония);
Злотникова Л.М., кандидат экономических наук, доцент (Белорусский торгово-
экономический университет потребительской кооперации, Беларусь)
Письменная Е.Е., доктор социологических наук, доцент
(Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия);
Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН
(Институт социально-политических исследований РАН, Россия)

Н76 Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях экономического кризиса: Материалы II Международной научно-практической конференции (8 декабря 2016 г.)/ Отв. Ред.-сост. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцев и д.соц.н. Е.Е. Письменная. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 383 с.
ISBN 978-5-9909188-2-5

В сборнике представлены материалы II Международной научно-практической конференции «Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях экономического кризиса», проведенной на базе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва) совместно с Центром социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН (г. Москва) 8 декабря 2016 года. В конференции приняли участие исследователи из России, Беларуси, США, Финляндии и Японии. Авторами дается оценка эффективности реализации демографической политики на различных уровнях, а также определены новые ориентиры, возможности и социальные резервы улучшения демографической ситуации в России. Сборник рекомендуется ученым, специалистам-практикам, аспирантам, магистрантам и всем интересующимся проблемами демографии.

Материалы и программа конференции изданы при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 16-06-20532\16).

Публикуемые статьи отражают исключительно личную точку зрения авторов.

ISBN 978-5-9909188-2-5

© Финансовый университет при Правительстве РФ,
Департамент социологии [текст], 2016.

© Институт социально-политических исследований РАН,
Центр социальной демографии и экономической социологии [текст], 2016.

**FINANCIAL UNIVERSITY UNDER THE GOVERNMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION**
(Department Sociology)

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES INSTITUTE
OF SOCIO-POLITICAL RESEARCH**
(Center of Social Demography and Economic Sociology)

Russian Foundation for Basic Research

**NEW DIRECTIONS
OF DEMOGRAPHIC POLICY
OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE CONDITIONS
OF THE ECONOMIC CRISIS**

*The Materials of the II International Scientific
and Practical Conference
Moscow, December 8, 2016*

**Moscow
2016**

УДК 314.15
ББК 60.7
H76

*The materials published and the conference held with the financial support
of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR)
(grant No 16-06-20532\16)*

Managing editors – compilers:

Ryazantsev S.V., Doctor (Economics), Professor,
Corresponding member of the Russian Academy of Sciences;
Pismennaya E.E., Doctor (Sociology)

Editorial Board:

Prof. Norio HORIE, (The University of Toyama, Japan);
PhD. Lydiya M. ZLOTNIKOVA, (The University of Consumers Cooperatives, Belarus);
Dr. Elena PISMENNAYA (The Financial University under the Government
of the Russian Federation, Russia);
Corr.-Mem. of the RAS, Prof. Sergey V. RYAZANTSEV (The Institute of Social-Politic Re-
search of the Russian Academy of Sciences, Russia).

H76 New guidelines of demographic policy of the Russian Federation in the conditions of the economic crisis: The Materials of the II International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 8, 2016) / Managing editors – compilers: Corr.- Member of the RAS Sergey V. Ryazantsev and Dr. Elena E. Pismennaya. – M.: Econ-Inform, 2016. – 383 p. ISBN 978-5-9909188-2-5

The collection contains materials of the II International scientific-practical conference "The new guidelines of demographic policy of the Russian Federation in the conditions of economic crisis" carried out on the basis of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow) together with the Center of Social Demography and Economic Sociology of the Institute of Social and Political Studies Russian Academy of Sciences (Moscow, December 8, 2016). The conference was attended by researchers from Russia, Belarus, USA, Finland and Japan. The authors of an assessment of the effectiveness of the implementation of measures of demographic policy at the federal and regional levels and highlight the opportunities, social reserves and future directions for improving the demographic situation in Russia in the medium term. Collection is recommended to scholar, practitioners, graduate students, undergraduates and all those interested in the problems of demographics. The materials published and the conference held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (grant No 16-06-20532\16).

The published articles and materials reflect only the personal point of views of the authors.

ISBN 978-5-9909188-2-5

© The Financial University under the Government of the Russian Federation,
Department of Sociology [text], 2016.
© The Institute of Social-Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Center for Social Demography and Economic Sociology [text], 2016.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги!

Декабрь 2016 г. – время очередной международной конференции в Москве, которую Департамент социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации проводит второй раз. В мероприятии участвуют около 100 ученых и экспертов из различных регионов России, республики Беларусь, США, Финляндии и Японии.

Вызовы времени показывают, что для глубокого и кардинального изменения демографической ситуации в стране меры социально-экономической политики должны носить системный характер и обеспечивать доступность широкого спектра услуг, давая людям уверенность в завтрашнем дне. В связи с этим, в 2016 году конференция сфокусирована на проблемах и новых ориентирах демографической политики в России в условиях экономического кризиса и становится площадкой обмена идеями и эффективными практиками регулирования демографических процессов на федеральном и региональном уровнях.

В нашей конференции участвуют и совсем молодые ученые. Надеемся, что непосредственное общение с известными специалистами в области демографии, об исследованиях которых они знают только по книгам и статьям, поможет им интегрироваться в академическую науку и систему образования.

Хочется выразить слова искренней признательности организациям и отдельным людям за финансовую и организационную поддержку конференции: Российскому фонду фундаментальных исследований; Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в лице ректора, академика Российской академии образования Михаила Абдурахмановича Эскиндарова, Центру организационного обеспечения научной деятельности и Управлению координации научных исследований Финансового университета – Максиму Владимировичу Демченко, Татьяне Александровне Дроздовой, Наталье Сергеевне Роговой, Кристине Сергеевне Деманкиной и Юлии Евгеньевне Леоновой; Центру социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН в лице член-корреспондента РАН Сергея Васильевича Рязанцева. Без их участия и профессионализма мы не смогли бы провести нашу конференцию.

Год пролетел очень быстро. Мы рады снова приветствовать наших старых друзей и новых знакомых. Желаем всем сил и здоровья для дальнейшей плодотворной работы.

*Искренне Ваша,
Председатель организационного комитета конференции
Е.Е. Письменная*

KEYNOTE WORD

Dear colleagues!

December 2016 – time of the upcoming International Conference in Moscow, which the Department of Sociology of the University of Finance under the Government of the Russian Federation hosts a second time. The event will be attended by about 100 scientists and experts from different regions of Russia, Belarus, the USA, Finland and Japan.

It is obvious nowadays that for a deep and fundamental change in the demographic situation in the country, measures of socio-economic policy should be systematical, providing access to a wide range of services and giving people confidence in their future. In this regard, the Conference – 2016 is focused on the new challenges and new orientations of demographic policy in Russia during the period of economic crisis to become a framework to exchange ideas and good practices of regulation of demographic processes at the federal and regional levels.

Very young scientists are scheduled to participate in our Conference as well. We hope that their direct communication with famous experts in the field of demography, which researches they know only from books and articles will help them to integrate into the academic science and education system.

I would like to express my sincere gratitude to organizations and persons for financial and organizational support of Conference: Russian Foundation for Basic Research; Financial University under the Government of the Russian Federation represented by Mikhail A. Eskindarov, the Rector, the academician of the Russian Academy of Education, the Center for organizational support of scientific activity and the Office of Coordination of research of the Financial University and its staff members – Maxim V. Demchenko, Tatyana A. Drozdova, Natalia S. Rogova, Christina S. Demankina and Julia E. Leonova; the Center of Social Demography and Economic Sociology of the Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, represented by corresponding member of Russian Academy of Sciences Sergey V. Ryazantsev. Without their deep involvement and expertise, we would not be able to hold our Conference.

The year passed very quickly. We are very pleased to welcome our old friends and new acquaintances. We wish you all health and strength for the further fruitful work.

*Sincerely yours,
Chairman of the Conference Organizing Committee
Elena E. Pismennaya*

Раздел 1.

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Section 1.

THE NEW GUIDELINES OF THE RUSSIAN DEMOGRAPHIC POLICY IN TIMES OF CRISIS: THE FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

*Аристова Марина Вадимовна,
доктор философских наук,
профессор кафедры «Философия»,
Современная гуманитарная академия,
г. Москва, Россия*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье приводится современное состояние демографии в России, которое сравнивается с прочими странами мира. Показывается, что положение страны не отличается от стран Западной Европы. В связи с этим автор высказывает недоумение по поводу поднявшейся волны по поводу выведения искусственного прерывания беременности из системы ОМС и упразднения бэби-боксов. Рассматривается влияние на демографические проблемы со стороны государства, общества и семьи. Демонстрируется манипулирование женской фертильностью государством, обществом и церковью. Фактически, если на ранней стадии существования общества, женщина была жертвой вида, то теперь она становится жертвой государственной политики. Реакционную роль, по мнению автора, играет общество, отличающееся мизогинистской направленностью, а также церковь, присвоившая себе право распоряжаться женским телом, что нарушает права человека женщины.

Ключевые слова: демографические проблемы, численность населения РФ, манипулирование фертильностью, вывод абортов из ОМС, бэби-боксы, религиозное влияние, запрет абортов, права женщин.

E-mail: avotsira@yandex.ru

*Aristova Marina V.,
Dr. (Philosophy),
Professor of Department «Philosophy»,
Modern humanitarian academy,
Moscow, Russia*

GENDER ASPECT OF MODERN RUSSIAN DEMOGRAPHICAL POLICY

The article compares modern Russian demography with other countries of the world. It establishes the fact, that the deals in Russia almost the same as in other Western Europe countries. So the author is extremely surprised irreconcilable debate about deleting the termination of pregnancy from CMI (compulsory medical insurance) and the cancellation of baby-boxes. The article discusses also the impact on demographic problems of the state, society and family. Demonstrates the manipulation of female fertility from the site of the state, the society and the church. In fact, if in an early stage of society, woman was a victim, now she is the victim of state policy. According to the author, special reactionary role plays Rus-

sian society with its misogynistic orientation and the orthodoxy which appropriates the right to dispose of the female body. The last attacks on women's rights.

Keywords: demographic problems, population of RF, the manipulation of fertility, deleting the termination of pregnancy from CMI, baby-boxes, religious influence, prohibition of abortion, women's rights.

E-mail: avotsira@yandex.ru

В России наметилась серьезная озабоченность демографическими проблемами, что связано с уменьшением численности населения. В большинстве стран мира и даже в Западной Европе, несмотря на то, что рождаемость там давно ниже уровня простого воспроизводства, отмечается рост населения (демографическая инерция). Так, население Франции в 2000 г. составляло 61, 172 млн человек., а в 2006 г. – уже 63, 328 млн. Россия с ее сокращающимся населением – редкое исключение («русский крест»). По данным Ростата [1] в 1990 г. население РФ составляло 147 665 081 человек, в 2000 г. – 146890128, в 2010 г. – 142 856536. Некоторый подъем наблюдался в последние годы в основном за счет образования двух новых субъектов Федерации – Республики Крым и города Севастополь. Так, в 2014 г. население увеличилось на 2600357 человек, а на 1 января 2016 г. оно составляет 146544 710 человек.

Что касается рождаемости, то она снижается во всех странах мира, за исключением некоторых стран Африки южнее Сахары. Главный показатель рождаемости (TFR – total fertility rate) – это число детей у среднестатистической женщины. Сейчас в мире рождаемость составляет 2,5 рнж, что вдвое ниже уровня 1950-1955 гг. Самый высокий TFR в 2015 г. был в Нигере – 6,76, самый низкий в Сингапуре – 0, 81 [2]. В некоторых странах, в том числе и в большинстве европейских, TFR опустился ниже уровня простого воспроизводства (2,2 рнж), в том числе и в России, где в 2015 г. он составлял 1,784 рнж [3]. Другим показателем рождаемости является число рождений на 1000 человек в год (измеряется в промилле). Среднемировой показатель рождаемости сейчас – 24. По данным ООН [4], лидерами рождаемости являются беднейшие страны Африки: Конго, Гвинея-Бисау и Либерия – 49,6 рождений на 1000 человек, Нигер – 49,0. Страны с самым низким уровнем рождаемости: Гонконг и Макао – 7,6, Сингапур и Германия – 8,2, Япония – 8,3. По этому показателю страны делятся на 5 групп: более 40 рождений, от 30 до 40 рождений, ..., менее 10 рождений. Россия с показателем 13,3 в 2014 г. входит в предпоследнюю самую многочисленную группу, наряду с США, Францией, Великобританией, Швецией и многими другими. Итак, по показателям рождаемости Россия занимает срединное место, и ни о какой катастрофе говорить не приходится.

Среднемировой показатель естественного прироста сейчас составляет 17 человек. Правда, он неоднороден. Так, для стран западной Европы, СНГ, Северной Америки, Австралии и Японии он равен $13 - 9 = 4$, а для стран Африки, Латинской Америки и Зарубежной Азии он равен $29 - 9 = 20$.

В этом году зафиксирован естественный прирост населения и в России (пока меньше 0,1 промилле). Министр труда и социальной защиты РФ М. Топилин сообщил, что в январе-августе 2016 года естественный прирост составил 8,2 тысяч человек [5]. Кое-какие положительные подвижки в области демографии в стране происходят.

И тем необъяснимей стали спонтанно всплывшие вопросы об абортах и бэби-боксах, расколовшие общество и придавшее демографическим проблемам гендерный оттенок. Наступление началось лет пять назад, когда был принят явно антиженский закон РФ N 323-ФЗ [6]. Он содержит статью 56 «Искусственное прерывание беременности», где в пункте 3 сообщается: «Искусственное прерывание беременности проводится: ... 2) не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию ... при сроке беременности восьмая – десятая недели беременности». Вводится недельная отсрочка для получения разрешения на аборт («недели тишины»), что является явным попранием прав женщины на свое тело. Предыстория закона об абортах такова. Депутат Госдумы нынешнего созыва В. Милонов, будучи петербургским парламентарием, еще в 2012 г. подготовил поправку к Конституции. Он предложил запретить легальные аборты и наделить основными правами и свободами эмбриона, выбрав за точку отсчета «первое сердцебиение». Но законопроект до ГД так и не дошел: его раскритиковали еще в первом чтении в ЗакСе. Депутаты пришли к выводу, что если легальные аборты запретить, то криминальные аборты приведут к большему числу смертей женщин. Председатель комиссии ЗакСа по соцполитике и здравоохранению Л. Косткина заявила, что женщину превращают в инкубатор [7]: «... инициатива депутата Виталия Милонова абсурдна и возвращает нас к невежеству и мракобесию. ... данным проектом ... унижаются и нарушаются права женщин!». Приводя статистику, она указала, что «только 3% женщин до 40 лет в России не делают абортов». В 2015 г. уже Патриарх Кирилл с трибуны ГД призвал вывести аборты из системы ОМС, после чего группа депутатов во главе с Е. Мизулиной внесла на рассмотрение нижней палаты пакет законопроектов на эту тему. В сентябре этого года острая дискуссия возобновилась после того, как председатель РПЦ вместе с рядом актеров, телеведущих и спортсменов поставили подписи под петицией о полном запрете абортов в России. А как насчет выведения из ОМС прерывания застоя и лечения многочисленных его последствий на здоровье мужчин?

Естественно дело не обошлось без В. Милонова. В интервью газете «Комсомольская правда» [8] он объяснил, почему настаивает на отмене бесплатных абортов: «Ибо беременность – болезнью не является. А ее причина – соответствующие действия, которые при желании, можно было бы предотвратить». Что он имеет в виду под «соответствующими действиями», не поясняется. Может быть те, что приводят к беременности, тогда следовало бы их «предотвратить» или запретить, узаконив целибат. Забавно, как почти дословно повторяется история, когда мужчины пытаются обсуждать беременность, которой сами не подвержены. В начале 80-х годов XX века, когда аме-

риканский конгрессмен Патриция Шредер выступала за введение закона о предоставлении медицинских отпусков беременным, оппонировавшие ей мужчины-консерваторы также утверждали, что «беременность – болезнью не является», а является «естественным состоянием» женщины. Лишь в 1993 году после многолетнего противостояния консервативной партии и бизнес-лоббистам был принят «Акт о семье и медицинских отпусках», являющийся законодательной основой декретного отпуска.

Вопрос о том, является ли беременность болезнью или нет, фактически разрешен генетиками после исследований ДНК. Эмбрион ведет себя в теле матери как антагонист, высасывая из материнского организма необходимые для своего развития питательные вещества. Американский генетик М. Ридли [9] сообщает, что результаты экспериментов в Филадельфии и Кембридже позволили сделать неожиданный вывод: отцовские гены ответственны за развитие плаценты, а материнские гены – за дифференциацию клеток эмбриона в органы и части тела. Пытаясь ответить на вопрос, почему появилось такое распределение труда между генами, ученый Д. Хэйг из Оксфорда взглянул на плаценту не как на материнский орган для вскармливания своего чада, а как на орудие паразитизма, которое использует эмбрион для вытягивания питательных веществ из крови матери и подавления всякого противодействия с ее стороны. Плацента буквально врастает в материнскую плоть, заставляет расширяться кровеносные сосуды и выделяет гормоны, которые повышают кровяное давление и содержание сахара в крови матери. Материнский организм в ответ повышает уровень инсулина в крови, чтобы как-то противодействовать инвазии (нападению гормонов). Другими словами, хотя у матери и эмбриона единая цель, они часто не могут добиться согласия относительно способов ее достижения и того, какие ресурсы мать должна предоставить своему ребенку. Геном эмбриона наполовину состоит из материнских генов, что может привести к конфликту интересов: должны ли материнские гены больше заботиться об эмбрионе или о самой матери. Отцовским генам эмбриона такой конфликт не грозит. Материнский организм их интересуется только с точки зрения предоставления пищи и укрытия на время развития эмбриона. Эти теоретические гипотезы Д. Хэйга скоро подтвердились экспериментально. Итак, беременность – это болезненное состояние. Не говоря уже о мучительном токсикозе, изматывающем женщину в первую половину беременности, отечности конечностей во второй половине, разрушении зубов, выпадении волос, повышении кровяного давления, у беременной женщины обостряются хронические заболевания, ей свойственные, появляются новые заболевания, особенно сердечнососудистые. Беременность завершается мучительными и небезопасными родами, часто сопровождающимися негативными осложнениями для женщины.

По мнению же В. Милонова, даже изнасилование – не повод для аборта. Тут он пытается установить в России жестокие законы католической Ирландии, где аборт категорически запрещен по религиозным мотивам. В 1992 г. весь мир всколыхнула история 14-летней девушки, забеременевшей в резуль-

тате изнасилования, для которой Генеральный прокурор добивался судебного запрета на поездку в Великобританию для совершения аборта [10]. Суд отказался выдать запрет в связи с тем, что девушка была близка к самоубийству, и позволил ей прервать беременность. Это резонансное дело получило название «дело Х» и привело к четырем референдумам в стране, в результате которых были внесены некоторые послабления в 8-ю статью Конституции страны. Борьба сторонников прав женщин против католического лобби в Ирландии насчитывает почти 100-летнюю историю. После достижения Ирландией в 1922 г. независимости от Британии консерваторы продлили в стране действие британского акта 1861 г., по которому аборт был запрещен. Так вот куда зовет нас Милонов и его сторонники – в 1861 год, а ведь так и до восстановления крепостного права недалеко. Хотелось бы заметить, что во все века женщины освобождались от нежелательно плода, что вело к их гибели.

Что касается предложения депутата Госдумы Е. Мизулиной отменить бэби-боксы, то оно является, по-моему, антигосударственным. Да, за пять лет в российских бэби-боксах оставили всего 48 детей, но это меньше, чем обнаружили трупиков в мусор баках. Но это живые дети, которых можно усыновить, воспитать и пр. История этих боксов имеет такую же длинную историю, как объявление преступлением рождение незаконного ребенка в Средние века. Озабоченные ростом детоубийств, церкви Италии организовали в приютах специальные вращающиеся устройства. Может, сегодняшняя нетерпимость к бэби-боксам связана с тем, что эта технология, возникла в лоне католической церкви. Но в России заботу о брошенных детях также традиционно брала на себя церковь, хотя делала это бессистемно и непоследовательно. Указом Петра I в 1722 г. создание небольших детских приютов уже вменялось монастырям и церковным приходам. В царствование Екатерины II появляется первый «контейнер для детей» вместе с госпиталем для бедных рожениц. В наше время такие боксы есть во многих зарубежных странах и не только в христианских, например, в Китае и Японии.

Поднявшаяся в обществе вакханалия, подогреваемая церковью, ответственными за демографическое неблагополучие делает женщин, которые и аборт совершают и детей бросают. Все это придает демографическим проблемам гендерный оттенок. Но ни одна женщина не планирует совершить аборт и нежелательно беременеет не по своей воле. Она анонимно подкидывает новорожденного в бэби-бокс из-за невозможности содержать его и боязни общественного осуждения. Полагаю, что это происходит из-за мизогинии, пронизывающей все российское общество. Напомню, что единственный период, когда в стране коэффициент рождаемости TRF поднимался до 2 рнж были 80-е годы XX века, когда увеличили декретный отпуск, выплаты по нему, настроили массу детских учреждений и обещали быстро обеспечить дополнительным жильем. Поверив государству, многие благодарные женщины бросились выполнять свое «естественное предназначение», что сразу сказалось на демографических данных.

По-моему мнению, у России есть один цивилизованный путь решения демографических проблем, включающий в себя:

- повышение культуры контрацепции мужского населения;
- прекращение общественного и религиозного оскорбления женщин, родивших вне брака;
- признание труда женщин по вынашиванию и воспитанию детей важной работой в государственном секторе с соответствующей оплатой;
- отказ от двойных стандартов при выращивании детей, исключаящих пищевую дискриминацию в отношении девочек.

Интернет-источники

1. Население России: численность, динамика, статистика. – Режим доступа: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 23 октября 2016 г.)
2. Суммарный коэффициент рождаемости. – Режим доступа: http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Суммарный_коэффициент_рождаемости (дата обращения: 20 октября 2016 г.)
3. Россия. Коэффициент суммарной рождаемости, 1960-2015 //Демоскоп Weekly – Справочник статистических показателей, № 701 – 702. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_tfr/php (дата обращения: 23 октября 2016 г.)
4. Дефицит свежих людей. Рождаемость на планете падает: в восточных странах быстрее, чем в западных. – Режим доступа: <http://www.lifejournal.com/media/64972.html> (дата обращения: 23 октября 2016 г.)
5. В текущем году естественный прирост населения РФ достиг 8,200 человек. – Режим доступа: <http://svop1.ru/obsh/133269> (дата обращения: 26 октября 2016 г.)
6. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.htm> (дата обращения: 23 октября 2016 г.)
7. Права эмбрионов не приняты. //Социальная политика. Медицинское обозрение. – Режим доступа: http://socpolit.ru/pages_425/index/html (дата обращения: 20 октября 2016 г.)
8. Виталий Милонов об абортах в списке ОМС: «Беременность – это не болезнь». – Режим доступа: <http://www.interessant.ru/people/vitalii-milonov> (дата обращения: 25 октября 2016 г.)
9. Ридли М. Геном. Автобиография вида в 23 главах. Монография. – Москва: Эксмо, 2008. – 544с. – Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/430533/> (дата обращения: 26 октября 2016 г.)
10. Аборты в Ирландии. – Режим доступа: http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Аборты_в_Ирландии (дата обращения: 20 октября 2016 г.)
11. Веселова А. Воспитательный дом в России и концепция воспитания И.И.Бецкого// Отечественные записки, 2004 № 3 – Режим доступа: www.strana-oz.ru/2004/3/vospitatelnyu (дата обращения: 20 октября 2016 г.)

*Вилсон Рэйчил,
доктор наук, адвокат,
приглашенный Фулбрайт-профессор,
Белгородский национальный университет;
Адвокатское бюро,
Аризона, США*

ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ США

В статье рассматривается пограничная политика как фактор демографического развития США. Описаны технологии незаконного ввоза мигрантов из Мексики. Анализируются демографические изменения для мигрантов и США.

Ключевые слова: пограничная политика, демографическая политика, технологии, незаконный ввоз мигрантов, контрабанда, торговля людьми, демографические изменения.

E-mail: rachel@rachelwilsonlaw.com

*Wilson Rachel,
PhD (Language), Managing Attorney,
Visiting Fulbright Professor
Belgorod National University;
Law Offices,
Arizona, USA*

BORDER POLITICS AS A FACTOR IN US DEMOGRAPHIC CHANGES

The article deals with border policy as a factor in the demographic development of the USA. Described technology smuggling of migrants from Mexico. Analyzes demographic changes for migrants and the United States.

Keywords: border policy, population policy, technology, migrant smuggling, trafficking in persons, demographic changes.

E-mail: rachel@rachelwilsonlaw.com

The United States shares a border with Mexico that is approximately 4,800 km long. Since the birth of the nation of Mexico, migration between the two countries has been a constant fixture of life on the border. Over time, economic factors pushed Mexican citizens to migrate to the U.S. for work, often seasonally. Lax enforcement of U.S. labor-standards laws meant that Mexican citizens often provided U.S. businesses with a steady supply of cheap labor. Although much of this cross-border migration was prohibited by immigration law, enforcement policies were mild.

In 1994, the United States, Mexico, and Canada entered into a trilateral trade bloc through the North American Free Trade Agreement (NAFTA). This agreement guaranteed the free movement of capital and goods across borders. At the same time, the U.S. enacted stricter regulations on migration and drastically increased enforcement activities.

These contradictory policies-- economic integration and immigration enforcement-- have led to unexpected, and often devastating, effects including: 1) a massive increase spending on border security; 2) a sharp rise in the number of deaths of border-crossers; 3) an increase in human smuggling and trafficking; and 4) a large-scale demographic shift.

In many respects, Russia appears to be heading along a similar path. The introduction of the 2014 Customs Union Treaty (scheduled to go into effect in 2015) has occurred at roughly the same time that Russia has introduced new penalties for violations of immigration law. For example, Russia has instituted language and history testing for migrants and the FMS recently claimed that nearly one million migrants had been denied entry into Russia due to past immigration violations. It is an open question whether these new restrictions will be followed by the type of strict enforcement policies in effect in the U.S.

Immigration enforcement through militarization and technology. Prior to 1993, there was no physical barrier along the U.S.-Mexico border. By 2013 there are 58km of two-tiered fencing, 510km of single-tiered fencing, and another 482km of vehicle barriers (Massey 2013). The current goal is for 1,126km of two-tiered fencing. In addition to the fences and barriers, the border area is now monitored by motion-detection sensors and high-intensity, stadium-type lighting. Moreover, an automated fingerprint system has been introduced to identify criminal migrants and repeat crossers (Cornelius 2007). In terms of human resources, 20,000 border patrol agents have been added (with 93% of them patrolling the southern border).

This results in an annual spending level of \$18 billion (650 billion roubles) on border security. This spending is more than the annual of the FBI, the Bureau of Alcohol, Tobacco, and Firearms, the Drug Enforcement Administration and the Secret Service combined. Furthermore, border security agents refer more cases to criminal prosecution than all of those agencies combined. Border security agents also hold more people in custody than the entire Federal Bureau of Prisons. Despite all this “security,” deportations have skyrocketed. In 1990, the U.S. deported 30,000 people. In 2012, 410,000 migrants were deported.

Prior to 1993, most migrants entered the U.S. through two narrow corridors, one in Texas and the other in California. As enforcement operations began, officials concentrated on these areas exclusively. This had the effect of pushing the migrants to different points of border-crossing. As the flow of migrants increased in one area, enforcement activities soon followed, pushing the migrants to ever more outlying and unpopulated areas. The unintended (?) consequence of these geographic changes in migration is that now most migrants cross into the U.S. in harsh, isolated desert regions, where water is scarce and shelter non-existent. For many migrants,

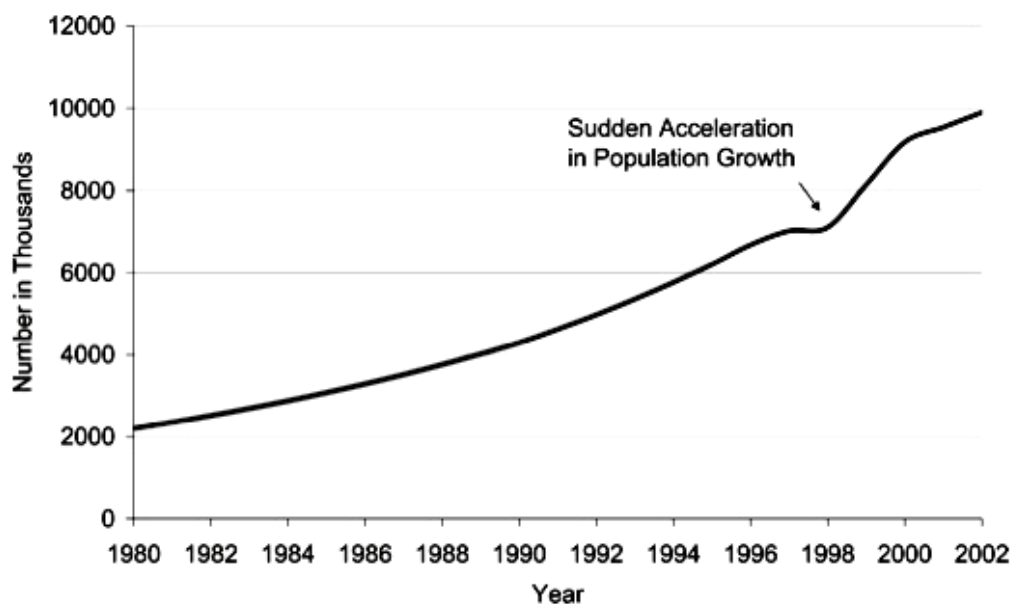
the journey has proven fatal. Some reports state that from 1993 to 2003, the number of migrant deaths in the southwest border region doubled, others claim that these reports undercount the number of migrant deaths. However, one figure that is clear is that while Border Patrol apprehensions have fallen in recent years, the number of deaths along the border has continued to grow (Eschbach 1999).

Growth of Human Smuggling and Trafficking. Because of the increase in enforcement and danger along the border, most migrants now employ professionals to assist them. These human smugglers assist in crossing the border itself as well as guiding the migrants to population centers in the U.S. interior. These smugglers often demand payment twice: once upon hiring the smuggler and a second time in the U.S. as a condition of release from captivity. A smuggling businesses frequently transform into full-scale trafficking operations, where employers in the U.S. will pay for smugglers to bring migrants to the U.S. Once present, the employers then require the migrants to work to pay for the cost of their transportation and housing. This form of indentured servitude forms the ideal conditions for the growth of sex trafficking (Cicero-Dominguez 2005).

Demographic change in US, broken families abroad. As crossing the border became both more expensive and more dangerous, many more migrants decided to stop crossing the border altogether. Instead, these migrants have now settled permanently in the United States, even though they lack legal status. Some estimates put the number of unauthorized migrants in the U.S. at 11 million. While the migrant population crossing the southern border is made up of a combination of Mexicans, Central Americans, and South Americans, the overwhelming majority of migrants are from Mexico. As this chart demonstrates, in 1980 a relatively small number of Mexican citizens were living in the U.S. Indeed, at that time, 46 percent of undocumented Mexican migrants returned to Mexico within 12 months (Massey 2007). In contrast, in 2007 only 7 percent of migrants returned to Mexico within a year. This chart illustrates the origin of this crucial change: 1996, i.e., the year IIRAIRA (the harsh immigration law) went into effect.

This demographic shift has another strange, unintended effect. Unauthorized migrants that have made the U.S. their home typically leave some family members behind in their home countries. When migrants are deported, they go to live with these often distant relatives. However, young migrants who have been living in the United States most of their lives often do not speak the language of their home country. This results in home-country families who are only tenuously related that may not even be able to adequately communicate with each other.

As Russia moves closer to economic integration with its post-Soviet neighbors, it is important for policymakers to examine the ways in which harsh migration policies can have deleterious and often unintended consequences. As the past 20 years of migration policy in the U.S. has shown, the contradiction of free trade for the movement of capital and increasingly harsh consequences for the movement of human beings results in perverse incentives and outcomes.

Estimated number of Mexicans living in the United States

Source: Massey, D. "Understanding America's Immigration 'Crisis.'"

References

1. Cornelius, W. (2005) "Controlling 'Unwanted' Immigration: Lessons from the United States, 1993-2004." *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 31, No. 4, July, 2005, pp. 775-794.
2. Cicero-Dominguez, S. (2005). "Assessing the U.S.-Mexico Fight Against Human Trafficking and Smuggling: Unintended results of U.S. immigration policy." *Northwestern Journal of International Human Rights*. Vol. 4, No. 2, pp. 303-330).
3. Eschbach, K., J. Hagan, N. Rodriguez, R. Hernandez-Leon, and S. Bailey, (1999). "Death at the Border." *International Migration Review*. Vol. 33, No. 2 (Summer, 1999), pp. 430-454.
4. Massey, D. (2013). "America's Immigration Policy Fiasco: Learning From Past Mistakes." *Daedalus*. 142(3), Summer, 2013, pp. 5-15.
5. Massey, D. (2007). "Understanding America's Immigration 'Crisis'." *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 151, No. 3, September, 2007, pp. 309-327.

*Злотникова Лидия Михайловна
кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации,
г. Гомель, Беларусь*

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Сложность решения демографических проблем обусловлена многими причинами. Во-первых, широко распространенной дифференциацией и специализацией научных исследований. Во-вторых, отсутствием системного подхода в реализации национальных программ обеспечения демографической безопасности. В-третьих, практической отстраненностью бизнеса от активного и ответственного предупреждения и решения социально-демографических проблем. Актуальность усиления адресной социальной ответственности обусловлена фундаментальной ролью производства в жизни человека и общества в целом. На производстве человек проводит более трети времени суток. Бизнес формирует материальную основу жизнедеятельности человека, используя для этого важнейший человеческий ресурс – здоровье. Усиление социальной ответственности бизнеса в решении демографических проблем еще и с тем, что доходы социальных институтов общества полностью зависят от эффективности производственной деятельности.

Ключевые слова: бизнес, демографическая безопасность, производство, социальная ответственность, социальные институты, здоровье.

E-mail: lidia_zloynikova@mail.ru

*Zlotnikova Lidiya M.,
candidate of economic sciences, docent,
Belarusian trade and economic university
of consumer cooperation,
Gomel, Belarus*

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC PROBLEM

The summary Complexity of the solution of demographic problems is caused by many reasons. First, widespread differentiation and specialization of scientific research. Secondly, lack of system approach in implementation of national programs of ensuring demographic safety. Thirdly, practical dispassionateness of business from the active and responsible prevention and the solution of social and demographic problems. Relevance of strengthening of address social responsibility is caused by a fundamental role of production in human lives and societies in general. On production of people spends more than a third of time of day. Business creates a material basis of activity of the person, using for this purpose the major human resource – health. Strengthening of social responsibility of

business in the solution of demographic problems also with the fact that the income of social institutes of society completely depends on efficiency of productive activity.

Keywords: business, demographic security, production, social responsibility, social institutions, health.

E-mail: lidia_zloynikova@mail.ru

Обращение к обозначенной проблеме обусловлено многими теоретическими и практическими проблемами состояния демографических процессов, существующими механизмами государственного управления и эффективностью реализации программ демографической безопасности. Обеспечение последней в Республике Беларусь признана государством важнейшей задачей общества на ближайшую перспективу развития. Для реализации задач в сфере демографической безопасности в конце 2010 г. была принята Национальная программ демографической безопасности на 2011-2015 годы и 2016-2020 [2, 3]. Характерной особенностью данной программы является то, что основными разработчиками названы Министерства, относящиеся к институтам, которые управляют социальными процессами, несут определенную ответственность за процессы социализации человека. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что они функционируют в реальных условиях, параметры и структура которых находится в прямой зависимости от состояния материального производства. Соответственно не могут действовать в отрыве от структуры, экономической эффективности производителей различных товаров и услуг. И как подметил Аурелио Печчеи: «Именно наш выбор предопределяет, по какому пути пойдет дальнейшее развитие человечества, сможет ли оно избежать самоуничтожения и создать условия для удовлетворения своих потребностей и желаний» [1, С. 5].

Изучение демографических процессов происходит без учета роли и влияния бизнеса на физическое и моральное состояние человека, создание условий по удовлетворению потребностей, самосовершенствованию и созданию жизнеспособного потенциала. Человек значительное время проводит на производстве, испытывая на себе воздействие реальных условий. Различные вредные вещества нередко приводят к потерям здоровья нескольких поколений, часто служат объективным катализатором ранней смертности. Существующая социальная статистика, включая медицинскую, не представляет информации о связи заболеваемости и смертности, обусловленной вредными условиями труда. Только личный опыт автора, позволяет гипотетически утверждать, что средняя продолжительность жизни работавших во вредных условиях ниже в основном на 5-6 лет. Сохранившиеся контакты с коллегами по работе на предприятии с вредными условиями свидетельствуют о том, что большинство ушло из жизни, не достигнув 60 лет. Женщины, работавшие на предприятии, рожали детей с врожденными патологиями, заболеваниями крови, суставов, сахарным диабетом, аллергией и т.д. Однако классификация

вредных условий остается прежней, на основе списка профессий, утвержденного государством. Реальность такова, что экономисты, бухгалтера, работающие в цехах с вредными условиями, но невнесенные в списки остаются во вредных цехах даже беременными.

В конце XX в. на промышленных предприятиях начала внедряться система отношений между руководством и коллективом на принципах социального партнерства. Ее нормативно основополагающим тезисом в Республике Беларусь признана ответственность бизнеса за обеспечение минимального уровня заработной платы. В тоже время нацеленность бизнеса на экономическое повышение конкурентоспособности продукции сопровождается настойчивым снижением издержек. Заработная плата по этой причине лидирует. Особое место в реализации социальной ответственности бизнеса занимает отсутствие теоретически обоснованной величины прожиточного минимума. Здоровье человека, обеспечение качественного воспроизводства в структуре прожиточного минимума не значатся.

Решение демографических проблем в отрыве от социальной и экономической ответственности бизнеса нам кажется проблематичным по ряду причин. Во-первых, наличие системных противоречий между требованиями государственных инспекций по охране труда и финансовыми возможностями производителей. В Республике Беларусь техническая инспекция труда Федерации профсоюзов Беларуси в 2015 г. провела 7425 обследований на предприятиях и в организациях независимо от формы собственности. По результатам обследования нанимателям выданы 1117 представлений и 5285 рекомендаций на устранение 63983 нарушений требований законодательства. Из-за нарушения требований охраны труда приостанавливалась работа 1997 единиц станков, машин и другого производственного оборудования, эксплуатация которого создавала угрозу жизни и здоровью работников. В 2016 г. в проверки вовлечены вопросы соблюдения температурного режима на рабочих местах, обеспечения работников специальной одеждой, специальной обувью и другими средствами индивидуальной защиты [6]. Результаты проводимой работы, к сожалению, не сопровождаются указанием причин. Реальность такова, что разрешенные затраты на приобретение спецодежды и обуви формируются на основе нормативов непроизводительных расходов.

В рамках предложенного формата сложно сформулировать существующие противоречия между высокими требованиями различных государственных инспекций и экономическими условиями материального производства. Во-вторых, одним из важнейших ответственных за выполнение государственной программы обеспечения демографической безопасности названо Министерство здравоохранения. Декларативность требования проявляется в том, что с одной стороны производители обязаны оплачивать проведение профилактических осмотров только работников, внесенных в списки «вредности». Фактически поглощающие вредные выбросы, профилактические осмотры не проходят. Раннее выявление различных заболеваний, своевременное обращение к врачам всецело

зависит от субъективного поведения собственника предприятия. Последний, заинтересованный в сиюминутной выгоде, минимизирует затраты на здоровье.. Отдаленные последствия в состоянии здоровья и улучшении демографической ситуации не входят в сферу социальных интересов и ответственности бизнеса.

Министерство образования, как социальный институт, отвечающий за формирование демографической безопасности, оказался в состоянии системных противоречий. Цели образования и демографической безопасности имеют разновекторное направление. Система образования, отнесенная к сфере услуг, обязана в максимальной степени выполнять заказы материального производства. Формирование здоровья человека, временные и материальные затраты на процессы поддержания общего и репродуктивного здоровья в условиях коммерциализации социальной сферы, во все большей степени переносятся на человека. В конечном итоге доходы семьи оказывают решающее воздействие на демографические приоритеты и ценности.

Общество, получая большое количество различных нормативных и правовых документов, не располагает финансовыми, материальными и временными возможностями воплощения в жизнь. Например, введение дополнительных уроков физкультуры, на наш взгляд, не способны оказать существенного влияния на улучшение здоровья подрастающего поколения. В некоторых случаях повлекут за собой негативные последствия. Занятия физкультурой в сетке общего расписания стало настолько привычным, особенности физической нагрузки и санитарно-гигиенические условия не принимаются во внимание. С гигиенической точки зрения водные процедуры – это обязательный элемент. К тому же после занятий залы должны в обязательном порядке подвергаться влажной уборке и т.д. Действующая практика практически в большинстве школ демонстрирует полное пренебрежение требованиями гигиены. Усугубляется ситуация стереотипного отношения к физической активности еще и тем, что во многих школах (по причинам экономии бюджетных средств) произошло сокращение медпунктов или количество медицинского персонала.

Организационные проблемы формирования здоровья детей не заканчиваются уроками физкультуры. В контексте реформирования здравоохранения сокращаются затраты на проведение ежегодной диспансеризации школьников. Финансовые средства на ее проведение не проходят отдельной строкой в бюджетах поликлиник. Не решена проблема информирования родителей о результатах диспансеризации. Реальность такова, что полученные данные о результатах диспансеризации являются, прежде всего, статистической отчетностью учреждений здравоохранения. Родителей о результатах диспансеризации в общепринятой практике обязаны знакомить дети. Отсутствует действенная система мониторинга за изменениями в состоянии здоровья детей. А о том, чтобы дети перед физкультурой проходили минимальный медицинский осмотр, например, измерялось давление или температура, приходится только мечтать. Формирование и поддержание здоровья детей, воспитывающихся в детских домах и интернатах, оказывается еще более проблемным.

К тому же в соответствии с нормативными документами о структуре типового штатного расписания в детских домах, утвержденных Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 24 апреля 2013 г. № 22 в детских домах с численностью воспитанников более 200 человек предусмотрены один педагог-психолог, один социальный педагог и 0,5 ставки руководителя физического воспитания [4]. В малочисленных, т.е. не более 300 человек, отсутствуют ставки врачей. Дети, воспитывающиеся в детских домах, получают необходимую медицинскую помощь в детских поликлиниках. Ставка врача с 2014 г. вводится в лечебно-профилактическом учреждении, т.е. детской поликлинике из расчета обслуживания 800 человек [5]. При этом необходимо обратить внимание, что педиатр должен решать проблемы со здоровьем детей в возрасте, условно от 0 до 16 лет. Не меньшую проблему формирования здоровья всех детей составляет организация специализированной помощи. Расчет специалистов проводится до настоящего времени на основе общей численности, а не фактической заболеваемости.

У оппонентов может возникнуть вопрос о наличии связи социальной ответственности бизнеса и решении проблем со здоровьем подрастающего поколения. Необходимость обращения к социальной ответственности бизнеса вызвана тем, что в последние годы государство активно внедряет коммерческие отношения в социальную сферу, т.е. образование, здравоохранение, культуру, науку и т.д. Используя понятие «непрофильные активы», т.е. средства, которые, по мнению чиновников не являются непосредственными элементами произведенного товара, подвергаются первоочередному сокращению.

К рассмотрению предложено небольшое количество проблем. Важнейшей из них является отстранение социальной ответственности бизнеса. Усиление демографических проблем стимулируется высоким уровнем коммерциализации социальных институтов. Их состояние – это объективный показатель достижений общественного развития. Успех регулирования демографических процессов находится в прямой зависимости от использования мультидисциплинарного подхода, а также радикального изменения принципов материального обеспечения работающих, формирования новой методологии социальной статистики, развития интегральных связей между образованием, здравоохранением, производством и органами управления.

Список литературы и Интернет-источники

1. Аурелио Печчеи. Человеческие качества: Монография. – Москва: Прогресс, 1980. – 302 с.
2. Указ Президента Республики Беларусь от 11.08.2011 N 357 "Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы" URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic00/text670.htm> (дата обращения: 11 октября 2016 г.)
3. Государственная программа "Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь" на 2016 – 2020 год. Постановление Совета Министров

Республики Беларусь 14.03.2016 № 200 URL: http://www.newsby.org/documents/20160330/npp20160330_102.pdf (дата обращения: 12 октября 2016 г.)

4. Постановление Министерства образования Республики Беларусь 24 апреля 2013 г. № 22 «О типовых штатах и нормативах численности работников отдельных учреждений общего среднего и специального образования». URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?> (дата обращения: 17 октября 2016 г.)

5. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 03.12.2012 № 185 «Об утверждении примерных штатных нормативов медицинских и других работников поликлиник и детских поликлиник. URL: <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num02/d02672.html> (дата обращения: 15 октября 2016 г.)

6. Техническая инспекция труда ФПБ Федерация профсоюзов Республики Беларусь. URL <http://fpb.by/about/protection/> (дата обращения: 10 октября 2016 г.)

*Киселёва Наталья Ильинична,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Демографическое состояние является результатом трансформации общества, его основных социальных институтов и связей. Экономическое состояние определило дальнейший ход демографического развития страны. Ухудшение всех демографических показателей сменилось в 2009 году на более оптимистичный уровень, однако успехи роста численности скоро останутся позади. В условиях дефицита бюджета необходимо выработать новые инструменты, позволяющие активизировать демографическое поведение россиян, сохранить позитивные темпы рожdenия и продолжительности жизни.

Ключевые слова: демографическое развитие, демографический переход, демографическое состояние, семья, смертность, рождаемость, миграция, риски, репродуктивное здоровье, демографическая политика.

E-mail: silinat@yandex.ru

*Kiseleva Natalia I.
PhD (Sociology), Docent,
Docent of the Sociology Department,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

CHALLENGES AND POSSIBLE SOLUTIONS TO THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

The demographic situation is the result of the transformation of society and its basic social institutions and relations. Economic able to determine the future course of demographic development of the country. The deterioration of demographic indicators changed in the 2009 year on a more optimistic level, but the growth of the success soon be left behind. In the context of the budget deficit it is necessary to develop new tools, that enhance the demographic behavior of Russians maintain a positive birth rates and life expectancy.

Keywords: demographic development, demographic transition, demographic situation, family, mortality, fertility, migration, risks, reproductive health, population policy.

E-mail: silinat@yandex.ru

Дефиниция «демографическое развитие» воспринимается позитивно, так как ассоциируется с ростом, движением, однако, это понятие более сложное, содержащее и позитивные и негативные процессы движения населения. Вся история демографического развития полна драматических и оптимистических изменений численности и состава населения, которое соответствует циклам технологического [4], социального и цивилизационного развития [10]. Поэтому задача науки заключается в объяснении степени рисков и угроз демографического развития в тот или иной период времени.

Демографические изменения начавшиеся в конце 1960-х гг. в странах Западной Европы, в конце 1980-х гг. в России и в 1990-е гг. в США оцениваются как негативные и характеризуются как «демографический кризис» [2, С.71–73]. Следует отметить, что несмотря на множественность демографических кризисов, истинный кризис современной России зародился в начале 90-х годов XX в. и сопровождается исключительно негативными изменениями.

Заложенные демографические изменения отражены в концепции второго демографического перехода [1, С. 90-91], где буржуазная семья переходит в индивидуалистическую, с новыми репродуктивными ценностями, иными семейными установками и традициями в демографическом поведении. Демографическими показателями этого перехода являются: увеличение возраста вступления в брак, распространение отказа от регистрации брака, рост числа нетрадиционных браков (в 20 государствах регистрируются однополые браки), рост среднего возраста материнства, уменьшение роли "вынужденных" браков, контроль рождаемости, сокращение числа аборт на фоне падения рождаемости, развитие движения чайлд-фри (child-free) за «свободу личности без детей». Поэтому когда триединство сексуального, матримониального и репродуктивного поведения уходит в прошлое, то демографические перспективы представляется плачевным вплоть до вымирания отдельных цивилизаций.

Неуклонное сокращение численности населения России с 1995 г. по 2009 гг. объясняется обвальным сокращением рождаемости. Так, число среднегодовых рождений было в 1,5 раза меньше, чем в 1980-е годы. Аналогичная динамика у суммарного коэффициента рождаемости, демонстрирующая отставание на 56% от простого воспроизводства: в 1990-1995 гг. – до 1,5, а в 1996-2000 гг. – до 1,2.

Одновременно с кризисом семьи, происходят существенные сдвиги в динамике смертности. Только за период 1992-2005 гг. в России умерло на 8 млн. человек больше, чем за те же 14 лет (1979-1992 гг.) (30,5 млн.: 22,2 млн.). Особенно тяжелыми были потери с 1992 по 2005 годы, когда страна ежегодно теряла до 800 тыс.чел. Высокий уровень смертности существенно повлиял на продолжительность жизни. История нашей страны помнит, более позитивные процессы, так через 15 лет после окончания Великой Отечественной войны продолжительность жизни поднялась до 69 лет и достигла европейских стандартов, но и существенно не изменилась вплоть до начала 90-х годов. Тем

временем в Европе, США и Азии наметился устойчивый тренд ежегодного роста продолжительности жизни почти до 80 лет, а к середине 1990-х гг. снизилась до 65 лет. Таким образом, процесс депопуляции обусловлен не только снижением рождаемости, но и ростом смертности в следствии ряда субъективных и объективных причин.

Существующие прогнозы изменения численности населения значительно отличаются друг от друга, по самым оптимистичным прогнозам к 2030 году численность россиян составит 151,99 (низкий прогноз: 141,9 чел.), в то время как Отдел народонаселения ООН [7] прогнозирует только 136,4 млн. чел., а Бюро цензов – не более 124,1 млн. чел. Однако для успешного демографического развития государства необходима целенаправленная система, направленная формирование демографического поведения в социально важном векторе в контексте цивилизационного развития.

Исторический опыт регулирования демографическими процессами показывает, что когда создается комплексная политика, когда государство ставит в качестве приоритета интересы семьи, детей и здоровья, то и демографическая ситуация начинает изменяться. Наступившая в начале XXI столетия стабилизация социально-экономической ситуации, позволила сформировать и активно реализовывать демографическую политику в России. Так первые результаты констатируют результативность «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [5]. Начиная с 2012 г. нет сокращения численности населения, а 2013 и 2014 гг. – ознаменовались годами естественного прироста населения. Однако эти успехи обусловлены не только политическими и экономическими инструментами. Существенную роль в число рождений внесло последнее поколение массовой рождаемости 1980-х годы.

Однако эта тенденция уже завершается, поэтому необходима новая сбалансированная демографическая политика. Тем более, что 2016-2025 гг. несут риски, способные существенно повлиять на демографическое развитие России. Во-первых, экономические и финансовое состояние страны не будет столь стабильным как в прошлые периоды, что не будет способствовать развитию дополнительных инструментов для поддержания семьи и активизации демографической политики. Во-вторых, демографическая волна принесет изменение численности и состава населения. Одно из них – это дефицит населения, в том числе женщин фертильного возраста [8, С. 414], и в ближайшие годы эволюция женщин фертильного возраста нашей страны приобретет новый облик. В-третьих, изменение возрастной структуры повлечет за собой дальнейшее старение популяции до конца третьего десятилетия и будет характеризоваться ростом смертности, что потребует дополнительных изысканий для снижения показателей смертности во всех группах, в т.ч. и в старших возрастах. В-четвертых, возрастает взаимозависимость между трудовой и демографической ситуацией. Поэтому, как подчеркивают отдельные экономисты нашей стране предстоит резкое сокращение предложения труда.

Так, если бы структура рабочей силы в 2012 г. осталась бы такой же, как и в 2008 г., то уровень безработицы в 2012 г. составил бы не 5,5%, а 6,2% [3, С. 82]. Приток низко квалифицированного персонала снижает средний уровень заработной платы, а полученные финансовые ресурсы вывозятся за пределы страны, при этом мигранты не включаются в активное потребление, то наступает ограничение роста трудовых ресурсов за счет миграции [9, С. 79-86]. В-пятых, эволюция демографической ситуации окажет влияние на геополитические возможности России, продолжится сокращение численности армии, силовых структур и др. структур, обеспечивающих безопасность страны. И, наконец, в-шестых, миграционная активность населения постсоветского пространства потребует поиска новых инструментов, так как Россия не для всех стран остается популярной.

В этих условиях, необходимо усовершенствовать демографические меры, разработать новые программы, направленные на рост рождаемости вторых и последующих детей, сокращение смертности, особенности среди мужчин трудоспособного возраста, рост продолжительности жизни, привлечение новых мигрантов и их рациональное использование, причем подобрать такие инструменты, которые впишутся в сокращающийся бюджет страны.

Ключевым показателем, обеспечивающим рост и замещение поколений является рождаемость. Именно динамика этого процесса позитивно влияет на возрастную структуру населения, закладывает долгосрочные перспективы роста численности населения. Поэтому ключевым показателем, на который брошены силы демографов, социологов, экономистов, юристов – это увеличение числа суммарных рождений на женщину. Мировой анализ демографической политики роста рождаемости прошлого века знает не много примеров (Франция), когда этот процесс стабилизировался на длительное время, тогда наступал стабильный рост численности населения. Ключевой проблемой стимулирования рождаемости (Германия, Чехия, Великобритания) был лозунг – дети нужны государству, как только Ш. де Голь сменил его на «дети нужны семье», сформировался культ французской семьи. Именно отказ от «планирования семьи», ценность семьи, брака, детей, формирование потребности в семейном благополучии обеспечивали активизацию репродуктивного поведения.

Реализация этого инструмента возможна только с использованием PR-кампаний и должна включать в себя следующие аспекты: 1) демонстрация семей, успешно совмещающих семью и карьеру; 2) преодоление трудностей в семейной жизни, проблем с детьми; 3) презентация организаций, помогающих семьям; 4) акции по привилегиям для семьи.

По оценкам социологов, ключевой причиной российской малодетности является не только социально-психологические, но и экономические. Важно иметь механизм позволяющий женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, иметь возможность переобучаться, быть фрилансером. В тоже время состояние репродуктивного здоровья молодежи продолжает снижаться.

По результатам исследования Лебедева В.В. [6, С.1-2.] эта же проблема характера и для мужчин. До 20% юношей нуждаются во врачебном наблюдении, а в старших возрастах до 40-50% случаев. Ежегодно желающих пройти высокотехнологические процедуры растёт, по данным Министерства здравоохранения если ввести массовое ЭКО, то ежегодно могут родиться до 150 тыс. детей.

Снижение демографической нагрузки возможно по двум направлениям: интенсификация труда (повышение производительности труда) за счет новых высокопроизводительных рабочих мест, внедрения технологий, улучшения организации производственных процессов и активной социализации пожилого населения. Активное долголетие – это не просто призыв, это целенаправленная система, направленная на осознанное самосохранительное поведение. Однако рост продолжительности жизни приведет к увеличению граждан, испытывающих трудности с решением медицинских, социальных и психологических проблем. В этих условиях необходимо дальнейшее совершенствование медицинской помощи, проведения структурных преобразований, увеличение объемов и доступности медицинской помощи. Если старость должна быть осознанной формой жизни, то и здоровье должно быть на ответственности работающих и работодателя. Поэтому возможно повышение ответственности работодателей за состояние здоровья работающих граждан, в частности людей пожилого возраста.

Задача миграционной политики также может быть упрощена до трех направлений: возврат уехавших, равномерное расселение населения и привлечение высококвалифицированных специалистов-мигрантов. Эти и другие инструменты не будут функционировать без целенаправленной исследовательской работы, организации мониторинговых исследований, актуализации регистрации демографического поведения, уточнения методологии исследования демографических процессов.

Список литературы и Интернет-источники

1. Ван де Каа Д. О международной миграции и концепции второго демографического перехода / Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: МАКС-Пресс, 2002. – Вып. 10. – 416 с.
2. Ионцев В. Демографическое развитие стран Евразийского экономического союза: реалии и перспективы населения // Проблемы демографического развития государств Таможенного союза и стратегические подходы к дальнейшему наращиванию демографического потенциала. Материалы Международной научно-практической конференции 13-14 октября 2015 года. – Экон-Информ Москва, 2015. – С. 71–73.
3. Капелюшников Р., Ощепков А. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. – 2014. – № 7. – С. 66-92.
4. Капица С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. – М.: «Альпина Нон-фикшн», 2010. – 192 с.

5. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт]. [2007] / URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptsiya/konceptsiya25.html> (дата обращения: 17.10.2016).

6. Лебедев В. В. Нарушения мужского репродуктивного здоровья и пути их профилактики (медико-социальное исследование): автореферат дисс... канд. мед. наук. – М., 2012. – 26 с.

7. Отдел народонаселения ООН UN Population Division World Population Prospects The 2010 Revision: <http://www.unpopulation.org/> (дата обращения: 12.10.2016).

8. Тузов Д.А. Математико-статистическое прогнозирование показателей численности и состава женщин репродуктивного возраста// Экономические науки. – 2010. – №1(62). – С. 413-418.

9. Хрусталева Е.Ю., Славянов А.С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 1. – С. 79-86.

10. Яковец Ю.В., Кузык Б.Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том 6. Перспективы становления интегральной цивилизации. – М.: ИНЭС, 2010. – 576 с.

*Лапшов Валерий Александрович,
доктор социологических наук, профессор,
профессор Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проводится социологический анализ особенностей демографического развития России в начале XXI в. Российское общество оказалась в условиях демографического кризиса. Идет стабильное сокращение численности населения из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемости (естественная убыль населения). Автор анализирует реализацию общественных усилий по выполнению Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, а также обосновывает необходимость ее социологического сопровождения.

Ключевые слова: демографическое развитие, демографический кризис, естественная убыль населения, ожидаемая продолжительность жизни, воспроизводство населения, демографическое старение населения, миграционный прирост населения

E-mail: VLapshov@fa.ru

*Lapshov Valery A.,
doctor of social sciences, Professor,
professor of the sociology Department,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

FEATURES OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY: THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article presents the sociological analysis of the demographic characteristics of the development of Russia at the beginning of the XXI century. Russian society was in a demographic crisis. There is a steady population decline due to excess mortality over the birth rate (natural population decline). The author analyzes the implementation of public efforts to implement the Russian Federation Demographic Policy Concept for the period until 2025, as well as the rationale for its sociological support.

Keywords: demographic development, demographic crisis, the natural decline in the population, life expectancy, population reproduction, population aging, migration of population growth

E-mail: VLapshov@fa.ru

Социологический анализ показывает, что в российском обществе происходило немало социально-экономических кризисов, вызванных различными причинами, которые приводили к снижению демографического развития страны в целом, а также в ряде ее регионах. Обеспокоенный отдельными проявлениями таких кризисов в середине XVIII в., М.В. Ломоносов в трактате «О сохранении и размножении российского народа» писал, что в численности населения состоит «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [3, С. 131]. В недалеком прошлом руководство нашей страны предпринимало ряд мер по оптимизации демографического развития российского государства. Но в начале XXI в. российское общество напрямую столкнулось с демографической проблемой выживания нации.

Россия оказалась в условиях особой демографической ситуации, для обозначения которой наиболее полно подходит термин демографический кризис – это сокращение численности населения, обусловленное прежде всего его естественной убылью, то есть процессом депопуляции, и его качественные негативные изменения (духовные, психологические и психические) [1, С. 341].

Суть данного кризиса в России заключается в следующем: идет стабильное сокращение численности населения из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемости (естественная убыль населения); ожидаемая продолжительность жизни в Российской Федерации составляет в среднем 66,7 года, в том числе мужчин – 60,6 года, женщин – 73,1 года; основной причиной низкой продолжительности жизни населения является высокая смертность граждан трудоспособного возраста; показатель младенческой смертности примерно в 2 раза выше, чем в развитых европейских странах, Канаде и США; уровень смертности обусловлен также высоким уровнем заболеваемости населения, распространенностью алкоголизма, наркомании, табакокурения; уровень рождаемости недостаточен для обеспечения воспроизводства населения; низкий уровень рождаемости ведет к демографическому старению населения.

Наряду с общими демографическими тенденциями, характерными для Российской Федерации в целом, имеются значительные различия между регионами. В ряде субъектов Российской Федерации демографическая ситуация требует незамедлительного реагирования. За последние 15 лет более чем на 15% сократилась численность населения в Республике Коми, Камчатском крае, Архангельской, Магаданской, Мурманской и Сахалинской областях. На 10-15% сократилась численность населения в Республике Карелия, Республи-

ке Мордовия и Республике Саха (Якутия), Приморском и Хабаровском краях, Амурской, Владимирской, Ивановской, Кировской, Костромской, Курганской, Курской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Читинской областях [6].

С 1992 года в России началось стабильное сокращение численности населения из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемости (естественная убыль населения) [7].

В целях изменения сложившейся ситуации и консолидации усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, организаций и граждан Российской Федерации по обеспечению условий для устойчивого демографического развития страны Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Концепция). Ее реализация была направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране.

Реализация Концепции проводилась в три этапа. На первом этапе Федеральным законом от 29 декабря 2006 года 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» с 1 января 2007 года были введены дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми в виде материнского (семейного) капитала для женщин, родивших второго и последующих детей. Размер материнского капитала индексируется: в 2009 г. он составил 312 тыс. руб., в 2010 г. – 343,4 тыс. руб. Первоначально предполагалось, что первые семьи смогут им воспользоваться не ранее 1 января 2010 года. Однако в качестве антикризисных мер по двум временным направлениям выплаты из средств материнского капитала начались с 2009 года – на погашение жилищных кредитов и единовременную выплату наличными 12 тыс. рублей.

Указом Президента РФ от 13.05.2008 г. № 775 был учрежден орден «Родительская слава», которым награждаются родители и усыновители, достойно воспитавшие своих детей, обеспечивающие надлежащий уровень заботы о здоровье, образовании, физическом, духовном и нравственном развитии детей. Указом Президента РФ от 01.09.2009 № 986 была учреждена должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка.

Итоги 2009 года свидетельствуют о том, что в результате проведенных мероприятий продолжились и укрепились позитивные демографические тенденции. Общий коэффициент рождаемости за 2009 г. повысился и составил 12,4 (в 2008 г. – 12,1), а смертности снизился до 14,2 (в 2008 г. – 14,6). Выросла ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в 2008 г. – 67,9 лет). Численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2010 года составила 141,9 млн. человек (включая мигрантов). Естественная

убыль населения в 2009 г. уменьшилась по сравнению с 2008 годом на 112,7 тыс. человек. Увеличившийся миграционный прирост полностью компенсировал численные потери населения и превысил их на 9,8%.

Однако демографические показатели Российской Федерации по сравнению с развитыми странами продолжали оставаться низкими. Прежде всего это касается материнской и младенческой смертности, ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Сохраняется высокая смертность мужчин в трудоспособном возрасте. Смертность населения в России по-прежнему превышает рождаемость – в 2009 году родилось 1764,2 тыс. человек, умерло – 2013,6 тыс. человек. Убыль населения наблюдается в Центральном, Приволжском, Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах. В целом, естественная убыль населения в России за 1993-2010 гг. составила свыше 13 млн человек (достигая в отдельные годы 800-900 тыс. человек ежегодно). В общем по стране превышение умерших над родившимися в 2005 г. составило 1,6 раза, причем в 23 субъектах Российской Федерации этот показатель составлял 2,0-2,8 раза.

Естественный прирост населения в 2005 г. был зафиксирован только в 16 небольших по численности субъектах России. В сравнении с группой депопуляционных европейских стран (Австрия, Бельгия, Германия и др.), где естественная убыль составляет 0,1-0,7 человека на 1000 жителей, российские параметры естественной убыли населения оказываются в десятки раз больше (5,6 человек на 1000 жителей в 2005 г.).

В ходе реализации второго этапа Концепции удалось уменьшить остроту демографического кризиса. Так, за 2006-2010 гг. общий коэффициент рождаемости вырос на 22,5%, суммарный коэффициент рождаемости – на 23,3%; общий коэффициент смертности снизился почти на 12%; естественная убыль населения уменьшилась в 2,85 раза; коэффициент младенческой смертности уменьшился на 26,5%; ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на 2,38 года, в том числе мужчин – на 2,66 года, женщин – на 1,64 года.

По предварительной оценке Росстата, по состоянию на 1 января 2015 года в Российской Федерации проживает 146,3 млн человек. В 2014 году ожидаемая продолжительность жизни составила 70,93 года (в 2007 году – 67,61). Показатель рождаемости вырос на 0,8% к 2013 году и составил 13,3 на 1 тыс. человек населения, показатель смертности населения составил 13,1 на 1 тыс. человек населения. Естественный прирост населения составил 30,3 тыс. человек. В целях повышения рождаемости, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года №606, в 69 субъектах Российской Федерации нуждающимся семьям установлена ежемесячная денежная выплата в размере определённого в субъекте прожиточного минимума для детей, назначаемая в случае рождения после 31 декабря 2012 года третьего ребёнка или последующих детей до достижения ребёнком возраста трёх лет. Размер выплаты в среднем составляет 7–8 тыс. рублей в месяц [8].

Говоря об исполнении целей и задач второго этапа Концепции к 2016 году, можно отметить, что численность населения России превысила показатели на 3 млн человек. На 10 млн превышен неблагоприятный прогноз ООН. Отчасти это стало возможным вследствие вхождения Крыма в состав Российской Федерации, численность населения которого на 1 января 2015 года составила 2 млн 294 тысячи человек [5, С. 217]. Сегодня можно сказать о том, что впервые за более чем 20 лет в российском обществе три года подряд отмечается естественный прирост населения. Ожидаемая продолжительность жизни тоже выросла, сейчас это 71 год [9].

На третьем этапе реализации Концепции предусмотрены меры по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране. Данный этап разделён на два периода: 2016–2020 гг. и 2021–2025 гг. Это разделение обусловлено тем, что плановый горизонт государственных программ в настоящее время ограничен 2020 годом. На данном этапе реализации Концепции необходимо: снизить предотвратимые причины смертности; обеспечить комплексность, повысить доступность и эффективность медицинской помощи гражданам пожилого возраста, включая развитие гериатрической службы; обеспечить условия для защиты здоровья населения Российской Федерации от последствий потребления табака и алкоголя; реализовать комплекс мер по совершенствованию физкультурно-спортивной работы с населением; разработать дополнительные механизмы экономического стимулирования рождения вторых и последующих детей; осуществить поддержку молодых женщин и молодых семей в целях увеличения числа рождения в более раннем возрасте; повысить доступность жилья для семей с детьми; регулировать миграцию в соответствии с социально-экономическими потребностями Российской Федерации.

По итогам реализации мероприятий плана к 2020 году предполагается увеличение численности населения до 147,5 млн человек; увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 74 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до уровня 1,87; обеспечение миграционного прироста на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно [10].

Главный дополнительный резерв замещения предстоящей естественной убыли населения на третьем этапе – активизация “работы по привлечению на постоянное место жительства в РФ иммигрантов трудоспособного возраста”. Другими словами, если соотечественников будет не хватать, то в качестве дополнительного потенциала постоянной иммиграции начнут рассматривать всех иммигрантов или хотя бы всех иммигрантов с постсоветского пространства [4, С. 39].

Социологический анализ, проведенный автором, показал, что демографическое развитие России в начале XXI в. должно опираться не только на достигнутые результаты. Необходимо учитывать воздействие неблагоприятных факторов и негативных тенденций в российском обществе. А именно: разрыв ожидаемой продолжительности жизни у мужчин и женщин (11,2 го-

да); ухудшение репродуктивного и общего здоровья женщин; разрыв показателей смертности мужчин и женщин в трудоспособном возрасте (в 3,6 раза); темпы роста числа граждан, уезжающих из России, превышают темпы роста въезжающих в страну и др. Все это требует своего социологического исследования.

В качестве вывода можно отметить следующее. Любое социальное развитие без существенных изменений в области демографической политики мало что решает [2, С. 36]. Это является важным условием достижения эффективности и роста производительности труда (роста мотивации) на уровне всей экономической системы и ее конкретных субъектов (отдельных предприятий, компаний, фирм), а отсюда обеспечения высокой конкурентоспособности страны. Поэтому так важно иметь социологическое сопровождение развития демографической политики современной России.

Список литературы

1. Алешковский И.А. Демографический кризис как угроза национальной безопасности России // Куда движется век глобализации? / Под ред. А.Н. Чумакова, Л.Е. Гринина. – Волгоград: Учитель, 2014. – С. 332-350.

2. Лапшов В.А. Модель социального развития демографической политики современной России // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2015 года) / Отв. ред. – сост. чл.-корр. РАН Румянцев С.В. и д.социол.н. Письменная Е.Е. – М.: Экономическое образование, 2015. – С. 27-37.

3. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении русского народа // Избранные произведения. В 2-х т. – М.: Наука, 1986. Т. 2. История. Филология. Поэзия. – С. 130-144.

4. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Реализация Концепции демографической политики России в области постоянной миграции населения // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 34-41.

5. Тарент И.Г. Проблемы и задачи реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года на современном этапе // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – № 4. – С 217-219.

Интернет-источники

6. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptsiya/konceptsiya25.html/> (дата обращения: 10 октября 2016 г.)

7. Рекомендации парламентских слушаний на тему: Законодательное обеспечение реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (первые итоги и перспективы). Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4506/15085> (дата обращения: 10 октября 2016 г.)

8. Селекторное совещание под руководством Председателя Правительства Российской Федерации от 10 июня 2015 г. «О ходе реализации Концепции демо-

графической политики». Режим доступа: <http://government.ru/news/18449/> (дата обращения: 10 октября 2016 г.)

9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 10 октября 2016 г.)

10. Распоряжение Правительства России от 14 апреля 2016 г. №669-р. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71281980/> (дата обращения: 10 октября 2016 г.)

*Молчанова Екатерина Владимировна,
доктор экономических наук,
кандидат технических наук,
старший научный сотрудник
отдела «Моделирования и прогнозирования
регионального развития»,
Институт экономики Карельского научного центра
Российской академии наук,
г. Петрозаводск, Россия*

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается возможность внедрения социальных инноваций в практику регионального управления в области медико-демографической политики. Разработана информационная система социально-экономических и медико-демографических показателей на основе данных официальной статистики (база данных «Здоровье для всех») для северных Европейских стран и России. С помощью статистических методов выявлено влияние социально-экономических трансформаций на основные демографические показатели. Проанализирована возможность внедрения социальных инноваций, реализованных в Финляндии, в практику регионального управления.

Ключевые слова: демография, социальные инновации, здоровье, социально-экономические процессы, ожидаемая продолжительность жизни, медико-демографическая политика.

E-mail: molch@yandex.ru

*Molchanova Ekaterina V.,
Dr. (Sociology), PhD (Technology),
Senior researcher of the Department of
"Modeling and forecasting
of regional development",
Institute of Economics Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

THE IMPORTANCE OF SOCIAL INNOVATION IN THE IMPLEMENTATION DEMOGRAPHIC AND HEALTH POLICY

In article the possibility of implementation of social innovations in practice of regional government in the field of medico-population policy is considered. The information system of social and economic and medico-demographic indicators on the basis of data of

official statistics (database «Health for All») is developed for the northern European countries and Russia. By means of statistical methods influence of social and economic transformations on the main demographic indicators is revealed. The possibility of implementation of the social innovations realized in Finland in practice of regional government is analysed.

Keywords: demography, social innovation, health, socio-economic processes, life expectancy, health and demographic policy.

E-mail: molch@yandex.ru

По данным Росстата общая численность населения России на 1 января 2016 г. составила 146,5 млн чел. Несмотря на наметившиеся положительные тенденции (рост населения в России за 2015 г. – 0,14%), медико-демографическую ситуацию нельзя назвать благополучной. Россия по-прежнему отстает от развитых стран мира по уровню средней продолжительности жизни (занимает 110 место), но опережает по заболеваемости и смертности, особенно от предотвратимых причин, в том числе от травм, отравлений, несчастных случаев, самоубийств (табл. 1) [2].

Таблица 1.

**Продолжительность жизни в странах мира в 2015 году
(данные ВОЗ)**

Страна	Оба пола	Жен.	Муж.	Ранг	Гендерный разрыв
Страны с наибольшей продолжительностью жизни					
Япония	83,7	86,8	80,5	1	6,3
Швейцария	83,4	85,3	81,3	2	4,0
Сингапур	83,1	86,1	80,0	3	6,1
Австралия	82,8	84,8	80,9	4	3,9
Испания	82,8	85,5	80,1	5	5,4
Исландия	82,7	84,1	81,2	6	2,9
Италия	82,7	84,8	80,5	7	4,3
Израиль	82,5	84,3	80,6	8	3,7
Франция	82,4	85,4	79,4	9	6,0
Швеция	82,4	84	80,7	10	3,3
Положение России в рейтинге стран мира					
Россия	70,5	76,3	64,7	110	11,6

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (ОППЖ) – важнейший интегральный демографический показатель, характеризующий уровень смертности и качество жизни населения. Оценка качества человеческого потенциала, как ведущего фактора социально-экономического развития общества, требует комплексного подхода к анализу основных демографических индикаторов, которые напрямую связаны со здоровьем населения.

Многие исследователи пытались дать не только качественную, но и количественную характеристику силы влияния различных факторов на здоровье. В материалах ВОЗ указывается, что в совокупном влиянии на здоровье населения образу жизни отводится 50%, среде обитания – 20%, наследственности – 20%, качеству медико-санитарной помощи – 10% [2]. В свою очередь восточная медицина к факторам, составляющим здоровье, относит: образ мыслей (70%), образ жизни (20%), образ питания (10%). Попытаемся выявить и оценить взаимосвязь социально-экономических процессов с основными демографическими индикаторами. Для этого рассмотрим наиболее важные демографические и социально-экономические показатели для северных Европейских стран-лидеров и Российской Федерации [1].

Социально-экономические условия оказывают основное влияние на здоровье человека и включают множество разнообразных факторов, затрагивающих как развитие страны в целом, так и возможности каждого отдельного индивида. Для большинства населения мира состояние здоровья взаимосвязано с уровнем социально-экономического развития – валовым внутренним продуктом на душу населения, который в свою очередь свидетельствует о качестве питания, уровне образования, обеспеченности работой и жильем.

Важность экономического развития подтверждают данные рис. 1, на котором представлена взаимосвязь продолжительности жизни и ВВП, ППС\$ на душу населения в северных Европейских странах. Наблюдается строгая линейная зависимость, коэффициент детерминации для Швеции составил $R^2=0,959$, для Финляндии $R^2=0,96$, для Норвегии $R^2=0,97$. Для нашей страны подобной статистической закономерности установить не удастся, хотя в 1990-е годы Россия продемонстрировала очевидную взаимосвязь экономического развития и уровня жизни населения с показателями популяционного здоровья. Так, в 1992 г. ВВП в сопоставимых ценах снизился, примерно, на 15%, а реальные денежные доходы населения упали почти в 2 раза и на эту динамику немедленно отреагировал индикатор популяционного здоровья: за один только 1992 г. население потеряло целый год жизни, а к 1994 г. – еще 4 года.

Социально-экономическая нестабильность, утрата прежних ценностей, потеря работы, снижение уровня и качества жизни способствуют развитию стрессовых ситуаций (социально стресса), с которыми население России еще не научилось справляться. Такая ситуация провоцирует рост потребления алкогольных напитков. В соответствии со стратегией национальной безопасности РФ до 2012 года алкоголизм назван одной из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения. По данным рейтинга стран мира по уровню потребления алкоголя за 2014 год, Россия находится на 4 месте из 188 стран мира – 15,76 литра чистого этилового спирта на душу населения от 15 лет и старше. Впереди только Молдова (18,22 л), Чехия (16,45 л), Венгрия (16,27 л) [2].

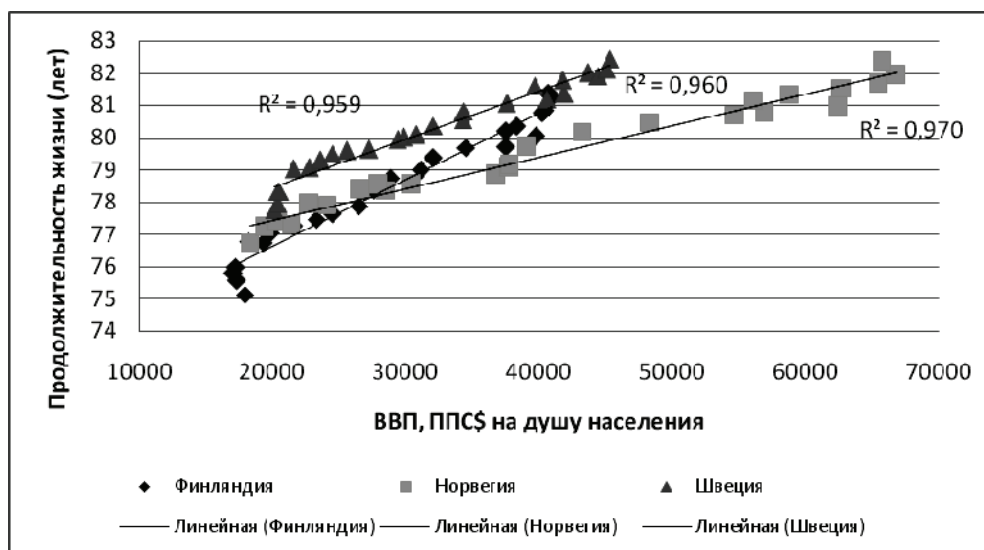

Рис. 1. Взаимосвязь продолжительности жизни и ВВП, ППС\$ на душу населения в северных Европейских странах

Для изменения неблагоприятных медико-демографических тенденций в России принята Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента Российской Федерации № 1351 от 9 октября 2007 года). Основными задачами, сформулированными в данном документе, являются увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения, и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране [3].

Однако несмотря на предпринимаемые усилия, Россия отстает от развитых Европейских стран по качеству человеческого потенциала и прежде всего состояния общественного здоровья, которое характеризуется низкой продолжительностью жизни, высокой заболеваемостью и смертностью. В связи с чем, возникает вполне закономерный вопрос, какие социально-экономические мероприятия, программы в области демографической политики и общественного здоровья позволили достичь наилучших результатов в зарубежных странах. Интересен в этом отношении опыт северных Европейских стран в области реализации социальных инноваций [4, 6].

Например, важное практическое значение имеет опыт реализации социальных инноваций в Финляндии. Можно выделить наиболее значимые финские социальные инновации в области общественного здоровья: проект по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний («Северная Карелия»), а также программа по снижению уровня суицидальной смертности [5, 6]. В начале 1970-х годов смертность от сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ) в Финляндии была самой высокой в мире, причем наиболее сложная ситуация наблюдалась в провинции Северная Карелия. Исследования неинфекционных заболеваний (НИЗ) установили, что ведущими причинами ССЗ являются факторы риска, относящиеся к образу жизни и привычкам (курение, высокое ар-

териальное давление, избыточная масса тела). В результате был сделан вывод о том, что реальные изменения в состоянии здоровья населения могут быть получены только с помощью профилактической работы. С момента запуска проекта «Северная Карелия», о его результатах говорят цифры. Показатель смертности от ССЗ снизился в этом регионе на 85%. А поскольку та же политика стала распространяться на всю страну, существенное снижение аналогичного индикатора наблюдается и в остальных регионах Финляндии.

Финляндия также стала первой страной в мире, разработавшей и внедрившей программу по предотвращению самоубийств в период с 1986 по 1996 гг. При составлении программы тщательно изучался каждый случай самоубийства, были составлены отчеты о причинах смерти в отношении 1397 человек. В рамках этих мероприятий были изучены и предотвращены самоубийства по всей Финляндии (уровень суицидов сократился на 40%). Программа является уникальной в масштабах всего мира, поскольку она давала рекомендации и оказывала помощь людям в сложной жизненной ситуации. В России подобная программа профилактики находится в стадии разработки, хотя специалисты не раз обращали внимание на необходимость ее создания, особенно в проблемных регионах.

Таким образом, разработка медико-демографической политики должна строиться на современной научной информации, касающейся социально-экономического развития регионов страны, индикаторов общественного и психического здоровья, эффективных способов лечения основных заболеваний, перспективных стратегиях профилактики.

Работа выполнена в рамках фундаментальных научных исследований по теме «Экономико-математическое моделирование и прогнозирование адаптации региональных социо-эколого-экономических систем к изменениям мировой экономики, федеральной политики и другим внешним шокам» (0224-2015-0002).

Список литературы и Интернет-источники

1. База данных «Здоровье для всех» (БД ЗДВ). – Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2013. Режим доступа: <http://data.euro.who.int/hfad/> (дата обращения: 20 августа 2016 г.).
2. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Режим доступа: <http://www.who.int> (дата обращения: 20 августа 2016 г.).
3. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента Российской Федерации № 1351 от 9 октября 2007 года.
4. Молчанова Е.В. Медико-демографические процессы как отражение социально-экономических условий жизни общества в России, Республике Карелия и Финляндии. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. – 163 с.
5. Пуска Пекка. Проект «Северная Карелия»: от Северной Карелии до проекта национального масштаба. – Хельсинки: Изд-во Университета Хельсинки, 2011. – 291 с.
6. Сто социальных инноваций Финляндии. Ladoga printing company. – СПб., 2015. – 341 с.

*Новиков Алексей Викторович,
доктор социологических наук, профессор,
профессор Департамента социологии,
заместитель руководителя
Департамента социологии по научной работе,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

КАЧЕСТВО ОКАЗЫВАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ РОССИЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Данная статья посвящена исследованию, выполненному в 2016 году по Государственному заказу Правительства Российской Федерации Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в рамках научно-исследовательской работы по теме «Исследование качества оказываемых медицинских услуг российскому населению в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения». Указанным исследованием выявлена и обоснована необходимость увеличения ежегодных государственных расходов на содержание и развитие российской системы здравоохранения до размера не менее 7% от ВВП с обеспечением доступности медицинской помощи населению и достаточности ресурсов в государственной системе здравоохранения для своевременного лечения и реабилитации больных.

Ключевые слова: качество жизни, экономический рост, новая нормальность, социальные преобразования, реформирование системы российского здравоохранения, качество оказания медицинских услуг, критерии оценки качества оказания медицинских услуг, объективные и субъективные показатели качества оказания медицинских услуг, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) российского населения, критерии оценки ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) российского населения, объективные и субъективные показатели ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) российского населения.

E-mail: noval2403@mail.ru

*Novikov Alexey V.,
Doctor of Social Sciences, Professor,
Professor of the Sociology Department,
Deputy head the Department
of sociology for research,
Financial University
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

THE QUALITY OF MEDICAL SERVICES OF THE RUSSIAN POPULATION IN CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATION AND HEALTH REFORM

This article focuses on the study completed in 2016, according to the State order of the Government of the Russian Federation Financial University under the Government of the Russian Federation in the framework of the research work on "study of the quality of medical services of the Russian population in conditions of social transformation and health reform". Specified research revealed and substantiated the necessity of increasing annual public expenditures on the maintenance and development of the Russian health care system to the amount of not less than 7% of the GDP of accessibility of medical care and the adequacy of resources in the public health system for early treatment and rehabilitation of patients.

Keywords: quality of life, economic growth, new normal, social transformation, reform of the system of Russian health care, the quality of medical services, evaluation criteria of quality of rendering of medical services, objective and subjective indicators of quality of medical services, life expectancy (LE) of the Russian population, evaluation criteria, life expectancy (LE) of the Russian population, objective and subjective indicators life expectancy (LE) of the Russian population.

E-mail: noval2403@mail.ru

«Полезнейшая роду человеческому есть медицина»
М. В. Ломоносов

«Если больной очень хочет жить, врачи бессильны»
Ф.И. Раневская

Окружающий нас мир динамично и принципиально изменяется и становится другим, причем эти изменения почти всегда носят качественный позитивно-негативный характер, касается ли это изменений в политике, экономике, науке или социальной сфере. Каждый из нас испытывает ощущение, что все само – собой неким волшебным образом не нормализуется, надо что-то делать, нельзя пассивно наблюдать за замедлением темпов экономического роста в стране, ростом безработицы, падением уровня жизни населения и т.д. Нельзя, прежде всего, разрешать себе думать, оправдывая безрезультативность принимаемых мер или бездеятельность, что все негативное, что происходит в нашей экономике и социальной сфере – это **нормально**, как у всех в мире, при этом уверяя и себя и окружающих, что ничего экстраординарного не происходит, можно и дальше «спать спокойно», ведь это же «new normal»¹ – новая нормальность! Этот неологизм странным образом «прижил-

¹ Неологизм «новая нормальность» (New Normal) официально впервые был использован в коммюнике лидеров G-20 на саммите в Питтсбурге в сентябре 2009 г., перед этим став популярным во время мирового финансового кризиса 2008–2009 годов. Его появление и распространение связывают с деятельностью руководителей крупнейшей в мире инве-

ся» в современной России, однако думая и поступая указанным образом, мы оказываемся в ловушке, ловушке «новой нормальности», потому что известно, когда у Вас звонит будильник, выключая его, не закрывайте глаза, ибо Вы уснете опять – это ловушка. В соответствии со статьей 41 Конституции Российской Федерации, каждый гражданин имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь.²

Замедление темпов экономического роста в нашей стране повлекло за собой снижение качества жизни российского населения, в том числе снижение качества оказываемых населению медицинских услуг, причиной чего в течение последних нескольких лет явилось бюджетное недофинансирование государственной системы здравоохранения, что повлекло за собой снижение общей доступности медицинской помощи населению и вызвало недостаточность ресурсов в государственной системе здравоохранения для своевременного лечения и реабилитации больных.

В 2016 году по Государственному заказу Правительства Российской Федерации Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации была выполнена научно-исследовательская работа на тему «Исследование качества оказываемых медицинских услуг российскому населению в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения». В качестве объекта данного исследования было выбрано российское население в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения, а предмет исследования составили установки и интересы российского населения, связанные с качеством оказываемых ему медицинских услуг и ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ) российских граждан в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения.

стиционной компании PIMCO (Public Investment Management Company, Калифорния, США). Генеральный директор этой компании М. Эль-Эриан на основе анализа макроэкономической ситуации и проводимой антикризисной политики выдвинул гипотезу о высокой вероятности наступления длительного периода медленного посткризисного роста, сопровождаемого массовой безработицей и падением благосостояния в индустриально развитых капиталистических государствах, если не будут предприняты масштабные структурные реформы, вероятность проведения которых, по его оценке, весьма мала. El-Erian M. Navigation the New Normal in Industrial Countries // Per Jacobsson Foundation Lecture. 2010. [Электронный ресурс] URL: www.imf.org (дата обращения: 14.10.2016).

² В целях обеспечения охраны здоровья населения правовыми средствами в Российской Федерации принят ряд законов, в том числе Федеральные законы от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016), от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (в ред. от 29.12.2014), от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (в ред. от 19.07.2014, с изменениями от 31.12.2014, от 17.09.1998 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (в ред. от 31.12.2014), от 30.03.1995 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (в ред. от 31.12.2014) и другим целям охраны здоровья населения служат многие нормы уголовного, гражданского, административного, трудового и иных отраслей права.

Известно, что увеличение и наращивание человеческого капитала является следствием экономического роста и повышения качества жизни людей, при этом оно недостижимо без повышения безопасности существования людей, повышения качества медицинских услуг и наличия системы социальных гарантий и компенсаций при нанесении ущерба жизни и здоровью людей³ [1]. По мнению директора ИСЭПН РАН профессора В.В. Локосова, «для модернизации современной России, нахождения эффективных ответов на внешние угрозы и внутренние риски во главу угла социально-экономической политики следует ставить развитие человеческого потенциала, который становится главной силой системной модернизации российского общества, обеспечения его экономико-технологической и идейно-информационной конкурентоспособности»⁴ [2].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [3]⁵ важнейшими направлениями обеспечения национальной безопасности являются повышение качества жизни и обеспечение здравоохранения российских граждан, которое гарантируется за счет обеспечения продовольственной безопасности, большей доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, современного образования и здравоохранения, спортивных сооружений, создания высокоэффективных рабочих мест, а также благоприятных условий для повышения социальной мобильности, качества труда, его достойной оплаты, поддержки социально значимой трудовой занятости, обеспечения доступности объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур для инвалидов и других маломобильных групп населения, достойного пенсионного обеспечения.

Исследования по теме вышеуказанной научно-исследовательской работы проведены на примере качества медицинских услуг, оказываемых российскому населению следующих российских городов: Астрахань, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Кемерово, Казань, Краснодар, Красноярск, Липецк, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Тольятти, Томск, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Челябинск, Ярославль (далее – вышеуказанные российские города).

Методология исследования основана на системно-информационном подходе, позволяющему осуществить междисциплинарный анализ взаимовлияния основных целевых установок жизнедеятельности и интересов российского населения (на примере населения российских городов), связанных с

³ Корчагин Ю.А. Широкое понятие человеческого капитала. – Воронеж: ЦИРЭ, 2009

⁴ Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие/ Под ред. проф. Локосова В.В. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. – 411 с. С.3

⁵ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

качеством оказываемых ему медицинских услуг и ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ) российских граждан в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения.

Для исследования качества медицинских услуг, оказываемых российскому населению вышеуказанных российских городов, составлена на основе выбранной системы критериев система из объективных и субъективных индикативных показателей, при этом объективные показатели выбраны по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по Российской Федерации в целом и по каждому российскому городу; выбор субъективных индикативных показателей обследуемой совокупности по заданным параметрам квот (не менее 600 респондентов в каждом городе) осуществлялся по данным социологических опросов населения названных выше российских городов, а также по опубликованным данным социологических исследований качества жизни, проводимых в данных городах, что гарантирует статистически значимые результаты исследования.

В процессе исследования выполнены следующие работы:

– усовершенствованы системы критериев и системы индикативных показателей для оценки качества медицинских услуг, оказываемых российскому населению, в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения на примере вышеуказанных российских городов;

– разработаны системы критериев и системы индикативных показателей для оценки ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) российского населения на примере вышеуказанных российских городов;

– усовершенствована авторская (2015г.) методика оценки качества оказываемых медицинских услуг российскому населению с использованием системных субъективных и объективных индикативных показателей качества жизни населения в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения на примере вышеуказанных российских городов;⁶

– разработана методика оценки и прогнозирования динамики ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) российского населения с учетом качества оказываемых медицинских услуг российскому населению с использованием системных субъективных и объективных индикативных показателей в современных условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения на примере вышеуказанных российских городов;

– выполнена оценка качества оказываемых медицинских услуг российскому населению, определены основные тенденции и причины, способствующие или препятствующие повышению качества медицинского обслуживания населения вышеуказанных российских городов на примере городов;

⁶ Разработана в рамках НИР «Исследование справедливого возмещения «стоимости жизни» в связи с гибелью человека в чрезвычайных ситуациях», выполненной по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в 2015 году.

– выполнена оценка ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) российского населения с прогнозом динамики ее изменения с учетом качества оказываемых медицинских услуг российскому населению в современных условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения на примере вышеуказанных российских городов;

– разработаны научно-практические рекомендации по улучшению качества оказываемых медицинских услуг и увеличению ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) российского населения в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения на примере вышеуказанных российских городов с учетом установленных по результатам исследования тенденций и причин, способствующих или препятствующих повышению качества медицинского обслуживания населения в современных условиях социально-экономического развития городского хозяйства.

В исследовании был выполнен анализ положений правовых актов, регламентирующих обеспечение качества медицинских услуг, а также анализ аспектов, влияющих на качественное оказание медицинских услуг, реабилитацию и ресоциализацию лиц, допускающих незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ и больных наркоманией.

Основным выводом по результатам проведенного исследования является то, что в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения, для повышения качества медицинских услуг, оказываемых российскому населению (объект исследования), необходимо в соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения и для выполнения цели, поставленной Правительству Российской Федерации Президентом Российской Федерации⁷ [4], – достичь к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) 74 года – увеличение ежегодных государственных расходов на содержание и развитие российской системы здравоохранения из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований в размере не менее 7% от ВВП, а также обеспечить доступность оказания медицинской помощи населению и достаточность ресурсов в государственной системе здравоохранения для своевременного лечения и реабилитации больных.

Список литературы

1. Корчагин Ю. А. Широкое понятие человеческого капитала. – Воронеж: ЦИРЭ, 2009.
2. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие/ Под ред. проф. Локосова В.В. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. – С. 3.
3. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации».

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»

*Пациорковский Валерий Валентинович,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения РАН,
г. Москва, Россия*

ПУТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДО 2025 ГОДА

Демографическое развитие предполагает движение к уровням естественного прироста, обеспечивающим воспроизводство населения. Достичь указанной цели можно двумя сопряженными между собой путями. А именно расширением числа первых рождений и увеличением числа многодетных семей. Демографическое развитие России в перспективе может быть обеспечено за счет увеличения среднего размера семей в городских округах страны, где сосредоточено большинство ее жителей. При этом в крупных и крупнейших городах это вполне реально сделать в основном за счет увеличения рождаемости первого ребенка, к которому действующие меры демографической политики пока еще не привели, а в малых и средних городских населенных пунктах – за счет сокращения смертности, показатели которой в настоящее время являются чрезмерно высокими и увеличения числа многодетных семей.

Ключевые слова: демографическое развитие, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, порог замещения поколений, суммарный коэффициент рождаемости, брак, семья, многодетность, структура населения по семьям и домохозяйствам.

E-mail: patsv41@gmail.com

*Patsiorkovskii Valery V.,
Dr. (Economic), Professor,
Senior Researcher,
Institute for Socio-Economic Studies
of Population Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT PATH 2025

Demographic development involves movement to the levels of natural growth, ensuring the reproduction of the population, To achieve this goal in two ways mating with each other. Namely, the extension of first births and an increase in the number of large families. Demographic development of Russia in the long term can be achieved by increasing the average size of families in urban districts of the country, where most of its inhabitants. In the cities and major towns it is quite possible to do mainly due to the increase of birth of the first child. In small and medium urban settlements – by reducing mortality figures which currently are excessively high and increasing number of families with many children.

Keywords: demographic development, population reproduction, fertility, mortality, natural growth, the threshold generation replacement, the total fertility rate, marriage, family, many children, structure of the population on families and households.

E-mail: patsv41@gmail.com

Меры демографической политики, реализовавшиеся в последние годы, дали положительные результаты. Основной из них – смена естественной убыли населения на едва заметный его рост. Вместе с тем для устойчивой стабилизации численности населения перед Россией стоит задача перейти от суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в 1,75 рождений на одну женщину (2014 г.) [1, С. 45] к уровню рождаемости, составляющему, как минимум, 2,08 рождений. Это требуется именно для стабилизации численности населения, а для его расширенного воспроизводства необходимо выйти за верхнюю границу порога замещения, составляющую 2,32 рождений.

Расчеты показывают, что в новых условиях воспроизводства для поддержания демографического развития городского населения численностью в миллион человек в сельской местности должно проживать около миллиона человек с СКР 2,6-2,9 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Такой режим воспроизводства сохранялся в сельской местности страны еще не так давно, а именно в 1988-1990 гг. И сегодня сельская местность проявляет большую отзывчивость в ответ на мероприятия, направленные на повышение рождаемости. К примеру, в 2008 г. СКР городского населения составил 1,37, а сельского – 1,91 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Тот же коэффициент в 2012 г. для городского населения составил 1,54, а для сельского – 2,22 ребенка. Наконец, в 2014 г. он составил, соответственно, 1,59 для городского населения и 2,32 для сельского населения.

Это значит, что в принципе многие муниципальные образования с преобладанием сельского населения в решении задач демографического развития уже вплотную подошли к порогу расширенного воспроизводства населения. Во отдельных сельских районах его ограничивают высокая смертность и большой отток населения. В плане же рождаемости дальнейшие цели здесь предполагают рост числа семей с тремя и более детьми. В рассматриваемый период многодетность в сельской местности имеет вполне определенные возможности получить более широкое распространение. Отсюда вполне корректно сделать вывод, что в решении проблем демографического развития ставка должна делаться, в том числе и на сельское население.

К сожалению, сейчас оно составляет около четверти населения страны. Поэтому увеличение численности сельского населения правильно рассматривать в качестве одной из важных мер демографической политики. Людей и семейные домохозяйства надо поощрять садиться на землю в полном смысле этого слова. Такое развитие событий может способствовать восстановлению нарушенного в эпоху индустриального общества равновесия в демографиче-

ском развитии. В этом плане требуется преодоление сопротивления региональных и местных властей как уже принятым решениям по выделению земли многодетным семьям, дальневосточному гектару, так и обсуждаемым предложениям по «деревянной» ипотеке, товарному кредиту и др.

В то же время совершенно ясно, что на перспективу решение проблем воспроизводства населения без учета положения дел в городской местности фактически невозможно. Рождаемость, как и смертность наиболее низкая в городских округах (ГО) с крупнейшими и крупными городами. Одновременно в эти две группы ГО идет и основной поток мигрантов. Немногим более высокая рождаемость, но весьма далекая от поставленных задач, и одновременно выше смертность в ГО, включающих в себя средние, малые города и ПГТ. В ГО с малыми городами и ПГТ наблюдается и миграционный отток населения, прежде всего молодежи, что сокращает базу их демографического развития в перспективе.

В ГО доминируют домохозяйства меньше среднего размера с количеством членов семьи до 2,6 человек. При этом только в одной группе ГО с населением центра от 100 до 250 тыс. человек размер домохозяйств приближается к их среднему размеру по стране в целом. Именно в этой группе ГО демографическое развитие можно считать наиболее сбалансированным, так как миграционный прирост практически полностью компенсирует естественную убыль населения, а после 2010 г. и перекрывает ее. Во всех остальных группах ГО наблюдается явный дисбаланс в динамике численности населения. В ГО с городами свыше 250 тыс. человек идет слишком интенсивный миграционный приток, а в ГО с населением менее 100 тыс. жителей – чрезмерно высокие показатели смертности, которая в малых городах и ПГТ сочетается с миграционным оттоком жителей.

Фактически это означает, что во всей городской местности домохозяйства испытывают большие напряжения с позиций увеличения размеров семей. Имеющиеся характеристики среднего размера домохозяйств характерны для неполных семей, а также брачных пар без детей и одиночек, ведущих самостоятельное хозяйство. Данные последних переписей населения (табл. 1) показывают, что и после принятия мер демографической политики 2000-х гг. тенденция роста таких ущербных с точки зрения демографического развития семей продолжается.

Хотя в целом эти меры улучшили сложную ситуацию с рождаемостью в стране (федеральный и региональный «материнский капитал», выделение семьям земельных участков для индивидуального жилищного строительства при рождении третьего ребенка и др.). Указанная тенденция сокращает базу демографического развития. О ней часто пишут в терминах эволюции семьи и изменения посемейной структуры [2, С. 91, 108]. Между тем здесь как бы просматриваются три самостоятельных явления. Во-первых, растет число одиночек (14 млн.) и их удельный вес (25,7%) в общем составе домохозяйств (2010 г.). Еще не так давно в составе домохозяйств их было менее 3%.

Во-вторых, сохраняется на очень высоком уровне (40,9%) удельный вес семей без детей. Вполне допустимо утверждать, что вряд ли все они не имеют детей по медицинским или возрастным показателям. На это обстоятельство необходимо обращать внимание, особенно в связи с распространением идеологии бездетности во многих странах мира, в том числе и в России. В-третьих, растет одновременно число (17 млн.) и удельный вес (69,5%) семей с одним ребенком. Это обстоятельство свидетельствует о том, что, с одной стороны, первого ребенка стали заводить несколько чаще, и это хорошо, а с другой стороны, о том, что блокируется широкий переход к рождению второго и последующих детей. Понятно, что это далеко не лучшее развитие событий. Вместе с тем, возможно, что два первых явления представляют собой естественный ресурс повышения рождаемости, прежде всего, путем расширения числа рождений первого ребенка.

Таблица 1.

Структура населения России по семьям и домохозяйствам по данным всероссийских переписей населения 1989-2010 гг.

	Всего домохозяйств	в т.ч.		Всего семей	из них		из семей с детьми		
		Единица измерения	семьи		без детей	с детьми	с 1-м ребенком	с 2-мя детьми	с 3-мя и более детьми
Перепись 2010 г.									
млн.	54,6	14	40,6	40,6	16,6	24	17	6	1
%	100	25,7	74,3	100	40,9	59,1	69,5	25,8	4,7
Перепись 2002 г.									
млн.	53	12	41	41	20	21	14	6	1
%	100	22,6	77,4	100	48,8	51,2	66,7	28,8	4,5
Перепись 1989 г.									
млн.	50	10	40	40	16	24	12	10	2
%	100	20,0	80,0	100	40,0	60,0	50,0	41,7	8,3

Источник: Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. – М.: Экон-Информ, 2015. – С. 316.

В крупных и крупнейших городах указанный ресурс сосредоточен, прежде всего, в системе высшего профессионального образования. В этих условиях для целей демографического развития необходимо, во-первых, поощрять ранние браки, во-вторых, поощрять появление первого ребенка в молодых семьях, в-третьих, уделить особое внимание вопросам семьи и брака в студенческой среде. В самом деле, трудно понять, почему можно работать и воспитывать детей, работать и учиться, но нельзя иметь ребенка и учиться. И это происходит в условиях, когда вузовская система все больше концентрирует в себе основную часть репродуктивного потенциала.

В пользу нашего предложения свидетельствует и тот факт, что в последние годы в вузы идут 70-80% выпускников средней школы. В частности, в 2014 году по данным Росстата в вузы поступило 78,3% выпускников средних общеобразовательных школ и средних профессиональных образовательных учреждений [3, С. 196, 206, 209]. В действительности это большая часть входящих в жизнь поколений. И ее влияние на рождаемость вряд ли можно заменить каким-либо другим образом.

У рассматриваемого вопроса есть и составляющая, связанная с демографическим развитием. И эта сторона дела пока еще обсуждается очень слабо. Реальность состоит в том, что высшая школа – это поздний брак и высокая вероятность его распада. В лучшем случае (для горожан в особенности) – это нуклеарная семья и малодетность. В пользу указанных выводов убедительно свидетельствуют данные последних трех переписей населения, приведенных выше в таблице 1. Поздние браки, малодетность и регулирование рождаемости ведут к деградации генофонда и нарушению этногенеза. Концентрируя в себе все большую часть репродуктивного потенциала, система высшего образования в рамках действующего законодательства не имеет каких-либо обязательств, связанных с воспроизводством человека. И напрасно. В условиях распространения коммерческого подхода к высшему образованию вполне корректно отдавать бюджетные места семейным парам с одним ребенком, шире создавать при вузах семейные общежития, детские дошкольные учреждения, кооперироваться с местными властями в предоставлении многодетным студенческим семьям социального жилища и др.

Вполне понятно, что появление первого ребенка связано со снижением уровня жизни молодой семьи. Но это обстоятельство надо учитывать в социально-экономической политике, а не рассматривать его как порок. Пороком должны считаться безбрачие, малодетность и тем более отказ иметь детей. Именно в этом случае индивид и семейная пара, окунаясь в потребительство, образ жизни «здесь и сейчас», порывают связь со своей природой и собственной миссией. В этом плане, правильно утверждать, что многодетность скорее всего обратно пропорциональна потребительству. Поэтому она встречается все реже в формируемом у нас обществе потребления. Справедливости ради следует отметить, что сегодня высшая школа не только морально и материально, но и в правовом плане не подготовлена к подобному развитию событий. В то же время сосредоточение репродуктивного потенциала в вузах крупнейших городов, равно как и необходимость решения задач демографического развития, на перспективу будут делать все более настоятельными предлагаемые или близкие к ним меры. Кроме того, важен факт, что ранний брак и семья – это взросление, повышенная ответственность и вовлечение в общественно полезный труд. А это именно то, что в настоящее время так требуется от молодых поколений.

В общем случае вполне возможно, что демографическое развитие России в перспективе может быть обеспечено за счет увеличения среднего раз-

мера семей в городских округах страны, где сосредоточено большинство ее жителей. При этом в крупных и крупнейших городах это вполне реально сделать в основном за счет увеличения рождаемости первого ребенка, а в малых и средних городских населенных пунктах – за счет сокращения смертности, показатели которой в настоящее время там являются чрезмерно высокими и увеличения числа многодетных семей.

Список литературы

1. Демографический Ежегодник. 2015. – М.: Росстат, 2015. – 263 с.
2. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. – М.: Экон-Информ, 2015. – 318 с.
3. Российский статистический ежегодник 2015. – М.: Росстат, 2015. – 728 с.

*Потанина Юлия Аркадьевна,
младший научный сотрудник
Центра по изучению проблем народонаселения
экономического факультета,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В РОССИИ: ПОКАЗАТЕЛИ И ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

(Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15-06-04731
«Социальные и экономические последствия возможных сценариев
демографического развития России
(на федеральном и региональном уровнях)»)

В статье рассматриваются традиционные и специальные показатели для оценки последствий демографического старения в регионах России, которые предлагается использовать для планирования работы муниципальных образований на среднесрочный и долгосрочный период. Анализируются проблемы воспроизводства пожилого населения, учитывающего взаимосвязь экономических и демографических процессов, которые в условиях бюджетных ограничений позволяют более эффективно оптимизировать социально-демографические программы на местах.

Ключевые слова: демографическая нагрузка, демографическое старение, механизмы социальной политики, пожилое население, социальная активность, социальная политика, управление процессами старения в муниципальных образованиях.

E-mail: yu_potanina@mail.ru

*Potanina Yulia A.,
researcher center
for population studies
faculty of economics,
Lomonosov Moscow state university,
Moscow, Russia*

THE CONSEQUENCES OF DEMOGRAPHIC AGING IN RUSSIA: INDICATORS AND TARGETS FOR SOCIOECONOMIC POLICY DEVELOPMENT

(The study is supported by RFBR grant No.15-06-04731
“Social and Economic Consequences of Possible Scenarios of Russia’s
Demographic Development (on the Federal and Regional Levels)”)

The article considers traditional and specific indicators designed to evaluate the consequences of the demographic aging in Russian regions which are suggested to use for mid- and long-term planning purposes by municipal authorities. The problems of aged

population reproduction are analyzed taking into consideration economic and demographic factors, which can contribute in the condition of budget restriction to effective optimization of local socio-demographic policy programs.

Keywords: demographic burden, demographic aging, aged population, public policy mechanisms, social activity, social policy, local management of aging processes.

E-mail: yu_potanina@mail.ru

В последние годы в России уделяется все больше внимания прогнозным оценкам последствий демографического старения населения на финансово-экономическое развитие страны. Обычно подчеркивается серьезный и долгосрочный результат последствий, акцентируется внимание на возможностях адаптации рыночной экономики к этой глобальной проблеме. В широком смысле, эти оценки укладываются в рамки направлений современных исследований влияния демографических процессов на экономическую составляющую в мире и включают в себя: разработку стратегий сдерживания старения; изучение влияния стабилизации численности населения в развивающихся государствах на демографическое старение в этих странах; изучение взаимосвязи между демографической ситуацией и экономической отсталостью; прогнозирование последствий демографического старения в развитых странах Европы в контексте международной миграции из стран третьего мира; развитие концепции «активной старости»; установление степени давления старения населения на экономические ресурсы.

О взаимообусловленности демографического старения и экономических процессов высказывались в разное время представители различных наук, придавая этим связям как первостепенное, так второстепенное значение в развитии общества, признавая как прямые, так и обратные, линейные и нелинейные аналитические зависимости структурных элементов данных явлений и доказывая как функциональную, так и вероятностную связь между ними. Сложность количественных характеристик данных взаимосвязей обусловлена тем, что между изменениями демографических и экономических переменных всегда лежит ряд опосредующих звеньев и зачастую трудно определить результат вследствие множественности параметров. При этом результаты социально-экономической политики и последствия демографического старения рассматриваются часто как параллельные процессы, для которых старение играет роль отрицательного фактора, влияющего на меры государства в сфере экономики и бизнес.

Широкий размах научных исследований социально-экономических аспектов постарения населения пришелся на послевоенный период. Традиционное обеспечение пожилых людей в развитых государствах, ориентированное на семью, стало постепенно изменяться в пользу независимости пенсионеров в рамках развития пенсионной системы. Для России, где семьи продолжают нести материальное и моральное бремя ответственности за своих пожилых членов, достижение этих целей является долгосрочной перспективой. В отли-

чие от развитых стран, модель экономики российского стареющего общества является более сложной, отражая характерные для регионов страны различия в экономическом развитии, качественном и профессиональном составе населения. Экстенсивные стратегии регионального развития, дифференциация социально-экономического развития регионов в советский период, остаточный принцип финансирования социальной сферы, также как и изменения в возрастной структуре, оказали противоречивое влияние на рождаемость, урбанизацию, депопуляцию в сельской местности и демографическое старение населения. Последовавший в начале 1990-х годов социально-экономический кризис способствовал падению объемов промышленного производства, значительному снижению инвестиций предприятий и организаций, прогрессирующей инфляции, распаду системы бесплатного здравоохранения, нарастанию бедности среди пожилых людей, снижению социально приемлемых стандартов их жизни, росту заболеваемости и самоубийств, алкоголизации, обострению криминальной обстановки. В переходной российской экономике зависимость от продажи природных ресурсов, низкие производительность труда и прямые инвестиции на внутреннем российском рынке привели к невозможности в ближайшем будущем далее совмещать экстенсивное экономическое развитие и дальнейший рост социальных расходов.

Оценка последствий старения должна быть основана на комплексном подходе к исследованию социально-экономических ресурсов развития государств и регионов и учитывать реальную ситуацию в этой сфере, но в то же время способствовать, а не тормозить развитие среды для инновационных разработок и инвестиций в стране.

Несмотря на то, что в России демографическое старение началось позднее, чем в большинстве европейских стран, оно представляет собой значительную проблему современности, требуя постоянного мониторинга и разработки новых демографических показателей анализа влияния демографических изменений возрастной структуры на рынок товаров и услуг при разработке программ социально-экономической политики. Согласно прогнозам, перспективная доля пожилого населения в России (мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше) варьируется, возрастая (в настоящее время – около 21%) до 23 – 38 % к 2050 году.

Описывая последствия старения населения в России, обычно прибегают к помощи традиционных показателей (доля пожилых людей в общей численности населения, демографическая нагрузка трудоспособной части населения), а также используют специальные параметры. Такие, например, как рассчитанный демографами Высшей школы экономики индекс «профессиональной несхожести», который показывает, что наибольшая конкуренция на рынке труда характерна для близких возрастов, а молодые люди в возрасте 20–24 лет и 60–64-летние скорее дополняют друг друга. При этом профессиональная возрастная структура у указанных возрастных групп пересекается для 65% процентов рабочих мест, что представляется значительным, даже если не учиты-

вать различия в уровне оплаты труда для молодежи в регионах и уровень региональной безработицы среди пожилых возрастов. Для российских реалий, по нашему мнению, данный индекс должен учитывать не только условия производства (предложения), спроса, но и распределения (социальный фактор), когда при отсутствии или ограниченности иных сфер приложения труда в регионах (например, вследствие резкого ухудшения экономической ситуации) предложение рабочих мест сокращается, и пенсия становится основным источником поддержания ресурсов семьи.

Фактор старения выступает одной из составляющих экономического и демографического воспроизводства регионов, означая в широком смысле, что пожилое население, обладая ресурсами и знаниями, представляет собой развивающийся экономико-демографический актив, который затрагивает демографическое воспроизводство, связанное не только с биологическим воспроизводством индивидов, но и с воспроизводством общественных и социальных отношений, морально-этических устоев, касающихся взаимоотношений и преемственности поколений трудоспособных и нетрудоспособных возрастов.

В этом смысле демографический фактор старения (отношение численности населения в трудоспособном возрасте к численности населения старше трудоспособного возраста), которым характеризуется половозрастная структура населения, является одной из базовых основ демовоспроизводственного потенциала муниципальных образований, зависящей от их географического и экономического положения, а также территориального разделения труда.

Для конкретных муниципальных образований традиционные и специфические показатели старения не только позволили бы решать социальные задачи (определять, сколько пожилых граждан нуждаются постоянной посторонней помощи и социальных услугах, патронаже, отслеживать изменение жизненных стандартов и состояние здоровья населения и т.д.), но и ставить более широкие задачи оптимизации воспроизводства населения в широком смысле. Для России, где экстенсивный фактор экономического развития играл значительную роль, пожилые люди могут оказаться на обочине жизни в условиях рыночной экономики. Речь идет о материальных и психологических трудностях, связанных с физической, социальной и правовой уязвимостью лиц в старших возрастах.

В годы социализма считалось, что через показатели естественного движения населения, государство может влиять на развития народного хозяйства (через изменение возрастной структуры населения, доли социально активного населения), в том числе на такие параметры, как национальный доход, уровень потребления и накопления, производительность труда и другие макроэкономические показатели. Демографическое старение, как часть процесса воспроизводства рабочей силы, начинает проявляться в условиях простого или суженного воспроизводства населения. В условиях экстенсивного экономического воспроизводства, текучести рабочей силы, связанной с низкой заработной платой, плохими условиями труда, бесперспективностью роста и повышения квалификации, характер и условия внутривозрастного движения кадров

(особенно в период кризисов), компенсируется трудом пожилых работников с менее высокими возрастной производительностью труда и душевым потреблением. Достижение экономического эффекта при изменениях показателей возрастной структуры и экономической активности при отсутствии конкурентоспособных производств и в результате экстенсивного производства в муниципальных образованиях требует большей заинтересованности властей на местах во внимательном отношении к рациональной будущей возрастной структуре и трудовым ресурсам. Например, показатель деления трудоспособного населения по возрасту в связи с определенным уровнем производительности труда (Е. Валкович), как параметр экономической эффективности образования, мог бы использоваться для разработки стратегий социально-экономической политики.

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым закрепить за муниципальными образованиями нормативную обязанность вести мониторинг последствий демографического старения по некоторым разработанным традиционным и специальным показателям. Для этого целесообразно:

1) определить круг правомочных экономико-демографических показателей, которые в силу полномочий и ответственности муниципальных властей и субъектов РФ, могут собираться ими для решения задач в области профилактики старения населения;

2) обеспечить правовые условия для ведения систематического мониторинга показателей старения на основе их публикации в федеральном информационном ресурсе;

3) обеспечить контроль полноты учета показателей;

4) установить критерии проверки оценок старения в зависимости от типов образований;

5) установить требования к качеству показателей старения с учетом экспертного анализа и международного опыта;

6) в зависимости от выполнения показателей установить гранты для образований на реализацию проектов, связанных с поддержкой пожилых людей, повышением занятости, улучшением положения семей.

Рязанцев Сергей Васильевич,
член-корреспондент РАН,
руководитель Центра социальной демографии
и экономической социологии,
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Письменная Елена Евгеньевна,
доктор социологических наук, доцент,
профессор Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Храмова Марина Николаевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра социальной демографии и
экономической социологии,
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗЕРВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 15-06-02854-а)

В статье рассматриваются методологические подходы к пониманию сущности понятия и основных компонентов социальных резервов демографического развития России: внешние причины смертности, эмиграция, семейные отношения. Авторами анализируются масштабы, динамика и методика их оценки.

Ключевые слова: демографическое развитие, социальные резервы, внешние причины смертности, эмиграция, семейные отношения, масштабы, динамика, методика оценки.

E-mail: riazan@mail.ru; nikitaR@list.ru

Ryazantsev Sergey V.,
Corresponding member of the RAS,
head of the Center for social demography and
economic sociology,
Institute of social-political researchers
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Pismennaya Elena E.,
Dr. (Sociology), Docent,
Professor of the Sociology Department,
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Chramova Marina N.,
Phd. (Physical and Mathematical),
Leading Researcher
Center for social demography and
economic sociology,
Institute of social-political reseacheres
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

SOCIAL PROVISIONS OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

(The study was financially supported by RFBR in the framework of a research project № 15-06-02854-a)

The article considers methodological approaches to understanding the essence of the concept and the basic components of the social provisions of the demographic development of Russia: external causes of death, emigration, family relationships. The authors analyzed the scope, dynamics and methods of evaluation.

Keywords: demographic development, social reserves, external causes of death rate, emigration, family relationships, scale, dynamics, assessment methodology.

E-mail: riazan@mail.ru; nikitaR@list.ru

Современная демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется снижением численности населения в трудоспособных возрастах; достаточно низким уровнем рождаемости, не обеспечивающим простое воспроизводство; более высоким уровнем смертности, нежели в европейских странах, особенно в трудоспособных возрастах. Несмотря на относительные успехи последних лет, говорить о выходе из демографического кризиса совершенно нельзя.

Абсолютное уменьшение численности населения РФ, а также негативные структурные изменения начали активно проявляться с конца 1980-х гг. под влиянием целого ряда неблагоприятных социально-экономических факторов. Многие российские регионы теряли население как вследствие превышения уровня смертности над уровнем рождаемости, так и вследствие миграционного оттока в другие регионы и за рубеж. За двадцать пять постсоветских лет Россия по уровню смертности, особенно вследствие внешних причин, например, травматизма, откатилась от развитых европейских стран к уровню

африканских стран, таких как Кения и Чад. Следствием нестабильной экономической ситуации стала также масштабная эмиграция из многих российских регионов в страны Европы, США и Канаду. Особую тревогу вызывает выезд за рубеж российских ученых, преподавателей, врачей, инженеров и других специалистов высокой квалификации. Замещающая миграция, преимущественно из стран СНГ, хоть и позволяет количественно компенсировать потери в численности населения, однако не восполняет качественный демографический потенциал населения российских регионов.

Долгое время важности демографического развития российских регионов на государственном уровне не уделялось достаточно внимания. Более или менее сбалансированная Концепция демографического развития РФ до 2025 г. была принята только в 2007 г. [Концепция демографической политики, 2007]. В число приоритетных задач демографической политики РФ на период до 2025 г. входят: сокращение уровня смертности не менее, чем в 1,6 раза, прежде всего от внешних причин в трудоспособных возрастах; укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений; привлечение мигрантов в целях устойчивого социально-экономического развития регионов.

В связи с этим весьма актуальной является задача выявления резервов демографического развития. Под *резервами* демографического развития мы понимаем возможные размеры сокращения демографических потерь и увеличения численности населения в условиях улучшения социально-экономического развития страны. Таким образом, важно выявить и количественно оценить влияние факторов, которые могут способствовать как увеличению численности, так и улучшению структуры населения российских регионов.

Можно выделить четыре основных компонента демографических резервов: 1) резервы, которые могут быть сформированы за счет уменьшения уровня смертности от внешних причин; 2) резервы, определяемые сокращением эмиграционного оттока населения; 3) резервы, которые определяются укреплением брачно-семейных отношений; 4) резервы, формируемые социальной инфраструктурой.

Динамика изменения каждого из компонентов резервов демографического развития определяется целым комплексом факторов. К числу таких факторов можно отнести показатели, характеризующие уровень жизни населения, образовательную структуру населения, развитие системы здравоохранения, уровень преступности, жилищные условия, напряжённость на рынке труда и т.д.

Одним из ключевых компонентов резервов демографического развития является снижение уровня смертности населения от внешних причин. В структуре смертности населения России внешние причины, в отличие от большинства развитых европейских стран, прочно удерживают третье место после болезней органов кровообращения и новообразований. При этом важно понимать, что смерти от внешних причин относятся к *предотвратимым*. Подавляющая доля

смертей от внешних причин фиксируется в *трудоспособных* возрастах. Следовательно, создание и реализация комплекса условий, направленных на снижение уровня смертности от внешних причин, может дать весьма ощутимый вклад в сбережение и увеличение человеческого потенциала населения России.

В настоящее время для классификации причин смерти применяется международная система МКБ-10, которая в России используется с 1999 г. Согласно этой классификации, внешние причины смертности принято относить к классам XIX «Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин» и XX «Внешние причины заболеваемости и смертности». При этом на долю только четырех причин – самоубийства, убийства, случайные отравления алкоголем и транспортные травмы всех видов – приходится около половины от общего числа умерших от внешних причин. Отметим также, что эти же четыре причины, вносят весомый вклад в инвалидизацию населения. Именно на анализе этих причин мы остановимся в настоящей работе более детально.

Динамика числа умерших от внешних причин с 2000 по 2015 гг. представлена в таблице 1. За полтора десятилетия демографические потери составили более 4 млн. человек, большая часть которых находилась в трудоспособных возрастах. С начала же 1990-х гг. от внешних причин погибло около 6 млн. россиян [Юмагузин, Винник, 2015].

Таблица 1.

Динамика смертности от внешних причин в России в 2000-2015 гг., человек

Годы	Число зарегистрированных умерших от всех внешних причин	В том числе от:					Доля первых четырех компонент в смертности от всех внешних причин
		Самоубийств	Случайных отравлений алкоголем	Транспортных травм всех видов	Убийств	Прочих причин	
1	2	3	4	5	6	7	8
2000	318716	56934	37214	39565	41090	143913	0,548
2001	331634	57284	41091	40722	42921	149616	0,549
2002	339296	55330	44698	41751	44252	153265	0,548
2003	335173	51749	45049	43425	41764	153186	0,543
2004	327123	49378	42715	41802	39256	153972	0,529
2005	315915	46063	40877	40165	35636	153174	0,515
2006	282785	42855	32982	38241	28844	139863	0,505
2007	259412	41329	25202	39138	25377	128366	0,505
2008	244463	38406	23947	35419	23738	122953	0,497

Окончание табл. 1.

1	2	3	4	5	6	7	8
2009	224576	37570	21337	30107	21371	114191	0,492
2010	216867	33480	19132	28558	18951	116746	0,462
2011	199358	31144	16288	29658	16795	105473	0,471
2012	193774	29735	15226	30203	15408	103202	0,467
2013	185353	28779	14549	29191	14427	98407	0,469
2014	186779	26606	15400	28829	12921	103023	0,448
2015	177590	25476	15242	24821	11984	100067	0,437
Итого	4138814	652118	450949	561595	434735	2039417	0,507

Источник: Единая межведомственная информационная справочная система (ЕМИСС); [Демографический ежегодник России, 2015].

Обращает на себя внимание тот факт, что в последние годы существенно выросла доля прочих причин в уровне смертности от внешних причин. Это обусловлено тем, что в официальной статистике смертности все больше случаев летальных исходов фиксируется «с неопределенными намерениями». Фактически можно говорить об искажении статистики. Поэтому сложно судить, действительно ли объективно уменьшилось число суицидов и отравлений алкоголем, или же эти причины «размываются» в категории «с неопределенными намерениями».

Начиная с 2005 г. на федеральном уровне фиксируется снижение числа умерших как от всех внешних причин, так и в разрезе отдельных компонентов. Это, безусловно, является позитивным фактом и следствием улучшения социально-экономической ситуации в России в целом. Значительно снизилось число самоубийств (более, чем в 1,5 раза), случайных отравлений алкоголем (более, чем в 2,5 раза), транспортных травм всех видов (в 1,5 раза), убийств (почти в три раза).

В то же время весьма существенная дифференциация смертности от внешних причин сохраняется в региональном разрезе, а также и в разрезе отдельных причин. Динамика долей смертности от некоторых отдельных причин в общей смертности от всех внешних причин представлены в таблице 2.

В структуре смертности от внешних причин доминирует смертность в результате совершения самоубийств. Пик приходится на 2009 г., что можно в определенной степени связать с негативными проявлениями мирового финансового кризиса. В последние три – четыре года на первое место в структуре смертности от внешних причин выходят транспортные травмы всех видов. С 2013 г. начал расти вклад случайных отравлений алкоголем в смертность от внешних причин. Позитивную динамику на снижение за рассматриваемый период времени показывает только доля убийств.

Таблица 2.

Доли смертности от отдельных причин в смертности от всех внешних причин в России в 2000-2015 гг.

Годы	От самоубийств	От случайных отравлений алкоголем	От транспортных травм всех видов	От убийств
2000	0,179	0,117	0,124	0,129
2001	0,173	0,124	0,123	0,129
2002	0,163	0,132	0,123	0,130
2003	0,154	0,134	0,130	0,125
2004	0,151	0,131	0,128	0,120
2005	0,146	0,129	0,127	0,113
2006	0,152	0,117	0,135	0,102
2007	0,159	0,097	0,151	0,098
2008	0,157	0,098	0,145	0,097
2009	0,167	0,095	0,134	0,095
2010	0,154	0,088	0,132	0,087
2011	0,156	0,082	0,149	0,084
2012	0,153	0,079	0,156	0,080
2013	0,155	0,078	0,157	0,078
2014	0,142	0,082	0,154	0,069
2015	0,143	0,086	0,140	0,067

Рассчитано по: [Демографический ежегодник России, 2015].

Выше уже было отмечено, что характерной особенностью смертности от внешних причин является то, что в группу риска попадает население в трудоспособных возрастах. Динамика среднего возраста смерти от внешних причин с 2006 по 2014 гг. представлена в таблице 3.

Таблица 3.

Динамика среднего возраста смерти от всех причин и внешних причин смертности в целом по РФ в 2006 – 2014 гг., лет

Годы	Все причины смерти		Класс XX «Внешние причины смерти»	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
2006	60,35	73,18	43,60	50,06
2007	61,36	73,84	43,81	50,21
2008	61,79	74,11	44,33	50,78
2009	62,72	74,61	44,92	51,55
2010	63,07	74,81	45,01	51,60
2011	64,01	75,51	45,45	52,14
2012	64,51	75,74	45,57	52,43
2013	65,06	76,17	45,76	52,98
2014	65,20	76,35	45,99	53,31

Источник: [Демографический ежегодник России, 2015].

Обращает на себя внимание колоссальная разница в возрастах смерти от всех причин и внешних причин: для мужчин различие составляет в разные годы от 17 до 20 лет, для женщин – в среднем 23 года (существенных изменений за последнее десятилетие не произошло). Для мужчин средний возраст смерти от внешних причин не достигает даже 50 лет. В последние годы определилась тенденция увеличения этого показателя, однако разница все равно остается весьма заметной. Существенная дифференциация наблюдается и по гендерному признаку. Средний возраст смерти от внешних причин для женщин на 6–7 лет превышает мужской. По всей видимости, это свидетельствует о том, что для женщин в большей степени характерно самосохранительное поведение. Отметим также, что для мужчин стандартизованные коэффициенты смертности в разрезе отдельных внешних причин в несколько раз (в последние годы примерно 3,4 раза) превышают соответствующие значения для женщин.

За период времени с 2006 по 2014 г. произошло существенное увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Изменения составили для мужчин 4,86 года (с 60,43 лет в 2006 г. до 65,29 лет к 2014 г.), для женщин за тот же период 3,13 года (с 73,34 до 76,47 лет). В то же время увеличение среднего возраста смерти от внешних причин для мужчин составило 2,39, а для женщин 3,25 лет. Таким образом, можно говорить о том, что для мужчин увеличение продолжительности жизни произошло в большей степени в силу иных факторов, а не благодаря снижению смертности от внешних причин. Для женщин же вклад снижения смертности от внешних причин оказался более существенным.

Обращает на себя внимание тот факт, что в России структура смертности от отдельных компонент внешних причин, в частности, в результате дорожно-транспортных происшествий, существенно отличается от европейской. В таблице 4 приведены данные о смертности по некоторым категориям дорожного движения в России и ряде европейских стран в 2012 г. Видно, что в России преобладает смертность среди пешеходов (33% от всех летальных исходов в ДТП), что может указывать как на определенную беспечность пешеходов (переход дороги в неразрешенном месте, на красный сигнал светофора, порой вместе с малолетними детьми), так и на нарушения со стороны водителей (превышение допустимой скорости, непропускание пешеходов на «зебре», езда в темное время суток с невключенными фарами, управление транспортным средством в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, банальная невнимательность и т.д.). Безусловно, немаловажную роль в удручающей статистике смертности в результате транспортных несчастных случаев играет неудовлетворительное качество дорог федерального и, тем более, регионального значения.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что в России, несмотря на достигнутые успехи последних лет, по-прежнему уровень смертности от внешних причин остается достаточно высоким. Прямые потери за 15 последних лет составили не менее 4 млн. человек. В группе риска – преимущественно мужское население в трудоспособных возрастах.

Таблица 4.

Сравнение смертности в дорожно-транспортных происшествиях по отдельным категориям дорожного движения в России и некоторых странах Европы в 2012 г.

Страна	Водители и пассажиры 4-х колесных легковых автомобилей и легковых транспортных средств, %	Пешеходы, %
Бельгия	54	11
Германия	51	13
Нидерланды	42	11
Россия	53	33
Финляндия	62	13
Франция	57	12
Швеция	59	12

Источник: [Доклад о состоянии безопасности..., 2013].

Переходя к анализу смертности от внешних причин на региональном уровне отметим, что в целом в большинстве регионов РФ прослеживаются те же тенденции, что и на федеральном уровне. Однако за рассматриваемый период времени можно выделить и ряд характерных особенностей. В таблице 5 представлена динамика уровня смертности от всех внешних причин в региональном разрезе.

Таблица 5.

Динамика уровня смертности от всех внешних причин в разрезе субъектов Российской Федерации, в расчете на 100000 населения региона¹

Годы	Среднее взвешенное значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
2006	209,57	71,74	34,22	399,84
2010	164,11	59,15	29,54	369,81
2013	134,85	45,44	24,86	279,00

Приведенные в таблице 5 значения свидетельствуют о том, что, с одной стороны, наметились определенные тенденции к снижению смертности от внешних причин практически во всех регионах РФ, с другой стороны – также происходит уменьшение межрегиональных различий, которое может указывать на определенную стабилизацию социально-демографических процессов в регионах РФ. С течением времени происходит как уменьшение размаха

¹ Рассчитано авторами на основании данных Единой Межведомственной Информационно-Справочной Системы. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43780>; <https://www.fedstat.ru/indicator/42932>; <https://www.fedstat.ru/indicator/30974>.

вариации уровня смертности от внешних причин, так и вариабельности значений относительно среднего. Последний факт может быть объяснен снижением дифференциации уровня жизни населения на региональном уровне.

В таблице 6 выделены регионы РФ, характеризующиеся аномально высокими уровнями смертности от внешних причин. Можно констатировать, что за исключением двух – трех регионов, состав группы наиболее неблагополучных регионов за рассматриваемые годы не изменился. Наиболее сложная ситуация сложилась в Республике Тыва, Забайкальском крае и Республике Алтай.

Таблица 6.

Регионы России с наиболее высокими значениями смертности от внешних причин

2006 год	2010 год	2013 год
Амурская область (1,44)	Амурская область (1,28)	Амурская область (1,74)
Забайкальский край (2,15)	Еврейская АО (1,38)	Еврейская АО (1,50)
Кемеровская область (1,30)	Забайкальский край (1,77)	Забайкальский край (1,60)
Новгородская область (1,17)	Кемеровская область (1,10)	Иркутская область (1,18)
Псковская область (1,10)	Псковская область (1,15)	Курганская область (1,17)
Республика Алтай (1,95)	Республика Алтай (1,73)	Республика Алтай (1,87)
Республика Бурятия (1,55)	Республика Бурятия (1,32)	Республика Бурятия (1,64)
Республика Марий Эл (1,26)	Республика Марий Эл (1,15)	Республика Марий Эл (1,32)
Республика Тыва (2,65)	Республика Тыва (3,48)	Республика Тыва (3,17)
Сахалинская область (1,39)	Сахалинская область (1,59)	Сахалинская область (1,61)
Тверская область (1,22)	Чукотский АО (3,02)	Чукотский АО (1,72)
Чукотский АО (1,13)		

Примечание: в скобках указано превышение уровня смертности от внешних причин над среднероссийскими показателями, выраженное в стандартных отклонениях.

Нами также были выделены четыре типа субъектов РФ по структуре внешних причин смертности, обусловленных девиантным поведением и маргинализацией населения [4]. В первую группу вошли территории с *преобладанием транспортных происшествий среди причин смертности* – Карачаево-Черкесская Республика (39,4%), Республика Северная Осетия (30,3%), Краснодарский край (25,4%), Ставропольский край (25,3%), Москва (24,2%), Калужская область (23,5%). Вторую группу образовали *регионы с преобладанием самоубийств* – Республика Удмуртия (28,2%), Алтайский край (25,3%), Республика Башкортостан (24,6%), Курганская область (22,9%), Ивановская область (21,7%), Кемеровская область (21,6%). Третий тип – *регионы с повышенной долей алкогольной смертности* – сюда вошли регионы, преимущественно входящие в состав Северо-Западного федерального округа. Четвертый тип – *регионы с повышенной долей убийств* в структуре внешних причин смерти – Республика Тыва (14,3%), Республика Саха (Якутия) (14,3%), Забайкальский край (13,4%), Еврейская АО (12,8%), Республика Бурятия (12,3%), Камчатский край (11,8%), Чукотский АО

(11,6%), Приморский край (11,5%), Республика Алтай (11,4%). Данная типологизация показывает не только региональную специфику внешних причин смертности, но и позволяет обозначить приоритетные направления программ снижения смертности для федеральных и региональных властей.

Традиционно в отечественной и зарубежной научной литературе об эмиграции из России анализировались только потоки эмигрантов на постоянное место жительства за рубеж. Главным образом, авторы исследовали процессы «утечки умов». Статистический учет эмиграции в России также был традиционно ориентирован на фиксацию потоков эмигрантов на постоянное место жительства. В то же самое время временные формы эмиграции, как правило, недооценивались. Однако, в 2000-2010 гг. эмиграционные потоки из России существенно увеличились. Кроме того, существенно расширилась социальная база временной эмиграции – в нее активно включились россияне из провинции, люди со средним уровнем образования, женщины, молодежь. Ключевыми формами временной эмиграции из России стали трудовая, коммерческая, религиозная миграция и туризм. Эти формы зачастую тесно переплетаются между собой и дополняют друг друга. Можно выделить несколько форм временной эмиграции из России, которые получили распространение в современных условиях. Основные трудности связаны с неэффективной системой статического учета временных форм миграции вообще в России, а также эмиграции в частности. Специфическими трудностями учета временных форм эмиграции из России является: 1) традиционная «привязка» учета эмиграции к системе регистрации (прописки), а именно к факту снятия с регистрационного учета только при выезде на постоянное место жительства за границу; 2) отсутствие координации между статистикой Министерства внутренних дел (регистрация по месту постоянного жительства и месту временного пребывания) и пограничной службы (факты пересечения границы); 3) отсутствие полной информации и эффективной системы учета российских граждан, проживающих и находящихся за пределами России; 4) отсутствие координации Федеральной службы государственной статистики с национальными статистическими службами других стран по численности российских граждан.

Временная трудовая эмиграция из России по официальным данным в последние годы составляла 60-70 тыс. человек. Недостатком данного массива информации является учет только тех трудовых мигрантов, которые трудоустроились через официальные каналы (фирмы, имеющие лицензию Федеральной миграционной службы на трудоустройство, а также непосредственно через Федеральную миграционную службу). В 2013 г. согласно данным ФМС около 58 тыс. российских граждан получили разрешение на работу за рубежом. Однако, исследования показывают, что многие российские граждане в настоящее время находят работу за рубежом, минуя официальные каналы, выезжая в различные страны по рабочим, деловым, туристическим и гостевым визам, напрямую выходя на работодателей и не попадают в данные Федеральной миграционной службы. Масштабы временной трудовой эмиграции из Рос-

сии на порядок выше – по нашим оценкам они составляют около 150-200 тыс. человек ежегодно. Большая часть российских временных трудовых эмигрантов направляется на работу в Америку и Европу. В последнее время все заметнее присутствие россиян на рынках труда в Азии, Австралии и Латинской Америке (это страны «новой трудовой эмиграции россиян»). Основными странами трудоустройства россиян являются Либерия, Кипр, США, Мальта, Нидерланды, Камбоджа, Германия, Панама, Багамские острова, Греция. Некоторые из государств являются странами с «дешевыми флагами», к которым приписаны морские суда, были или остаются офшорами, позволяют в упрощенном порядке приобретать недвижимость и вкладывать капитал, что привлекает россиян. Страны СНГ на фоне государств «старого» зарубежья пользуются гораздо меньшей популярностью у россиян, хотя трудовая миграция в них тоже присутствует в небольших объемах. Сопоставление зарубежных и отечественных данных по трудовой миграции россиян за границу свидетельствует о том, что миграция из страны была как минимум в 2 раза больше (по некоторым странам в отдельные годы еще больше).

В региональном отношении в трудовую эмиграцию в большей степени вовлечены жители приграничных регионов Российской Федерации. Расчеты показывают, что доля трудовых эмигрантов в занятом населении на региональном уровне максимальна именно в приграничных регионах: Приморской и Хабаровском краях, Краснодарском крае, Карелии, Калининградской и Ленинградской областях. Причем сложились устойчивые «миграционные коридоры»: жители регионов Дальнего Востока преимущественно ориентированы на работу в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии, Корее, Китае, Австралии, странах Юго-Восточной Азии); мигранты из регионов Северного Кавказа в основном выезжают в страны Ближнего Востока (Турцию, ОАЭ, Кипр, Израиль и пр.); жители северо-западных приграничных районов – в государства Скандинавии (Норвегию, Швецию, Финляндию); мигранты из Европейской части России стремятся на работу в Европу, США и Канаду.

В большинстве своем трудовые мигранты из России – мужчины. Чуть больше трети (35%) трудовых мигрантов – молодежь в возрасте от 16 до 29 лет. Четвертая часть (26%) – в возрасте от 40 до 49 лет. Пятая часть (21%) – от 30 до 39 лет [Рязанцев, Письменная, 2013]. Это свидетельствует о том, что на международном рынке труда востребованы молодые люди. Особенно заметен этот перекося у женщин – трудовых эмигрантов из России, большинство из которых относится к молодым возрастным группам. За рубежом наиболее востребованными являются россияне со средним специальным (профессиональным) образованием – это примерно 40–50% от всех выехавших по контрактам за рубеж. Российские работники за рубежом с высшим образованием составляют примерно треть миграционного потока. На международном рынке легче всего трудоустраиваются россияне, имеющие рабочие специальности – около половины трудового миграционного потока, в первую очередь связанные с судостроением и рыболовством. На них приходится приблизительно половина от

всех рабочих специальностей. Примерно четверть всех трудоустроенных по контрактам за рубежом – специалисты в технической сфере и области искусства и культуры. Шестая часть потока трудовых мигрантов – руководители. Анализ данных российской статистики показывает, что 64% мигрантов работали в транспортной отрасли до переезда из России, 65% трудовых эмигрантов сохранили свою специализацию и также работали в транспортной отрасли в принимающих странах. В большинстве своем, это моряки и технический персонал морских судов. Временная трудовая миграция также имеет тенденцию к переходу в постоянную миграцию – многие трудовые мигранты остаются на постоянное место жительства в принимающих странах.

Несмотря на ограничения статистики, нами были произведены расчеты прямых демографических потерь России в результате эмиграции (таблица 7).

Таблица 7.

**Динамика эмиграции из Российской Федерации за границу
в 1991-2015 гг., человек**

Годы	Выезд на постоянное место жительства	Выезд на временную работу	Общая эмиграция
1991	88281	Нет данных	88281
1992	102910	Нет данных	102910
1993	493119	Нет данных	493119
1994	345623	8083	353706
1995	347338	11176	358514
1996	291642	12290	303932
1997	232987	21121	254108
1998	213377	32507	245884
1999	214963	32717	247680
2000	145720	45760	191480
2001	121166	45759	166925
2002	106685	49265	155950
2003	94018	47637	141655
2004	79795	56290	136085
2005	69798	60926	130724
2006	54061	65747	119808
2007	47013	69866	116879
2008	39508	73130	112638
2009	32458	66285	98743
2010	33578	70236	103814
2011	36774	67549	104323
2012	122751	64370	187121
2013	186382	58093	244475
2014	308475	58093	308475
2015	353233	57138	410371
Итого	4161655	1074038	5235693

Источник: [Численность и миграция населения..., 2016]

Согласно нашим оценкам, численность эмигрантов на постоянное место жительства за период 1994-2014 гг. составила 3,1 млн. человек, в том числе женщины 1,1 млн. человек и 1,1 млн. молодых людей. Демографические потери в результате временной трудовой эмиграции в 1994-2013 гг. составили около 1 млн. человек, в том числе женщин – 130 тыс. человек и молодежи 303 тыс. человек. Общие демографические потери в результате эмиграции из России в 1994-2014 гг. (без учета трудовой эмиграции за 2014 год) составили 4,1 млн. человек, в том числе женщин 1,2 млн. и молодежь – 1,4 млн. человек.

Следующим компонентом демографического развития регионов РФ является фактор, который условно можно назвать «укрепление брачно-семейных отношений». Резкое изменение социально-экономических условий жизни в России, произошедшее в начале 1990-х гг., привело к существенным трансформациям в сфере брачно-семейных отношений. Большая доля разводов, в том числе в семьях с двумя и более детьми, фактически стала нормой. Отношение числа разводов к числу заключенных браков стало в определенные годы приближаться к единице. Существенную роль здесь сыграло резкое ухудшение материального положения подавляющей части семей, потеря работы одним или обоими супругами. В сельской местности, как правило, число разводов несколько выше, чем в крупных городах. Это может быть связано с тем, что один из супругов вынужден уезжать на заработки.

В начале – середине 1990-х гг. значительно выросла доля браков, в которых возраст невесты не превышал 18 лет. Часто это было обусловлено подростковыми беременностями. Фиксировалось достаточно много случаев, когда такие семьи распались в течение первого или последующих трех лет после рождения ребенка. Для новейшего периода характерно также увеличение длительности проживания в незарегистрированном браке, даже после рождения детей.

Претерпела качественные изменения также возрастная структура вступления в брак. На рисунках 1 и 2 представлено изменение числа заключенных браков по возрастам вступления в брак женихов и невест. С 1990 к 2015 г. значительно увеличился возраст вступления в брак как для мужчин, так и для женщин. Произошло смещение максимума числа заключенных браков из возрастной группы 18–24 года в группу 25–34 лет. Наиболее четко это прослеживается по возрастам женихов.

Все большая доля браков заключается в возрастной группе старше 35 лет (впрочем, здесь определенный вклад вносится вторыми и последующими браками). С одной стороны, более поздний возраст вступления в брак является следствием того, что все больше пар предпочитает не узаконивать свои отношения, и может расцениваться как негативная тенденция. С другой же стороны – это есть и позитивная тенденция, свидетельствующая об осознанном выборе, следовательно, в таких браках меньше вероятность развода.

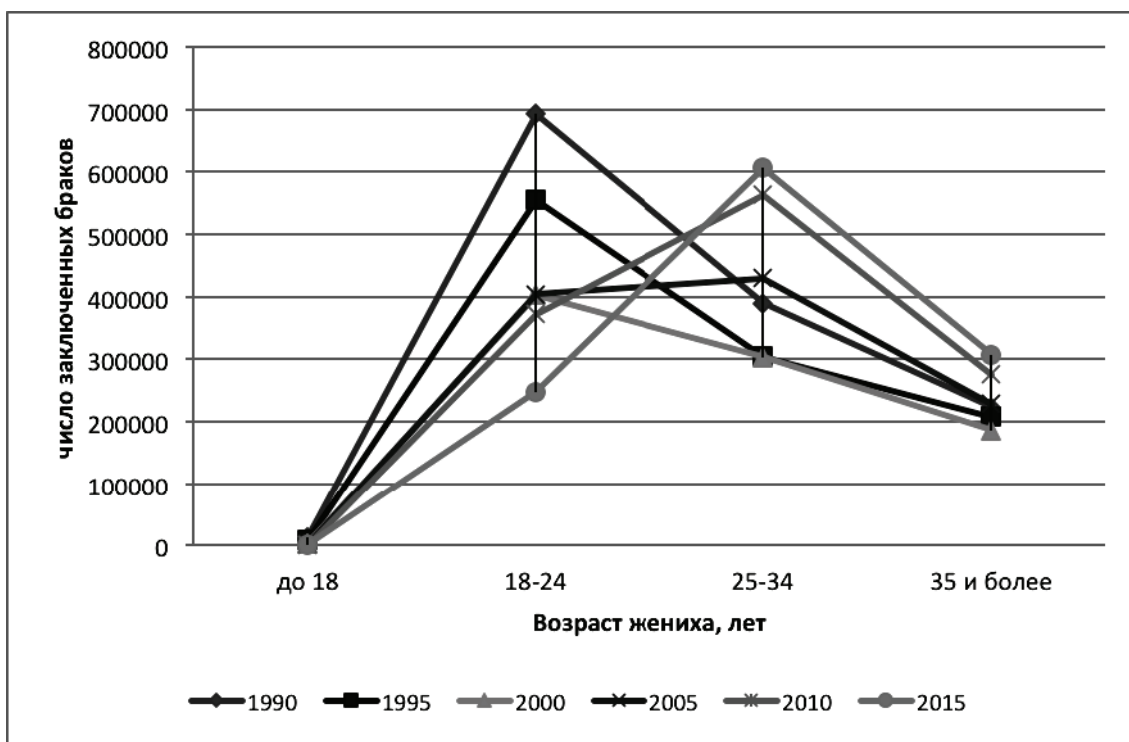

Рисунок 1. Распределение числа заключенных браков по возрасту жениха в 1990–2015 гг.

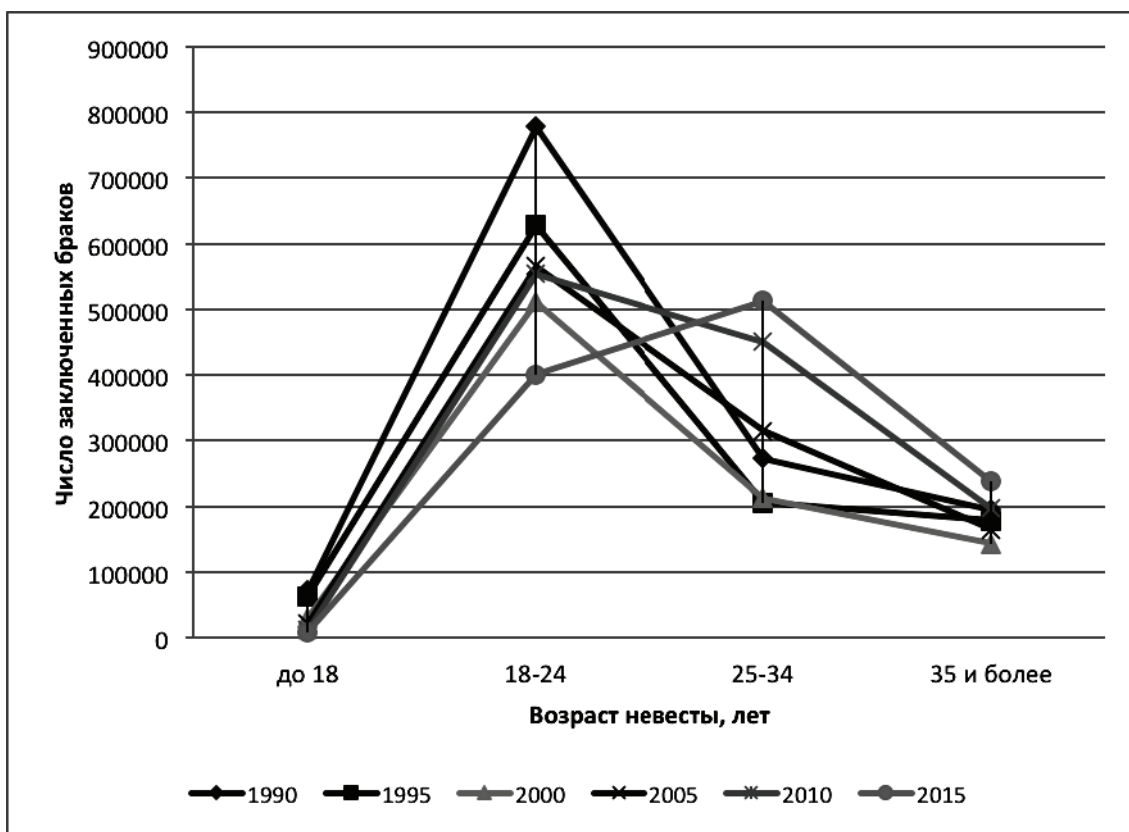

Рисунок 2. Распределение числа заключенных браков по возрасту невесты в 1990–2015 гг.

Возможные демографические потери в результате произошедших изменений в сфере семьи и брака можно отнести к косвенным. Оценить прямые потери, выраженные, например, в численности детей, которые могли бы родиться у нераспавшихся пар, здесь достаточно сложно. Однако, можно сформулировать ряд условий, при которых возможные косвенные потери были бы сведены к минимуму. К числу таких условий мы относим: 1) улучшение материального положения домохозяйств; 2) доступность различных схем покупки жилья и увеличение показателей обеспеченности жильем, причем не только многодетных семей (на что преимущественно делается упор в различных программах развития); 3) развитие целевых региональных программ, направленных на укрепление семьи, стимулирование усыновлений и пр.; 4) доступность медицинской помощи; 5) доступность различных ступеней образования.

Таким образом, в целях укрепления демографической безопасности в России созрели предпосылки для трансформации государственной демографической политики в *социально-демографическую* политику, которая могла бы более результативно подходить к изменению социально-экономических условий труда и жизни людей, способствовать снижению уровня смертности от внешних причин, сокращению эмиграционного оттока высококвалифицированных специалистов, укреплению брачно-семейных отношений.

Для достижения поставленных приоритетных задач демографической политики в первую очередь необходимо провести *систематизацию и обобщение регионального опыта реализации социально-демографической политики* в 2007-2015 гг. Многие субъекты РФ не только успешно реализовали меры федеральной социально-демографической политики, но и предложили специальные программы субсидирования жилищного строительства, поддержки семей с детьми, снижения бедности, укрепления физического здоровья, духовного развития и патриотического воспитания.

Как на федеральном, так и на региональном уровне должны проводиться *мероприятия, направленные на снижение зависимости населения от вредных привычек* (алкоголизм, наркомания, курение). Особые усилия здесь необходимо направить на профилактику девиационного поведения среди молодежи. Злоупотребление спиртными напитками может стать причиной наступления иных видов смертности: от ДТП, случайных падений, утоплений. Алкоголизм увеличивает риск смерти от других причин: болезней системы кровообращения, новообразований и т.д.

Залогом снижения смертности от внешних причин, равно как и сокращения эмиграционного оттока населения, является улучшение *качества жизни* населения, выражающееся в обеспечении достойного уровня заработной платы, получении качественной и своевременной медицинской помощи, возможности повышения уровня образования, обеспеченности жильем. К сожалению, сложная ситуация в российской экономике, обозначившаяся в 2014 г., ставит под вопрос выполнение большого числа социально ориентированных программ.

Список литературы и Интернет-источники

1. Демографический ежегодник России, 2015 г. Электронное издание. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 10 сентября 2016 г.)
2. Доклад о безопасности дорожного движения в мире. Всемирная организация здравоохранения, 2013. – 303 с.
3. Единая межведомственная информационная справочная система (ЕМИСС). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43780>; <https://www.fedstat.ru/indicator/42932>; <https://www.fedstat.ru/indicator/30974> (дата обращения: 28 августа 2016 г.)
4. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом № 1351 Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncersiya/koncersiya25.html> (дата обращения: 14 октября 2016 г.)
5. Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Письменная Е.Е., Томайлы А.Е. Социальные резервы демографического развития России: снижение рисков и потерь от алкогольно-девиационных процессов // В сб.: Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции "Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран" (Москва – Ставрополь, 13-18 октября 2015 года). Под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева. – М.: Изд-во «Экон-информ», – 2015. – С. 228-232.
6. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» мозгов» // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 24–35.
7. Численность и миграция населения Российской федерации в 2015 г. Статистический сборник. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: 20 октября 2016 г.)
8. Юмагузин В.В., Винник М.В. Смертность от внешних причин в России и странах ОЭСР: оценка преждевременных потерь и условия их снижения // Вестник Башкирского университета. Том 20. – 2015. – № 3. – С. 896 – 902.
9. Ryazantsev S. The modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in host Society // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. MCSER Publishing, Rome-Italy, Vol. 6, № 3. S4. May 2015.
10. Ryazantsev S. Russia Needs a New Migration Policy // Russian Politics and Law. 2013. Vol. 51. № 3, May-June.

Рязанцев Сергей Васильевич,
член-корреспондент РАН,
руководитель Центра социальной демографии
и экономической социологии,
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

(Исследование проведено при поддержке гранта
РГНФ № 16-33-00051_a1)

В статье рассматриваются ключевые проблемы российской миграционной политики. Предлагаются варианты развития внешней миграционной политики. Обобщается зарубежный опыт и анализируются предпосылки развития новой миграционной политики России. Автором предлагаются конкретные меры и пути оптимизации внешней миграционной политики России как потенциального ресурса ее демографического развития.

Ключевые слова: внешняя миграционная политика, потенциальный ресурс, демографическое развитие, Россия.

E-mail: riazan@mail.ru

Ryazantsev Sergey V.,
Corresponding member of the RAS,
head of the Center for social demography and
economic sociology,
Institute of social-political researchers
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

EXTERNAL IMMIGRATION POLICY AS A POTENTIAL RESOURCE RUSSIAN DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

(The study was conducted with support from RFH grant
number 16-33-00051_a1)

This article discusses the key problems of the Russian migration policy. It offers the option of external migration policy. We generalize foreign experience and analyze the preconditions for the development of a new migration policy of Russia. The author pro-

poses concrete measures and ways to optimize the foreign Russian migration policy as a potential resource of its demographic development.

Keywords: Vietnam, Russia, migration policy, students, experts, educational migration priorities, the development of Russian-Vietnamese relations, an opinion poll.

E-mail: riazan@mail.ru; nikitaR@list.ru

Российская миграционная политика на протяжении практически всей новейшей истории (после распада СССР) подвергается справедливой критике со стороны отечественных и зарубежных специалистов. По этому поводу написано колоссальное количество научных работ и экспертных заключений, которые говорят о том, что она крайне несовершенна и не соответствует современным демографическим и социально-экономическим реалиям, а также обозримым перспективам развития страны. В какой-то степени это и неудивительно, поскольку Россия совершила «исторический прыжок» из состояния «железного занавеса» с крайне ограниченными возможностями въезда иностранцев и выезда собственных граждан, в состояние диаметрально противоположное – она превратилась в государство в буквальном смысле с открытыми границами (безвизовый режим со странами СНГ, отсутствие пограничных пунктов на значительном протяжении протяжение российско-казахстанской границы и пр.).

Однако при таком кардинальном изменении общественной системы адекватной трансформации миграционной политики и институтов ее реализующих не произошло. В начале 1990-х гг. в России была создана миграционная служба, которая училась реагировать на масштабные потоки беженцев и вынужденных переселенцев, размещая и расселяя их по стране. Затем упор был сделан на регулирование трудовой миграции. Но в то же время, функции контроля над въездом и пребыванием иностранцев в стране сохраняются до сих пор за Министерством внутренних дел (милицией, теперь – полицией). Все исторические попытки выделения ФМС в самостоятельную структуру завершались ее возвращением в МВД. Последнее возвращение на «круги своя» произошло в июне 2016 г., когда ФМС из фактически самостоятельно структуры снова была преобразована в Управление по миграции в составе МВД со значительным сокращением кадрового потенциала. И самым главным недостатком подобной консервации в силовом поле является идеологически неправильная предпосылка рассмотрения миграции как потенциального риска для страны, а мигрантов – как потенциальных нарушителей правопорядка.

Интересно, что некоторое время после распада СССР (до середины 1990-х гг.) выезд российских граждан на постоянное место жительства за границу (эмиграция) также контролировался МВД и ФСБ. И только с середины 1990-х гг. правоохранительные органы и органы безопасности перестали давать разрешение государства на эмиграцию. Хотя его никто и не спрашивал уже несколько лет после распада СССР. Просто система работала по инерции. А на каком-то этапе, к счастью, у государства просто не хватило ре-

сурсов этот эмиграционный процесс контролировать. Кстати, миграционные власти США, Великобритании, Австралии и некоторых других стран в настоящее время практически не контролируют выезд иностранцев из своих стран (только в уведомительном порядке они собирают информацию от авиакомпаний о вылетевших пассажирах, а штампы в паспорта офицеры иммиграционных служб не ставят).

Последним незыблемым «оплотом» функции контроля за пребыванием иностранцев в России остается пресловутая и уникальная в мировом масштабе жесткая система регистрации (или иными словами «прописки»). Единственным эволюционным ее достижением можно считать разделение «прописки» на временную (по месту пребывания) и постоянную (по месту жительства) формы регистрации, а также отделение регистрационного учета от права собственности на жилье. Но и это не спасает ситуацию. Подавляющая часть иностранцев находится не там, где зарегистрирована, а регистрируется не там, где реально находится и живет. Собственно это же в равной степени касается и российских граждан. Но «непреступная крепость» регистрации сохраняется до сих пор. Государство продолжает играть «в кошки-мышки» с мигрантами (иностранцами) и собственным населением. Последняя мера – борьба с «резиновыми квартирами», в которой активно была задействована полиция. А по-сути своей – это борьба с «ветряными мельницами». Ведь регистрируясь по 5-10 человек в квартирах, люди просто обходят мешающий им жить закон: им нужна регистрация для решения каких-то бытовых или социальных вопросов, а также соблюдения правил пребывания. Так не проще ли отменить закон, который мешает людям жить? От того что регистрация будет отменена или сделана уведомительной (по месту работодателя – для трудовых мигрантов, по месту обучения – для студентов) – фактически ничего не поменяется. Люди останутся жить там, где они собственно живут сейчас. Просто государство, наконец-то, узнает где реально живут люди, где используют коммунальные и социальные услуги. То есть, государство добьется того, что чего оно хочет добиться наличием самой регистрации. Но только эти реальные сведения действительно могут помочь для регулирования хозяйства и социальной сферы, в отличие от нынешней ситуации. Однако, по-прежнему, и МВД, и некоторые политики, и даже члены правительства, почему-то уверены, что регистрация – необходимый элемент контроля за иностранцами и российским населением и ее отмена повлечет хаос. В итоге регистрация препятствует развитию миграционной политики, а в конечном итоге и развитию экономики страны.

Система регистрации является не единственным «затормозом» в российской миграционной политике, который рано или поздно будет сокрушен. К другим проблемным узлам можно отнести идеологически неправильное понимание миграционной политикой миграции как исключительно угрозы национальной безопасности. На разных уровнях из уст политиков и чиновников постоянно звучат высказывания, что неконтролируемая миграция оказывает

разрушительное влияние на государство, общество и нацию. Однако, при этом в России создана абсолютно коррумпированная и «мигрантозависимая» экономическая система. Практически все работодатели эксплуатирует труд мигрантов из стран Центральной Азии, слабо владеющих русским языком и не знающих своих прав. Причем в этот процесс вовлечены практически во все сегменты экономики, но особенно строительство, сельское хозяйство, производство, жилищно-коммунальный сегмент. А в некоторых городах автор статьи неоднократно наблюдал парадоксальные картины, когда здания ФМС России (структуры, являющейся «оплотом» реализации миграционной политики) ремонтировали бригады трудовых мигрантов, не имеющих порой легального статуса в стране.

Еще одной странной «непреступной крепостью» российской миграционной политики является российское гражданство. Получить его порой невозможно даже тем, кто, казалось бы, как нельзя кстати приехал в Россию и в ком она объективно нуждается (соотечественники, иностранные студенты, жены и мужья российских граждан, высококвалифицированные специалисты, иностранные бизнесмены и трудовые мигранты по много лет живущие в России). Система получения гражданства отягощена крайне неэффективными процедурами и коррупционными поборам, а также опирается на систему регистрации, упомянутую выше. Порой только Президент России может разрубить «гордиевы узлы» ситуаций по предоставлению российского гражданства в конкретных случаях.

Между тем, жизнь и объективное развитие экономики берут свое. Российская экономика нуждается в иностранных рабочих и специалистах, система образования – в иностранных студентах, а инновационное развитие требует высококвалифицированных специалистов и профессионалов из-за рубежа. Да и просто многих людей тянет в Россию в силу исторических и социально-культурных причин. Например, группы староверов из Латинской Америки стремились в Россию как на историческую родину. И попали в ловушку миграционной политики, которая рассматривает их, людей так мечтавших сюда вернуться, как абсолютно чужеродный элемент. Иногда создается ощущение, что законы регулирующие пребывание и предоставление российского гражданства как будто написаны и реализуются так, чтобы человек не мог остаться жить в России.

При этом Россия занимает шестую часть суши и является первой по площади страной в мире, а по населению – она занимает только девятое место на планете. Например, численность населения России в два раза меньше численности населения США. Даже если не рассматривать как потенциальные зоны расселения Север и приравненные к нему территории, наша страна располагает огромными площадями для расселения и развития экономики. Пример, Канады показывает, что население можно расселять в более благоприятных зонах, а вахтовыми формами миграции развивать регионы со сложными условиями жизни. В свою очередь опыт США показывает, что расселение в

относительно комфортных районах может иметь равномерный рисунок, иметь множество городов и агломераций. В России же на этапе перехода от командной экономики к рыночной сложилась система расселения, которая существенно деформирована, а население «сбито» в европейскую часть и несколько крупных городов. А гибель промышленности и производства приводит к миграционному оттоку населения из восточных регионов (из Сибири и Дальнего Востока).

Многие страны мира извлекли и продолжают извлекать из миграции массу положительных эффектов. А некоторые сделали миграционную политику частью стратегии своего социально-экономического развития. Австралия, Новая Зеландия, ЮАР, США, Канада, Бразилия, Аргентина – это далеко не полный перечень стран, которые возникли и развивались благодаря внешней миграции как принимающие страны. А Испания, Италия, Португалия, Великобритания, Нидерланды, Франция, благодаря эмиграции создали целые «диаспоральные государства» за своими пределами и до сих пор используя миграционный фактор также в интересах своего развития.

А что же Россия? Наш государственный подход алогичен. Миграционная политика почему-то упорно видит в миграции угрозу национальной безопасности и по инерции продолжает ее ограничивать всеми возможными способами. Причем угрозой считается как иммиграция, так и эмиграция. С одной стороны, иммиграция в страну законодательно и процедурно ограничивается и не очень приветствуется. Внутри страны мигранты (прежде всего, трудовые) подвергаются проверкам со стороны полиции, а даже нарушившие даже незначительно миграционный режим подвергаются депортации и им закрывается въезд до 10 лет на территорию России. А эмигранты рассматриваются как навсегда потерянное население, их государственная система отталкивает от страны. Кроме того, в последнее время эмигранты все чаще ставятся российским государством перед ненужным выбором: либо отказаться от российского гражданства, либо задекларировать наличие второго гражданства, банковских счетов, рискуя быть наказанными если не сделают этого.

Между тем, жизнь продолжает и здравый смысл берет свое. Уже давно фактически российская экономика и общество активно извлекают пользу из миграции. Прежде всего, нет такой отрасли экономики где бы не работали трудящиеся-мигранты. Около 2,7 млн. разрешений на работу было выдано иностранцам в 2015 г. Даже там где есть нулевая квота на привлечение иностранцев (например, в торговле), все равно иностранцы присутствуют. В российских вузах обучается более 170 тыс. иностранных студентов. Более 30 млн. русскоговорящего населения, живущего за пределами страны, создали “русскоязычную экономику” масштабы которой сопоставимы с ВВП самой России. Многие живут на две страны, имеют два паспорта, но еще сохраняют российское гражданство.

Совершенно очевидно, что в российской действительности назрел явный «нарыв», который характеризуется несоответствием между теоретическими

посылами и практикой реализации ключевых идей миграционной политики. В Концепции миграционной политики до 2025 г. содержится ряд «революционных» положений. В частности, в ней миграция рассматривается не только как фактор риска, но и важным компонентом социально-экономического и демографического развития страны. Концепция четко нацелена на привлечение инвесторов, высококвалифицированных специалистов, образовательных мигрантов. Но это только теория. На практике многие процедуры работают медленно и неэффективно, тормозят, а порой просто отбивают желание у иностранных граждан стать гражданами России.

Как же миграционную политику обернуть на благо развития России? Рецепты есть. И Россия здесь не уникальна. Многочисленный зарубежный и даже собственный исторический опыт это подтверждают. Прежде всего, необходимо желание власти изменить ситуацию. Нужна пресловутая «политическая воля». Никуда без нее. Также нужно «вмонтировать» миграционную политику в стратегию развития российского государства и привести в соответствие с концептуальными посылами миграционной политики практические процедуры и инструменты ее реализации. А конкретные шаги следующие.

Во-первых, нужно увязать миграционную политику с демографической политикой. Демографическая политика новейшего времени направлена на стабилизацию и рост численности населения России. Значит миграция должна стать одним из компонентов увеличения численности российского населения. Для этого нужно четко выделить целевые группы иммигрантов, которые нужны государству и регионам и снять бюрократические препятствия на пути предоставления вида на жительство и гражданства. Прежде всего, это соотечественники; трудовые мигранты, давно живущие и хорошо интегрированные в российское общество; выпускники российских вузов; жены и мужья российских граждан и другие группы мигрантов. Резервы здесь колоссальны. По нашим оценкам единомоментно мы можем увеличить численность населения страны на 15-20 млн. человек за счет легализации этих категорий мигрантов. Некоторые люди живут в России по двадцать лет, но не могут приобрести жилье, получить регистрацию, легализоваться, стать российскими гражданами.

Во-вторых, нужно увязать миграционную политику с экономической стратегией развития России. Необходимо четко оценить потребность в иностранной рабочей силе и с учетом внутренних резервов трудовых ресурсов на основе баланса трудовых ресурсов, ввести трудовую миграцию в регулируемое русло, используя каналы организованного и целевого набора иностранных трудящихся-мигрантов в странах донорах. Необходимо снять барьеры на пути трудоустройства иностранных высококвалифицированных специалистов, профессионалов и ученых. Опыт Российской империи (например, при Екатерине Великой) показывает, что привлечение иностранцев (в то время немцев) стимулировало развитие экономики и помогло совершить социально-экономический прорыв государству.

В ситуации ухудшения экономической ситуации и миграционной обстановки в Европейском Союзе нужно открыть ворота российской миграционной политики для бизнесменов, представителей среднего класса, ученых, специалистов из Европы. Пусть едут в России, это поможет совершить инновационный прорыв, о котором так долго мечтают наши руководители. А если параллельно улучшить инвестиционный климат, увеличить оплату труда, то еще и вернуться многие ранее уехавшие российские квалифицированные специалисты и ученые. Разумно открытая миграционная политика в отношении квалифицированных специалистов в сочетании с привлекательной инвестиционной политикой может стимулировать настоящий модернизационный и инновационный прорыв в развитии экономики России.

Третье направление. Необходимо связать миграционную политику с внешней политикой России. Можно даже сказать, что время требует перехода в новое измерение – к концепту «внешней миграционной политики». Под «внешней миграционной политикой» можно понимать идеологию и механизм *активного формирования миграционных потоков*, необходимых для социально-экономического и демографического развития России, прежде всего, использование потенциала иммигрантов и ресурса «русскоговорящих сообществ» за рубежом.

Первыми «ласточками» «внешней миграционной политики» можно считать программу стимулирования возвращения соотечественников, а также проекты распространения русского языка и развития диалога с диаспорой через структуры Россотрудничества и Фонда «Русский мир». К сожалению, пока элементы данного механизма не всегда эффективны и требуют совершенствования. В вопросах регулирования иммиграции до перехода к идеям «внешней миграционной политики» и вовсе далеко. Пока российское государство только фиксирует потоки и пытается контролировать общины иммигрантов, но отнюдь не формирует активно иммиграционные потоки и деятельность диаспор в конструктивном направлении. К сожалению, растут социально-экономические издержки, связанные с интеграцией иммигрантов в российское общество (возникают конфликты между мигрантами и местным населением, увеличиваются затраты на обучение мигрантов русскому языку и т.д.). А между тем, можно сократить часть издержек по интеграции, перенеся фокус действий миграционной политики за пределы России. Например, можно договариваться со странами-донорами трудовых мигрантов о предвыездной подготовке профессии и русскому языку, более тщательно отбирать трудовых мигрантов на конкретные рабочие места в России. Возможно следует использовать отечественный и зарубежный опыт продвижения русского языка за рубежом, создавать опорные пункты для рекрутинга и подготовки трудовых и учебных мигрантов. На первом этапе в качестве приоритетных стран для реализации «внешней миграционной политики» России могли бы стать страны Центральной Азии, Закавказья и Вьетнам. Все они являются нашими традиционными миграционными партнерами, исторически и геополитически ориентированы на Россию.

Понятие “внешняя миграционная политика” является инновационным, но при этом необходимым для российской экономической и миграционной ситуации. Его внедрение в политический лексикон абсолютно назревший для России шаг. Но ввести термин еще полдела. Второй вопрос – как реализовать механизм его эффективной реализации. Это задача гораздо более сложная. Результативность реализации проекта “внешней миграционной политики” будет выражаться следующими критериями: повышением доли высококвалифицированных специалистов, студентов, подготовленных рабочих в иммиграционном потоке; снижением численности недокументированных трудовых мигрантов и сокращением расходов государства на их депортацию из России; притоком инвестиций “русскоговорящих сообществ” в российскую экономику; укреплением взаимодействия России со странами – миграционными партнерами через активизацию культурного, научного и образовательного обмена (средствами “публичной дипломатии”); расширением географии, сфер и аудитории использования русского языка за пределами России; усилением геополитического влияния России в приоритетных регионах.

В заключении замечу, что проводником “внешней миграционной политики” может быть только специализированная самостоятельная структура по управлению миграцией (Министерство миграции или Миграционная служба). Причем в качестве сотрудников она должна включать дипломатов, экономистов, специалистов по миграции. Развитие внешней миграционной политики важный, но совершенно необходимый для современной России проект.

Таким образом, прежде всего, следует отметить, что в современной России трансформация миграционной политики и институтов, ее реализующих существенно отстает от изменений общественной системы, сохраняя значительные черты архаичности и находится по-прежнему в “силовом” и “коррупционном” полях. Несмотря на принятие в целом адекватной времени Концепции миграционной политики в 2012 г., практика реализации миграционной политики выстроена вокруг ограничений и запретов, создания искусственных административных и экономических барьеров на пути получения мигрантами разрешительных документов на работу и гражданства. Между тем российская экономика нуждается в иностранных рабочих и специалистах, система образования – в иностранных студентах, а инновационное развитие требует высококвалифицированных специалистов и профессионалов из-за рубежа. Требуется и население в некоторых регионах страны. Социально-экономические и демографические условия в стране требуют более эффективной и адекватной времени миграционной стратегии.

Список литературы и Интернет-источники

1. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 150 с.
2. Картирование неурегулированной миграции в Центральной Азии 2011. – Астана: Международная организация по миграции, 2015. – 220 с.

3. Осипов Г.В., Рязанцев С.В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы// Вестник Российской академии наук, Том 84. – 2014. – № 1. – С. 963–972.

4. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007. – 450 с.

5. Рязанцев С.В. Работники из стран Центральной Азии в жилищно-коммунальном секторе Москвы (рабочий доклад). Рабочий доклад, МОТ: Субрегиональное бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М.: МОТ, 2010 – 120 с. (www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/projects/migration.htm) (дата обращения: 14 октября 2016 г.)

6. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Интеграция «русскоязычной» общины в Австралии// Народонаселение. – 2013. – № 1. – С. 106-110.

7. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция умов» или «утечка мозгов»?// Социологические исследования. 2013. – № 4. – С. 24.

8. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы// Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 72.

9. International Migration Outlook 2013, Paris, OECD Publishing, 2013 (http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2013-en) (дата обращения: 25 октября 2016 г.)

10. Ryazantsev S.V., Migration from Russia to Australia and formation of a Russian Community, Canberra, Australian National University, College of Arts & Social Sciences, Vol. 4, № 5, 2013, 98 p.

11. Ryazantsev S.V., The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies, Mediterranean Journal of Social Sciences, Vol. 6, № 3, May 2015, Rome, MCSER Publishing, pp. 155-163.

12. Ryazantsev S., Trafficking in Human Beings for Labour Exploitation and Irregular Labour Migration in the Russian Federation: Forms, Trends and Countermeasures, Stockholm, ADSTRINGO, Baltic Sea States Council, Stockholm, 2014. – С. 25 (<http://www.ryazantsev.org/book1-16.pdf>) (дата обращения: 27 октября 2016 г.)

13. Ryazantsev S.V., The lingual integration of migrants in Russia: declarations and realities, Life Science Journal, № 11 (8s), 2011, p. 139.

14. Riazantsev S., Russia Needs a New Migration Policy, Russian Politics and Law, Volume 51, Issue 3, May-June 2013, p. 80.

*Шишкина Мария Александровна,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем
Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар, Россия*

ВЗГЛЯДЫ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ НА ПРИОРИТЕТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ*

В статье представлены результаты социологического исследования «Отношение молодежи к семье и детям», проведенного среди молодежи Республики Коми в 2015-2016 гг. Раскрываются ответы на вопросы, касающиеся репродуктивных установок, в том числе среди разных групп молодежи: городской, сельской, а также приведены гендерные различия стандартов в области детности. Полученные итоги исследования показали, какие институты общества по мнению молодежи являются главными субъектами формирования семейных ценностей. В ходе исследования было определено, нужно ли стимулировать рождаемость в России по мнению молодежи. Респондентам также было предложено определить, какие на их взгляд меры демографической политики могут наиболее эффективно повлиять на повышение рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивное поведение, репродуктивные установки, демографическая политика, воспроизводство населения, семейные ценности, молодежь, Республика Коми.

E-mail: shishkina@iespn.komisc.ru

*Shishkina Maria Alexandrovna,
junior researcher,
Institute for Socio-Economic
and Energy problems of the North,
Komi Science Centre, UB, RAS,
Syktyvkar, Russia*

THE VIEWS OF THE YOUTH OF THE KOMI REPUBLIC ON PRIORITIES OF DEMOGRAPHIC POLICY

The author presents the results of sociological research «The attitude of youth to the family and children», which was conducted in 2015-2016 in the Komi Republic. Answers on questions about reproductive attitudes, including between different group of

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

youth: urban, rural and also gender difference are given. The research allowed receiving youth's opinions about which society institutes have main influence in the family values formation. The results of research permitted to reveal views of young people on necessity of stimulation the birthrate in Russia. The respondents indicated more effective measures of demographic policy which may increase the birth rate.

Keywords: birth rate, reproductive behavior, reproductive attitudes, demographic policy, population reproduction, family values, youth, Komi Republic.

E-mail: shishkina@iespn.komisc.ru

Высокий риск ухудшения демографической ситуации на современном этапе демографического развития России обусловлен негативным воздействием фактора демографической структуры. За воспроизводство населения отвечают малочисленные поколения, рожденные в конце 1980-х и на протяжении 1990-х годов. Поэтому только реализация репродуктивных установок данных поколений в максимально полном объеме сможет стать смягчающим фактором в условиях воздействия на процессы воспроизводства демографической волны. Поэтому измерение репродуктивных установок и выявление мнений, суждений молодежи региона о приоритетных направлениях демографической политики в области рождаемости представляется актуальной задачей, отвечающей на современные вызовы демографической ситуации.

Вопросы по данной тематике были включены в исследование «Отношение молодежи к семье и детям», проведенное на территории Республики Коми в конце 2015 – начале 2016 гг. в форме раздаточного анкетирования по случайной выборке с квотированием по типу населенных пунктов группой сотрудников ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН. Целью исследования было выявление брачно-семейных и репродуктивных установок молодежи Республики Коми, ее отношения к планированию семьи и рождению детей. Всего было опрошено 1350 человек в возрасте 15-26 лет в 14 муниципальных образованиях республики. 75,9% участников опроса проживают в городской местности, 24,1% – в сельской. Поскольку формирование потребностей, интересов, ценностных ориентаций человека на создание собственной семьи и рождение детей происходит по мере взросления еще в детском и подростковом возрасте, основной массив выборки, почти три четверти опрошенных, охватывает самую молодую группу репродуктивного возраста: 31,0% респондентов в возрасте 15-16 лет, 42,4% – 17-19 лет. Остальные 26,6% участников опроса относятся к возрасту 20-26 лет: 16,1% – в возрасте 20-21 год, 5,9% – 22-24 года, 4,6% – 25-26 лет. 41,8% опрошенных являются школьниками старших классов, 26,9% – учащимися средних профессиональных образовательных учреждений, 23,3% – студентами высших учебных заведений, 8,0% – работающая молодежь (половина со средним образованием, половина – после вузов). Среди респондентов 58,4% девушек и 41,6% юношей [1, С. 113-114].

Результаты проведенного исследования показали, что среднее ожидаемое число детей, которое хотели бы иметь респонденты в своей семье ниже,

чем среднее желаемое при всех необходимых условиях и идеальное число детей, однако оно приближено к минимальной норме, приемлемой для замещения поколений – которая составляет 2,1-2,2 рождения за репродуктивный период (табл. 1).

Таблица 1.

Среднее идеальное, желаемое, ожидаемое число детей у молодежи Республики Коми по результатам исследования 2015-2016 гг.

Репродуктивные установки населения	среднее идеальное число детей	среднее желаемое число детей	среднее ожидаемое число детей
всево	2,27	2,38	2,06
мужчины	2,17	2,36	2,01
женщины	2,33	2,39	2,10
городское население	2,23	2,37	2,04
сельское население	2,38	2,41	2,13

Среднее желаемое при всех необходимых условиях число детей достигает самых высоких размеров, превышая среднее идеальное число детей, это означает, что «в своей семье при благоприятной ситуации люди желают больше детей, чем считают необходимым и возможным в обществе, которое не имеет достаточных условий для высокой детности» [2, С. 82]. Исследование не выявило резких гендерных различий в репродуктивных установках. Однако идеальное число детей и репродуктивные ожидания несколько выше у девушек, чем у молодых людей (на 7,59 и 4,36% соответственно) и у сельской молодежи, чем у городской (на 6,50 и 4,43 %).

Ответы респондентов на вопрос «Сколько всего детей Вы планируете иметь в своей семье (в будущей семье)?» показали, что большинство респондентов (54,8 %) хотят реализовать свой родительский потенциал в двух детях. На втором месте по предпочтительности – трехдетная семья (20,2 %), на третьем – однодетная модель семьи (14,4%). Как видим, репродуктивные установки молодежи практически в каждом пятом случае фиксировались на уровне среднететности. Формирование достаточно высоких демографических стандартов у поколения, которое социализировалось в условиях снижения рождаемости до кризисных значений, в том числе можно отнести к успехам десятилетней реализации активной демографической политики у нас в стране.

Тем не менее, настораживает тот факт, что в структуре смысложизненных ценностей у 5,3% респондентов вообще отсутствуют планы на рождение детей. Если к этой доле респондентов добавить тех, кто не сможет удовлетворить свою потребность в детях в полном объеме из-за проблем в репродуктивном здоровье, других внутренних и внешних факторов, уровень недореализации репродуктивного потенциала населением значительно возрастает.

Несмотря на то, что с подросткового возраста у личности расширяется круг социальных связей и способов получения информации, подавляющее

число респондентов (82,1%) считают, что именно семья в наибольшей степени влияет на формирование у современной молодежи семейных ценностей (семьи с детьми, родительства, материнства, отцовства). Данный результат подтверждает, что трансляция норм поведения, жизненных идеалов и приоритетов продолжает являться одной из основных функций института семьи.

Также субъектами трансляции семейных ценностей по мнению молодежи нередко выступают друзья, сверстники (так ответили 46,7% опрошенных), а также СМИ (28,6%) и учреждения образования (28,4%). Последние два института общества необходимо максимально задействовать в проведении ориентационной работы среди молодежи по формированию культуры контрацептивного поведения, профилактике абортов, распространению ценностей полной юридически оформленной семьи с детьми, в которой оба супруга нацелены на сохранение брака.

Благоприятно, что 63,3% опрошенных признают необходимость стимулирования рождаемости в России, 9,5% респондентов считают, что в этом нет необходимости, остальные – затруднились ответить. При этом важно, чтобы современная молодежь была осведомлена о том, какая демографическая политика проводится сейчас в стране, поскольку она является целевым объектом воздействия ее мер. Исследование выявило, что ничего не знают о государственных пособиях на детей только 11,0% опрошенных, 36,0% знают, а 52,5% респондентов знают о них, но без подробностей. В целом представляется, что о государственной системе пособий имеется широкое представление среди молодежи Республики Коми.

В ходе опроса респондентам был предложен широкий спектр мер, для определения тех, которые по их мнению могли бы стать наиболее эффективными для повышения рождаемости. Как показало исследование, экономические меры демографической политики должны оставаться главным направлением стимулирования рождаемости.

Респонденты из предложенных альтернатив чаще всего выбирали следующие меры, способствующие повышению и более полной реализации репродуктивных установок: «увеличение доходов населения» (57,1%), «повышение экономической стабильности в стране, уверенности населения в «завтрашнем дне»» (54,5%), «повышение доступности жилья» (51,3%), «выплата семьям с детьми материнских капиталов, стимулирующих рождение вторых и последующих детей» (42,8%), «решение проблем безработицы» (40,7%). Ценностно-ориентационные меры демографической политики не получили среди респондентов столь широкого отклика, скорее всего, так как они направлены на формирование репродуктивных установок, тогда как экономические меры демографической политики способны создать благоприятные условия эти установки реализовать.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Репродуктивные ожидания малочисленных поколений, которые будут вносить главный вклад в формирование итоговой рождаемости, ниже уровня

простого воспроизводства. Главным транслятором стандартов демографического поведения остается семья, следовательно, от ее современного состояния зависит траектория будущего развития данного института, отвечающего за воспроизводство населения. Большая часть молодого населения Республики Коми признает необходимость стимулирования рождаемости, прежде всего, с помощью улучшения материальных, жилищных условий, решения проблем безработицы, создания экономической стабильности в стране, выплаты материнских капиталов. Поэтому пролонгация имеющихся и разработка новых мер демографической политики в рамках экономического направления приобретает особую актуальность в период, когда на демографическое развитие большинства территорий России негативное влияние оказывает фактор неблагоприятной структуры фертильных контингентов.

Список литературы

1. Попова Л.А., Шишкина М.А. Формирование стандартов демографического поведения молодежи в условиях реализации государственной просемейной политики // Актуальные проблемы. Направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2016: Материалы Пятого Всероссийского научного семинара (21-23 сентября 2016 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, «Коми республиканская типография», 2016. – С. 112-120.

2. Попова Л.А, Бутрим Н.А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – № 2 (14). – 2011. – С. 72-85.

Шкиперова Галина Тимофеевна,
кандидат экономических наук,
доцент, старший научный сотрудник,
Институт экономики

Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Россия

Курило Анна Евгеньевна,
доктор экономических наук,
заместитель директора по научной работе,
Институт экономики

Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Россия

ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОЦЕНКИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ¹

В современном обществе показатели устойчивого развития и качества жизни населения являются важнейшими критериями эффективности управления. Целью исследования является анализ динамики и возможности применения на региональном уровне общеизвестных индикаторов устойчивого развития. На примере Республики Карелия выполнена оценка достижения эффекта декарпинга по основным показателям загрязнения окружающей среды и анализ качества жизни с использованием индекса человеческого развития. Результаты исследования могут быть использованы в планировании и осуществлении эффективной региональной политики для учета ее демографических и экологических особенностей.

Ключевые слова: устойчивое развитие, индекс декарпинга, загрязнение окружающей среды, демографическая ситуация, качество жизни, Республика Карелия, индекс человеческого развития, экономический рост.

E-mail: shkiperova@mail.ru; akurilo@mail.ru

Shkiperova Galina T.,
PhD. (Economic), associate Professor,
senior researcher of the Institute of Economics
Karelian research centre of RAS,
Petrozavodsk, Russia

Kurilo Anna E.,
Dr. (Economic), Vice-Director
for Science of the Institute of Economics
Karelian research centre of RAS,
Petrozavodsk, Russia

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ №15-06-03978-а).

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND QUALITY OF LIFE INDICATORS: ANALYSIS OF ESTIMATION RESULTS FOR THE REPUBLIC OF KARELIA

In modern society, sustainable development and quality of life indicators are the most important criteria of management efficiency. The purpose of the research is analyze the dynamics and potential of regionally well-known indicators of sustainable development. As example we consider Republic of Karelia. Estimation of achieve decoupling effect on the basic indicators of environmental pollution is presented. Also with the use of human development index the quality of life of the population of Karelia is analyzed. Results of the study can be used in planning and implementing effective regional policy to take account of its demographic and environmental characteristics.

Keywords: sustainable development, decoupling, environmental pollution, demographics, quality of life, Republic of Karelia, human development index, economic growth.

E-mail: shkiperova@mail.ru; akurilo@mail.ru

Переход к устойчивому развитию предполагает повышение качества жизни населения и достижение экономических целей при условии соблюдения экологических ограничений, то есть снижения загрязнения окружающей среды и потребления природных ресурсов. Значимость экологических факторов определяется тем, что они оказывают существенное воздействие на здоровье человека, влияют на уровень материального благосостояния и способны как улучшать, так и снижать качество жизни населения [3, 4]. С позиции некоторых авторов экологическая ситуация рассматривается как фактор, определяющий продолжительность жизни населения. Так, согласно оценке Б.И. Ревича и соавторов [5], ущерб здоровью населения в масштабе региона от загрязнения атмосферного воздуха может составлять 6-8% ВРП, от загрязнения водных объектов – 1-2% ВРП. По данным Всемирной организации здравоохранения за 2007 г., потерянные годы здоровой жизни (индекс DALY) вследствие негативного влияния экологических факторов составили 56 лет упущенной жизни на 100 тыс. населения России [1].

В связи с этим категория качество жизни населения, являясь одним из основных показателей эффективности государственной политики, не может рассматриваться в отрыве от экологических и медико-демографических факторов. Среди наиболее известных международных интегральных индикаторов качества жизни населения следует выделить Индекс человеческого развития (ИЧР). ИЧР рассчитывается как среднеарифметическая величина трех компонент: средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении, уровень образованности, величина ВВП (ВРП) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС). В целях региональных сравнений в России ИЧР рассчитывается с 1997 г., результаты публикуются в ежегодных Докладах о человеческом развитии в РФ. Одним из недостатков ИЧР как индикатора качества жизни населения является то, что он не учитывает экологический фактор.

В качестве индикатора устойчивого развития и «зеленого» роста экономики часто используется индекс декаплинга. Согласно методике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) индекс декаплинга (D_t) определяется по следующей формуле [6]:

$$D_t = 1 - \frac{EP_t}{DF_t} \bigg/ \frac{EP_{t-1}}{DF_{t-1}}, \quad (1)$$

где EP – показатель, отражающий негативное воздействие на окружающую среду, DF – показатель, отражающий развитие экономики (ВВП, ВРП, объем производства и др.). Исходные данные могут использоваться как в абсолютных показателях, так и в темпах роста.

Согласно методике ОЭСР, если коэффициент D_t равен нулю, или отрицателен, то проявление эффекта декаплинга отсутствует. Соответственно, положительное значение D_t свидетельствует о наличии декаплинга, т.е. снижении темпов роста экологической нагрузки по сравнению с темпами роста экономики за тот же период. При этом чем ближе значение коэффициента к единице, тем меньше давление экономики на окружающую среду. Основанный на простейших расчетах и являющийся достаточно разумным показателем оценки эколого-экономической политики индекс декаплинга получил широкое признание и используется как отдельно, так и в сочетании с другими методами.

В качестве объекта исследования выбрана Республика Карелия, которая относится к северным периферийным регионам. К основным проблемам развития региона можно отнести традиционно сложившуюся сырьевую направленность и низкие темпы роста экономики. Периферийное расположение региона также вызывает ряд проблем: низкий интерес со стороны инвесторов, незначительный внутренний рынок, высокие транспортные расходы. Решение проблемы экологической безопасности для республики имеет особое значение, поскольку темпы роста карельской экономики значительно отстают в последние годы от темпов роста экономики России, а показатели экологической интенсивности хозяйственной деятельности по-прежнему значительно выше среднероссийского уровня. Подобная ситуация оказывает негативное влияние не только на качество жизни населения, но и на инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность региона.

Анализ результатов оценки показателей для Республики Карелия. Для оценки эффекта декаплинга использовались следующие экологические и экономические показатели: ВРП в ценах 2010 г., выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, сбросы загрязненных сточных вод, объемы образования отходов производства и потребления. Показатели рассматривались в динамике за 2000-2014 гг.

Результаты расчетов индекса декаплинга по формуле (1) для Республики Карелия свидетельствуют в целом о положительной динамике развития экономики и некотором снижении негативного воздействия на окружающую среду. По выбросам в атмосферу индекс декаплинга в рассматриваемом периоде варьируется в интервале $[-0,1; 0,2]$, принимает преимущественно положительные значения, но не превышает $0,2$. Это свидетельствует о снижении выбросов в атмосферу, но столь короткий временной лаг положительной динамики не позволяет говорить о достижении эффекта декаплинга. Кроме того в кризисные периоды темпы роста экономики снижаются быстрее, чем уровень загрязнения атмосферы, что дает отрицательное значение коэффициента. Индекс декаплинга по показателям сброса загрязненных сточных вод в основном находится в области положительных, но еще более низких значений, $D_{\max} < 0,1$. Основной вклад (более 45% в 2014 г.) в общий объем сброса загрязненных сточных вод в республике вносят предприятия целлюлозно-бумажной промышленности. Поэтому здесь наблюдается прямая корреляционная зависимость: рост объемов производства бумаги сопровождается увеличением стоков. Достижение эффекта декаплинга возможно только при условии перехода на новые технологии.

Наиболее неблагоприятная для республики ситуация наблюдается при оценке взаимосвязи развития экономики и объема образования отходов производства и потребления. По этому показателю Карелия традиционно занимает первое или второе место среди регионов СЗФО и входит в первую десятку среди регионов РФ. Эффект декаплинга по показателям образования отходов в республике отсутствует, коэффициент зависимости D_t принимает преимущественно отрицательные значения, его величина варьируется в пределах от $-0,356$ до $0,131$.

Анализ качества жизни в регионе выполнен на основе индекса человеческого развития. Ограничение периода до 2013 г. обусловлено наличием официальных данных значения ИЧР (данные за 2013 г. были опубликованы только в 2015 г.) [2]. При этом анализ динамики индекса за 2001-2013 гг. показывает, что Карелия по нормативам региональных сравнений регионов РФ относится к территориям со средним уровнем ИЧР. Значения индекса увеличились от $0,742$ в 2001 г. до $0,845$ в 2013 г. Наименьшее значение ИЧР наблюдалось в 2003 г. ($0,736$). С 2004 г. прослеживается устойчивая тенденция роста показателя, что свидетельствует об улучшении социально-экономического положения региона. Максимальное значение ИЧР за анализируемый период наблюдается в 2013 г. – $0,845$. Однако если сравнивать со средним значением ИЧР по России, то на протяжении всего периода показатели Карелии значительно отстают от среднероссийского уровня. Среди регионов СЗФО Карелия по ИЧР в 2001 г. занимала шестое место, в 2012 г. – девятое и в 2013 г. – седьмое. В общероссийском рейтинге по ИЧР место республики варьировалось в пределах от 36 до 56. По данным за 2013 г. Карелия занимает 41 место среди регионов РФ по ИЧР.

Результаты сравнительного анализа динамики основных компонент ИЧР свидетельствуют о том, что наибольший вклад в формирование индекса качества жизни в Карелии в начале анализируемого периода вносил индекс образования. Его значения варьировались в пределах от 0,833 до 0,939 и на протяжении всего периода превышали среднероссийский уровень. Однако средние годовые темпы прироста этого индекса составляют лишь 0,3%. За рассматриваемый период устойчивая тенденция роста наблюдалась лишь по индексу дохода, в целом он увеличился с 0,690 до 0,862, или на 24,9%. Среднегодовые темпы прироста этого индекса не превышают 2%. По индексу долголетия и по индексу дохода Карелия уступает среднероссийскому уровню.

Выводы. В результате анализа показателей качества жизни населения региона установлено, что по уровню дохода и по ожидаемой продолжительности жизни Карелия отстает от среднероссийского уровня. При этом по уровню экологической нагрузки входит в десятку регионов с высоким индексом загрязнения. Сложившаяся ситуация свидетельствует о несбалансированности социально-эколого-экономического развития региона. В то время как анализ абсолютных показателей, которые чаще всего используются органами власти для оценки демографической и экологической ситуации в регионе, свидетельствует в целом о благоприятных тенденциях. На сегодняшний день вопрос повышения качества жизни населения республики является приоритетным. При этом следует помнить, что понятие «качество жизни» является многогранным и включает не только экономическую, но и медико-демографическую и экологическую составляющие. Для достижения целей утвержденной «Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2020 года» необходимо проводить комплексную региональную политику, направленную не только на увеличение индекса дохода, но и повышение экологической безопасности территории.

Список литературы и Интернет-источники

1. Доклад о состоянии здравоохранения в Европе, 2009. Всемирная организация здравоохранения, 2010. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/117186/E93103R.pdf (дата обращения: 11 октября 2016 г.)
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. – 260 с.
3. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Курило А.Е. Исследование факторов, влияющих на загрязнение окружающей среды // Уральский научный вестник. – 2014. – №25. – С.103-108.
4. Замятина М.Ф. Эколого-экономическая сбалансированность регионального развития: методологические и методические основы. – СПб: ГУАП, 2013. – 142 с.
5. Ревич, Б.А., Авалиани С.Л., Тихонова Г.И. Экологическая эпидемиология. – М.: Академия, 2004. – 384 с.
6. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). Indicators to Measure Decoupling of Environmental Pressure and Economic Growth. OECD, Paris. 2002. – Режим доступа: [http://www.czp.cuni.cz/info/EU/OECD/SG-SD\(2002\)1.pdf](http://www.czp.cuni.cz/info/EU/OECD/SG-SD(2002)1.pdf) (дата обращения: 26 сентября 2016 г.)

Раздел 2.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ:
ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

Section 2.

**THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA:
CHARACTERISTICS AND IMPLICATIONS**

*Архангельский Владимир Николаевич,
кандидат экономических наук,
заведующий сектором теоретических проблем
воспроизводства и политики населения
Центра по изучению проблем народонаселения
Экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова,
г. Москва, Россия*

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК ФАКТОР
ПЕРСПЕКТИВНОЙ ДИНАМИКИ ЕГО ЧИСЛЕННОСТИ**
(Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №15-06-04731
«Социальные и экономические последствия возможных сценариев
демографического развития России
(на федеральном и региональном уровнях)»)

Современная половозрастная структура населения России в значительной степени предопределяет негативную перспективную демографическую динамику. Прогнозные расчеты, основанные на условии увеличения возрастных коэффициентов рождаемости и миграционного прироста и снижения возрастных коэффициентов смертности на 0,5% в год, показывают, что эти позитивные сдвиги не компенсируют отрицательного влияния половозрастной структуры населения на динамику его численности, по крайней мере, до 2050-х гг. Если изменения возрастных коэффициентов будут ежегодно составлять 1%, то убыль численности населения может быть преодолена лишь в середине 2030-х гг.

Ключевые слова: население России, численность населения, половозрастная структура, рождаемость, смертность, миграционный прирост, демографическая динамика, демографический прогноз

E-mail: : archangelsky@yandex.ru

*Arkhangelskiy Vladimir N.,
Ph.D. (Economic),
head of the sector of theoretical problems
reproduction and population policy,
Center for population studies
faculty of economics,
Lomonosov Moscow state university
Moscow, Russia*

**CONTEMPORARY SEX AND AGE STRUCTURE
OF POPULATION OF RUSSIA AS THE FACTOR
OF PERSPECTIVE OF THE DYNAMICS OF ITS NUMBER**

The contemporary sex and age structure of the population of Russia substantially predetermines negative perspective demographic dynamics. The expected calculations based on a condition of increase in age-specific rates of fertility and a net migration and decrease in age-specific death rates by 0,5% a year show that these positive shifts do not compensate negative influence of sex and age structure of the population on dynamics of its number, at least, till 2050th years. If changes of age coefficients annually make 1%, then the decrease of population can be overcome only in the middle of the 2030th years.

Keywords: population of Russia, population size, sex and age structure, fertility, mortality, net migration, demographic dynamics, demographic projections

E-mail: archangelsky@yandex.ru

При разработке демографических прогнозов основное внимание уделяется гипотезам в отношении возможных перспектив динамики показателей рождаемости, смертности и миграции, что, конечно, совершенно справедливо. Однако, на перспективную демографическую динамику влияет и еще один фактор – сложившаяся к началу прогнозируемого периода половозрастная структура населения. Современная половозрастная структура населения России, безусловно, негативно влияет на перспективную динамику численности населения, общие показатели его естественного движения.

С одной стороны, активного репродуктивного возраста достигают очень малочисленные контингенты родившихся в 1990 г. Численность 25-29- и 30-34-летних женщин на начало 2016 г. примерно одинакова (соответственно, 6123,3 тыс. и 6116,5 тыс.), но количество 25-летних женщин (1146,3 тыс.) заметно меньше, чем 29-летних (1283,6 тыс.). Численность женщин, которым на начало 2016 г. было 20-24 года (4137,3 тыс.) в 1,48 раза меньше, чем 25-29- и 30-34-летних. А 15-19-летних (3287,9 тыс.), еще на 20,5% меньше, чем 20-24-летних. Сокращение численности женщин активного репродуктивного возраста уже сейчас обуславливает уменьшение числа родившихся (в 2015 г. оно снизилось на 0,1%, тогда как суммарный коэффициент рождаемости вырос на 1,5%). В ближайшие годы эта тенденция усилится. Снижение числа родившихся в связи с изменениями в половозрастной структуре населения, могло бы начаться раньше, если бы не смещение возрастной модели рождаемости к более старшим возрастам, в которых до последнего времени были еще сравнительно многочисленные контингенты женщин (в ближайшие годы это будет иметь место в возрасте 30-34 года).

С другой стороны, 70-летнего рубежа в ближайшие годы будут достигать многочисленные контингенты родившихся после войны. Если в возрасте 70-79 лет на начало 2016 г. в России было 8556,6 тыс. человек, то 60-69-летних – в 1,95 раза больше (16707,9 тыс.). Эти величины не вполне сопоставимы, так как не все 60-69-летние доживут до возраста на 10 лет старше (при уровне смертности 2015 г. коэффициент дожития для 60-69-летних до возраста 70-79 лет составляет (0,72) (оба пола)). Даже с учетом этого, очевидно, что 70-79-летних существенно (примерно в 1,4 раза) возрастет, что будет способствовать росту общих показателей смертности.

Совместное негативное влияние двух этих компонент динамики численности населения будет способствовать увеличению масштабов естественной убыли населения. По прогнозу, рассчитанному при условии сохранения неизменными на уровне 2015 г. возрастных коэффициентов рождаемости, смертности и миграционного прироста, абсолютное число родившихся в России будет сокращаться до 2029 г., достигнув 1374,1 тыс. человек (2015 г. – 1940,6 тыс.). При этом в 2019-2023 гг. ежегодное сокращение числа родившихся будет превышать 3%. Число умерших, согласно этому прогнозному расчету, будет возрастать до 2043 г., когда составит 2378,2 тыс. человек (2015 г. – 1908,5 тыс.). В ближайшие годы (2017-2020 гг.), при данных прогнозных условиях, оно может увеличиваться более, чем на 1% в год. В результате небольшой естественный прирост населения, имевший место в 2013-2015 гг. (2015 г. – 32,0 тыс. человек) сменится постоянно возрастающей до 2033 г. естественной убылью (2020 г. – 351,6 тыс., 2025 г. – 671,9 тыс., 2033 г. – 828,9 тыс.). Доминирующим фактором является снижение числа родившихся, которое будет значительно большим, чем рост числа умерших.

Такая негативная динамика параметров естественного движения населения будет обусловлена особенностями половозрастной структуры населения, тогда как возрастные коэффициенты рождаемости и смертности в данном прогнозном расчете предусмотрены неизменными.

Попытаемся сопоставить влияние на перспективную динамику численности населения России современной половозрастной структуры населения и возможных позитивных изменений в возрастных коэффициентах рождаемости, смертности и миграционного прироста. В качестве таких позитивных изменений в данной работе предусмотрено повышение возрастных коэффициентов рождаемости и миграционного прироста, снижение возрастных коэффициентов смертности на 0,5% и на 1% в год. При ежегодном 0,5%-ном увеличении возрастных коэффициентов рождаемости суммарный коэффициент рождаемости в России составит в 2020 г. – 1,82, в 2025 г. – 1,86, в 2030 г. – 1,91, в 2040 г. – 2,00, в 2050 г. – 2,11. Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при ежегодном снижении возрастных коэффициентов смертности на 0,5% в 2020 г. составит 66,3 года у мужчин и 77,0 года у женщин, в 2025 г. – соответственно, 66,7 и 77,3, в 2030 г. – 67,0 и 77,5, в 2040 г. – 67,8 и 78,1, в 2050 г. – 68,6 и 78,7. Общий коэффициент миграционного прироста при ежегодном 0,5%-ном увеличении возрастных коэффициентов в 2020, 2025 и 2030 гг. составит 1,7‰, в 2040 г. – 1,8‰, в 2050 г. – 1,9‰. Абсолютная величина миграционного прироста при этом составит в 2020 г. – 250,4 тыс. человек, в 2025 г. – 251,4 тыс., в 2030 г. – 252,4 тыс., в 2040 г. – 258,8 тыс., в 2050 г. – 272,0 тыс. Достижение таких величин продолжительности жизни и миграционного прироста представляется вполне реальным. Что касается рождаемости, то для устойчивого ее повышения и, тем более, для обеспечения суммарного коэффициента на уровне 2,0 в 2040 г. и 2,1 в 2050 г., потребуется

существенное улучшение условий жизнедеятельности семей и увеличение доли семей, намеревающихся иметь 2-3 детей.

Прогнозный расчет при условии сохранения неизменными на уровне 2015 г. возрастных коэффициентов рождаемости, смертности и миграционного прироста, показывает сокращение численности населения за 2016-2049 гг. на 15325,9 тыс. человек. При ежегодном повышении возрастных коэффициентов рождаемости на 0,5% (и при сохранении неизменными возрастных коэффициентов смертности и миграционного прироста) потери численности населения сокращаются до 10602,2 тыс., т.е. на 4723,7 тыс. или на 30,8%. Еще меньшим это сокращение оказывается в том случае, когда только снижаются возрастные коэффициенты смертности (на 3195,4 тыс. или на 20,8%) или повышаются возрастные коэффициенты миграционного прироста (на 720,4 тыс. или на 4,7%). При условии одновременных позитивных сдвигов во всех этих трех компонентах динамики численности населения потери за 2016-2049 гг. составят 6634,2 тыс. человек, т.е. будут меньшими, чем при постоянных параметрах рождаемости, смертности и миграционного прироста, на 8691,7 тыс. или на 56,7%. Таким образом, отрицательное влияние половозрастной структуры населения на изменение численности населения в 2016-2049 гг. значительно превосходит положительное влияние позитивных сдвигов (изменение возрастных коэффициентов ежегодно на 0,5%) не только каждого из компонент динамики численности населения (рождаемость, смертность, миграционный прирост) в отдельности, но и вместе взятых.

При более позднем прогнозном периоде влияние современной половозрастной структуры населения, вероятно, будет меньшим. Это подтверждается результатами прогнозного расчета. За 2016-2034 гг. при постоянных (на уровне 2015 г.) возрастных коэффициентах рождаемости, смертности и миграционного прироста численность населения сократится на 6368,7 тыс. человек, а за 2035-2049 гг. – 8957,1 тыс. При одновременном ежегодном 0,5%-ном повышении возрастных коэффициентов рождаемости и миграционного прироста и снижении возрастных коэффициентов смертности, потери в численности населения будут меньше в 2016-2034 гг. на 2740,9 тыс. (на 43,0%), а в 2035-2049 гг. – на 5950,7 тыс. (на 66,4%).

При ежегодном 1%-ном увеличении возрастных коэффициентов рождаемости суммарный коэффициент рождаемости в России составит в 2020 г. – 1,85, в 2025 г. – 1,94, в 2030 г. – 2,04, в 2040 г. – 2,26, в 2050 г. – 2,49. Продолжительность жизни при ежегодном сокращении возрастных коэффициентов смертности на 1% в 2020 г. составит 66,6 года у мужчин и 77,2 года у женщин, в 2025 г. – соответственно, 67,4 и 77,8, в 2030 г. – 68,1 и 78,4, в 2040 г. – 69,6 и 79,5, в 2050 г. – 71,2 и 80,7. Общий коэффициент миграционного прироста при ежегодном 1%-ном увеличении возрастных коэффициентов в 2020 г. составит 1,7‰, в 2025 – 1,8‰, в 2030 г. – 1,9‰, в 2040 г. – 2,1‰, в 2050 г. – 2,3‰, а абсолютная величина миграционного прироста составит в 2020 г. – 255,6 тыс.

человек, в 2025 г. – 264,0 тыс., в 2030 г. – 273,3 тыс., в 2040 г. – 300,7 тыс., в 2050 г. – 343,8 тыс.

Суммарный коэффициент рождаемости в 2025 г. здесь, практически, совпадает с предполагаемой величиной этого показателя в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., а продолжительность жизни и миграционный прирост ниже предусмотренных Концепцией (соответственно, 75 лет для обоих полов и 300 тыс.) [1]. Повышение суммарного коэффициента рождаемости до 2,26 в 2040 г. и 2,49 в 2050 г. пока представляется, практически, невозможным, тогда как продолжительность жизни, вероятно, может оказаться большей, чем в данном прогнозном расчете. Ее величина в 2030 г. 68,1 года у мужчин и 78,4 года у женщин почти совпадает с низким вариантом прогноза Росстата (соответственно, 68,1 и 78,2). Величина миграционного прироста в 2030 г., равная 273,3 тыс. человек, совпадает со средней величиной этого показателя из низкого (208,1 тыс.) и среднего (337,4 тыс.) вариантов прогноза Росстата.¹

1%-ные ежегодные позитивные сдвиги возрастных коэффициентов каждого из компонент динамики численности населения (рождаемость, смертность, миграционный прирост) в отдельности не компенсируют полностью негативного влияния на эту динамику половозрастной структуры населения. Ежегодное повышение на 1% возрастных коэффициентов рождаемости приведет к сокращению (по сравнению с прогнозным расчетом, основанном на сохранении неизменных параметров рождаемости, смертности и миграционного прироста) потерь численности населения за 2016-2049 гг. на 10040,5 тыс. человек (на 65,5%). При таком же увеличении показателей миграционного прироста убыль численности населения сокращается на 1525,6 тыс. (на 10,0%), а при 1%-ном ежегодном снижении возрастных коэффициентов смертности – на 6354,1 тыс. (на 41,5%).

Только при одновременном 1%-ном ежегодном повышении возрастных коэффициентов рождаемости и снижении коэффициентов смертности численность населения перестанет сокращаться (начиная с 2037 г.) и к началу 2050 г. возрастет на 1109,4 тыс. человек (на 0,8%) по сравнению с началом 2016 г. Если будет иметь место и ежегодное 1%-ное повышение возрастных коэффициентов миграционного прироста, то прирост численности населения за 2016-2049 гг. составит 2821,5 тыс. человек (1,9%) и начнется с 2035 г.

Даже при одновременных ежегодных 1%-х позитивных изменениях в возрастных коэффициентах рождаемости, смертности и миграционного прироста численность населения России за 2016-2034 гг. сократится на 819,6 тыс. человек, но в 2035-2049 гг. – возрастет на 3641,1 тыс. Позитивные сдвиги только в одном из компонентов динамики численности населения не обеспечивают увеличения численности населения даже в 2035-2049 гг.

¹ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
(дата обращения: 28 октября 2016 г.)

Таким образом, результаты прогнозных расчетов показывают, что современная половозрастная структура населения России оказывает значительное негативное влияние на перспективную динамику его численности. Оно не компенсируется 0,5%-ными ежегодными позитивными сдвигами в возрастных коэффициентах рождаемости, смертности и миграционном приросте, а если эти сдвиги будут составлять 1%, то убыль численности населения может быть преодолена лишь в середине 2030-х годов.

Интернет-источники

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299/page/1> (дата обращения: 28 октября 2016 г.)

*Власова Татьяна Александровна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления персоналом,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Белгород, Россия*

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ (на примере Белгородской области)

Демографический потенциал сельских территорий является основой формирования кадрового потенциала аграрного сектора экономики, складывающиеся негативные тенденции которого во многом обусловлены именно неблагоприятной демографической ситуацией. Белгородская область относится к регионам с динамично развивающимся сельскохозяйственным производством, в связи с этим вопрос кадрового обеспечения отрасли на основе требуемого воспроизводства населения сельских территорий является особо актуальным. В представленной статье проведен анализ формирования трудовых ресурсов Белгородской области под влиянием естественных и миграционных компонентов, а так же изучена демографическая нагрузка трудоспособного населения в разрезе городской и сельской местности. Обозначены отличительные особенности современной демографической действительности Белгородской области на фоне общероссийской ситуации, а так же указаны отдельные меры воздействия на процессы воспроизводства населения.

Ключевые слова: регион, аграрный сектор, демографическая ситуация, процесс депопуляции, компоненты изменения численности населения, сельское население, трудоспособное население, демографическая нагрузка, кадровый потенциал, программные мероприятия.

E-mail: vlasova-84@inbox.ru

*Vlasova Tat'iana A.,
PhD. (Economic),
associate professor
Department of human resource management,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia*

ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION AS THE BASIS OF FORMATION OF PERSONNEL POTENTIAL OF AGRARIAN SECTOR OF ECONOMY (ON EXAMPLE OF BELGOROD REGION)

Demographic potential of rural areas is the basis of formation of personnel potential of agrarian sector of the economy, emerging negative trends which are largely from unfavorable demographic situation. Belgorod oblast is a region with dynamically developing agricultural production, in this regard, the issue of staffing industry, based on the reproduction of the population of rural areas is particularly relevant. In the presented article the analysis of formation of human resources Belgorod region under the influence of natural and migration components, as well as studied the demographic burden of the working population in the context of urban and rural areas. Marked distinctive features of the modern demographic reality of the Belgorod region on the background of the Russian situation, as well as specific measures of influence on the processes of population reproduction.

Keywords: Key region, agricultural sector, demographic situation, depopulation, and the components of change in population, rural population, working population, demographic burden, human resources, program activities.

E-mail: vlasova-84@inbox.ru

Формирование кадрового потенциала аграрного сектора экономики в первую очередь определяется влиянием демографического потенциала сельских территорий, который зависит от половозрастной структуры населения и компонентов его изменения: естественного и миграционного движения населения. В настоящее время АПК Белгородской области является одним из лидеров отечественного аграрного сектора, дальнейшее развитие которого невозможно без стабильной демографической ситуации на селе. В этой связи первостепенным является изучение демографических факторов формирования трудового потенциала сельских территорий и поиск ответа на вопрос, в какой мере сложившиеся негативные тенденции с дефицитом труда скажутся на реализации задач по устойчивому развитию села и конкурентному развитию АПК в регионе.

В последние годы благодаря осуществляемым мерам по стабилизации численности населения со стороны государства и региона, а так же вследствие сложившейся благоприятной экономической ситуации и роста уровня жизни населения в целом тенденция снижения численности населения была переломлена. В области в целях стабилизации демографической ситуации осуществлялась реализация мероприятий приоритетных национальных проектов, реализуются Концепция демографического развития области на период до 2025 г. и Программа улучшения демографической ситуации в области.

Динамика численности населения Белгородской области отличается от динамики численности населения в целом по Российской Федерации. Венцом всех рекордов Белгородской области является исторический максимум численности населения, по состоянию на 1 января 2016 г. численность населения области составила 1550,1 тыс. чел., что на 2,9% выше уровня 2000 г. При этом, как показывают данные таблицы 1, численность городского населения увеличилась за исследуемый период на 5,8 % и составила 1039,6 тыс. человек, а численность сельского населения сократилась на 2,7% и составила 510,5 тыс. чел. В итоге в 2015 г. удельный вес городского населения вырос до 67,1%, а удельный вес сельского населения соответственно сократился до 32,9% (табл. 1).

Таблица 1.

**Численность населения Белгородской области, его структура
и компоненты изменения**

Показатели	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Изменение 2015 г. к уровню 2000 г., %
Численность населения - всего, тыс. чел. (на конец года)	1507,0	1514,2	1532,4	1536,1	1541,0	1544,1	1547,9	1550,1	102,9
в том числе: городское	982,2	996,6	1013,9	1020,4	1026,5	1031,4	1036,2	1039,6	105,8
сельское	524,8	517,6	518,5	515,7	514,5	512,7	511,7	510,5	97,3
В общей численности населения, %									
городское	65,2	65,8	66,2	66,4	66,6	66,8	66,9	67,1	×
сельское	34,8	34,2	33,8	33,6	33,4	33,2	33,1	32,9	×
Коэффициент естественного прироста (убыли) населения, ‰	-7,5	-7,1	-3,5	-3,0	-2,4	-2,2	-2,5	-2,7	×
по городскому	-4,3	-4,0	-1,3	-0,7	-0,1	-0,3	-0,4	-0,2	×
по сельскому	-13,3	-13,0	-8,0	-7,5	-6,9	-5,9	-6,4	-6,7	×
Коэффициент миграционного прироста населения, ‰	10,9	7,1	3,9	5,4	5,6	4,3	4,9	3,8	×
по городскому	н.с.	н.с.	н.с.	7,1	6,1	4,4	5,1	3,6	×
по сельскому	н.с.	н.с.	н.с.	2,2	4,6	4,1	4,6	4,3	×

Источник: составлено и рассчитано автором на основе данных Белгородстата [1]

Подчеркнем, что за последние 10 лет в Белгородской области прослеживается четкая тенденция снижения коэффициента естественной убыли населения. Среди областей ЦФО Белгородская область в последние годы занимает первые позиции, при этом уровень смертности является одним из самых низких. Однако, в сельской местности разрыв между числом родившихся и умерших остается существенным, процесс естественного воспроизводства населения на селе остается неблагоприятным.

Как известно, в изменении численности населения большую роль играют и миграционные процессы движения населения. Белгородская область в течение последних пятнадцати лет являлась привлекательной для мигрантов,

что и объясняет сравнительно высокие коэффициенты миграционного прироста особенно по городской местности. Основным компонентом миграционного прироста населения области до 2006 г. являлся межрегиональный обмен населением с субъектами РФ, с 2007 г. возрос уровень международного прироста населения. При этом, в том числе и создание благоприятных предпосылок для использования трудовых ресурсов в сельскохозяйственном производстве области, оказали влияние на темпы миграции населения в городскую и сельскую местность: значения коэффициентов миграционного прироста городского населения снижаются, а сельского, напротив, растут. В последние пять лет наблюдается тенденция расселения мигрантов преимущественно в сельской местности.

Несмотря на ряд, позитивных тенденций демографическую ситуацию в сельской местности области следует признать сложной. Устойчиво низкие темпы рождаемости, а так же миграция сельской молодежи в города привели к проблеме старения населения, которая может впоследствии превратиться в угрозу социально-экономического развития сельских территорий.

С точки зрения оценки трудового и кадрового потенциала наибольшее внимание следует уделить соотношению отдельных возрастных групп внутри населения трудоспособного возраста. Изменение возрастной структуры оказывает существенное влияние на демографическую нагрузку трудоспособного населения детьми и пожилыми людьми. Проведенный нами анализ показал, что рост численности пожилых и сокращение численности детей к началу 2015 г. оказали влияние на перераспределение демографической нагрузки в пользу лиц старше трудоспособного возраста, численность которых в целом по Белгородской области составила 450 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста или 61,9 % к общей нагрузке. Демографическая нагрузка сельского трудоспособного населения выше, чем в целом по области, на начало 2015 г. на 1000 чел. трудоспособного возраста приходилось 543 чел. нетрудоспособного возраста. При этом по сельскому населению соотношение демографической нагрузки лиц моложе- и старше трудоспособного возраста за последние 10 лет не претерпело существенных изменений. На начало 2015 г. как и на начало 2005 г. демографическая нагрузка лиц моложе трудоспособного возраста составила 35,3 %, а лиц старше трудоспособного возраста – 64,7%.

Особенностью современной демографической действительности нашей страны остается рост населения старше трудоспособного возраста. Данная ситуация не является характерной для сельских жителей Белгородской области, однако уровень демографической нагрузки населения старше трудоспособного возраста в области гораздо выше, чем в среднем по стране.

Констатируем, что в настоящее время база трудового потенциала аграрного сектора экономики Белгородской области продолжает формироваться под влиянием суженного воспроизводства населения сельских территорий, сокращения численности лиц в трудоспособном возрасте и сохранения весомой доли населения пожилого возраста в его общей структуре.

Реализация демографической политики должна базироваться на полном «приведении в жизнь» федеральных и региональным программ социально-экономического развития территорий. При этом наиболее целесообразным с точки зрения действенности применения считаются меры воспитательного и экономического характера.

Демографическая политика России в современных условиях должна быть направлена не только на стимулирование рождаемости, но и на упрочение семьи, повышение материального благосостояния людей, снижение заболеваемости и смертности. Однако меры, принимаемые по воздействию на процессы воспроизводства населения, не дают быстрых результатов. Поэтому стимулирование различных процессов воспроизводства должно отвечать долгосрочным интересам развития экономики. Без крупных инвестиций в агропромышленное производство, социальную инфраструктуру, оздоровительные и переселенческие программы нельзя добиться положительных сдвигов в ходе негативных демографических процессов [2, С. 37].

В заключении отметим, что улучшение демографической ситуации в Белгородской области и в целом в стране зависит от социально-экономического развития общества на принципах социальной справедливости, совершенствования миграционной политики, реформирования системы здравоохранения и повышения качества оказания медицинской помощи, переориентации сознания российских граждан на нормы многодетной семьи и ведения здорового образа жизни.

Список литературы

1. Белгородская область в цифрах. 2016: Крат. стат. сб./Белгородстат. 2016. – 289 с.
2. Миронова Н.А. Влияние демографических факторов на формирование трудового потенциала сельских поселений Орловской области// Аграрная Россия. – 2013. – №5. – С. 33-38.

Елизаров Валерий Владимирович,
кандидат экономических наук,
руководитель Центра по изучению проблем народонаселения
экономического факультета,
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Данилова Ирина Андреевна,
кандидат экономических наук,
заведующая сектором Центра по изучению
проблем народонаселения
экономического факультета,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

(Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-02-00599
«Демографическое развитие постсоветского пространства»)

В статье проанализированы тенденции изменения численности населения и демографических показателей в странах постсоветского пространства за 25 лет. Рассмотрены региональные различия динамики численности населения и ее компонентов: естественного и миграционного прироста, особенности возрастных структур населения.

Ключевые слова: демографическая политика, численность населения, естественный прирост, рождаемость, смертность, воспроизводство населения, миграционный прирост, возрастная структура населения.

E-mail: elizarovvv@gmail.com, irindanilova@mail.ru

Elizarov Valeriy V.,
PhD (Economic),
head of the Center for
population studies Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow state university,
Moscow, Russia

Danilova Irina A.,
PhD (Economic),
head of the sector of the Center
for population studies Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow state university,
Moscow, Russia

POPULATION DYNAMICS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES

(The study was supported by a grant Russian Foundation for Humanities
№15-02-00599 «Demographic development of post-Soviet space»)

The article analyzes the demographic trends in the countries of the former Soviet Union for 25 years. Reviewed by regional differences in population dynamics and its components: natural increase and migration, population age structures.

Keywords: demographic policy, population size, natural increase, fertility, mortality, population replacement, net migration, population age structure.

E-mail: elizarovvv@gmail.com; irindanilova@mail.ru

Ровно 25 лет назад 26 декабря 1991 г. Советом Республик Верховного Совета СССР была принята декларация о прекращении существования СССР. Так закончилась 69-летняя история союзного государства, объединявшего на момент распада 15 советских республик, и началась история нового образования – Содружества независимых государств (СНГ).

На момент распада СССР был 3-ей в мире страной по численности, уступая только Китаю и Индии. На начало 1991 г. население СССР составляло 290,1 млн человек [1, С. 7], опережая США – 4-ю по численности страну мира почти на 40 млн человек. За 10-летний период между двумя последними переписями населения (17 января 1979 и 12 января 1989 г.) население СССР выросло с 262,1 млн человек до 285,7 млн человек – на 23,6 млн, прирост составлял в среднем более 2 млн в год. Для сравнения: население США между переписями 1980 и 1990 гг. увеличилось на 22,2 млн человек.

Прирост населения СССР за 1989 г. составил около 2,9 млн человек, за 1990 г. – почти вдвое меньше – 1,5 млн человек. Сделанные в то время прогнозы предсказывали, что начавшееся в конце 80-х снижение рождаемости продолжится в 90-е годы. Тем не менее, к началу нового тысячелетия, несмотря на сокращение величины и темпа прироста, население СССР должно было превысить 300 млн человек.

По оценкам, численность населения 15 стран постсоветского пространства составляет в настоящее время около 295 млн человек. Прошедшие после распада СССР четверть века показали, что тенденции и особенности воспроизводства населения в большинстве стран, бывших союзных республик, в основном сохранились. Демографические процессы в государствах постсоветского пространства сохранили существенные отличия, обусловленные разнообразием социально-экономического, исторического, национального, социокультурного развития. Различия в режимах воспроизводства населения, региональные особенности проведения демографической политики, национальная специфика социально-экономической политики в этих государствах находят отражение в современных изменениях демографической ситуации. Воспроизводственные

процессы в республиках развивались в результате воздействия на них различных факторов социально-экономического, этнического, конфессионального характера, имеющих достаточно устойчивый характер.

Анализ изменений в демографических процессах государств постсоветского пространства позволяет увидеть как общие, свойственные всем государствам изменения в показателях демографического развития, так и характерные для каждой страны изменения в воспроизводственных и миграционных процессах в новых политических и социально-экономических условиях. Общая численность населения государств постсоветского пространства изменялась незначительно, но в темпах роста (или сокращения) населения отдельных стран отмечались заметные различия, обусловленные режимом воспроизводства, сформировавшимся до распада СССР, изменившейся социально-экономической и политической ситуацией, этническими, региональными особенностями протекания демографических и миграционных процессов.

В первое десятилетие после распада СССР отмечалось значительное падение темпов роста населения в большинстве бывших союзных республик. Наиболее существенное сокращение населения произошло в странах европейской части бывшего СССР и Казахстане [1; 2; 6]. В России, Беларуси и на Украине падение численности населения было в основном связано со значительным снижением рождаемости и увеличением смертности, снижением ожидаемой продолжительности жизни, происходящими процессами депопуляции [3; 4; 5]. Численность населения России сократилась на 1,5 %, Украины – на 6%, Беларуси – на 2,7%. Устойчивый приток мигрантов в Россию с территорий бывшего СССР, происходивший в эти годы, не возмещал естественной убыли населения.

Значительное сокращение численности населения происходило и в странах Балтии. Наиболее заметно сократилось население Эстонии – на 11%, Латвии – на 10%, Литвы – на 6%. Более чем на 11% сократилось население Казахстана, что было вызвано не только снижением рождаемости и увеличением смертности населения, но и значительно усилившимся миграционным оттоком населения – выездом русскоязычного населения в Россию, этнических немцев в Германию. Вследствие сокращения рождаемости и увеличения смертности, а также за счет миграционного оттока, заметно сократилось население Грузии (на 6%) и Молдавии (2%).

В среднеазиатских странах население за первое десятилетие исследуемого периода продолжало расти за счет высоких показателей рождаемости, более высокой продолжительности жизни, низкой смертности. Несмотря на миграционный отток, значительно выросло население Туркмении (на 29%), Узбекистана (на 20%), Таджикистана (на 16%), Киргизии (на 11%). Значительный рост населения отмечался и в Азербайджане (12%). В странах Средней Азии и Азербайджане численность населения значительно возросла за счет высокой рождаемости, более низкой смертности, несмотря на отрицательное сальдо внешней миграции. В Грузии численность на-

селения с небольшими колебаниями в отдельные периоды оставалась более стабильной.

В первом десятилетии нового тысячелетия тенденции динамики численности населения в странах постсоветского пространства во многом сохранились. В странах, в которых отмечалось падение численности населения в предыдущие годы, оно продолжилось, в государствах с приростом численности населения увеличивалось, несмотря на миграционный отток. Население Украины уменьшилось на 5,7%, Беларуси на 5%, России на 2,1%. Значительно сократилось население прибалтийских стран – Литвы и Латвии – на 6%, Эстонии – на 4,2%.

В Казахстане с 2004 г. население стало постепенно возрастать за счет сокращения миграционного оттока и увеличения рождаемости. В Средней Азии наиболее заметно выросла численность населения Таджикистана – на 19%, Узбекистана – на 14%, Киргизии – на 10%. Устойчивый рост был характерен для населения Азербайджана – на 12%. Население Армении и Грузии (без территорий Абхазии и Южной Осетии) изменилось незначительно. В 2010-е гг. отмечается рост населения в России на 0,6%; в Беларуси и Молдове – стабилизация численности. В странах Балтии продолжается сокращение населения – на 11% в Литве и Латвии, в Эстонии на 3%. В Армении сокращение населения составило 9%. Продолжается рост населения среднеазиатских государств и Казахстана – на 7-10%, Азербайджана на 4,4%.

В итоге, за 25-летний период на постсоветском пространстве можно выделить группы регионов, в которых наблюдались довольно устойчивые тенденции динамики численности или в сторону сокращения, или увеличения. Заметно сократилась численность Беларуси – на 7%, Украины на 17%, России на 3%, Литвы и Латвии на 22-25%, Эстонии на 17%. Население среднеазиатских государств и Азербайджана, продолжало возрастать, несмотря на некоторое снижение темпов роста в первое десятилетие после распада страны. Наиболее заметно увеличилось население Таджикистана, Узбекистана, Киргизии – более чем на 30-40%. Значительно возросла численность населения в Азербайджане – на 30%.

Динамика численности населения является результатом воспроизводственных и миграционных процессов. Различия в рождаемости и смертности, тенденции их изменения в государствах постсоветского пространства достаточно подробно отражены в ряде исследований [3; 5].

Остановимся подробнее на динамике естественного прироста населения (разность между числами родившихся и умерших). В СССР естественный прирост во всех республиках был положительным, но существовала значительная региональная дифференциация – величины показателя варьировали от минимальных – 0,6‰ на Украине до максимальных – 32,6‰ в Таджикистане. В первое десятилетие после распада СССР во всех странах естественный прирост стал снижаться, а в европейских странах началась естественная убыль населения. В Беларуси, Украине, странах Балтии естественный прирост стал

отрицательным в первой половине 1990-х гг. Высокая естественная убыль населения этих стран (4-7,6‰) продолжалась до середины 2000-х гг. В России естественный прирост стал отрицательным с 1992 г. и достигал минимума «минус» 5-6,7‰ в 1999-2005 гг. Существенное снижение показателей естественного прироста в этих странах было обусловлено значительным снижением показателей рождаемости и одновременным увеличением смертности и сокращением продолжительности жизни.

В странах с традиционно высокой рождаемостью показатели естественного прироста также в этот период стали снижаться, хотя и оставались высокими. В Таджикистане естественный прирост снизился с 32,8‰ до 16‰ в 1998 г., в Туркмении – с 27,2‰ до 13‰ в 1999 г., в Узбекистане с 27,6‰ до 15‰, в Киргизии с 22,3‰ до 13‰, в Казахстане с 14‰ до 5‰, в Азербайджане с 20,2‰ до 8‰, в Армении с 16‰ до 2 ‰. Сокращение естественного прироста в этих странах было обусловлено заметным снижением показателей рождаемости, в то время как показатели смертности существенно не изменялись.

В конце 2000-х гг. в тенденциях естественного движения населения на постсоветском пространстве начинается некоторое улучшение. В странах с устойчивой убылью постепенно сокращается размер естественной убыли населения. В среднеазиатском и закавказском регионах показатели естественного прироста постепенно возрастают, но остаются более низкими по сравнению с началом 1990-х гг. Достаточно устойчивые особенности в режимах воспроизводства населения, сохраняющиеся на постсоветском пространстве, находят отражение в изменении возрастных структур населения, которые, в свою очередь, влияют на региональные особенности демографических процессов. Наибольшие различия в возрастных структурах, соотношении доли детских возрастов, трудоспособного возраста, и старше трудоспособного возраста отмечаются между среднеазиатскими регионами и странами со славянским населением [7; 9].

Значительный удельный вес детского населения во всем населении устойчив в среднеазиатских государствах – Таджикистане, Узбекистане, Киргизии – более 30%. в Казахстане и Азербайджане – более 20%. Наиболее низкие показатели доли детских возрастов в странах Балтии – 14%. В России, Беларуси; на Украине эта доля составляет 15-16%.

Различаются (в разы) и показатели доли населения старше трудоспособного возраста. Наиболее высокий удельный вес лиц старше трудоспособного возраста характерен для населения Латвии и Литвы – 23-24%; в Беларуси, России, Украине он составляет 20-21%. Наиболее низкая доля населения старше трудоспособного возраста отмечается в Таджикистане, Киргизии, Узбекистане 5-7%, а также в Азербайджане и Казахстане – 9-10%.

Региональные особенности возрастных структур населения отражаются на множестве составляющих социально-демографической сферы – рождаемости, смертности, брачности, организации дошкольного воспитания, школьного образования, здравоохранения, на формировании трудового потенциала, обра-

зования, миграции. В странах с более старым населением развиваются процессы депопуляции, происходит старение населения, увеличивается демографическая нагрузка на молодые возраста, формируется дефицит трудовых ресурсов. В регионах с более молодой возрастной структурой воспроизводятся высокие темпы рождаемости, возрастает потребность в развитии здравоохранения, социальной сферы, увеличивается трудоизбыточность, миграционный потенциал.

В перспективе можно ожидать, что тенденции изменения демографических процессов в странах постсоветского пространства в основном будут определяться существующими сложившимися режимами воспроизводства населения, ситуацией в социально-экономической сфере, согласованностью целей и задач демографической и миграционной политики и успешностью их реализации.

Список литературы

1. Демографический ежегодник. – М.: Статкомитет СНГ, 1991.
2. Демографический ежегодник России. 1997. – М., 1997.
3. Елизаров В.В., Данилова И. А. Тенденции изменения рождаемости на постсоветском пространстве// Проблемы демографического развития государств Таможенного союза и стратегические подходы к дальнейшему наращиванию демографического потенциала. Материалы Международной научно-практической конференции. – М., 2015. – С. 26-30.
4. Джанаева Н.Г., Архангельский В.Н. Рождаемость в странах СНГ: тенденции и исследования//Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2. – Екатеринбург, 2016. – С. 55-63.
5. Хасанов В.Ф., Хасанова Р.Р. Смертность населения в странах постсоветского пространства// Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2. – Екатеринбург, 2016. – С. 303–307.

Интернет-источники

6. Демографический ежегодник России. 2005. – М., 2005. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B05_16/Main.htm (дата обращения: 18 октября 2016 г.)
7. Демографический ежегодник России. 2012. – М., 2012. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_16/Main.htm (дата обращения: 19 октября 2016 г.)
8. Демографический ежегодник России. 2014. – М., 2014. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm (дата обращения: 10 октября 2016 г.)
9. Демографический ежегодник России. 2015. – М., 2015. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (дата обращения: 19 октября 2016 г.)

Козлова Ольга Анатольевна,
доктор экономических наук, профессор,
руководитель Центра исследований
социоэкономической динамики,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Величковский Борис Тихонович,
доктор медицинских наук,
академик РАН,
советник ректора
Российского национального исследовательского
медицинского университета им. Н. И. Пирогова,
г. Москва, Россия

Макарова Мария Никитична,
кандидат экономических наук,
научный сотрудник,
Центр исследований социоэкономической динамики,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Цепилова Татьяна Михайловна,
соискатель,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы измерения последствий влияния неравенства доходов населения, как одного из негативных факторов, воздействующих на социальные и демографические процессы в обществе, на формирование человеческого капитала. Показана эволюция теоретических взглядов на проблему социального неравенства в обществе с выделением неравенства доходов как одного из основных его элементов. Методический инструментарий исследования включает эконометрические методы обработки статистических данных за период 2007-2014 гг., характеризующий период перед и после кризиса 2008-2009 гг. Апробация методического инструментария проведена на примере регионов России. На основе анализа динамики децильного коэффициента проведена оценка последствий роста дифференциации доходов населения в Российской Федерации на социальные и демографические характеристики населения. Определен уровень взаимосвязи роста преступности и динамики дифференциации доходов населения. Дан сравнительный анализ влияния величины децильного коэффициента и покупательной способности на показатели общей смертности населения. Сделаны выводы о необходимости учета последствий высокой дифференциации доходов в социальной и демографической политике государства.

Ключевые слова: дифференциация доходов населения, покупательная способность, социально-демографические характеристики населения, измерение последствий.

E-mail: olga137@mail.ru; rsmu@rsmu.ru; maria_makarova87@mail.ru; zaikinatm@inbox.ru

Kozlova Olga A.,
Dr. (Economic), Professor,
Head of the Centre of socioeconomic dynamics research,
Institute of Economics,
the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

Velichkovskiy Boris Tikhonovich,
Doctor of Medicine,
academician of RAS,
counsellor of rector at the Russian National Research
Medical University named after N. I. Pirogov,
Moscow, Russia

Makarova Mariya N.,
PhD (Economic),
researcher at the Centre of socioeconomic dynamics,
Institute of Economics,
the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

Tsepilova Tatiyana Mikhailovna,
aspirant,
Institute of Economics,
the Ural branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

SOCIAL EFFECTS OF INCOME DIFFERENTIATION IN RUSSIA

The article discusses income inequality as one of the negative factors influencing the social and demographic processes in the society and attempts to measure its impact on the human capital formation. The authors show the evolution of theoretical views on the problem of social inequality in society underlining income inequality as one of its major elements. Methodological tools of research involves the econometric methods to process the statistical data of Russian regions for the period 2007-2014 including the period before and after the crisis of 2008-2009. Using the analysis of the dynamics of the decile ratio, the authors have evaluated how the increase of income differentiation in the Russian Federation effected on the social and demographic characteristics of the population. The correlation between crime ratio and income differentiation has been determined. The authors have conducted a comparative analysis how the decile ratio and purchasing capacity influence on the total mortal-

ity of the population. In conclusion, the article has proved that social and demographic state policy is needed to address the effects of high income differentiation.

Keywords: incomes differentiation, purchasing capacity, socio-demographic characteristics of the population, measuring the effects.

E-mail: olga137@mail.ru; rsmu@rsmu.ru; maria_makarova87@mail.ru; zaikinatm@inbox.ru

Стремление к социальному равенству возникло со времен появления понятий богатства и бедности, в то же время дифференциация в доходах и потреблении населения была и остается одной из основных характеристик общества. Проблема социального неравенства и его последствий, выбора путей ее разрешения весьма точно определена известным французским экономистом Л. Столерю: «Страна, в которой доход каждого медленно растет, может быть счастливой страной; страна, в которой средний доход растет очень быстро, но одновременно увеличивается неравенство доходов, идет навстречу своей гибели» [8].

Интерес к данной проблеме, причинах и последствиях ее возникновения просматривается в различных общественных науках. Так, французский социолог Э. Дюркгейм, выводит социальное неравенство из разделения труда: механического (природного, половозрастного) и органического (возникающего вследствие обучения и профессиональной специализации) [4]. Социальное неравенство по определению П. Сорокина – это дифференциация населения на классы в иерархическом ранге. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии власти и влияния среди членов сообщества [6]. При этом, П. Бурдьё пришел к выводу о том, что возможности социальной мобильности определяются различными видами ресурсов, или «капиталов», которыми располагают индивиды, – экономическим, культурным, символическим капиталом [2]. В соответствии с теорией В. Парето механизм возникновения социального неравенства заложен в отсутствии оптимальности в распределении ресурсов, когда невозможно улучшить чье-либо благосостояние без ущерба для благосостояния другого индивидуума [1]. Концепция социальной стратификации М. Вебера выделяет три фактора неравенства (богатство, престиж и власть), по которым идет разделение общества на страты [3]. В любом случае неравенство связано с положением, при котором люди не имеют равного доступа к социальным благам.

Социальное неравенство населения как один из ключевых социально-экономических факторов в той или иной степени характерен для всех стран мира. В современной России уровень социального неравенства превышает аналогичный показатель в ЕС в 3-4 раза, что представляет собой одну из важнейших проблем, требующих решения как с точки зрения обеспечения социально-экономического развития страны, так и с точки зрения улучшения медико-демографической ситуации в российских регионах. Таким образом,

данная статья посвящена анализу влияния уровня социального неравенства на социальную ситуацию в стране. Особый акцент сделан на социальных последствиях дифференциации доходов населения.

В качестве индикатора, отражающего уровень социального неравенства, нами выбран децильный коэффициент, показывающий, во сколько раз минимальные доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышают максимальные доходы 10% наименее обеспеченного населения. В настоящее время коэффициент фондов составляет более 16 раз в целом по России. Пороговое значение в странах, развивающих инновационную экономику, составляет 10-12 раз. Вторым индикатором социального расслоения общества выбрана покупательная способность населения как соотношение заработной платы и прожиточного минимума. Бедными в данном случае считаются граждане, чьи доходы не превышают величины одного ПМ¹. Вместе с тем, по исследованиям Всероссийского центра уровня жизни в современной России грань между бедностью и крайней бедностью, после которой наступает нищета, лежит на уровне равном 2,5-3 ПМ в месяц. Если обратиться к статистике, то можно увидеть, что в целом по России величина доходов населения находится как раз на уровне 3 ПМ.

При исследовании зависимости криминогенной ситуации в России от величины децильного коэффициента в течение 8 лет (с 2007 по 2014 гг.) было установлено, что чем выше значение данного показателя, то есть чем выше социальное неравенство населения в стране, тем выше значения показателей, характеризующих криминогенную ситуацию (табл. 1). При величине децильного коэффициента более 8 количество потерпевших граждан повышается в четыре с лишним раза (с 12 190 до 52 013 чел.), а число убийств и покушений на убийство увеличивается в 3 раза (со 124 до 371 на 100 тыс. населения).

Для углубления анализа влияния социального неравенства на социальную ситуацию в стране были проведены исследования зависимости общей смертности и смертности от внешних причин в Российской Федерации в течение 8 лет (с 2007 по 2014 гг.) от децильного коэффициента (табл. 2).

Результат получился, на первый взгляд, парадоксальным: чем меньше социальное неравенство, тем выше смертность. Чтобы разобраться в причинах этого противоречия, прежде всего, была подтверждена зависимость коэффициентов смертности населения от величины покупательной способности населения. Для нивелирования различий местных потребительских цен покупательная способность населения определялась не в рублях, а в относительных единицах, показывающих во сколько раз среднемесячная денежные доходы населения превышает величину прожиточного минимума (ПМ) (табл. 3).

¹ Отметим, что параметры ПМ характеризуются заниженными стандартами потребностей, некоторые из них ниже уровня, характерного для военного времени [5].

Таблица 1.

**Влияние величины децильного коэффициента
на криминогенную ситуацию в России в 2007–2014 гг. [7]**

Группа по уровню децильного коэффициента	Децильный коэффициент	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. человек)	Убийство и покушение на убийство	Число преступлений, по которым установлены потерпевшие	Численность лиц, потерпевших от преступных посягательств
Наименьшее (менее 6)	5,63	1794	124	3574	12190
Избыточное (от 6 до 7)	6,41	1866	177	5144	18490
Опасное (от 7 до 8)	7,37	2087	324	9960	35384
Нетерпимое (более 8)	9,00	2105	371	13248	52013
Весь массив	6,52	1888	199	6011	21894

Таблица 2.

Зависимость показателей общей смертности населения и смертности от внешних причин от величины децильного коэффициента в субъектах Российской Федерации в 2007–2014 гг. [7]

Группы субъектов РФ по величине децильного коэффициента	Децильный коэффициент, раз	Смертность общая на 1000 чел.	Смертность от внешних причин (на 100 тыс. чел.)
Наименьшее (менее 6)	5,63	14,61	178,52
Избыточное (от 6 до 7)	6,41	14,27	165,53
Опасное (от 7 до 8)	7,37	13,28	176,59
Нетерпимое (более 8)	9,00	11,58	152,60
Весь массив	6,52	13,92	169,55

Зависимость коэффициентов общей смертности и смертности от внешних причин сохраняется обычной: чем меньше покупательная способность населения, тем выше его смертность. За исключением группы с очень низкой величиной покупательной способности, где её влияние на коэффициент смертности населения от внешних причин не имеет очевидного проявления, что может быть связано с действием других факторов, например, с тем, что в наиболее дотационных территориях значительная часть населения не доживает до пенсионного возраста. Сокращение удельного веса лиц пенсионного возраста и влечет за собой снижение коэффициентов смертности.

Таблица 3.

Влияние величины покупательной способности населения в субъектах Российской Федерации на показатели общей смертности и смертности от внешних причин в 2007–2014 гг. [7]

Группы субъектов РФ по уровню покупательной способности населения	Покупательная способность населения	Смертность общая (на 1000 человек)	Смертность от внешних причин (на 100 тыс. человек)
Повышенная (более 4 ПМ)	4,63	11,60	167,37
Средняя (от 3,5 до 3 ПМ)	3,71	13,80	177,69
Низкая (от 3 до 3,5 ПМ)	3,23	14,29	172,70
Очень низкая (менее 3 ПМ)	2,74	14,70	165,73
Весь массив	3,43	13,92	169,55

Покупательная способность денежных доходов населения минимальна в республиках Северного Кавказа, на Алтае, в Ивановской и Костромской областях при незначительной выраженности социального неравенства в этих субъектах РФ. В богатых субъектах РФ (г. Москва, г. Санкт-Петербург, ХМАО, ЯНАО) социальное неравенство максимально выражено, однако высокая покупательная способность населения частично маскирует негативное влияние социального неравенства на общественное здоровье. Это также подтверждает прямая зависимость между величиной покупательной способности населения и децильным коэффициентом ($r = 0,64$; $p < 0,001$).

В заключение следует сделать вывод о том, что между социальным равенством, с одной стороны, и экономическим ростом, и эффективностью производства – с другой, существует противоречие, с которым необходимо считаться и находить средства и методы для его своевременного разрешения в связи с тем, что чрезмерные контрасты в доходах и потреблении населения приводят к нарушению баланса интересов различных социальных слоев общества, провоцируя возникновение экономических, социальных и политических конфликтов. Необходимо комплексное решение давно назревшей проблемы роста социальной дифференциации и, прежде всего, внятная и грамотно выстроенная политика доходов и заработной платы с привлечением к разработке этой политики результатов научных исследований в сфере социально-экономических и демографических процессов, идущих в регионах нашей страны.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ №16-02-00164 «Научно-методический инструментарий измерения, оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России».

Список литературы и Интернет-источники

1. Pareto V. The Circulation of Elites. – In Talcott Parsons, Theories of Society; Foundations of Modern Sociological Theory, 2 Vol., The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. – P. 108.
2. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики/ Сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. Ч. 1. – СПб.: Алетейя, 2007. – 567 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991 г. – 576 с.
5. Роик В. Методы оценки, масштабы и последствия бедности/ Человек и труд, 2010. № 1. – С. 45-49.
6. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 308 с.
7. Социальное положение и уровень жизни населения России.URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188 (дата обращения: 27 сентября 2016 г.)
8. Столерю Л. Равновесие и экономический рост: Пер. с фр. – М., 1974 – 440 с.

Кузьмин Александр Иванович,
доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Макарова Мария Никитична,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Казакова Наталья Владимировна,
кандидат экономических наук,
главный специалист,
Департамент экономики Администрации города Екатеринбурга,
г. Екатеринбург, Россия

ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА «БОЛЬШОГО ЕКАТЕРИНБУРГА»¹

В статье приводится опыт оценки ожидаемого роста населения города Екатеринбурга в случае укрупнения муниципального образования за счет привлечения в его состав населения ряда окружающих городских округов и районов. Авторы показывают возможности реального роста демографического потенциала «Большого Екатеринбурга» до двух миллионов жителей и в перспективе к 2050 г. концентрации в столице Среднего Урала около трех миллионов человек со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и демографическими последствиями.

Ключевые слова: возрастная структура, миграция, город, агломерация, стратегия, план, прогноз, факторы, рождаемость, смертность.

E-mail: Kuz53@list.ru; Maria_makarova87@mail.ru; kazakova_nv@ekadm.ru

Kuzmin Aleksander I.,
Dr. (Sociology), Professor,
Leading Researcher,
Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
Makarova Maria N.,
PhD (Economic), Senior Researcher,
Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

¹ Приведенные расчеты выполнены в рамках действия Муниципального контракта № от 2016 года НИР «Разработка и научное обоснование долгосрочного прогноза социально-экономического развития муниципального образования «города Екатеринбурга» до 2035 года.

*Kazakova Natalya V.,
PhD. (Economy), Chief Specialist,
Department of Economics Administration of the city of Yekaterinburg
Yekaterinburg, Russia*

EVALUATION OF THE "BIG YEKATERINBURG" DEMOGRAPHIC POTENTIAL

The article presents the experience of estimation of the expected growth of the population of the city of Yekaterinburg in the event of enlargement of the municipality by involving in its composition of the population of a number of urban districts and surrounding areas. The authors show the possibility of real growth of the demographic potential "Greater Yekaterinburg" up to two million people, and in the long term by 2050 the concentration in the capital of the Middle Urals about three million people, with all the socio-economic and demographic consequences.

Keywords: age structure, migration, city, agglomeration, strategy, plan, forecast, factors, births, deaths.

E-mail: Kuz53@list.ru; Maria_makarova87@mail.ru; kazakova_nv@ekadm.ru

Рост городских агломерации во всем мире происходит, как правило, спонтанно. Несколько реже этот процесс носит управляемый характер с учетом требований планов стратегического развития территорий [1]. Отдельную проблему социально-экономических последствий концентрации промышленности, населения и коммуникаций различного вида в мегаполисах представляет возросшая антропогенная и технологическая нагрузка на городскую среду. На основе методики эндогенного демографического подхода нами были разработаны сценарии стратегического развития демографических процессов в границах проекта «Большой Екатеринбург». В исследовании мы опираемся на собственный опыт социального прогнозирования развития крупного города [2, С. 78-95].

Идея стимулирования роста на Урале «екатеринбургской агломерации» с радиусом притяжения в пределах до 400-500 км. не является новой и активно обсуждалась специалистами в аспекте концепции «конурбации» (К. Маликовский) [3]. В настоящее время прозвучали очевидные призывы об «экономическом присоединении» к территории города Екатеринбурга городских округов расположенных в основном на юго-востоке столицы Среднего Урала [4]. Присоединяемые к орбите «Большого Екатеринбурга» городские округа в ряде случаев болезненно восприняли ситуацию вхождения в новый «муниципальный союз». Возрождение идеи «Большого Екатеринбурга» стимулировали не только конкурирующие агломерации Западной и Восточной Сибири, но и факторы институционального плана [5]. Следует отметить, что в свое время академик А.И. Татаркин (ИЭ УрО РАН) неоднократно высказывал идею «присое-

динения» соседних городов и районов к столице Среднего Урала. Но сегодня следует учесть, что многие муниципальные образования Свердловской области вновь оказались в зоне депопуляции или в «демографической яме». Среди крупных городов особенно тревожная ситуация сложилась в Нижнем Тагиле [6]. Отметим, что в своих предвыборных выступлениях мэр Нижнего Тагила выделил проблему превышения смертности над рождаемостью в городе и подчеркнул весьма специфическую тему в демографии города – наличие сильной образовательной иммиграции учащейся молодежи в другие города в силу закрытия высших образовательных учреждений в Нижнем Тагиле [7].

На фоне явно выраженных признаков депопуляции в екатеринбургской агломерации в целом предсказываемый рост до двух миллионов человек «Большого Екатеринбурга» к 2038 г. не удивляет. В благоприятном случае, «Большой Екатеринбург» охватит население уже в пределах *двух с половиной млн. чел.* Таким образом, при формировании населения города и области на первое место выходит фактор миграции. Обратим внимание, что в 2015 г. миграционный прирост превысил естественный прирост населения в 1,5 раза и стал *основной причиной увеличения численности населения области.* Основная причина демографической неустойчивости социума – низкая рождаемость. В 2015 г. число родившихся всего на 1,6% превысило число умерших. Оценка потенциала рождаемости показывает, что при существующей брачно-возрастной структуре населения в 2015 г. должно было бы появиться на свет 38 детей в расчете на 1000 человек населения (ГМЕР, В.А. Борисова), а фактическая рождаемость составила всего 14‰. Но даже этот уровень рождаемости еще позволяют удерживать Свердловскую область от открыто идущей депопуляции, если говорить о ситуации в среднем по региону. Дальнейшего снижения репродуктивных установок в Свердловской области пока не предвидится [8, с. 180-182.], а вот рост продолжительности жизни стал по ряду причин проблематичным. Судя по таблицам смертности за 2014 г. из ста лиц мужского пола в возрасте 16 лет к 70 годам в Свердловской области имеют шансы дожить лишь 43 человека (у женщин – 75). Продолжительность жизни у мужчин в городах региона составила 64,8 г., на селе – 62,9 года.

Расчет точных коэффициентов воспроизводства населения по Свердловской области (нетто-коэффициент равен 0,906) показывает, что на ее территории преобладает суженный режим замещения численности поколений, что ставит под угрозу воспроизводство собственного «человеческого капитала» в перспективе. В целом демографическое стояние екатеринбургской агломерации на сегодня не удовлетворительное. Следует учесть, что величина нетто-коэффициента городского населения Свердловской области составила в 2015 г. всего 0,850.

По данным *территориальных органов статистики* сокращение численности населения произошло в 2015 г. уже в 60 муниципальных образованиях. Увеличение имеет место лишь в 13 муниципальных образованиях, из них наибольшее наблюдалось в городских округах именно в большинстве

присоединяемых по проекту к Екатеринбургскому Среднеуральскому (на 3,1%), Верхней Пышме (2,5 и Арамиле (1,3). К этому списку примыкает собственно муниципальное образование «город Екатеринбург» (на 1,1%)². Депопуляционный характер процессов присущ развитию городских округов типа Дегтярская и Белоярского района. Таким образом, не все «присоединяемые» к территории «Большого Екатеринбурга» городские округа обнаружили рост населения, что отражает некое демографическое противоречие в рамках всей екатеринбургской агломерации.

В результате применения социально демографического подхода были выделены базовый (инерционный) и желательный – или «стратегический» варианты развития демографических событий представленных в таблице 1.

Таблица 1.

**Варианты изменения ожидаемой численности постоянного населения
в границах «Большого Екатеринбурга», чел.**

Варианты сценария	2015	2020	2025	2030	2035
инерционный сценарий	1782766	1809539	1831438	1842224	1856317
Средний (базовый) сценарий	1782766	1839804	1881598	1918190	1960736
Инновационный (стратегический) сценарий	1782766	1879607	1966941	2057754	2145266

На начало 2016 года в Городском округе муниципального образования «Город Екатеринбург» насчитывалось 1млн. 477 тыс. человек, тогда как в границах «Большого Екатеринбурга» сосредоточено в настоящее время 1 млн. 788 тысяч! По произведенным нами расчетам собственно численность горожан Екатеринбурга (без скрытой миграции и маятниковых мигрантов) к середине текущего столетия может действительно достигнуть 2,2 млн. человек. И это при условии, что продолжительность жизни мужчин составит 65 и у женщин – 76 лет. Среднее число детей будет находиться в пределах 1,7-1,8 на женщину, а миграционный приток – 20 тыс. человек в год (видимо, при благоприятной экономической конъюнктуре). При этом условии населенность остальной части муниципальных образований может стать проблематичной.

Подсчеты числа маятниковых мигрантов по авторской методике предполагают включение в состав «одномоментно находящегося» на территории «Большого Екатеринбурга» постоянного населения ощутимую добавку в 132 - 140 тыс. чел. ежедневно прибывающего в город экономически активного населения. Анализ данных трех вариантов эндогенного демографического прогноза обнаружил значительную вариативность ожидаемого роста численности населения и изменения его структуры в перспективе до 2035 г. Прогноз вы-

² При использовании, цитировании и перепечатке информации используется ссылка на сайт Свердловскстата <http://sverdl.gks.ru>

явил значительные ожидаемые структурные изменения в составе населения в будущем (табл.2).

Таблица 2.

**Ожидаемая динамика и структура численности населения
«Большого Екатеринбурга»**

«БОЛЬШОЙ ЕКАТЕРИН- БУРГ»	2015	инерционный сценарий				Стратегический (инновационный) сценарий			
		2020	2025	2030	2035	2020	2025	2030	2035
Численность населения, чел.	1782766	1809539	1831438	1842224	1856317	1879607	1966941	2057754	2145266
Численность населения молодежи трудоспособного возраста, чел.	313663	375409	406215	402293	386506	394436	449601	478870	491198
Численность населения трудоспособного возраста, чел.	1066908	1029616	1020420	1036572	1056899	1072094	1103628	1161198	1232396
Численность населения старше трудоспособного возраста, чел.	402218	404514	404803	403358	412912	413076	413712	417687	421672
%									
Численность населения	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Численность населения молодежи трудоспособного возраста	17,6	20,7	22,2	21,8	20,8	21,0	22,9	23,3	22,9
Численность населения трудоспособного возраста	59,8	56,9	55,7	56,3	56,9	57,0	56,1	56,4	57,4
Численность населения старше трудоспособного возраста	22,6	22,4	22,1	21,9	22,2	22,0	21,0	20,3	19,7

Развиваемая в расчетах тенденция высокого варианта по инновационному сценарию до 2050 г. приближается к отметке 2,5 млн. чел. С учетом маятниковых мигрантов масса населения становится еще больше – 2,7 млн. чел. В будущем наличие феномена периферийной депопуляции в регионе скорее всего приведет к ситуации «сжатия населения» вокруг «ядра» екатеринбургской агломерации. Положительной тенденцией в ожидаемых структурных сдвигах населения будет рост относительный и абсолютный рост молодежи вплоть до 2030 гг., что увеличит долю экономически активных поколений в составе населения.

Список литературы и Интернет-источники

1. Конурбация Челябинск-Екатеринбург: крупнейшим городам Урала и Сибири предложили территориально объединиться [Электронный ресурс]: URL: // <http://sia21.ru/55-2/> (дата обращения: 21 октября 2016 г.)
2. Кузьмин А.И., Бадина А.А. Опыт социального прогнозирования крупного северного города. Екатеринбург: УРАГС. – 2006. – 184 с.
3. Конурбация Челябинск-Екатеринбург: крупнейшим городам Урала и Сибири предложили территориально объединиться//<http://sia21.ru/55-2/> (дата обращения: 21 октября 2016 г.)
4. «Красивое или уродливое дитя, но оно все равно будет». Что важно знать о проекте «Большой Екатеринбург» [Электронный ресурс]: URL: // <http://uralpolit.ru/article/sverdl/02-06-2016/79169>. (дата обращения: 21 октября 2016 г.)
5. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" // Российская газета – Федеральный выпуск №6418 (146) от 3 июля 2014 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 17 октября 2016 г.)
6. Всматриваясь в демографическую яму. Учёный предупреждает Нижний Тагил о демографической катастрофе. Опубликовано 09.06.2016 [Электронный ресурс]: URL: // <https://vsenovostint.ru/2016/08/09/vsmatrivayas-v-demograficheskuyu-yamu-uchyonyiy-urbanist-preduprezhdaet-cto-v-nizhnem-tagile-nastupaet-demograficheskaya-katastrofa/>(дата обращения: 22 октября 2016 г.)
7. Галина Соколова Как изменится Нижний Тагил к 300-летию?// Областная газета, 26 августа 2016 г. // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.oblgazeta.ru/politics/29906/>. (дата обращения: 22 октября 2016 г.)
8. Archangelsky V.N., Dzhanayeva N.G. Using cohort fertility indicators to assess and predict the effectiveness of demographic policies // Экономика региона, 2015. – № 4. – 385 с.

*Нарбут Виктория Викторовна,
кандидат экономических наук,
доцент Департамента учета,
анализа и аудита,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Исследованы особенности развития демографической ситуации в регионах Российской Федерации. Выделены группы регионов со схожей демографической ситуацией. Для каждой группы собраны и изучены показатели, характеризующие численность, состав и размещение населения, естественное движение и воспроизводство, брачную ситуацию и устойчивость семьи, миграционное движение населения. Осуществлена оценка влияния демографических показателей на величину общего прироста населения с помощью коэффициента корреляции рангов Спирмена и в каждой группе регионов выделены факторы, определяющие прирост или убыль населения.

Ключевые слова: демографическая ситуация, прирост и убыль населения, рождаемость, смертность, миграция, гендерная диспропорция, демографическая нагрузка, демографическая политика.

E-mail: vika-30@yandex.ru

*Narbut Victoria V.,
PhD (Economic),
docent of the Department of accounting,
analysis and audit,
Financial university under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

FEATURES OF A DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA'S REGIONS

Features of development of a demographic situation in Russian Federation are investigated. Groups of regions with a similar demographic situation are allocated. For each group the indicators characterizing the number, structure and accommodation of the population, the natural movement and reproduction, a marriage situation and stability of a family, the migratory movement of the population are collected and studied. Assessment of influence of demographic indicators at a size of the general increase in population by means of coefficient of correlation of ranks of Spirmen is carried out and in each group of regions the factors defining a gain or decline in population are allocated.

Keywords: demographic situation, gain and decline in population, birth rate, mortality, migration, gender disproportion, demographic loading, population policy

E-mail: vika-30@yandex.ru

Демографическая ситуация в отдельных регионах Российской Федерации отражает общие закономерности демографического развития страны. Демографические процессы, протекающие в субъектах РФ, находятся в тесной взаимосвязи с социально-экономическими процессами, зависят от них, а также определяют их. В Российской Федерации влияние региональных факторов на демографические процессы прослеживается сильнее, чем в других странах мира. Регулирование демографических процессов связано с существенным межрегиональным неравенством демографических процессов: регионы с депопуляцией населения соседствуют с регионами с выраженным расширенным воспроизводством. Поэтому для характеристики демографической ситуации в Российской Федерации необходим комплексный углубленный анализ демографической ситуации в отдельных регионах. Этот анализ необходим для выявления острых проблем регионального демографического развития, требующих приоритетного решения; определения причин неблагоприятной демографической ситуации; оценки возможных резервов повышения рождаемости, снижения смертности и увеличения продолжительности жизни населения, оптимизации миграционных процессов.

Анализ региональных различий в численности, составе и размещении населения, естественном и миграционном движении, а также их влиянии на демографическую ситуацию позволяют выделить особенности:

1. Для Российских регионов характерна разная плотность населения: наибольшая наблюдается в Центральном, Северо-Кавказском и Южном округах, наименьшая – в самом большом по территории округе – Дальневосточном.

2. Во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского, преобладает численность городского населения. В Центральном, Северо-Западном и Уральском федеральных округах удельный вес городского населения превышает 80%.

3. Для населения России характерна гендерная диспропорция. Во всех федеральных округах численность женщин превышает численность мужчин. Самая высокая степень диспропорции в Центральном федеральном округе, самая низкая – в Дальневосточном.

4. Во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского, пенсионная нагрузка превышает нагрузку по замещению. Последние пять лет характеризуются ростом общей демографической нагрузки во всех федеральных округах России. Максимальный рост общей нагрузки наблюдается в Уральском и Сибирском округах, минимальный в Центральном и Северо-Кавказском.

5. Последние пять лет характеризуются ростом численности родившихся и сокращением умерших и улучшением демографической ситуации в большинстве регионов РФ.

6. Отмечается увеличение коэффициента разводимости и снижение коэффициента брачности во всех федеральных округах. Анализ воздействия разводимости на показатели рождаемости населения с помощью коэффициента корреляции рангов Спирмена установлено, что увеличение показателя разводимости на 1000 браков, приводит к снижению рождаемости населения, уменьшению естественного прироста, а также увеличению удельного веса внебрачных рождений.

7. Регионы России уникальны по многим социально-экономическим и демографическим показателям. Но вместе с тем можно выделить схожие параметры демографической ситуации и объединить регионы в группы. Сходство районов позволяет выделить их общие черты и разработать единую стратегию демографического развития. На основе показателей естественного и миграционного прироста населения можно выделить группы регионов, представленные в таблице 1.

Таблица 1.

Группы регионов РФ по характеру демографической ситуации в 2014 гг.

Группа		Число субъектов	Субъекты Российской Федерации, входящие в группу
Число субъектов Российской Федерации, в которых население сократилось			
1	естественной убыли и миграционного оттока населения	19	Республика Карелия; Алтайский и Приморский края; Амурская, Архангельская (без Ненецкого автономного округа), Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Новгородская, Орловская, Псковская, Тверская, Ульяновская и Еврейская автономная области
2	превышения естественной убыли над миграционным приростом	13	Республика Мордовия; Костромская, Курская, Липецкая, Нижегородская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская, Тульская и Ярославская области
3	превышения миграционного оттока над естественным приростом	14	Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Коми, Марий Эл и Чувашская; Забайкальский, Камчатский и Хабаровский края; Иркутская, Магаданская, Мурманская, Оренбургская и Сахалинская области; Чукотский автономный округ
Число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось			
4	естественного и миграционного приростов	16	Республики Алтай, Ингушетия, Татарстан и Хакасия; Краснодарский, Красноярский и Ставропольский край; Астраханская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Томская, Тюменская (без автономных округов) и Челябинская области; города федерального значения Москва и Санкт-Петербург

Окончание табл. 1.

Группа		Число субъектов	Субъекты Российской Федерации, входящие в группу
5	превышения естественного прироста над миграционным оттоком	10	Республики Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Тыва, Чеченская и Удмуртская; Пермский край
6	превышения миграционного прироста над естественной убылью	8	Республика Адыгея; Белгородская, Воронежская, Калининградская, Калужская, Ленинградская, Московская и Самарская области

Для характеристики особенностей демографической ситуации групп регионов были собраны и изучены показатели, характеризующие численность, состав и размещение населения, естественное движение и воспроизводство, брачную ситуацию и устойчивость семьи, миграционное движение населения. В обобщенном виде они приведены в таблице 2.

Таблица 2.

**Различия демографической ситуации по группам регионов
Российской Федерации**

Показатель	Группа регионов					
	1 (n=19)	2 (n=13)	3 (n=14)	4 (n=16)	5 (n=10)	6 (n=8)
Численность, состав и размещение населения						
Численность сельского населения на 1000 чел. городского	388	434	484	546	813	466
Доля населения в возрасте 65 лет и старше, %	14,4	15,8	10,3	12,0	9,2	14,7
Численность женщин на 1000 мужчин	1172	1189	1096	1153	1115	1159
Нагрузка детьми, ‰	302	272	324	331	417	275
Пенсионная нагрузка, ‰	456	478	344	373	300	441
Общая демографическая нагрузка, ‰	758	750	668	703	717	716
Естественное движение и воспроизводство населения						
Коэффициент рождаемости, ‰	12,3	11,2	13,9	15,1	17,9	11,7
Коэффициент смертности, ‰	15,4	15,5	12,2	11,6	10,1	14,3
Коэффициент младенческой смертности	7,8	6,7	8,8	7,5	9,8	6,9

Окончание табл. 2.

Показатель	Группа регионов					
	1 (n=19)	2 (n=13)	3 (n=14)	4 (n=16)	5 (n=10)	6 (n=8)
Коэффициент естественного прироста, ‰	-3,1	-4,3	1,7	3,5	7,8	-2,6
Продолжительность жизни женщин, лет	75,2	76,5	74,5	76,9	75,7	76,5
Продолжительность жизни мужчин, лет	63,1	64,6	63,1	66,3	65,5	65,0
Брачная ситуация и устойчивость семьи						
Коэффициент брачности, ‰	8,2	7,9	8,4	8,6	7,4	8,1
Число разводов на 1000 браков	640	719	648	552	432	611
Доля родившихся вне брака, %	25,0	19,6	27,9	22,9	28,3	19,5
Миграционное движение населения						
Коэффициент миграционного прироста, ‰	-2,4	1,3	-6,1	3,0	-3,2	7,8

В первую группу вошли 19 регионов, в которых наблюдается сокращение населения за счет естественной убыли и миграционного оттока населения. Демографическая ситуация в этих регионах самая неблагоприятная. Коэффициенты естественного и миграционного прироста отрицательны. Коэффициент рождаемости очень низкий (12,3‰), а коэффициент смертности высокий (15,4‰). Очень высоко число разводов на 1000 браков, во всех регионах больше половины браков распадаются. Численность сельского населения на 1000 чел. городского по сравнению с другими группами самая маленькая (388). Общая демографическая нагрузка в регионах этой группы самая большая (758 ‰).

Во вторую группу попали 13 регионов, для которых характерно сокращение численности населения за счет превышения естественной убыли над миграционным приростом. Эти регионы привлекательны для мигрантов, но в них низкая рождаемость, которую необходимо стимулировать. Число разводов на 1000 браков во всех регионах больше 574, что способствует крайне низкой рождаемости населения (11,2‰). Коэффициент смертности высокий (15,5‰), однако младенческая смертность низкая (6,7 ‰). По сравнению с другими группами во второй группе регионов самая большая доля населения в возрасте 65 лет и старше (15,8%), следовательно, и пенсионная нагрузка на трудоспособное население (478‰) и самая маленькая нагрузка детьми (272‰). Также в регионах этой группы самая высокая разводимость населения (719 разводов на 1000 браков).

В третьей группе 14 регионов. В них наблюдается сокращение численности населения за счет превышения миграционного оттока (-6,1‰) над естественным приростом (1,6‰). Здесь самая незначительная гендерная диспропор-

ция (1096 женщин на 1000 мужчин), но и самая низкая продолжительность жизни как у женщин так и у мужчин (75 и 63 года соответственно).

В четвертой группе 16 регионов, в которых наблюдается как естественный, так и миграционный прирост. Эти регионы характеризуются благоприятной демографической ситуацией, условия проживания в них привлекают мигрантов. Здесь самая большая продолжительность жизни как у мужчин, так и у женщин (77 и 66 лет соответственно). К факторам, негативно сказывающимся на демографической ситуации, можно отнести высокий уровень разводимости населения (552 разводов на 1000 браков) при низком коэффициенте брачности (8,6 ‰).

В пятой группе десять регионов, в которых наблюдается увеличение населения за счет превышения естественного прироста над миграционным оттоком. Численность сельского населения преобладает над городским. К неблагоприятным факторам демографического развития можно отнести очень высокий показатель младенческой смертности (9,8‰) и большую долю детей, родившихся вне брака (28,3‰).

В шестой группе восемь регионов, в которых наблюдается прирост населения за счет превышения миграционного прироста (7,8‰) над естественной убылью (-2,6‰). В этой группе самая маленькая доля родившихся вне брака (19,5‰) и самый большой коэффициент миграционного прироста (7,8‰).

Учитывая выявленные различия групп регионов по демографической ситуации, актуальной задачей становится выявление факторов, оказывающих на нее определяющее воздействие. Для этой цели была осуществлена оценка влияния демографических показателей на величину общего прироста населения с помощью коэффициента корреляции рангов Спирмена.

Установлено, что в первой группе наибольшее влияние на общую убыль населения оказывает большая доля населения пенсионного возраста, а также высокие показатели смертности населения. Во-второй определяющее влияние на общую убыль населения оказывает низкая рождаемость и невысокая доля детей в общей численности населения. В третьей группе к убыли населения приводит его миграция. В четвертой основными факторами прироста населения являются низкая смертность населения и большой миграционный прирост. В пятой группе наибольшее влияние на общий прирост населения оказывают факторы, связанные с составом населения и его естественным движением. В шестой группе основным фактором роста населения является миграционный прирост.

Разработка мер по совершенствованию демографической политики России требует учета столь ярко выраженных различий в демографической ситуации отдельных регионов, а также их исторических, геополитических и природно-географических особенностей.

Список литературы и Интернет-источники

1. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года» (с изменениями и дополнениями от 1 июля 2014 г.).
2. Демографический ежегодник России. 2015: Стат.сб./Росстат. – М., 2015. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 24 октября 2016 г.)
3. Нарбут В.В. Проблемы смертности мужчин трудоспособного возраста в контексте демографической политики России / Моделирование демографического развития и социально – экономическая эффективность реализации демографической политики России: Материалы международной научно- практической конференции (Москва, 3 декабря 2015 года) / Отв. ред. – сост. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. и д. соц. н. Письменной Е.Е. – Москва: Экономическое образование, 2015. – С. 200 – 205.

*Синица Арсений Леонидович,
кандидат экономических наук,
научный сотрудник лаборатории
экономики народонаселения и демографии
экономического факультета,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ¹

В статье рассматриваются последствия «демографической ямы» для экономики и общества на федеральном уровне (на примере числа детей дошкольного возраста). Взяв за основу данные текущего учета населения за период с 1990 по 2016 годы и прогноз Росстата на период до 2030 г. мы делаем попытку оценить влияние изменения числа детей в дошкольном возрасте на развитие дошкольных образовательных организаций и социально-экономическое развитие общества. При любом из вариантов прогноза численности населения системе дошкольных образовательных организаций требуется модернизация. Подобная модернизация должна находиться в соответствии с демографической ситуацией в стране и включать меры, направленные на увеличение числа мест в ДОО и числа самих ДОО.

Ключевые слова: дошкольные образовательные организации, уход за детьми, прогноз, охват детей, дети дошкольного возраста, политика народонаселения, демографические волны, социально-экономическое развитие, демографическая ситуация, демографическая политика.

E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

*Sinitsa Arseniy L.,
PhD. (Economic), Researcher Laboratory
for Population Economics and Demography
Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE PRESCHOOL CHILDREN NUMBER CHANGE IN RUSSIA

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 15-06-04731 «Социальные и экономические последствия возможных сценариев демографического развития России (на федеральном и региональном уровнях)».

In the article the consequences of “the demographic pit” for both the economy and society (on the example of the preschool children number) are considered. On the basis of the current population statistics and the prognosis of the population number made by Rosstat for the period of 2030 we make an attempt to forecast the influence of the preschool children number change to the both preschool institutions net and social and economical development of the society. The system needs a modernization under all variants of the prognosis. Such modernization should include measures designed to increase both preschool institutions number and places in them and be in line with the demographic situation.

Keywords: preschool institutions, child care, prognosis, child care rate, preschool children, population policy, demographic waves, social and economic development, demographic situation, demographic policy.

E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

В основе демографической политики в настоящее время лежат вопросы рождаемости [2, С. 85] и негативные тенденции социально-экономического развития во многом связаны с уменьшением численности детей при повышении численности пожилых. Это создает угрозу экономическому развитию страны и национальной безопасности.

Прогноз населения России до 2030 г. [1] ставит перед исследователями ряд актуальных вопросов в сфере рождаемости, решение которых и поведение основных субъектов управления зависит от численности детей дошкольного возраста (далее – детей). Основными из них являются требуемое число дошкольных образовательных организаций (далее – ДОО) и численность рабочей силы (в частности, женской). Мы затронем только первый из них

Строительство ДОО – дорогое мероприятие: еще до кризиса стоимость создания одного места составляла около 1 млн рублей. В результате, знать динамику изменения численности детей для планирования бюджета очень важно.

На рис. 1 представлено изменение числа детей с 01.01.1990 г. по 01.01.2031 г. на основе данных текущего учета населения и прогноза Росстата на период до 2030 г. Нижняя граница – 0 лет, поскольку по медицинским нормам ребенка можно отдавать в ДОО в возрасте полгода. Кроме того, некоторые родители подают заявления на постановку на получения места в них уже в этом возрасте. Верхняя граница – возраст 6,5 лет, поскольку 1 января близко к середине интервала между 1 сентября одного года и 1 сентября следующего года, а распределения возраста поступления детей в ДОО мы не имеем.

С 1990 г. до 2002 г. наблюдалось снижение числа детей. Минимальный уровень рождаемости был в 1999 г., но поколения стали замещаться позже. До 2016 г. наблюдался рост численности детей, который был вызван повышением рождаемости (рис. 1).

При этом на протяжении всего периода число ДОО снижалось. До 1999 г. это не несло заметно ущерба для экономики страны, поскольку число детей снижалось быстрее. Однако с ростом рождаемости проблема нехватки мест стала крайне острой.

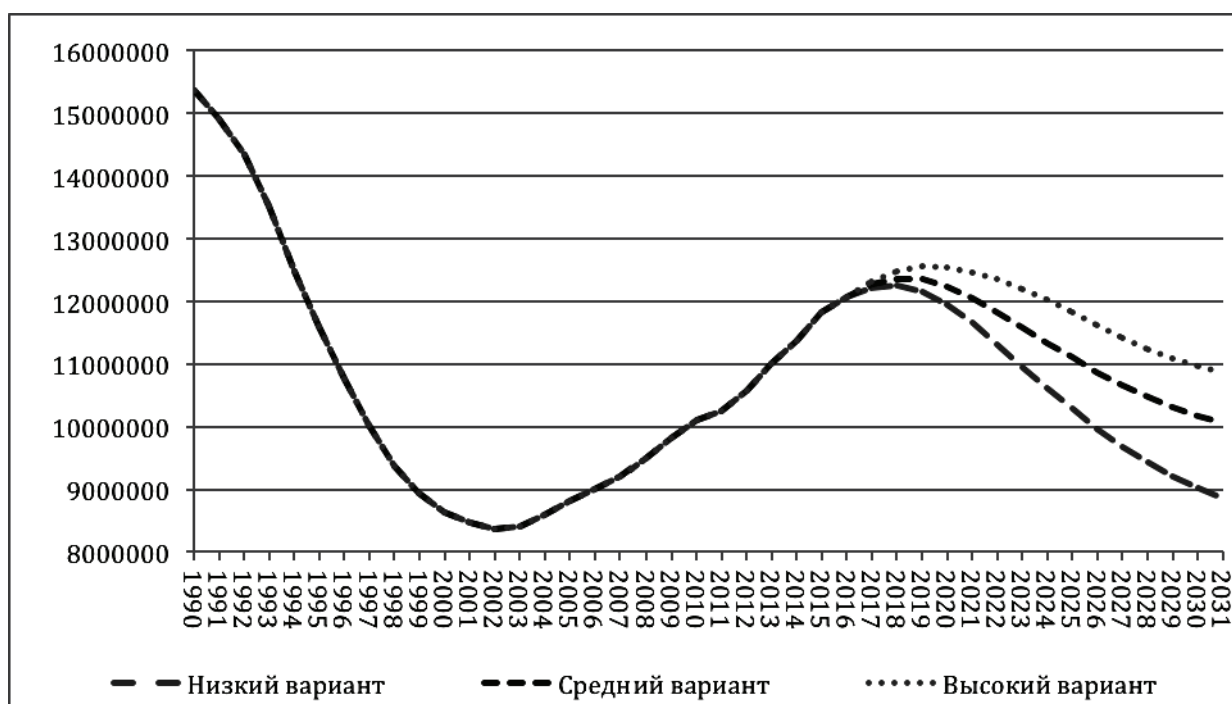

Рисунок 1. Изменение числа детей в 1990-2030 годах

Источник: Данные Росстата [1; 3; 4].

В дальнейшем Росстат прогнозирует снижение числа детей, что связано со снижением абсолютного числа рождений из-за вступления в репродуктивный возраст малочисленных поколений, рожденных в 1990-е годы. Следствием этого будет и снижение потребности в местах в ДОО. Однако даже по низкому варианту прогноза в 2030 г. детей будет больше чем в 2002 г. Следовательно, система ДОО нуждается в увеличении не только числа мест в ней, но и числа самих ДОО. Без этого значительная часть матерей будет испытывать сложности с выходом на работу, а экономика недополучит трудовые ресурсы, чего она не может себе позволить в условиях снижения численности населения в трудоспособном возрасте. Одновременно развитие сети ДОО повлияет на рождаемость и уровень жизни населения. При среднем и высоком вариантах изменения численности детей актуальность развития данной сети и цена неправильных решений гораздо выше, так как при низком варианте прогноза дефицит мест будет не менее 700-800 тыс., а при среднем и высоком – 1,2-1,5 млн и 2,0-2,4 млн мест соответственно.

Можно выделить несколько направлений мер государственной политики, направленных на изменение текущего положения. Необходимо развитие системы ДОО, так как в настоящее время она не позволяет удовлетворить потребности населения. Одним из используемых сейчас решений является уплотнение групп в ДОО. Однако увеличение размера групп до уровня свыше 20 человек, ведет к более низким темпам накопления человеческого капитала в будущем. При вводе ДОО необходимо учитывать, что демографическая структура населения волнообразная и за период, в котором численность детей

большая, последует период их низкой численности. Достичь этого можно двумя способами.

Во-первых, необходимо строить ДОО с учетом возможности их перепрофилирования, например, для нужд школы в условиях маленькой численности детей с перспективой их возврата в систему ДОО при увеличении числа детей соответствующего возраста. Во-вторых, на основе имеющихся для регионов прогнозов рождаемости можно выделять в системе ДОО постоянный и изменяющийся фонды. Постоянный фонд является основным. В него включаются объекты капитального строительства. Переменный фонд является дополнительным и в него включаются мобильные объекты, используемые непродолжительное время, которые могут быть легко перемещены в другой регион.

Для решения проблем в отношении развития сети ДОО необходим комплексный подход, предполагающий несколько вариантов развития, одним из которых должен является развитие негосударственного дошкольного образования. Опыт экономически развитых стран свидетельствует, что сеть муниципальных ДОО следует дополнить иными организациями и институтами, носящими вспомогательный характер.

Негосударственные ДОО могут функционировать в нескольких организационно-правовых формах: индивидуальный предприниматель, форма, которая наиболее удобна для оказания услуг няни, осуществляющей присмотр и уход за ребенком, а также образовательные услуги в индивидуальном режиме и в формате малого детского сада на базе собственной квартиры или частного дома в сельской местности; частный детский сад или образовательная организация, имеющая более одной группы детей на обслуживании; коммерческая организация, оказывающая услуги по присмотру и уходу за ребенком, а также организующая досуг детей; семейный детский сад для многодетных. При этом не следует забывать и о развитии института яслей, который в 2000-е годы практически исчез из системы ДОО.

Для дополнительной поддержки семей с детьми, направленной как на стимулирование рождаемости, так и на повышение их уровня жизни, следует изучить возможность создания института сертифицированных нянь. Такую меру не следует считать основной, а лишь дополняющей или поддерживающей уже существующую сеть ДОО, особенно для детей до трех лет. Опыт создания такого института есть в европейских странах, например в Германии. Наше предложение заключается в создании на муниципальном уровне базы данных лиц, которые хотят быть няней. Это было бы полезными родителям (в случае добровольного выбора такой формы), и муниципальным властям (в случае принудительного назначения такой формы ухода, когда родители не справляются с уходом за ребенком, но при этом ребенок остается в семье).

Введение такой меры положительно повлияет на улучшение демографической ситуации в стране. Родителям будет облегчен доступ на рынок труда в силу более гибкого подхода ко времени пребывания ребенка в системе ухода за детьми по сравнению с использованием традиционных детских са-

дов и при этом они будут уверены в качестве получаемого ухода. Дети будут воспитываться в условиях семьи, психоэмоциональный климат которой заменить в учреждениях возможно далеко не всегда. Родители, воспитывающие детей дома, получают дополнительную возможность официального заработка, который будет включен в трудовой стаж, и пенсионных отчислений и приведет к увеличению доли людей, использующих неоплачиваемую часть отпуска по уходу за ребенком. Кроме того, подобная форма ухода за детьми может повлиять на репродуктивные установки. Также эта мера будет способствовать повышению престижа труда по уходу за детьми дошкольного возраста и их воспитанию и позволит более полно включить многодетные семьи в жизнь общества.

Последний вывод касается необходимости более тщательного планирования социальных процессов. Существующую неблагоприятную ситуацию можно было предвидеть, но меры, направленные на ее улучшение были реализованы слишком поздно и в недостаточном объеме. В результате из-за слабого учета последствий принимаемых решений экономика и население сталкиваются с трудностями, которых можно было избежать.

Список литературы и Интернет-источники

1. Демографический прогноз до 2030 года. Численность населения по однолетним возрастам. – Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3a.xls (дата обращения: 25 октября 2016 г.)
2. Кваша А.Я. Проблемы демографического оптимума. Курс лекций. – М.: Издательство Московского Университета, 1974. – 104 с.
3. Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 25 октября 2016 г.)
4. Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548> (дата обращения: 25 октября 2016 г.)

*Чхутиашвили Лела Васильевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры философских
и социально-экономических дисциплин,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, Россия*

ПРОБЛЕМА САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена проблеме создания условий для самореализации молодежи как основной задаче демографической политики России. Составляя примерно четвертую часть населения страны, молодежь играет большую роль в социальных переменах страны и реализации курса российских реформ. Поэтому целью молодежной политики нашего государства должно стать создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны. Молодежь – это та часть российского общества, с которой связаны перспективы дальнейшего развития страны на ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: государство, молодежь, общество, предприниматели, политика, работники, самореализация, структура, условия, инновационная экономика.

E-mail: multistar@yandex.ru

*Chkhutiashvili Lela V.,
PhD (Economics), Docent,
docent of the Philosophical
and Socio-Economic Disciplines,
Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, Russia*

THE PROBLEM OF SELF-REALIZATION OF YOUTH IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the creation of conditions for self-realization of young people as the main task of Russian demographic policy. Constituting about a quarter of the population, young people plays an important role in the social changes of the country and the implementation of the course of Russian reforms. Therefore, the aim of the youth policy of our government should be to create conditions for successful socialization and effective self-realization of young people, the development of young people's potential and its use for the benefit of the innovative development of the country. Young people – this is the part of Russian society, which is associated with the prospects of further development in the coming decades.

Keywords: state, youth, society, entrepreneurs, policy workers, self-realization, structure, conditions, innovative economy.

E-mail: multistar@yandex.ru

Молодежь сегодня во многом определяет политическую, экономическую и социальную структуру общества во всем мире. Вместе с тем в нашей стране она является одной из особо уязвимых групп. В первую очередь это связано с ростом значимости этнической идентичности в условиях обострения кризисных процессов в экономике, нарастания социальной напряженности, что порождает негативные процессы во всех слоях общества, но особенно в среде молодежи. Молодежь – обширная совокупность групповых общностей, образующих на основе возрастных признаков и связанных с ними основных видов деятельности. В более узком, социологическом, смысле молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей. Результаты некоторых исследований показывают, что сегодня молодежь России – это 39,6 миллиона молодых граждан – 27% от общей численности населения страны. Молодежь в целом аполитична. В выборах федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, лишь 33% молодых граждан в возрасте до 35 лет интересуются политикой. Только 2,7% молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций. Вместе с тем за последние годы возросло число молодежных политических организаций: «Мы», «Наши», «Молодая гвардия Единой России», которые наряду с возрожденными в начале 90-х годов молодёжными коммунистическими организациями и молодёжным крылом «Яблока» и ЛДПР составляют пеструю палитру ярких и шумных политических молодежных структур. Их деятельность зачастую сводится к акциям, ориентированных на привлечение внимания СМИ. Еще одной формой участия российской молодежи в политике можно считать различные политические клубы.

Каждый второй молодой человек в России в возрасте 14-30 лет учится. Большинство учащихся общеобразовательных школ по их окончании планирует поступить в вузы, каждый пятый – на работу и каждый седьмой – в колледж. В ближайшей перспективе почти столько же молодых людей намереваются поступить на работу. В более отдаленном будущем планируют учиться в профессиональных учебных заведениях лишь отдельные школьники. Структура приема по всем формам высшего профессионального обучения в начале XXI века характеризовалась следующими показателями: на экономические специальности принято более 27% от общего количества зачисленных на 1 курс, на инженерно-технические – 31%, сельскохозяйственные – 4%, экологические – 1%, естественно-научные – 5%, гуманитарные – 18%, просвещения – 6%, медицины – 3%, культуры и искусства – 2%.

В России все еще высок уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 15-24 лет (6,4%). Различные отрасли экономики будут принимать молодые трудовые ресурсы крайне неравномерно. И если в сфере услуг и предпринимательства молодёжь составляет уже сегодня и будет составлять значительный процент работающих, то в социальной бюджетной сфере и сфере государственного и муниципального управления доля молодых работников сегодня незначительна и не сможет обеспечить преемственности в передаче функций в будущем.

Российские предприниматели при найме работников в среднем отдают определенное предпочтение лицам более молодых возрастов. Более того, при условии открытого найма (объявлении о вакансиях или обращении в рекрутинговые агентства) многие работодатели оговаривают, что принимают заявки на трудоустройство только от лиц, моложе определенного возраста (как правило, до 30 лет). В России в настоящее время возможности трудоустройства у молодежи гораздо больше, чем у лиц средних и старших возрастов, несмотря на отсутствие у молодежи опыта работы.

Основные социальные вопросы в России на перспективный период обозначены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Стоящие перед страной вопросы отражают как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития. Прежде всего, это возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Уровень конкурентоспособности инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров. Мы не сможем поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы. Ответ на этот вопрос предполагает улучшение демографической ситуации в стране, модернизацию здравоохранения и образования, развитие пенсионной сферы и социальной помощи, развитие культуры, формирование эффективных рынков труда и жилья.

Серьезной проблемой является продолжающееся старение населения, вызывающее увеличение нагрузки на пенсионную систему и систему здравоохранения. Если говорить о прекращении естественной убыли населения, то решение этой задачи потребует более высоких показателей рождаемости. Однако обеспечить их только за счет стимулирования рождаемости, скорее всего, не удастся. Здесь потребуются принять более активные меры по снижению смертности населения и борьбе с их вредными привычками.

Следующим необходимым условием для развития человеческого капитала является модернизация системы здравоохранения. Основной целью государственной политики в области здравоохранения в предстоящий период считается формирование системы, обеспечивающей доступность медицинской помощи, а также повышение эффективности медицинских услуг. Этого можно добиться путем расширения применения передовых разработок в сфере профилактики, диагностики и лечения заболеваний. А также повышения эффективности системы подготовки и переподготовки медицинских кадров.

Эффективное развитие человеческого капитала диктует новые требования к системе образования. Стратегическая цель государственной политики в области образования – повышение доступности качественного образования. Развитие системы общего образования предусматривает индивидуализацию, ориентацию на практические навыки и фундаментальные умения, расширение сферы дополнительного образования. Одним из главных условий развития системы высшего профессионального образования является вовлеченность студентов и преподавателей в фундаментальные и прикладные исследования, что позволит не только сохранить известные в мире российские научные школы, но и вырастить новое поколение исследователей, ориентированных на потребности инновационной экономики знаний.

Ведущая роль в формировании человеческого капитала отводится сфере культуры. Формирование успешной, социально ориентированной личности возможно только в культурной среде, позволяющей осознать цели и нравственные ориентиры развития общества. Данные обстоятельства требуют перехода к качественно новому развитию библиотечного, музейного, выставочного и архивного дела, концертной, театральной и кинематографической деятельности, традиционной народной культуры, сохранению и популяризации объектов культурного наследия. Широкое внедрение инноваций, новых технологических решений позволяет повысить степень доступности культурных благ, сделать культурную среду более насыщенной, отвечающей растущим потребностям личности и общества.

Непосредственное влияние на развитие человеческого капитала оказывают условия жизни людей. Это предопределило отнесение к национальным приоритетам мероприятий государственной жилищной политики. Скоординированные действия государства и институтов развития в прошедшем году позволили минимизировать негативное воздействие кризиса на отрасль, а также создали условия для поступательного развития рынка жилья в среднесрочной перспективе.

Стратегической целью государственной политики в области развития рынка труда в долгосрочной перспективе является создание условий для обеспечения экономики высокопрофессиональными кадрами и повышения эффективности их использования. Наряду с модернизацией системы профессионального образования и переподготовки кадров важнейшим условием реализации этих целей становится повышение гибкости рынка труда и его структурной сбалансированности, появление условий для профессиональной и территориальной мобильности населения. В этих условиях основным фактором ослабления дефицита рабочей силы остается процесс перераспределения работников из неэффективных предприятий в эффективные и повышение уровня производительности труда [5].

Переход к инновационной экономике приведет к изменениям сложившейся структуры занятости населения, будет сопровождаться сокращением неэффективных рабочих мест, перераспределением работников по секторам

экономики, расширением сферы услуг и возникновением новых направлений занятости. В этих условиях рынок труда позволит стимулировать создание новых эффективных рабочих мест, включая гибкие формы занятости, повысить их оборачиваемость.

Таким образом, социальные вызовы XXI века определяют необходимость дальнейшего совершенствования мероприятий социально-экономической политики нашего государства. Россия находится в центре глобальных политических и экономических процессов. Задача обеспечения ее поступательного, устойчивого, суверенного и демократического развития требует эффективной, адекватной реакции на современные вызовы и поддержания национальной конкурентоспособности во всех сферах. При этом государству и обществу необходимо правильно определить стратегические приоритеты, в числе которых молодежная проблематика занимает одно из ведущих мест.

Практика последних десятилетий убедительно доказывает, что в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств и обществ, которые смогут эффективно накапливать и продуктивно использовать человеческий капитал, а также инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь. Молодежь должна быть активным, заинтересованным участником решения задач, стоящих перед государством и обществом. В свою очередь государство и общество должны создать необходимые условия для самореализации молодежи и ее активного включения в общественные процессы. Это позволит обеспечить социальное, культурное и экономическое воспроизводство, ускорить развитие страны.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года говорится об управлении миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики [4]. Поэтому целью государственной молодежной политики должно стать создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны.

Достижение поставленной цели, на наш взгляд, следует осуществить за счет решения следующих задач: 1) вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях саморазвития, обеспечение поддержки научной, творческой и предпринимательской активности молодежи; 2) формирование целостной системы поддержки обладающей лидерскими навыками, инициативной и талантливой молодежи; 3) гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи, содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи. Молодежь – это та часть российского общества, с которой связаны перспективы дальнейшего развития страны на ближайшие десятилетия. Составляя примерно четвертую часть населения страны, молодежь должна играть большую роль в социальных переменах страны и реализации курса российских реформ.

Список литературы и Интернет-источники

1. Государственная молодежная политика в законодательстве Российской Федерации: Сборник документов. Ч. I-III / Под общей редакцией В. А. Лукова. – М.: Социум, 2000. –167 с.
2. Иванов О. И., Васильев И. Г. Динамика социальной напряженности в отношениях молодежи и общества (основные положения концепции исследования) // Регион: Политика. Экономика. Социология. – 2000. – № 1-2.
3. Молодежь России и вызовы XXI века: социально-нравственные проблемы адаптации в новых исторических условиях / Под общей редакцией д.э.н., профессора А.А. Шулуса. – М.: Наука, 2001. – 254 с.
4. Постановление Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года».
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.14.2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2015 года».
6. Чхутиашвили Л.В. Проблемы трудовой миграции в современной России // Миграционное право. – 2015. – № 2. – С. 36-39.
7. Чхутиашвили Л.В. Условия обеспечения устойчивого развития Российской Федерации// <http://elibrary.ru/item.asp?id=25521017/> Доклады и Тезисы участников IX Международной Кондратьевской конференции «Новая модель экономического роста: теоретические конструкции и реальная политика». – М., 2014. – С. 400-403.

Чхутиашвили Нана Васильевна,
кандидат экономических наук,
преподаватель кафедры философских
и социально-экономических дисциплин,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена демографическим проблемам трудового потенциала, базисом построения и нормального развития которых должно становиться нормирование труда. Нормирование труда является одним из важнейших элементов совершенствования организации труда и видом деятельности по управлению производством и направлено на выполнение и перевыполнение плановых заданий по производству продукции заданного качества при экономии рабочего времени. Разрабатываемые на предприятии системы нормирования должны быть нацелены на стимулирование роста производительности труда при достижении или перевыполнении работниками установленных норм труда при высоком уровне интенсивности труда и темпа работы.

Ключевые слова: инновации, предприятие, работник, нормирование, организация, труд, трудовой потенциал, управление, условия труда.

E-mail: multistar@yandex.ru

Chkhutiashvili Nana V.,
PhD (Economics),
lecturer of the Philosophical
and Socio-Economic Disciplines,
Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, Russia

DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF LABOUR POTENTIAL IN MODERN CONDITIONS

The article is devoted to demographic issues of labor potential, the basis of construction and normal development of which should become the regulation of labor. Rationing of labor is one of the most important elements of improving the organization of work and views on the management of production activities and is aimed at implementation and over-fulfillment of targets for the production of a given product quality while saving working time. Developed for the enterprise valuation system should be aimed at stimulating the growth of labor productivity in achieving or exceeding the established norms of the employees working at a high level of work intensity and pace of work.

Keywords: innovation, enterprise, worker, regulation, organization, work, labor potential, management, working conditions.

E-mail: multistar@yandex.ru

Необходимым условием социально–экономического развития общества является повышение эффективности экономики при полном учете интересов и потребностей человека во всех сферах его деятельности, и в первую очередь – в сфере труда. В современных условиях все более актуальными становятся демографические проблемы трудового потенциала, базисом построения и нормального развития которых должно становиться нормирование труда. Нормирование труда является одним из важнейших элементов совершенствования организации труда и видом деятельности по управлению производством и направлено на выполнение и перевыполнение плановых заданий по производству продукции заданного качества при экономии рабочего времени. Нормативно-методическое и информационное обеспечение нормирования труда персонала предприятия любой формы собственности и организационной структуры управления является одним из направлений реализации этих задач.

В рыночных условиях хозяйствования, стремясь увеличить доходы, организации используют резервы, связанные с совершенствованием организации и нормирования труда. Однако практика свидетельствует о недооценке роли нормирования труда как элемента управления в интересах экономического, технического и социального развития организации, влияющего, в частности, на снижение трудовых затрат в структуре себестоимости продукции. Это, с одной стороны, не способствует устойчивости экономического состояния организации, а с другой – не обеспечивает конкурентную способность производимой продукции на рынке.

Так, если в 1981 г. доля работников, труд которых нормировался, составляла в народном хозяйстве 86,2%, а в отраслях промышленности – 92%, то на период обследования – соответственно 68 и 73%. Значительное снижение этих показателей произошло за счет отказа от нормирования труда рабочих-повременщиков и служащих. Большинство предприятий (96%) отмечают, что нормативы по труду, изданные в 1975-1980 гг., не отвечают современному технологическому и организационному уровню производства и практически не могут быть использованы при нормировании труда. В результате по группе машиностроительных предприятий нормы выполняются в среднем на 170%, а рабочими основных профессий – на 190-212%, что свидетельствует о низком уровне напряженности норм, а, следовательно, высоких издержках на трудовых затратах.

На многих предприятиях сегодня были сокращены либо ликвидированы службы по труду, либо они переориентированы на выполнение несвойственных им функций в ущерб решению актуальных задач по нормированию труда.

Так, по состоянию на период обследования подразделения, занимающиеся нормированием труда, сохранились лишь на 104 предприятиях из 281 (37%) при численном составе от 3 до 17 человек в зависимости от численности всего производственного персонала. На 10% обследованных предприятиях нормированием занимается один работник, а на 19 предприятиях специалисты по труду вообще отсутствуют. Кроме того, значительно снизился профессионально-квалификационный уровень работников по труду, занятых нормированием в результате значительного сокращения служб по труду в 80-е годы, старением кадрового состава, отсутствием подготовки специалистов по организации и нормированию труда [1, С. 84].

В то же время опыт ряда организаций свидетельствует о том, что без нормативного регулирования продолжительности рабочего времени, уровня напряженности норм труда, организации рационального использования рабочего времени, без снижения трудовых затрат не могут решаться экономические и социальные задачи внутри предприятия. Интерес к нормированию труда со стороны работодателей объясняется важностью точного учета и контроля издержек производства на трудовые ресурсы, повышением эффективности труда работников всех категорий, прежде всего, за счет максимально рационального использования рабочего времени. Внимание к нормированию труда повышается и в связи с определением стоимости рабочей силы на рынке труда, где в рыночные отношения вступают работодатель и работник. При определении цены труда каждого работника становится очевидной необходимость установления наряду с оценкой его квалификации, сложности и условий труда, также – продолжительности рабочего времени с учетом степени интенсивности труда и темпа работы.

На основе анализа современного состояния проблемы нормирования труда и в целях обеспечения решения задач его совершенствования разработана Концепция государственной политики в сфере труда, в том числе организации и нормирования труда. Современные рыночные условия хозяйствования предъявляют жесткие требования к наемному работнику, как с профессиональной точки зрения, так и в отношении его умения рационально использовать рабочее время [6]. В то же время установление завышенных норм производительности труда приводят к чрезмерной интенсификации труда, повышению расходования жизненных сил наемного работника. Выполнение таких норм сопровождается, как правило, огромным напряжением, прежде всего физических сил работника, что характерно для частных предприятий. Следовательно, особо актуальной становится оценка уровня интенсивности труда при установлении экономически и социально обоснованных норм трудовых затрат.

Только система регулирования взаимоотношений наемных работников и работодателей, адекватная рынку, создаст правовую основу для расчета, обоснования, пересмотра и установления норм труда на предприятии в соответствии с требованиями рынка, нуждами и возможностями предприятий и, что не менее важно, с учетом интересов работников. Стержнем системы коллектив-

но-договорных отношений должны стать отраслевые тарифные соглашения и коллективные договора, регламентирующие процедурные вопросы введения новых и замены действующих норм выработки. На каждом предприятии в них могут быть определены перечни централизованно разработанных норм и нормативов, подлежащих использованию в качестве обязательных или рекомендуемых при установлении норм на предприятиях, вопросы использования единых тарифно-квалификационных справочников, применения пониженных норм для отдельных категорий работников (инвалидов, несовершеннолетних, беременных женщин, лиц предпенсионного и пенсионного возраста).

Таким образом, регулирование вопросов нормирования труда в отраслевых соглашениях и коллективных договорах обеспечит защиту интересов обеих сторон трудовых отношений, их сбалансированность и развитие, а также разрешение возникающих противоречий без порождения конфликтов. Функция нормирования труда сегодня становится органической частью функций управления организацией [5, С. 52-61]. Государство, безусловно, должно помочь в восстановлении сети научно-исследовательских структур по труду, нормативно-исследовательских, проектных и других организаций, способных заниматься решением рассматриваемой проблемы. Это особенно важно в целях определения единых методических принципов измерения меры труда, проектирования норм и нормативов по труду, экономии рабочего времени, принципов организации нормирования труда.

Государство должно заняться кадровым обеспечением служб предприятий специалистами в области нормирования труда. В этой связи необходимо принять меры по подготовке кадров по труду и повышению квалификации специалистов, занятых организацией и нормированием труда. На предприятиях же требуется создать условия для реализации нормами труда их основных функций, для решения методических вопросов нормирования труда, обеспечивающих их комплексное обоснование в зависимости от конкретных производственных условий, для создания комплексного программного обеспечения работ по разработке нормативов затрат труда на ЭВМ и т.п. Установление индивидуальных трудовых норм позволит реализовать заинтересованность работника в таком содержании и таком объеме функций и работ, при которых обеспечивается наиболее полное и эффективное использование его рабочего времени и адекватная оплатой его труда. Индивидуализация трудовых норм позволит более полно использовать трудовой потенциал каждого работника, исходя из его реальных способностей и личной материальной заинтересованности, отвечающих возможностям и интересам предприятия.

Список литературы

1. Бычин В.Б. и др. Нормирование труда: Учебник. – М.: «Экзамен», 2002. – 320 с.
2. Зубкова. А. Нормирование труда в рыночных условиях // Человек и труд. – 2000. – № 2. – С. 81-85.

3. Кучма М. Оплата труда и нормирование // Человек и труд. – 2003. – № 11. – С. 75-79.
4. Тучков А.И. Экономика труда: учебное пособие. – М.ИКФ «ЭКМОС», 2001. – 239 с.
5. Чхутиашвили Н.В. Нормирование как основа рационализации труда рабочих промышленности в условиях рыночной экономики: Дис. ... канд. экон. наук. – М., 2000. – 168 с.
6. Чхутиашвили Н.В. Организация труда и мотивация в коммерческих банках в современных условиях // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. – 2011. – № 3. – С. 257-262.
7. Шепеленко С.Г. Организация, нормирование и оплата труда на предприятии. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д, 2004. – 160 с.

Шакирова Назира Михайловна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры педагогики и социальной работы,
Псковский государственный университет,
г. Псков, Россия

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

В статье описан круг проблем, с которыми сталкивается Россия на современном этапе своего развития. При оценке и анализе ситуации акцент сделан на демографических проблемах, роли и месте демографии, как науки в исследовании таких явлений человеческой жизни, как «рождаемость, смертность, брачность и прекращение брака; воспроизводство супружеских пар и семей, воспроизводство населения в целом как единства этих процессов. Показана роль семьи как основного института воспроизводства населения. Охарактеризованы факторы, и причины способствующие ослаблению роли семьи в естественном воспроизводстве населения: трансформация института семьи и появление новых форм семейных отношений; низкое качество жизни современной семьи в России, снижения уровня возможностей влияния семьи на самостоятельный выбор в построении грамотной семейной политики, ухудшение духовного и нравственного состояния семьи. Описана взаимосвязь между нравственно-эмоциональным состоянием семьи и демографической ситуацией в стране. Обращено внимание на необходимость использования материальных и духовно-нравственных мер в едином комплексе при решении демографических проблем.

Ключевые слова: семья, деторождение, отношения, нравственность, духовность, эмоции, семейная политика, демография, уровень жизни, экономика.

E-Mail: shanm.2011@yandex.ru

Shakirova Nazira M.,
PhD. (Philosophy),
assistant professor of education and social work,
Pskov State University,
Pskov. Russia

SOZIO-ÖKONOMISCHEN UND MORALISCHEN EMOTIONALE PROBLEME DER FAMILIE UND BEVÖLKERUNG FRAGEN

Beschreibt die verschiedenen Probleme, die von Russland in der gegenwärtigen Phase seiner Entwicklung konfrontiert. Bei der Bewertung und Analyse konzentriert sich die Situation auf Demographie, Demografie Rolle und Position, als eine Wissenschaft, die

Studie solcher Phänomene des menschlichen Lebens als "Geburten, Todesfälle, Ehe und Scheidung; Reproduktion von Paaren und Familien, Reproduktion der Bevölkerung als Ganzes als eine Einheit dieser Prozesse. Die Rolle der Familie als Basisinstitution der Bevölkerung Reproduktion. Beschriebenen Faktoren und Ursachen, die zur Schwächung der Rolle der Familie in die natürliche Reproduktion der Bevölkerung: die Transformation der Institution der Familie und die Entstehung neuer Formen der familiären Beziehungen; niedrige Qualität des Lebens der modernen Familie in Russland, Verringerung der Familien zu beschließen, ein kompetenter Familienpolitik zu bauen Einflussmöglichkeiten Verschlechterung der geistigen und moralischen Zustand der Familie. Beschreibt die Beziehung zwischen moralischen und emotionalen Zustand der Familie und demographischen.

Keywords: familie, fortpflanzung, beziehungen, moral, spiritualität, emotionen, familienpolitik, demographie, wirtschaft, des lebensstandards.

E-Mail: shanm.2011@yandex.ru

Все проблемы страны Е.И. Холостова разделила на несколько групп: проблемы социально – экономические, социально – бытовые, социально – психологические, проблемы стабильности семьи, проблемы семейного воспитания, проблема демографической ситуации и проблемы семей группы риска [6]. Проблемы демографической ситуации изучает наука демография. Она исследует такие явления человеческой жизни, как «рождаемость, смертность, брачность и прекращение брака; воспроизводство супружеских пар и семей, воспроизводство населения в целом как единства этих процессов; она исследует изменения возрастно-половой, брачной и семейной структуры населения; взаимосвязь демографических процессов и структур, а также закономерности изменения общей численности населения и семей как результата взаимодействия этих явлений. Демография разрабатывает методы описания, анализа и прогноза демографических процессов и демографических структур» [2, С.56].

В Энциклопедическом словаре пишется о том, что объектом демографии являются процессы взаимодействия рождаемости, смертности, а также брачности, прекращения брака и воспроизводства населения в целом [5, С.115].

Таким образом, реальную демографическую ситуацию в любой стране определяют три главных процесса: смертность, рождаемость, миграция. В России уже в течение продолжительного времени демографическая ситуация характеризовалась низким уровнем рождаемости, высоким уровнем смертности и недостаточно эффективной иммиграционной политикой. Ключевым фактором повышения данных показателей в процессе демографического перехода за последние годы в России стало увеличение рождаемости, вследствие принятых мер по ее стимулированию и развитию. Действительно, за последние годы сделано немало: увеличены пособия на детей и по – беременности и родам, введена система материнского капитала, учреждены федеральные и региональные награды за достойное воспитание детей. Но кардинально переломить ситуацию пока не удается и достигнутый уровень рождаемости за последние годы, по мнению экспертов, в ближайшие десятилетия не будет обеспечивать

естественное воспроизводство населения в России. Под естественным воспроизводством населения понимается – «совокупность процессов рождаемости, смертности и естественного прироста, обеспечивающих возобновление и смену людских поколений» [4].

Проблемы в демографической сфере формировались на протяжении длительного времени, и некоторое повышение рождаемости не дает и не даст в будущем тот эффект, который ожидается, в связи с тем, что не исчезли, а напротив, актуализировались причины, обуславливающие низкий уровень воспроизводства населения. Все так же актуальны проблемы эмиграции. За последние годы из страны выехало, немало молодых людей, которые могли бы создать семьи и улучшить демографию. Усложняет ситуацию и возникновение новых форм семейных отношений: внебрачные рождения, увеличение количества разводов, рост гражданских (нерегистрируемых) браков, формирование новых семейных структур, таких, как материнская семья.

Рождение в материнской семье второго и третьего ребенка осложняется отсутствием системы мер и способов поддержки со стороны государства; ростом проблем одиноких матерей в системе отношений с противоположным полом; возникающими трудностями в вопросах трудоустройства.

Растут также и проблемы, связанные с низким качеством жизни семьи, ее бюджета и обеспеченности жильем, даже несмотря на решения, предполагающие дальнейшее увеличение социальных выплат (размера денежных пособий матерям с детьми, многодетным семьям, компенсации на дошкольное воспитание и т.д.). Экономический кризис, политическая нестабильность, будут и дальше ухудшать положение семьи, являющейся основной демографической ячейкой, формировать негативный демографический климат, усиливать тенденцию к снижению рождаемости. И в этом случае все труднее будет поддерживать баланс посредством материальных вливаний, которые и в нынешнем виде не способны удовлетворить потребности семьи в достойном существовании.

Принимая решение о рождении детей, будущие родители вынуждены оценивать свои возможности в создании для ребенка достойных условий жизни, условий для развития, самореализации и образования. Они думают и о том, смогут ли они найти для себя достойную работу, сделать карьеру, достигнуть успеха. И это уже веяние нового времени, когда рождение детей стало делом свободного выбора родителей и регулируется только господствующей системой ценностей и предпочтений. На первый план выдвигаются новые ценности современного мира – карьера, бизнес, деньги, иные жизненные блага. Усиливается нравственный аспект, а не вопросы материального достатка. По мнению Климантовой Г.И., меняются ценности, нравственные приоритеты – и молодые либо не могут, либо не хотят рожать, не хотят воспитывать детей [3, С.2].

Закон духовно демографической детерминации сформулирован И. Гундаревым, основная суть которого выражена в следующем: при прочих равных

условиях улучшение (ухудшение) нравственно – эмоционального состояния общества сопровождается улучшением (ухудшением) демографической ситуации.

Академик РАН В.И. Жуков считает, что именно отношения людей в пространстве нравственных ценностей являются наиболее существенными, фундаментальными для общества. Следуя этому подходу, роль семьи и нравственные отношения в семье должны стать важными и значимыми в демографической политике государства.

Большинство семей способно преодолевать трудности, имея четкие нравственные ориентиры, и это, в результате, объединяет, сплачивает ее членов. Но случается и так, что, утратив уверенность в себе, взрослые впадают в апатию, снижается их социальная активность, возникает равнодушие к себе, к окружающим, а у некоторых изменение ситуации, например, рождение детей, вызывает даже чувство опасности. Когда члены семьи испытывают тревожность, эмоциональный дискомфорт, отчуждение, в этом случае говорят о неблагоприятном психологическом климате в семье. Всё это препятствует снятию стресса и усталости, ведет к депрессиям, психической напряженности и дефициту в положительных эмоциях, а значит, выполнению семьей одной из главных своих функций – репродуктивной.

Преодолеть временные невзгоды и материальные трудности может семья, в которой рождение детей является ценностью, есть некое чувство сопричастности к развитию страны, ее культуре и традициям. Здоровая семья, в которой отсутствуют конфликты, и есть ощущение единства и уверенности в будущем, имеет сильную родительскую позицию и способна к выстраиванию правильной семейной политики, а значит, подходить осознанно к вопросам деторождения.

Отсюда следует, что:

1. Природа внутрисемейной детерминации ресурса деторождения является преимущественно нравственно-психологической.
2. Ресурс деторождения определяется также качеством жизни семьи
3. Все факторы, определяющие возможности семьи в исполнении репродуктивной функции, взаимосвязаны и влияют друг на друга
4. Источником преодоления кризиса института семьи, проблем демографии является, прежде всего, укрепление нравственных основ общества, возрождение традиционных семейных ценностей, формирование установки на многодетность
5. В комплексе с программами, направленными на повышение материального благосостояния семей с детьми, помощи в решении жилищных проблем молодой семьи и материального стимулирования рождения детей, должны реализовываться и мероприятия духовно-нравственного порядка.

Список литературы и Интернет-источники

1. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. Фонд национальной и международной безопасности. – Москва: Беловодье, 2001. – 347 с.
2. Денисенко М. Б., Калмыкова Н. М. Демография. – Москва, 2007.
3. Климантова, Г. И. Современная семейная политика: проблемы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения [Электронный ресурс] / Г. И. Климантова // Журнал «Вестник Совета Федерации». – 2009. – № 10. – Режим доступа: <http://nlib.sakha.ru:83/index.php/ru/2008-10-28-01-50-40/457-2009-10-07-07-13-22> (дата обращения: 25 октября 2016 г.)
4. Медков В. М. Демография: Учебник. – Москва: ИНФРА–М, 2004. – 576 с.
5. Народонаселение: Энциклопедический словарь. – Москва, 1994.
6. Холостова Е.И. Социальная работа и социальная сплоченность общества. – Москва: Дашков и К, 2014. – 127 с.

*Щербич Людмила Ивановна,
кандидат философских наук, доцент,
научный редактор,
Военно-медицинский журнал,
директор
АНО «Многопрофильный просветительско-
консультативный центр «Прагматика»,
г. Москва, Россия*

ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕМОГРАФИИ

Демографический кризис как в России, так и во всем в мире, в немалой степени связан с падением рождаемости из-за искусственного прерывания беременности и его последствий. Говорится о либерализме России в этом вопросе. В публикации поднимается вопрос об изменении мировоззрения в отношении к абортам, защите репродуктивного здоровья женщин несмотря на давление со стороны «абортного» лобби.

Ключевые слова: искусственное прерывание беременности, аборт, демография, статистика, защитники и противники абортов, причины абортов, демографический кризис, лобби, лоббирование.

E-mail: LSch-19@yandex.ru

*Sherbich Lyudmila I.,
PhD (Philosophy), Docent,
scientific editor of Military-medical journal,
Director of ANO "Multidisciplinary scientific
educational Advisory Center "Pragmatics"
Russian Federation,
Moscow, Russia*

ABORTION THROUGH THE PRISM OF DEMOGRAPHY

The demographic crisis in Russia and throughout the world largely associated with the fall in the birth rate due to induced abortion and its consequences. Refers to the liberalism of Russia in this question. The publication raised the issue of changing attitudes in relation to abortion, the protection of women's reproductive health despite the pressure from the "abortion" lobby.

Keywords: abortion, , the demographic crisis, lobby, lobbying.

E-mail: LSch-19@yandex.ru

В современной России идут крайне острые дебаты по проблеме искусственного прерывания беременности между сторонниками абортов и их противниками. Сила столкновения мнений на разных уровнях государства и общества свидетельствует об актуальности проблемы абортов, которая влияет не только на демографию, но и на психическое самочувствие взрослых и детей.

Аборты, на мой взгляд, зло, которое наносит поражение всем сторонам данной дискуссии. Ведь противники абортов получают постоянные подтверждения того, что общество больно. К прерыванию беременности женщин подталкивают разные обстоятельства. Многие женщины вряд ли пошли бы на такой шаг, если бы не давление со стороны разных сил: мужчин (включая не только бойфрендов, но и некоторых мужей), родителей и др. людей, которые порой не понимают, что аборт является преступлением против жизни. Однако подпись в документах, в которых подписывается согласие на аборт, всегда ставит женщина.

Известно, однако, что после аборта возникают еще большие проблемы, чем до него.

Сторона защитников абортов тоже терпит поражение, потому что их главное обоснование защиты искусственного прерывания беременности – экономическая неустроенность семьи и экономическое положение страны в условиях кризиса. Другие причины защитников абортов волнуют в меньшей степени, хотя они старательно апеллируют и к ним.

Неудивительно, что среди населения растут протесты не только против абортов, но и против самих защитников искусственного прерывания беременности. Противники абортов считают их чуть ли не врагами России. Этому мнению благоприятствует сама манера ведения дискуссий защитниками искусственного прерывания в оскорбительном и даже агрессивном тоне.

Не вдаваясь в подробности такой борьбы, ее морально-нравственной, этико-медицинской, психологической и др. сторон, подчеркнем тот факт, что из-за многих причин, среди которых аборты и их последствия, демографическая ситуация в нашей стране довольно тяжелая. Такая же ситуация отмечается и в других странах «цивилизованного» мира, где разрешено искусственное прерывание беременности.

В настоящее время аборты разрешены практически во всех странах нашего развитого и не очень развитого мира. Очевидно, что закат Европы все ближе. Тьма народов из мусульманского мира выбрала себе для жительства Европу, которая пытается сопротивляться этому множеству переселенцев. Думаю, что переселенческие потоки вполне можно считать замещающими традиционное население этих стран, где демографический кризис существует уже не первый год и все более углубляется.

В демографической трансформации мира сыграли свою роль аборты и последствия после них, в результате которых некоторая часть женщин теряет способность к воспроизводству рода.

Согласно статистике, аборт ежегодно делают примерно 55 млн женщин, т. е. «21% всех беременностей прерывается искусственным путем. Та же статистика аборт говорит о том, что около 70 тысяч женщин ежегодно умирают от различных осложнений, явившихся результатами абортов» [5].

Эта трагедия достигла грандиозных масштабов. По результатам, полученным доктором Б. Клоусом, директором по образованию и научным исследованиям Human Life International, за последние 40 лет в мире было сделано более чем 1,72 млрд абортов, и эта тенденция не снижается, но растет в геометрической прогрессии. Все больше и больше стран принимают и легализуют контрацепцию и аборт в качестве методов контроля численности населения под видом «планирования семьи» и «репродуктивного здоровья» [2].

По статистике, после первого аборта каждая пятая женщина теряет возможность к последующему рождению детей. При этом 40% абортов делается по желанию женщины (хотя это формально, фактически чаще всего не так), 25% выполняются по причине угрозы здоровью женщины, причиной 23% абортов являются различные социальные проблемы, а в 12% случаев искусственное прерывание беременности производится по причине аномалий развития плода [5].

Из 75% девушек (мировая статистика), вступающих в половую активность до 20 лет и делающих аборт, 10% становятся бесплодными. Установлено, что частота осложнений у впервые забеременевших и решившихся на аборт женщин достигает 45%, в среднем же этот показатель составляет 28% [5].

Согласно мнению директора Научного Центра здоровья детей, академика РАН, д.м.н., профессора, председателя Исполкома Союза педиатров России А.А. Баранова, официальная статистика абортов сильно занижена. На самом деле она составляет не 1 млн, а более 3–4 млн в год [3]. Россия занимает одно из первых мест в мире по количеству абортов в процентном отношении к общему числу рожденных детей.

Каждый пятый аборт приходится на девушку-подростка в возрасте от 10 до 18 лет. До 15% операций дают осложнения, около 8% женщин остаются бесплодными [1]. Специалисты считают, что статистика абортов в России не может быть полной, а ее показатели можно с уверенностью увеличить вдвое, так как аборты, проведенные в частных клиниках, а также самостоятельное медикаментозное прерывание беременности в статистику не входят.

Исследователи данной темы указывают, что самой либеральной страной в отношении искусственного прерывания беременности по-прежнему остается Россия, которая была первой и в его легализации.

В последние годы в России растет рождаемость. Однако слишком медленно: на общей демографической ситуации это не особенно сказывается. И Россия по количеству абортов на душу населения, к сожалению, занимает лидирующее положение, хотя в суммарном отношении абортов делается меньше, чем в Китае и США. На каждое живорождение в России приходится 2 аборта.

И хотя мир в целом и Россия в частности испытывают сильнейший демографический кризис, это не останавливает лоббирования таких тем, как планирование семьи, способы и средства «сексуального и репродуктивного» здоровья, регулирование народонаселения (среди которых аборты). Лобби выступают очень активно. Лозунг «Мое тело – мое дело», по сути означающий максимальный доступ к абортам, провозглашается с различных трибун. При этом никто из лобби не берет в расчет, что это уже не только тело женщины, но и зародившегося в нем ребенка. Разрушая тело ребенка, женщина совершает убийство.

Так, теме искусственного прерывания незапланированной беременности посвящалась отдельная сессия саммита «Большой семерки» 2016 в Исе-Шиме, Япония, специальная конференция, спонсируемая Фондом народонаселения ООН (ЮНФПА) и Международной федерацией по планированию семьи (IPPF), другие встречи G7. Декларация GCPPD 2016 призывает «Большую семерку» «интерпретировать существующие законы так, чтобы гарантировать максимальную доступность абортов: “Убрать юридические барьеры, мешающие женщинам и девушкам-подросткам получать доступ к безопасным абортам, включая упразднение ограничений в существующих законах об абортах, легализовать и гарантировать доступность безопасных, качественных услуг по аборт”» [4].

Декларация GCPPD 2016 призывает упразднить законы, необходимые для защиты нерожденной жизни. Предлагается продвигать программы, посвященные аборт по требованию, на широком международном пространстве. Такие программы – свидетельство агрессивности политики стран, входящих в G7 и стремящихся к диктату над каждым человеком и над обществом в целом.

Аборт – это абсолютное зло, проявляющееся и на общественном уровне (сокращение численности трудоспособного населения), и на семейном, и на личностном. Последствия искусственного прерывания беременности жизни приводят к сокращению доли трудоспособного населения, ухудшают физическое и психическое здоровье женщин и рождающихся у них последующих детей, снижают качество жизни семьи.

Сокращение численности населения приводит к постарению общества и нарушению традиционного разделения труда.

Противостояние защитников и противников абортов продлится долгие годы. Преодоление сложившейся «абортной культуры» и «абортного мировоззрения», заикленных на плюрализме и вседозволенности решения вопроса об аборте, потребуют усилий государственных, общественных и религиозных организаций при участии широкого круга общественности.

Список литературы и Интернет-источники

1. Аборт: что вы об этом знаете? // сайт Никольской районной больницы. – Режим доступа: http://nikzrb.ru/health_view.php?row=11 (дата обращения: 28 октября 2016 г.)

2. За последние 40 лет в мире совершено 1,72 млрд. абортотв // Demographia.net. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demographia.net/zaposlednie-40-let-v-mire-soversheno-172-mlrd-abortov> (дата обращения: 10 июля 2016 г.)

3. Матвейчев О. Глава союза педиатров России: у нас делается порядка 3–4 млн абортотв в год // Русский пульс. – Режим доступа: <http://russianpulse.ru/matveychev-oleg/2016/06/09/1540241-glava-soyuza-pediatrov-rossii-u-nas-delaetsya-poryadka-3-4-mln-abortov-v-god> (дата обращения: 25 октября 2016 г.)

4. Про-абортное лобби вынуждает G7 продвигать абортотв по всему миру / Пер. Углевой А. // REFNEWS. Консервативный взгляд. [Электронный ресурс]. 2016. – Режим доступа: <http://www.refnews.ru/read/article/1390876/> (дата обращения: 27 июля 2016 г.)

5. Статистика абортотв // Не бодем. – Режим доступа: <http://www.nebolem.net/stati-o-detjah/6494-statistik> (дата обращения: 25 октября 2016 г.)

Раздел 3.

**ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Section 3.

**THE TRENDS IN FERTILITY AND MORTALITY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Анисимов Сергей Алексеевич,
доктор социологических наук, профессор,
кафедры акмеологии и психологии
профессиональной деятельности,
Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Павлов Борис Сергеевич,
доктор философских наук, профессор,
действительный член МАН и РАЕН,
член-корреспондент РАЕ,
ведущий научный сотрудник,
Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Павлов Денис Борисович,
адвокат, Адвокатское бюро Свердловской области
"Юралс Лигал",
магистрант Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК НЕПРЕЛОЖНЫЙ СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНЕ (на примере Урала)

В статье акцентируется внимание на понятии и содержании процесса воспроизводства человеческого потенциала в рамках региона. Авторы считают, что семья с ее потребностями и потенциальными возможностями является одновременно и заказчиком, и потребителем всех общественных взаимодействий, тем самым определяя своё значение в расстановке объектно-субъектных отношений федеральной и региональной семейной (молодёжной) политики. Особое внимание авторы уделяют анализу таких корневых феноменов, детерминирующих количественные и качественные показатели перманентно воспроизводимого человеческого потенциала в регионе, как репродуктивное поведение населения, здоровьесберегающий образ жизни, преемственность и консолидация поколений «отцов и детей», соизмеримость индивидуальных, групповых (семейных) и общественных (на уровне регионального социума) интересов и затрат в процессе рождения и воспитания потомства. В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам уральских семей и молодёжи, проведённых авторами в 1999-2016 гг. в Институте экономики УрО РАН.

Ключевые слова: человеческий потенциал, региональный социум, жизненные ценности, семья, матримониальные отношения, культура демографического поведения, семейная политика в регионе.

E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Anisimov Sergey A.,
*Doctor of Sociology, Professor,
Chair of Akmeology
and Psychology of Professional Activity,
Russian Academy of National Economy
and Public state under
the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Pavlov Boris S.,
*Doctor of Philosophy, Professor,
Member of IAAS and RANS,
Leading Researcher Institute of Economics,
Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia*

Pavlov Denis B.,
*lawyer, Law Office of Sverdlovsk region "Urals-Legal",
undergraduate Russian Academy of National Economy
and Public state under
the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

SOCIAL INSTITUTE OF THE FAMILY AS IMMUTABLE SUBJECT AND OBJECT OF PROCESS OF REPRODUCTION HUMAN POTENTIAL IN THE REGION (on the example of the Urals)

In article the attention is focused on a concept and content of process of reproduction of human potential within the region. Authors consider that the family with her requirements and potential opportunities is at the same time both a customer, and the consumer of all public interactions, that predetermining the value in arrangement of the object and subject relations of federal and regional family (youth) policy. Authors pay special attention to the analysis of such root phenomena determining quantitative and quality indicators of permanently reproduced human potential in the region as reproductive behavior the population, a health saving conduct of life, continuity and consolidation of generations of "fathers and children", commensurability individual, group (family) and public (at the level of regional society) interests and expenses in the course of the birth and education of posterity.

In the submitted article materials of a number of complex regional researches on problems of the Ural families and youth which are carried out by authors in 1999-2016 years are used at Institute of Economy of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: human potential, regional society, vital values, family, the matrimonial relations, culture of demographic behavior, family policy in the region.

E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Важным моментом в понимании процессов производства и воспроизводства общества в целом, воспроизводства его отдельных компонентов как в ходе исторического развития (*макроуровень*), так и в процессе повседневной жизнедеятельности людей (*микроуровень*) является проникновение в сущность субъектно-объектных отношений, сопровождающих эти процессы. Субъектом общественного производства, как известно, является человек, объединенный в роды, племена, нации, социальные группы, классы и другие общности. Вместе с тем объектом деятельности субъекта выступает, с одной стороны, природа, с другой – общество, общественная система, которую человек преобразует. А так как сам человек, социальные общности составляют главное содержание общественной системы, то, как справедливо отмечает А.К. Уледов, они «являются не только субъектом, но и объектом деятельности» [11, С. 221]. Данное методологическое положение имеет особое значение при раскрытии сущности субъектно-объектных отношений членов семейной группы в процессе производства и воспроизводства индивида, личности – основу человеческого потенциала.

Человеческий потенциал любого сообщества (микро- и макрорегиона, страны в целом) представляет собой *его человеческие ресурсы, обладающие качествами и свойствами, определяющими потенциальную возможность развития данного социума (или его деградации)*. Понятие «человеческий потенциал» широко используется в современной научной и общественно-политической литературе. Официальное звучание это понятие приобрело в 1990 г. после принятия Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), применяемого в рамках специальной Программы развития ООН (United Nations Development Program) для количественной характеристики успеха страны (региона) в развитии человеческого фактора. ИРЧП показывает степень достижения общественных целей: продолжительности жизни 85 лет, 100-процентной функциональной грамотности и уровня жизни с учетом мировых стандартов [14].

Новое, уточненное экспертами ПРООН¹, определение, соответствующее практике и научным исследованиям по проблемам развития человека, сформулировано так: «*Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете*» [5].

¹ Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) является глобальной сетью ООН в области развития.

В свете рассматриваемой проблемы отметим, что широкий возрастной диапазон социально-демографической группы «подростки и молодежь» (13-29 лет), охватывающий несколько специфических периодов жизни человека (подростковый возраст, юность, собственно молодость), характеризуется значительными изменениями человеческого потенциала личности. На этот период приходятся основные инвестиции в человеческий капитал, обеспечивающие приращение человеческого потенциала личности, формирующие социально значимые аспекты потенциала молодежи. Именно в этот период формируется человеческий потенциал личности, понимаемый как совокупность свойств и качеств человека, которые могут быть использованы (полностью или частично) в процессе общественного воспроизводства.

При этом уровень инвестирования в человеческий капитал детей и, соответственно, уровень развития их человеческого потенциала к моменту достижения трудоспособного возраста определяют качество, уровень и образ жизни родительской семьи.

Анализируя социальный институт семьи как субъект и объект процесса воспроизводства человеческого потенциала в регионе мы использовали результаты ряда социологических опросов, проведённых авторами в 2007-2016 гг. в Институте экономики УрО РАН, в частности:

– 2007 г. – в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел. в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел.; д) специалисты властных структур и преподаватели школ – 220 чел. – «Урал-2007»;

– 2008 г. – опрос 600 молодых матерей в ряде городов Свердловской области. Из 600 респондентов 34% составили представители полных нуклеарных семей с одним ребёнком, 27% – таких же семей с двумя детьми и 18% – сложных (трёхпоколенных) семей с одним ребёнком (21% – другой состав молодых семей). – «Урал-2008»².

– 2014 по специальным авторским анкетам (респондентам предлагалось ответить на 108 содержательных вопроса) были опрошены 550 научных сотрудников из 25-ти научно-исследовательских института и подразделений, входящих в Уральское отделение РАН – «Урал-2013».

² Опрос проводился по инициативе Департамента социальной политики Аппарата правомочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе, с привлечением социологов Института экономики УрО РАН и кафедры социальной безопасности Физико-технического факультета УГТУ-УПИ (научн. рук. профессор Б.С. Павлов). Из общего числа респондентов 34% составили представители полных нуклеарных семей с одним ребёнком, 27% - таких же семей с двумя детьми и 18% – сложных (трёхпоколенных) семей с одним ребёнком (21% - другой состав молодых семей).

– 2014» – по квотной выборке опрошены 150 экспертов, представителей четырёх основных социально-профессиональных групп: 50 – преподаватели общественных наук в вузах – «ВУЗ»; 50 – специалисты областных, городских и районных социальных служб – «Организаторы»; 50 – специалисты в сфере социальных наук – «Наука». Экспертам предлагалось сделать краткосрочный прогноз (на период 2014-2020 гг.) развития позитивных и негативных социально-поведенческих процессов в молодежной среде, в сфере семейной, детской и молодежной политики РФ – «Урал-2014».

– 2016 г. в рамках «инженерной» проблематики в Свердловской области по «Анкете молодого инженера» был проведён опрос 1200 инженеров (в их числе – 1000 молодых инженеров в возрасте до 30 лет) на 11 промышленных предприятиях региона, в том числе: ОАО «НТМК ЕВРАЗ» (430 чел.); ОАО «СТЗ» (200 чел.); АО «НПО Автоматики» (170 чел.); ОАО «НСММЗ» (45 чел.) и др. (анкета включает 78 содержательных вопроса) – «Урал-2016».

В целом мониторинговый характер наших исследований (в данной статье представлен практически десятилетний лаг) позволяет проследить в какой-то мере изменения в общественном сознании уральцев в сфере социально-экономического и матримониального поведения.

Семья – основной субъект и объект управления демографическими процессами в регионе. Семья опосредует, с одной стороны, влияние общества на индивида (в процессе его онтологического развития и функционирования), с другой стороны, подавляющее большинство индивидов сотрудничают с обществом через семью в процессе реализации ее потребностей и интересов. Можно утверждать, что характер течения всех социально-демографических процессов в обществе в большинстве своем обусловлен прямо или опосредованно состоянием семейно-брачных отношений, уровнем стабильности семьи как социального института, степенью совпадения интересов семьи, направленности ее деятельности с доминирующим вектором общественного развития. Небезосновательны поэтому обращения демографов к семье как социальному фактору воспроизводства населения.

Кризисные явления, которые мы наблюдаем за последние несколько десятилетий в российской семье (да и не только в российской), детерминируют повышенное внимание общества, государства к решению ее проблем. Это обусловило, в частности, выделение в общей системе государственной (региональной) политики специального направления – семейной политики. Как мы уже подчеркнули выше, обозначенная выше проблема носит в большей своей части региональный характер. Именно в регионах государственная социальная политика в отношении семьи (что по большей части синонимично семейной политике) формируется, приобретает конкретный, адресный характер. Степень эффективности семейной политики во многом зависит от информированности субъектов этой политики о социально-экономическом состоянии и самочувствии различных групп семей, их социальной готовности и возможностях к самозащите, к самореабилитации, их конкретных по-

требностях в тех или иных формах социальной помощи и поддержки со стороны властных структур и общественных образований.

Будучи молодыми К.Маркс и Ф.Энгельс (соответственно, в возрасте 25-27 лет) в своей книге «Немецкая идеология», ставшей в последствие классикой социально-экономических учений, писали: «Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.» [4, т. 3, С. 26]. Позднее, в одной из своих работ Ф. Энгельс как бы развивает это положение. Человек, писал он, – чтобы чувствовать себя счастливым, «должен иметь общение с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей: пищу, индивида другого пола, книги, развлечения, споры, деятельность, предметы потребления и труда» [4, т. 21, С. 297].

«Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, – писал Н.Бердяев, – биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья. В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья – хозяйственная ячейка, прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая» [13].

По данным мониторинговых опросов Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ за период 1992-2014 гг. «дороговизна жизни» для россиян в числе других факторов, провоцирующих тревожность респондентов, снизилась с 70 % (ноябрь 1993 г.) до 38% (июнь 2014 г.), а «повышение цен на продукты питания» соответственно с 40% (июнь 2008 г.) до 27% (июнь 2014 г.). В то же время, практически, «остались без изменения» такие факторы, как «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (с 44% – октябрь 2003 г. до 38% – июнь 2014 г.) и «разделение общества на богатых и бедных» – 22%, как в ноябре 1993 г., так и через 21 год – в июне 2014 г.) [3].

О социально-экономическом самочувствии молодых семейных уральцев в какой-то мере можно судить по их оценкам проблемности обстоятельств, сопровождающих их повседневную жизнь. В исследовании «Урал-2008» в анкете респондентам задавался вопрос: «Что особенно тревожит Вас (Вашу семью) в настоящее время? постарайтесь выбрать не более 4-5-ти самых острых для Вас проблем». Определённая дифференциация социально-экономических проблем семей в регионе нами обеспечивалась (в процессе обработки данных опроса на ПЭВМ) путем деления всей когорты семей опрошенных на три основные группы: первая – «нуклеарная семья – с одним ребёнком» – в таблице условно – А; вторая – «нуклеарная с двумя детьми» – Б и третья – «молодые супруги, один ребёнок – бабушка» – В. Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1.

**Материальные и духовные проблемы молодых семей на Урале
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)**

Факторы неблагополучия	Группы			
	В целом	в том числе по составу семьи		
		А	Б	В
А. Материально-экономические проблемы				
Хроническая нехватка денежных доходов	46	42	45	55
Сложности с работой, трудоустройством.	36	33	31	48
Сложности решения жилищного вопроса	44	36	36	74
Сложности с переездом в другой город	11	9	15	7
Плохое здоровье детей	14	15	16	12
Плохое здоровье взрослых членов семьи	14	11	15	15
Б. Проблемы общения, внутрисемейных отношений				
Трудности с учёбой, воспитанием детей	30	29	32	33
Плохие отношения с родителями мужа	12	12	15	14
Плохие отношения с родителями жены	3	2	4	3
Боязнь быть ограбленным в квартире, в саду	14	13	13	12
Боязнь быть избитым на улице, во дворе	19	23	21	12
Боязнь отравиться или заразиться	16	17	17	11
Пока особых проблем нет	15	14	18	8

Предваряя дальнейшую интерпретацию результатов опроса, сделаем две важные оговорки. Прежде всего о *«возрасте»* исследования. Оно проводилось более пяти лет назад, но, как свидетельствуют наши *«семейные»* опросы (по крайней мере, с начала этого века), характер и соподчинённость субъективных самооценок респондентов (в части социально-экономического самочувствия своих семей) *разнится не столь существенно* и, практически, «укладывается в рамки» статистических погрешностей. В равной мере это относится и к, упомянутым выше, нашим опросам семей *«Урал-2007»*, *«Урал-2013»* и *«Урал-2016»* [в частности, см. 1].

И, вторая оговорка. Вполне понятно, что деление проблем семей на два блока: – *«Материально-экономические проблемы»* и *«Проблемы общения, внутрисемейных отношений»* в значительной мере условное, как условно и представление о семейной политике в качестве «симбиоза экономического и нравственного» Такое подразделение акцентирует внимание на жизнедеятельность семьи, связанной с производством воспроизводством материально-вещественных ресурсов жизнеобеспечения, с одной стороны, и, с другой, – жизнедеятельность обеспечиваемая посредством общения, внутрисемейных отношений, базирующихся на культуре и нравственности поведения.

В России трансформационный переход в силу целого ряда объективных и субъективных причин сопровождается острым экономическим кризисом, а также политической нестабильностью в обществе, больно ударившими по всем слоям населения, и следовательно по семье. Нетрудно видеть, что жизнь боль-

шинства российских (в нашем случае – уральских) семей связана с преодолением трудностей и решением перманентных взаимосвязанных проблем как материально-экономического, так и духовно-нравственного характера. Ситуация такова, что нарастающие трудности и деструктивные тенденции в обществе и экономике могут превысить защитные и самовосстановительные функции семьи. Тяготы переходного периода резко осложняют адекватную реакцию людей на ситуацию, определяют их, казалось бы, неадекватное (с позиции властных структур) социально-экономическое поведение. Особо выделяется сфера репродуктивного (демографического) поведения семейной группы [8].

В своё время классики отмечали: «*Всё то, за что человек борется, связано с его интересами*» и далее: «*никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой либо из своих потребностей...*» [4. Т.1, С. 72; т.3 С. 245]. «Подобная субъектно-центристская направленность движущей силы» какого-либо продуктивного действия присуща не только деятельности на уровне отдельного человека, отдельной личности, но и детерминирует реализацию общественных интересов и удовлетворение общественных потребностей. Зададимся, казалось бы, простым вопросом: «*Кто в большом городе (скажем, в Москве, Екатеринбурге, Новосибирске и т.д.) «кровно заинтересован» в рождении третьего ребёнка в каждой городской семье?*». Мэрия? Предприниматели? Сами городские семьи?

Стремясь к оптимизации демографических процессов, важно осознавать при этом диалектическую взаимосвязь их *социально-экономической утилитарности и самоценности*. Оптимальное развитие народонаселения страны (региона, муниципального образования) – основа и условие ее хозяйственно-экономического процветания. Население выступает как многостороннее диалектическое единство, выполняя функции производителя и потребителя производства. Одновременно оно само подлежит воспроизводству. Вот почему народонаселение прямо и опосредованно влияет на размещение и функционирование общественного производства (взять, к примеру, функционирование народнохозяйственного комплекса Свердловской области). Однако есть вторая сторона этого взаимодействия. Развитие ЧЕЛОВЕКА (личности) является «целью целей» цивилизованного (демократического) типа воспроизводства общественной жизни.

Основная суть этого диалектического взаимодействия в том, что ЧЕЛОВЕК (работник и потребитель) выступает одновременно и *средством*, и *целью* процесса общественного производства и его воспроизводства. Корневая, глубинная суть идущей перестройки производственных и в целом общественных отношений в России – возведение цели развития общественного ЧЕЛОВЕКА в ранг доминантной, ранг основной, перманентной цели социалистических преобразований. Попытаемся ответить на вопрос: «*Кто заинтересован в оптимизации демографических процессов, скажем, на уровне государства, селитебной общности (город, посёлок, село)*»? Попытаемся схематично представить диспозицию выделенных в общем процессе воспроизводства общественной жизни

трёх составляющих его производств с позиций целеполагания в развитии социумов в разных общественно-экономических системах российского общества. Так, фактическую (а не декларируемую) сущность идеологической концепции построения российского социализма (подразумевается практика СССР), они представляют схематично так:

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство человека» «производство идей»	«производство вещей»

При переходе российского сообщества на рельсы рыночной экономики и соответствующих общественных отношений, предлагаем выделять четвёртое сравнительно самостоятельное производство в общем воспроизводственном процессе – *«производство денег»*. Схематично представим две раскладки производств, олицетворяющие две основные модели общественного развития в условиях пореформенной России:

а) модель «дикого капитализма»

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство человека» «производство вещей» «производство идей»	«производство денег»

б) модель социально ориентированной экономики

Производство-СРЕДСТВО	Производство-ЦЕЛЬ
«производство вещей» «производство денег» «производство идей»	«производство человека»

Исходя из этого, критерием общественного прогресса, что во многом тождественно критерию прогрессивного развития производства человека, на наш взгляд, необходимо считать следующее. С одной стороны, это адекватное растущим потребностям производства человека производство материальных и духовных благ в соответствующих сферах общественного производства, и, с другой – степень планомерной и целенаправленной реализации этих благ в непосредственном производстве человека [6].

Один из лейтмотивов начавшейся «ломки социализма» и построения рыночной экономики, т.е. капитализма, был, несомненно, привлекательным для большинства россиян: повышение благосостояния людей, переход к более цивилизованному и обеспеченному образу жизни за счет подъема ее качества. Известно, что чувство собственного достоинства на уровне обыденного сознания

определенной группы населения ассоциируется, прежде всего, с «толщиной кошелька», возможностью удовлетворения более широкого круга личных и семейных потребностей. Помимо того, «толщина» того же семейного кошелька – это та основная база, на которой родители строят систему воспитания потомства, планируют свою детородную деятельность, наконец, определяют ближние и перспективные планы не только поддержания семейного домохозяйства, но и существования своего семейного союза в целом [7].

Попытаемся ответить на вопрос: «А сколько вообще нужно детей для семьи, дабы удовлетворить общественные, семейные и личностные потребности в детях?». В свое время классики социально-политической мысли относили семейно-брачные отношения к числу наиболее устойчивых, «застойных» и поддерживающих цементирующее воздействие традиций и обычаев. Семья, семейные отношения не есть чисто личные, групповые отношения, ибо «производство жизни – как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения – появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой – в качестве общественного отношения» [4, т. 3, С. 28].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время ценностно-мотивационные решения и поведение семьи в сфере репродуктивной деятельности носят приватный (как правило, общественно нерегулируемый) характер. Результат репродуктивного труда семьи в большей своей части не принадлежит его участникам, хотя родители несут конституционную ответственность за ребенка до определенного возраста. Государство, местные органы власти, социум в целом, региональные сообщества, предпринимательские круги, формально не являясь основными участниками репродукционного процесса, в действительности «кровно заинтересованы» в его результатах.

Социологи небезосновательно констатируют, сегодня типичная семья в России однодетная. Среди тех семей, что имеют детей, 2/3 имеют одного ребенка, 28% – двух и более (из них лишь у 6% – 3 ребенка), совсем немного – 4%. А семей с 5 детьми и более – меньше процента. Некоторые государственные структуры сегодня готовы считать многодетной уже и семью с двумя детьми, хотя она не обеспечивает даже простого воспроизводства населения. Чтобы население не увеличивалось и не уменьшалось, нужно, по крайней мере, 22 ребенка на 10 среднестатистических женщин. Сейчас в РФ приходится 13 детей на 10 женщин, вышедших из фертильного возраста. к 2050 г., по прогнозам социологов, если не последует изменений, в России будет жить 70 млн. человек. «Семья – это уже нечто исчезающее из человеческой жизни» – печально комментирует эти данные А.И. Антонов – известный российский социолог-семьевед [2].

Данные социологических опросов, проведенных в крупных городах России, в том числе и наши исследования, показывают сравнительную стабильность базовых ценностных ориентаций основных социальных групп российского (в нашем случае – уральского) населения. На вопрос анкеты

(«Урал-2008»): «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» нами были получены следующие ответы респондентов из 4 групп (табл. 2).

Таблица 2.

Жизненные ценности предпочтения различных групп населения Урала, % от общего числа опрошенных по каждой группе

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители – город	Молодые Рабочие
	город	село		
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Любимая работа, деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11
Содержательный, интересный Досуг, любимые увлечения	27	20	23	11
Порядочность, доброе имя	23	23	40	17
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13
Другие	1,6	1,5	2,1	0,5

Нетрудно видеть, что такие базовые жизненные ценности, как «хорошая семья и дети», «хорошее здоровье», «любимая работа», «материальное благополучие» и «хорошие жилищные условия» занимают первые пять позиций и у подростков, и у их родителей. Небезынтересно и другое. Как показало наше исследование, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически идентична.

Вместе с тем было бы наивным не видеть наличие существенных различий у респондентов в понимании самих феноменов «хорошая семья», «хорошие жилищные условия», «хорошая работа». Для одних, например, понятие «хорошая семья» ассоциируется с наличием двух-трех детей, у других – с одним ребёнком, «позволяющим», с одной стороны, реализовать естественную материнскую (отцовскую) потребность, а с другой – один ребенок не слишком обременителен при поддержании материального благополучия семьи, не мешает трудовой карьере и досуговым занятиям своих родителей.

Рождение ребенка – это не чисто биологический феномен, а социально-опосредованный поступок, основанный на установках и ценностях каж-

дой конкретной семьи в современном обществе. Существует и иная теория для объяснения современного состояния демографической сферы и института семьи. Это так называемая «полезностная» концепция. В ее основе лежит объяснение снижения рождаемости из-за уменьшения потребности в детях, полезности детей для семьи, выбора в результате соотнесения затрат на их воспитание и образование с потенциальной прибылью впоследствии. Понятно, что с ослаблением собственно демографических нормативно-ценностных регуляторов и с появлением возможности рационализировать брачное и репродуктивное поведение, люди оценивают свои потери и приобретения как при принятии решения о вступлении в брак или о разводе, так и при решении о рождении ребенка.

Сужение воспроизводства населения и снижение его качественных характеристик – одна из детерминант, определяющих угрозу экономической и социально-культурной безопасности отдельного региона, страны в целом. Снижение качества человеческих ресурсов проявляется в ухудшении основных характеристик состояния здоровья регионального социума, что отчасти является следствием увеличения экономической нагрузки на трудоспособное население со стороны требующей жизнеобеспечения и социальной защиты отошедшей от активной экономической деятельности части населения. Доля последней увеличивается из-за общего «старения» населения России в целом и Уральского экономического района в частности, роста числа инвалидов, неработающих одиноких женщин с малолетними детьми и т.д.

Вопрос в анкете («Урал-2008») был сформулирован следующим образом: *«Как Вы считаете, что могло бы реально повлиять на повышение рождаемости в России, появление в семье второго и особенно третьего ребёнка?»*. Всю совокупность опрошенных семей мы разделили по признаку благосостояния на три группы: *первая* – семьи, которые, по самооценкам *«живут в полном достатке»*, условно – «ПД»; *вторая* – с оценкой *«имеют средний достаток»* – «СД»; *третья* – живут *«на грани бедности»* – «ГБ». Ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 3).

Вполне понятно: в совокупности факторов, влияющих на демографическое поведение, устанавливается взаимосвязанная соподчиненность. При этом отношение и роль каждого фактора могут быть различными в разных регионах страны, отличающихся своеобразием социально-экономической обстановки, особенностями течения тех или иных социальных процессов, ибо *«один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д., – может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств»* [4, т. 23, ч. 2, С. 354].

Таблица 3.

Мнение матерей на Урале о необходимых мерах для повышения рождаемости, % от общего числа опрошенных по каждой группе

Превентивные меры повышения репродуктивной активности молодых семей на урале	Группы по уровню достатка		
	ПД	СД	ГБ
Обеспечить нормальные жилищно-бытовые условия семьям с детьми	69	71	78
Обеспечить отцов хорошей работой	59	61	68
Организовать доступную медицинскую помощь матери и детям	57	49	42
Организовать работу детсадов с доступной оплатой	48	58	50
Снизить цены на детские товары	38	50	40
Дать возможность женщинам-матерям работать и хорошо зарабатывать	36	45	49
Улучшить работу женских консультаций, служб планирования семьи	33	21	22
Повысить престиж материнства и отцовства в российском обществе	35	27	29
Ещё более повысить денежную компенсацию за рождение очередного ребёнка	28	30	30
Повысить экономическую и нравственную заинтересованность бабушек в воспитании внуков	16	9	6

В переходный период семья во многом смягчила удар «шоковой терапии» и включения рычагов рыночной регуляции. В экономическом аспекте, например, вся нагрузка по содержанию и воспитанию ребенка упала на плечи родителей. Раньше государство брало на себя до трети всех текущих затрат на содержание и уход за ребенком, включая воспитание (без учета инвестиций в социальную инфраструктуру). В настоящее время общие затраты (и семьи, и государства равны стоимости типовой трехкомнатной квартиры. Не меньше стоимость моральных издержек и очень незначительна отдача от взрослых детей. В этом смысле семья бизнесмена менее всего подвержена депрессии вследствие экономической неблагодарности» (*несостоятельности*) потомства [9]. Переходная экономика оперирует в основном краткосрочными кредитами, тогда как дети – объект долговременных инвестиций. Именно отсутствие денег на новое поколение у государства обуславливает конъюнктурную компоненту спада рождаемости в обществе. Ресурсы семьи не бесконечны и поэтому экономически репродуктивная функция семьи оказалась менее всего защищенной.

Следует признать, что решение проблемы сохранения на желательном для общества уровне репродуктивной потребности коренится не только в изменении экономической ситуации, но, прежде всего, в сфере ценностных ори-

ентаций. Сегодня стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса зачастую исключает из представления о благополучии подлинную ценность человеческого бытия – семью с детьми. Только специальное воздействие способно возродить потребность молодой семьи в нескольких детях, поэтому на повестке дня – *просемейная политика государства и, что во многом синонимично, политика благоприятствования в отношении молодой семьи, преобразования в экономике в интересах семьи с детьми.*

Можно утверждать, что *производство непосредственной жизни – рождение и воспитание потомства* – было, есть и останется в будущем хотя и взаимосвязанным, «вплетенным» в общую структуру производства общественной жизни, однако имеющим сравнительно самостоятельную структуру, функции, задачи, цель. Генезис *производства человека* как одной из сравнительно самостоятельных сторон целостного общественного производства в условиях цивилизованного общества характеризуется сочетанием тенденций обособления и интеграции её с двумя другими сторонами общественного производства – *материального и духовного* [10].

Тенденция обособления выражается, прежде всего, в выделении в структуре целостного общественного производства специализированных социальных институтов, деятельность которых непосредственно направлена на производство человека, на жизнеобеспечение путём удовлетворения его физических и духовных потребностей.

И, ещё один немаловажный аспект проблемы. Не секрет, что в настоящее время многие законодательные инициативы, государственные акции, направленные на решение проблем семьи и детства, мягко говоря, «пробуксовывают», «не работают» на региональном и муниципальном уровне. В связи с этим, в опросе «*Урал-2014*» экспертов просили ответить на вопрос: «*Как Вы считаете, какие основные причины подобного рассогласования, с одной стороны, «требований верхов» и неадекватной реакции на них со стороны «низов управления»?*». Полученные нами данные – см. ниже (% от общего числа опрошенных экспертов – 150 чел.):

– резкое социально-экономическое расслоение населения	- 55
– безразличие, незаинтересованность структур управления в эффективном решении проблем семьи и детства	- 53
– бюрократизм, коррумпированность сферы	- 45
– управления учреждениями семьи и детства	- 44
– низкая правовая культура и общественная активность населения	- 44
– «застойность» форм и методов работы государства и общественности с «семьями риска»	- 42
– несовершенство правовой базы	- 38
– недостаток квалифицированных кадров воспитателей наставников, социальных работников	- 37

- слабая материально-финансовая база детских учреждений (детских домов, детских учреждений культуры, спорта и т.д.) - 33
- низкая исполнительская культура и дисциплина чиновников в органах управления и исполнения - 33
- социально-психологические трудности работы с неблагополучными семьями и с детьми-девиантами - 33
- негативное общественное мнение в отношении помощи неблагополучным семьям, бомжам, беспризорникам - 19

Интерпретацию полученных данных предоставляем заинтересованным и компетентным читателям. Мы же, ещё раз подчеркнём следующее. Положение молодежи (*в том числе семейной*), её поведение, в том числе – демографическое, не может быть улучшено, если пытаться решать эту проблему вне контекста общих проблем того или иного социума. Нынешний кризис носит не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжаться в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в общенациональном контексте, на долгосрочной основе, при полном осознании теснейшей зависимости и взаимозависимости экономических реформ и эффективной социальной, в том числе молодежной, политики.

* * *

Вновь обратимся к проблеме воспроизводства человеческого потенциала в рамках и средствами конкретного региона. В количественно-качественном измерении можно выделить два основных аспекта этого феномена: **первый** – *естественно-технологический*, связанный прежде всего с воспроизводством населения в регионе, постановкой здравоохранения, общего и профессионального образования и. т.д. И, **второй** – *социально-миграционный*, который, в свою очередь обусловлен четырьмя основными видами социально-экономического движения потенциала: а) *муниципальный* (распределение человеческих ресурсов по предприятиям и производствам внутри одной поселенческой общности (город, посёлок); б) *региональный* – распределение в рамках поселений одного региона; в) *федеральный* (распределение и миграция в рамках различных регионов РФ); г) *международная* (отток-приток рабочей силы в РФ в ближнее и дальнее зарубежье).

Подобное движение потенциала носит объективно-субъективную обусловленность. Вот лишь одно подтверждение. 3 декабря 2015 г. в ежегодном Послании Федеральному собранию Президент России обратил внимание на необходимость привлечения молодых перспективных специалистов, в которых остро нуждаются предприятия ряда регионов РФ, в том числе города Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Азово-Черноморский логистический центр, Мурманский транспортный узел, предприятия, базы Северного морского пути и некоторые другие [16].

Насколько «легки на подъём» молодые уральские специалисты? В исследовании «Урал-2016» Тысяче молодых инженеров ряда ведущих предприятий Среднего урала (Свердловская область) задавался вопрос «Если бы у Вас (вашей семьи) появилась возможность переехать в другие регионы России, на новое строительство и освоение новых регионов, то, какие адреса переезда были бы для Вас более предпочтительными?» Ответы 1000 молодых уральских инженеров распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – ответы мужчин (740 чел.), в знаменателе – женщин (260 чел.)

Поеду (поехал бы) в (на):	М / Ж
– Азово-Черноморский логистический центр	- 35 / 28
– Владивосток	- 17 / 15
– нефте-газодобыча в ХМАО, ЯНАО	- 15 / 13
– современные порты на Балтике	- 14 / 8
– нефте-газодобыча Восточной Сибири	- 13 / 11
– Хабаровск	- 4 / 4
– Комсомольск-на-Амуре	- 4 / 2
– предприятия, базы Северного морского пути	- 3 / 2
– Мурманский транспортный узел	- 2 / 2
– село/поселок/деревня (развитие сельскохозяйственного производства)	- 5 / 2
– другой вариант	- 5 / 2
– с Урала, скорее всего, никуда не поеду (не поехал бы) работать и жить	- 46 / 59

Обладающему эвристическим подходом анализа, заинтересованному и компетентному исследователю могут служить богатой базой для размышлений. Мы же здесь ограничимся здесь лишь одним замечанием. «Стойкими патриотами» своего края и своего предприятия, судя по данным опроса, является примерно лишь половина молодых специалистов (среди мужчин – 46 %, среди женщин – 59 %). А остальные?

Сегодня перед российским обществом особенно остро стоит проблема выбора стратегии и тактики общественного и экономического пути развития, с ясным и четким представлением о конечных целях, системе приоритетов, средств, форм и способов их достижения. Именно в русле и в соответствии с этим должно меняться положение института семьи. Последнее, в свою очередь, предполагает реальный (а не декларативный) поворот экономической и социальной политики государства в сторону семьи, как важнейшего социального института общества. Речь идёт о целенаправленной долговременной семейной политике, основная фундаментальная цель реализации которой – укрепление семьи как социального института.

«Социология, при условии, что ею занимаются надлежащим образом, – отмечает Э. Гидденс, – обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению». И далее: «Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий» [12, P.22-51].

Трудно возразить против такого утверждения социолога с мировым именем. Добавим лишь, что это «увлекательное и захватывающее предприятие» сегодня может служить не только повышению социально-экономического потенциала региона. При компетентном и заинтересованном подходе к изучению проблемы будет способствовать поддержке и развитию семьи, как одного из важнейших социальных институтов, которые обеспечивая воспроизводства духовных скреп нации «... являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение ...мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. эти сферы – это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [15].

Список литературы

1. Анисимов С.А., Павлов Б.С., Павлов Д.Б. Экономическое поведение молодой семьи на Урале: симбиоз потребительства и трудовой активности. В сборнике: Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России Материалы международной научно-практической конференции. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт социально-политических исследований РАН. – 2015. – С. 151-161.
2. Антонов А.И. Эра однодетности. Рос. газета. 2008. Март. № 4604.
3. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XI этап социологического мониторинга, июнь 2014 года. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – 52 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание.
- 5 Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН, УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.
6. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 25. – С. 2-11.

7. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.

8. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. – № 7. – С. 128-138.

9. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. – 2010. – № 3. – С. 58-69.

10. Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. – 225 с.

11. Уледов А.К. Социологические законы. – М.: Мысль, 1975. – 296 с.

Интернет -источники

12. Anthony Giddens. Nine Theses on the Future of Sociology. In: A.Giddens. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge: Polity Press, 1987, ch.2. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://igiti.hse.ru/data/098/314/1234/1_2_1Gidd.pdf (дата обращения: 12 октября 2016 г.)

13. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо девятое. О социализме. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev> (дата обращения: 18 октября 2016 г.)

14. ООН опубликовала индекс развития человеческого потенциала в странах мира 2010 года. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2010/11/05/2719> (дата обращения: 18 октября 2016 г.)

15. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию: [Электронный ресурс] // полный текст // Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html> (дата обращения: 13 октября 2016 г.)

16. Послание Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 14 октября 2016 г.)

Барашкова Анастасия Спиридоновна,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
НИИ региональной экономики Севера,
Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия

ТРЕНДЫ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Суть современных трендов брачного поведения одного из самых крупных субъектов России – Республики Саха (Якутия) раскрыта на материалах Всероссийских переписей населения. Анализ выявил усиление нежелательных тенденций в брачном состоянии населения, особенно для поколения детей. Снижается численность лиц, состоящих в браке, растет число разведенных, вдовых и одиноких мужчин и женщин. Проблема безбрачия наиболее остра для коренных народов Севера. Условиями неблагоприятной ситуации выступают низкая заселенность территории, а отсюда лимитированная численность потенциальных брачных партнеров. Ограничивающими факторами является также отдаленность региона и его относительная территориальная изолированность, что предопределяет замкнутость брачного рынка.

Ключевые слова: брачное состояние населения, гражданские браки, уровень безбрачия, поколения, Республика Саха (Якутия).

E-mail: asbarashkova52@mail.ru

Barashkova Anastasia S.,
PhD (Economic),
leading researcher Research Institute
of Regional Economy of the North,
North-Eastern Ammosova Federal University,
Yakutsk, Russia

TRENDS IN MARRIAGE BEHAVIOR OF THE POPULATION IN THE NORTHERN REPUBLIC

The essence of modern trends in marriage behavior of one of the largest subjects of Russia – the Republic of Sakha (Yakutia) is disclosed in the materials of All-Russian population census. The analysis has revealed strengthening of undesirable trends in marriage condition of the population, especially for the generation of children. Decrease in the number of marriages and the number of divorced, widowed and single men and women grew. The problem of celibacy is most acute for indigenous people of the North. Conditions of unfavorable situation presented by the low population of the territory, and hence the limited number of potential marriage partners. The limiting factors are also remoteness of the region and its relative territorial isolation, which determines the closure of the marriage market.

Keywords: marriage condition of the population, civil marriages, the level of celibacy, generations, Republic of Sakha (Yakutia).

E-mail: asbarashkova52@mail.ru

Прогрессивная возрастная структура населения, почти благоприятное соотношение полов определяют довольно активную брачность населения Республики Саха (Якутия). Вместе с тем за 1989-2010 годы заметно снизилась доля состоящих в браке мужчин и женщин и особенно в поколении детей. По относительной численности мужчин, состоящих в браке, республика традиционно уступает общефедеральным показателям. Ситуация ухудшилась и в отношении численности женщин данного брачного статуса. Отчасти это объясняется численностью вступающих в брак: многочисленные поколения сменяются поколениями с немногочисленными потенциальными женихами и невестами. Наибольшее снижение характерно для наиболее малонаселенных отдаленных районов, где немаловажную роль в формировании семей играют миграционные передвижения населения. Установки мигрантов в демографическом поведении исподволь проявляются и в сфере брачно-семейных отношений, привнося элементы неустойчивости, временного характера брачных отношений.

Сожителства, свободные союзы, пробные браки здесь становятся статистически значимой альтернативой официальной семье, и, по сути, являются выражением выбора предпочитаемой модели матримониального поведения населения. В 2002 г. в Республике Саха (Якутия) в незарегистрированном браке пребывали 13% супружеских пар, а в 2010 г. — уже 17,9%. Среди районов с максимальными значениями рассматриваемого показателя так же, как и в 2002 г. выделяются районы, формирующие свое население за счет внешних мигрантов. В сельских районах, где еще сохранены традиционные представления о нормах брачного поведения, в гражданском браке живет менее 7,5% населения.

Одним из неблагоприятных трендов брачно-семейных отношений выступает разводимость. И вновь в самых отдаленных районах, характеризующихся узостью своего брачного рынка, темпы роста относительной численности разведенных и разошедшихся для поколения детей оказались наибольшими (1,3-1,4 раза). Развод — результат неисполнения определенных обязанностей, посягательств на права кого-либо из супругов (родителя), рассогласованность их предпочтений, потребностей, и интересов.

В структуре брачного состояния населения северной республики наибольшая разница в показателях между мужчинами и женщинами характерна для категории «вдовы», что объясняется повышенной смертностью мужчин по сравнению с женщинами, а также сложностями вступления в повторный брак вдов с детьми. Этот вопрос, вследствие отсутствия статистической информации, остается до сих пор мало исследованным, хотя овдовение — не результат

выражения свободы, как в случае сознательного одиночества, или нередко внебрачной рождаемости, не итог решительного разрыва супружеских отношений, а последствие обстоятельств, приводящих к смерти одного из супругов.

Неблагоприятным трендом брачного поведения населения является рост безбрачия. Акцент сделан на анализе ситуации для лиц, пребывающих в «бесперспективном», «критическом» и «близком к критическому» возрастах. Такой подход позволяет обнаружить проблему окончательного безбрачия населения (для группы «бесперспективных»), сложности вступления в брак когорт в «критических» и «близких к критическому» возрастах [1, С. 45-46].

В России доля людей, никогда не состоявших в юридическом браке в 2010 г. по сравнению с 2002 г. немного сократилась преимущественно за счет улучшения ситуации в «критических» и «бесперспективных» возрастах. В Республике Саха (Якутия) обстановка иная. Проблема бессемейной жизни, по мнению исследователей, остается особенно острой для небольших по численности национальных общностей и понимается как нарушение традиционного демографического поведения, традиционной брачной морали. Утеря традиционных норм заключения брака и создания семьи у коренных народов Севера произошла буквально за несколько десятилетий в результате целого комплекса причин, отражающих деформации в развитии общества. Сегодня не только изменились, разнообразились и усложнились семьеобразующие факторы, но и возросло значение каждого из них. Эта своеобразная «конкуренция» семейной и бессемейной жизни ощутима, прежде всего, в городе [2, С. 63-67]. Здесь, по сравнению с селом более распространено сознательное одиночество.

О новых трендах в демографическом поведении северных народов говорит также тот факт, что реализация репродуктивных намерений происходит вне брака. Реалии таковы, что во всех сферах человеческой жизни происходит повышение свободы поведения, в том числе в сфере демографического поведения. Самыми пагубными, видимо, являются разные варианты партнерства на сексуальной почве. Не во всех подобных случаях женщины могут уберечься от беременности. В результате – незапланированный аборт или рождение внебрачного ребенка.

Естественно, преобладающая часть детей рождается в браке. Тем не менее, в 1990 г. 17,9%, в 2000 г. 32,7%, а в 2014 г. 35,0% детей были рождены женщинами, не состоящими в зарегистрированном браке. При этом в городских поселениях, уже начиная с 2000 г., почти каждый третий ребенок родился вне брака. В сельской местности аналогичная ситуация стала складываться несколько позже (с 2003 г.). Однако здесь уже с 2006 г. удельный вес внебрачных детей стал превышать долю таковых, рожденных в городских поселениях.

Группировка районов республики по динамике данного явления за 1990–2010 годы показывает, что внебрачная рождаемость в ряде северных районов устойчиво превышает средний показатель по республике. Кроме то-

го, в 1990 г, отмечалась локализация значений внебрачных рождений в пределах среднего показателя по республике (17,9%). Распределение районов по доле внебрачных рождений в 2000 г, оказалось более дисперсным, а в 2010 г, произошло значимое смещение числа районов в сторону больших значений, в частности, в интервал 46,0 и выше.

К факторам все большего распространения внебрачной рождаемости относятся трансформация в сознании некоторой части населения модели официального брака не в ее пользу, либерализация общественного мнения. Не последнюю роль играют также диспропорции на брачном рынке, особенно характерные для северных районов республики. Своеобразное табу официальной статистики, отслеживавшей, но не публиковавшей сведений о внебрачной рождаемости, привело к тому, что в момент опубликования этих данных на регион нахлынула своеобразная «лавина» внебрачных рождений, хотя это явление, причем территориально дифференцированное, всегда имело место. На уровне личности рождение ребенка вне брака может быть как сознательным шагом, так и следствием случайных поступков со стороны женщин или результатом итогом непредвиденных ситуаций, что в совокупности указывает на сложность и неоднозначность феномена внебрачной рождаемости. На показателях брачного состояния населения республики не могли не сказаться и изменения ценностной шкалы социума не в пользу брака и семьи [3, С. 152].

Исследование позволяет заключить, что условиями углубления нежелательных трендов брачного поведения населения в северной республике выступают низкая заселенность территории, а отсюда лимитированная численность потенциальных брачных партнеров. Ограничивающими факторами является также отдаленность региона и его относительная территориальная изолированность, что предопределяет замкнутость брачного рынка.

Список литературы

1. Барашкова А.С. Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. Монография. – Новосибирск: Наука, 2009. – 159 с.
2. Народнонаселение Республики Саха (Якутия): Монография / Руков. авт. колл. и науч. ред. И.Е. Томский. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та. – 2003. Т. 3. – 155 с.
3. Сукнёва С.А., Барашкова А.С. Влияние миграционных трендов на динамику брачных процессов на Северо-Востоке России // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 8. – С. 149–163.

Козлова Ольга Анатольевна,
доктор экономических наук, профессор,
руководитель Центра исследований
социальноэкономической динамики,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Макарова Мария Никитична,
кандидат экономических наук, научный сотрудник,
Центр исследований социальноэкономической динамики,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Козлов Антон Владимирович,
менеджер, ООО «Вектор»,
г. Екатеринбург, Россия

ПАРЦИАЛЬНЫЙ ВКЛАД ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПОКАЗАТЕЛИ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматривается вопрос оценки парциального вклада социально-экономических факторов в показатели смертности населения в трудоспособном возрасте. Апробация авторского подхода на основе методов интеллектуального анализа данных показала, что наибольший парциальный вклад в формирование уровня смертности оказывают показатели, характеризующие безопасность жизнедеятельности человека (уровень преступности и автомобилизации). В период экономической и социально нестабильности значительно усиливается влияние фактора качества условий труда, а также интенсивности работы системы здравоохранения. Авторами сделан вывод о том, что государственная политика, направленная на снижения смертности населения в трудоспособном возрасте, помимо модернизации системы здравоохранения должна включать мероприятия по повышению безопасности, обеспечению высоких стандартов занятости.

Ключевые слова: смертность, трудоспособное население, парциальный вклад, социально-экономическое развитие, здравоохранение, безопасность, качество труда

E-mail: olga137@mail.ru; maria_makarova87@mail.ru; kozlov84@gmail.com

Kozlova Olga A.,
Dr. (Economic), Professor,
Head of the Centre of socioeconomic dynamics research,
Institute of Economics,
the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

Makarova Mariya N.,
PhD (Economic),
researcher at the Centre of socioeconomic dynamics,
Institute of Economics,
the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia
Kozlov Anton V.,
manager, "Vector",
Ekaterinburg, Russia

PARTIAL CONTRIBUTION OF SOCIAL AND ECONOMIC FACTORS TO THE WORKING-AGE POPULATION MORTALITY

The article is devoted to estimate the partial contribution of social and economic factors to the working-age population mortality. The authors engaged data mining methods and justified that the life safety indicators (such as crime and motorization level) have the greatest partial impact. In addition, we observed that economic and social instability resulted in the growing partial impact of labor conditions quality and public health effectiveness. In conclusion, the authors suggest that state policy of reducing the working-age population mortality has to include not only public health modernization but also some measures to increase life safety and to develop the employment standards.

Keywords: mortality, working-age population, partial contribution, social and economic development, public healthcare, public security, quality of labor.

E-mail: olga137@mail.ru; maria_makarova87@mail.ru; kozlov84@gmail.com

Социально-экономическое развитие России на современном этапе характеризуется различными угрозами как внутренней, так и внешней природы. Особый интерес представляет смертность людей в трудоспособном возрасте и связанные с этим последствия, как с демографической точки зрения, так и с точки зрения экономического роста. С экономической точки зрения последствия преждевременной смертности могут отразиться на «недополучении» валового внутреннего продукта, а демографической – инвестиции, связанные с содержанием, воспитанием, образованием детей и молодежи, могут оказаться неэффективными в результате раннего ухода из жизни.

Важнейшей негативной тенденцией последних 10 лет является деградация структуры причин смерти населения трудоспособного возраста, которая выражается в росте доли экзогенных причин. Структура причин смерти в России становится все более похожей на структуру стран с низким уровнем жизни и неразвитой системой здравоохранения [3]. В связи с этим несомненный научный интерес представляет оценка влияния отдельных параметров социально-экономического развития на показатели смертности трудоспособного населения.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что разные параметры социально-экономического развития оказывают отличное друг от друга влияние на уровень смертности населения трудоспособного возраста. Для расчета парциального вклада социально-экономических факторов были отобраны 52 показателя уровня жизни населения, сгруппированные по тематическим блокам, за период 2005-2014 гг., представленные в разрезе субъектов РФ. Корреляционный анализ позволил сузить этот перечень до 15 ключевых показателей (табл. 1), имеющих наибольшую силу связи с коэффициентами смертности населения в трудоспособном возрасте. В дальнейшем применялись методы интеллектуального анализа данных, а именно метод «случайный лес» [1].

Таблица 1

**Парциальный вклад социально-экономических факторов
в показатели смертности населения трудоспособного возраста**

Факторы социально-экономического развития	2005-2008		2009-2012		2013-2014		2005-2014	
	вклад	место	вклад	место	вклад	место	вклад	место
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Число зарегистрированных преступлений на 100000 чел. населения	0,34333	1	0,05021	6	0,09579	4	0,2616	1
Удельный вес занятых во вредных и опасных условиях труда (по категориям вредных условий)	0,06423	4	0,31315	1	0,41037	1	0,17605	2
Число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения	0,07239	3	0,09311	3	0,12357	2	0,10557	3
Доля занятого населения с высшим образованием, %	0,08031	2	0,08781	4	0,04668	6	0,08364	4
Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену на 10 тыс. населения	0,03824	10	0,1516	2	0,10189	3	0,07032	5
Соотношение среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума	0,06295	5	0,04029	7	0,03871	7	0,04315	6
Обеспеченность средним медицинским персоналом на 10 тыс. человек населения	0,03164	12	0,03829	8	0,01907	10	0,03894	7
Бюджетные расходы на душу населения, млн. руб.	0,0296	13	0,07105	5	0,02222	8	0,03617	8
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием	0,04242	9	0,03095	9	0,05531	5	0,0342	9

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Численность больных с впервые установленным диагнозом (проф. заболеваемость), чел.	0,04677	7	0,03047	10	0,01709	11	0,03379	10
Доля расходов домашних хозяйств на потребление или покупку алкогольных напитков, %	0,03228	11	0,01014	15	0,00624	15	0,02977	11
Общая заболеваемость на 1000 чел.	0,04435	8	0,01666	13	0,01572	12	0,02833	12
Доля расходов бюджета на социальную поддержку населения, %	0,02947	14	0,02252	12	0,01246	14	0,02025	13
Уровень общей безработицы, %	0,02776	15	0,01643	14	0,02146	9	0,01988	14
Доля промышленности в ВДС, %	0,05426	6	0,02729	11	0,01341	13	0,01834	15

Рассчитано по: [2]

Анализ отобранных показателей социально-экономического развития России в период 2005-2014 гг. показал, что развитие шло неравномерно. Так по ряду показателей наблюдался стабильный рост (бюджетные расходы на душу населения, доля расходов бюджета на социальную поддержку населения, доля занятого населения с высшим образованием, плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, число собственных легковых автомобилей на 1000 чел., покупательная способность заработной платы). Одновременно постоянно снижались число зарегистрированных преступлений на 10000 чел., доля расходов домохозяйств на потребление или покупку алкогольных напитков, а также уровень общей безработицы. Несколько показателей имели неустойчивую динамику (обеспеченность средним медицинским персоналом, мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, общая заболеваемость, численность больных с впервые установленным диагнозом, удельный вес занятых во вредных и опасных условиях труда), однако в целом за рассматриваемое десятилетие по ним произошло улучшение. Таким образом, можно говорить о том, что качество жизни населения выросло, а социально-экономическое развитие страны имеет поступательный характер.

Показатели смертности населения трудоспособного возраста за период 2005-2014 гг. стабильно снижались с 824,4 до 565,6 на 100000 лиц трудоспособного возраста, что связано как с характером демографических процессов, так и с эффективной государственной политикой в сфере здравоохранения и социальной поддержки населения, а также общего улучшения социально-экономического положения в стране. Оценивая парциальный вклад указанных факторов социально-экономического развития в показатели смертности населения, мы выбрали три периода: до мирового финансового кризиса 2005-2008 гг.;

после кризиса 2009-2012 гг.; период внешнеэкономических санкций 2013-2014 гг.; а также весь период в целом 2005-2014 гг. (табл. 1). Предварительно следует отметить одну особенность распределения парциальных вкладов: совокупный парциальный вклад факторов, занимающих первые три места, составляет более половины всего влияния социально-экономических показателей на смертность населения в трудоспособном возрасте.

Первый рассматриваемый период (2005-2008 гг.) характеризуется экономической и социальной стабильностью в России, обеспеченной выгодной внешнеэкономической и политической конъюнктурой. В это время наибольшее влияние на показатели смертности населения оказывает фактор «число зарегистрированных преступлений» – 0,34. Вклад каждого из остальных факторов незначителен и колеблется в интервале 0,03-0,08.

В период после мирового финансового кризиса (2009-2012 гг.), на который пришлось восстановление экономики, сопровождаемое повышенной социальной напряженностью, на первое место вышел фактор «занятость во вредных и опасных условиях труда» – 0,31, а также отмечается существенное значение фактора «мощность амбулаторно-поликлинических учреждений» – 0,15. Кроме того, значимыми оказались факторы «число собственных легковых автомобилей» и «доля занятого населения с высшим образованием» – по 0,09. Вклад каждого из остальных факторов менее значим и колеблется в интервале 0,01-0,07.

Период санкций (2013-2014 гг.) характеризуется сложным внешнеполитическим и внешнеэкономическим положением России, что явилось одной из скрытых причин роста показателей смертности населения в 2014 г. Среди наиболее значимых факторов этого периода следует выделить: «занятость во вредных и опасных условиях труда» – 0,41; «число собственных легковых автомобилей» – 0,12; «Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений» – 0,10; а также «число зарегистрированных преступлений» – 0,09. Вклад каждого из остальных факторов менее значим и колеблется в интервале 0,01-0,06.

Рассматривая весь анализируемый период (2005-2014 гг.) в целом, можно выделить следующую пятерку факторов, имеющих значимый парциальный вклад в формирование показателей смертности населения в трудоспособном возрасте: «число зарегистрированных преступлений» – 0,26; «занятость во вредных и опасных условиях труда» – 0,18; «число собственных легковых автомобилей» – 0,11; «доля занятого населения с высшим образованием» – 0,08; «мощность амбулаторно-поликлинических учреждений» – 0,07. Остальные факторы имеют парциальный вклад ниже уровня статистической значимости 0,05, а следовательно, не оказывают существенного влияния на формирование показателей смертности населения в трудоспособном возрасте в долгосрочной перспективе.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что для снижения показателей смертности населения в трудоспособном возрасте помимо эффективной работы системы здравоохранения государству следует обеспечить более

высокий уровень безопасности жизни, а также повышать качество трудовой деятельности.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

Список литературы и Интернет-источники

1. Воронцов К.В. Машинное обучение (курс лекций). [Электронный документ]. URL: <http://archive.is/kg5h9> (дата обращения: 31 августа 2016 г.)
2. Регионы России. Социально-экономические показатели в 2005-2014 гг. – М.: Росстат, 2006-2015.
3. Тихонова Г.И., Горчакова Т.Ю. Смертность и продолжительность жизни населения трудоспособного возраста в России: методы и результаты исследования // Медицина труда и промышленная экология. – 2010. – №3. – С. 1-6.

Молчанов Игорь Николаевич,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Политическая экономия»,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова;
профессор Департамента общественных финансов,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются вопросы актуализации гендерных исследований в России. Изложены методические подходы к совершенствованию системы показателей гендерной статистики. Сформулированы рекомендации по развитию информационных материалов в данной сфере.

Ключевые слова: гендерные исследования; федеральный и региональный уровни управления; положение мужчин и женщин.

E-mail: inmolchanov@fa.ru

Molchanov Igor N.,
Dr. (Economic), professor,
Professor of the «Political economy department»,
Lomonosov Moscow State University;
Professor of Public Finance Department,
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

DEVELOPMENT OF GENDER STUDIES IN RUSSIA: CURRENT PROBLEMS

The problems of the actualization of gender studies in Russia. Methodical approaches to improve indicators system of gender statistics. Recommendations for the development of information materials in this area.

Keywords: gender Studies; federal and regional levels of government; the situation of men and women.

E-mail: inmolchanov@fa.ru

Актуальность. Интерес к гендерным исследованиям возник после присоединения России к странам, подписавшим итоговые документы IV Всемирной конференции по положению женщин, проходившей в Пекине в сентябре

1995 года. В соответствии со статьей 19 Конституции России и Указом Президента Российской Федерации от 18 июня 1996 г. «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» возрастает участие женщин на основе равенства с мужчинами во всех сферах жизни общества. Женщинам обеспечивается равный с мужчинами доступ к государственной службе и участию во внешнеполитической деятельности. Активизации гендерных исследований способствовала реализация научного проекта «Совершенствование гендерной статистики в России» в рамках международного сотрудничества Госкомстата Российской Федерации (ныне Федеральная служба государственной статистики – Росстат) и Центрального статистического бюро (ЦСБ) Швеции [2]. В России в настоящее время проводятся научные исследования в данной области, а Росстат обеспечивает сбор информации о распределении населения по признаку пола и по возрасту, а также ее обработку и анализ. Презентация репрезентативных статистических данных необходима для объективного отражения положения женщин и мужчин в современном обществе.

Современное состояние объекта исследования. Статистические данные по Российской Федерации свидетельствуют о том, что при явном количественном преобладании женщин в общей численности специалистов с высшим и средним профессиональным образованием, их доля в руководящем составе хозяйствующих субъектов (предприятий, организаций) сохраняется на относительно низком (по сравнению с мужчинами) уровне. Несмотря на то, что в период построения социально ориентированной рыночной экономики управление деятельностью хозяйствующих субъектов существенно трансформируется, официальная статистическая информация не позволяет получить развернутое представление о деятельности женщин в общественном воспроизводстве (с учетом имеющихся дисбалансов в распределении ролей между мужчинами и женщинами), новых возможностях влияния женщин на процесс демократизации общества, их активном участии в государственных делах, а также их положении на работе и в семье.

Динамичное развитие социально-экономических процессов в России закономерно влияет на повышение интереса к проблеме положения мужчин и женщин в разнообразных сферах жизнедеятельности общества. Потребность в подобного рода информации есть у различных групп пользователей: органов государственной власти и муниципального управления, предпринимательского сообщества, научных и общественных организаций. Первая группа пользователей выглядит наиболее представительной и имеет рычаги воздействия на сложившуюся ситуацию. Сотрудники органов государственной власти и муниципального управления не только изучают статистические данные, но и участвуют в разработке нормативной правовой базы, вырабатывают необходимые управленческие решения, способствующие сглаживанию устоявшихся противоречий во взаимоотношениях полов.

В связи с этим важным представляется определение места гендерной составляющей во всей совокупности проводимых на федеральном и региональном уровнях научных статистических и социологических исследований. Данный вопрос приобретает особую актуальность в рамках региональных программ статистических работ и связан с выделением соответствующего финансирования. Средства необходимы не только на проведение методологических разработок в рамках подпрограмм гендерных исследований, но и на формирование методической базы для определения синтетических показателей, а также реализацию технологических мероприятий по сбору, обработке и анализу информации, необходимой для получения развернутой картины по изучаемым вопросам.

Следует отметить, что большинство нормативных и методических документов, содержащих гендерную проблематику, не имеют должной информационной поддержки ни со стороны ведомств и организаций – инициаторов их принятия, ни со стороны территориальных подразделений органов государственной статистики. Последние занимаются преимущественно эмпирическими исследованиями на базе методологических разработок Росстата. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно провести на уровне субъектов РФ анализ актуальных нормативных правовых актов и методических разработок с целью выявления гендерной составляющей и определить инструменты для активизации статистического изучения обширного круга связанных с нею проблем в рамках региональной статистики.

Современный период экономического развития характеризуется возрастанием роли научно-технологического потенциала, освоением новейших программ общего и профессионального образования, перманентным ростом профессиональной квалификации женщин и мужчин. В сложившихся условиях недопустима дискриминация в социально-экономическом положении женщин; равные возможности должны реализовываться в соответствии с равными правами. Гармоничность, устанавливаемая и охраняемая на государственном уровне, проявляется в том, что общество воздает должное человеку, независимо от того, мужчина это или женщина, по его профессионализму, знаниям, образованию, уму, качеству человеческого общения. В статистике эта пропорциональность должна найти соответствующее отражение.

Объективная информация о реальном положении мужчин и женщин в различных сферах социально-экономической жизни общества является необходимым условием обеспечения их равных прав и реализации равных возможностей. Основным источником такой информации является гендерная статистика как самостоятельная часть социально-экономической статистики. Цель гендерной статистики состоит в учете особенностей женщин и мужчин как специфических социально-демографических групп, их отражении в процессе разработки экономической политики и ее важнейших форм, а также при осуществлении на практике принципа равноправия женщин и мужчин. Необходимо отметить, что некоторые исследователи рассматривают гендер-

ную статистику не просто как раздел статистической науки, но и как новый концептуальный подход к традиционному статистическому анализу.

Гендерная статистика призвана отражать фактическую, реальную активность мужчин и женщин в семье, экономике, политике, социальной сфере. Решение этой задачи связано с разработкой системы показателей – индикаторов гендерной асимметрии различных сторон социально-экономической жизни. Гендерная статистика является в настоящее время той новой областью, которая затрагивает традиционные отрасли социально-экономической статистики и принадлежит всей статистической системе. Основное условие разработки и распространения данных, отражающих реальное положение женщин и мужчин, состоит в совместной работе производителей и потребителей гендерной информации в целях определения перечня вопросов, требующих решения, а также получения необходимой для анализа статистической информации.

Исследование названной предметной области целесообразно начинать с рассмотрения потребителей. Они – предприниматели, ученые, органы власти и управления, общественность – формулируют свои запросы на основе имеющихся потребностей в гендерных материалах. Часто потребители бывают недостаточно информированы о наличии статистических данных и не знают, как правильно оформить свои требования. Кроме того, потребители должны научиться эффективно использовать статистические данные в своей работе.

Необходимо выделить два аспекта рассматриваемой проблемы. С одной стороны, для потребителей информации характерно наличие различных потребностей, которые должны быть удовлетворены производителями гендерной статистики посредством предоставления конкретных результатов статистической деятельности. С другой стороны, потребители данных нуждаются в обучении по различным направлениям, в частности в получении знаний по вопросам более эффективного использования статистических материалов в своей работе. Кроме того, они должны быть знакомы с процедурой формирования запросов для статистических органов. В то же время необходимо учитывать, что производители статистических данных не всегда чутко реагируют на нужды потребителей. Поэтому только посредством обеспечения взаимовыгодного сотрудничества возможна разработка такой статистической информации, которая будет отвечать насущным потребностям общества, будет понятна различным категориям пользователей и может эффективно применяться в практической деятельности. Таким образом, тесное и постоянное взаимодействие, существующее между потребителями и производителями статистической информации является решающим фактором успешной разработки и совершенствования данных гендерной статистики как в стране, так и в регионах.

В качестве примера одного из показателей, который используется в гендерной статистике, можно привести «Уровень образования населения». Это один из важнейших показателей отечественной социальной статистики. Он отражает отношение численности лиц, получивших законченное образование на той или иной ступени действующей системы обучения (начальной, сред-

ней, высшей), ко всему населению или к населению условного возраста, в котором при нормальном обучении достигается данная ступень образования. Основными источниками сведений об уровне образования населения являются сплошные и выборочные переписи населения, проводимые, как правило, один раз в 10-12 лет. Традиционные для женщин сферы приложения труда – образование, здравоохранение торговля и общественное питание, культура и искусство (доля женщин в них около 80%) – характеризуются относительно низким, по сравнению со средним по национальной экономике, уровнем оплаты труда. Имеющиеся данные свидетельствуют, что женщины, имея более высокий уровень образования, заметно отстают от мужчин в деловой карьере.

В статистической работе в качестве основы для сбора и анализа гендерной информации используется специально разработанный макет (табл. 1). Он построен с учетом разработок шведских ученых в области гендерной статистики. Заполнение таблиц, построенных в соответствии с данным эталоном, позволяет выявить распределение женщин и мужчин по выбранному для анализа гендерному признаку. Представление материалов в данном формате позволяет получить статистические данные одновременно по женщинам и мужчинам (в отличие от сложившейся практики в отечественной статистике, когда в отчетах из общего итога выделяется группа «в том числе женщины» и в анализе положение женщин рассматривается, как правило, в отрыве от аналогичной информации о мужчинах).

Таблица 1.

Базовая таблица для гендерного анализа

Заголовок						
Актуальная переменная	Женщины		Мужчины		Распределение по гендеру	
	Количество	Процент	Количество	Процент	Женщины	Мужчины
А						
Б						
В						
•						
•						
Всего		100		100		

Важной методологической проблемой является выработка систематизированного представления о существующей системе показателей, которая характеризует положение женщин и мужчин в обществе, и формирование об-

новленной, соответствующей особенностям современного периода, системы показателей на перспективу. Одними из важнейших, на наш взгляд, являются показатели, оценивающие гендерную асимметрию на региональном рынке труда. Часть этих показателей уже используется в статистической практике, а некоторые еще не нашли отражения в официальных публикациях.

Актуальные направления развития гендерных исследований. Наиболее общими характеристиками рынка труда в гендерном аспекте являются численность занятого населения и структура занятости по полу, занятое население по статусу занятости, занятое население по профессии. Изучение динамики этих показателей позволяет оценить не только количественные изменения, происходящие в сфере занятости с точки зрения гендерного анализа, но и отслеживать качественные сдвиги в структуре занятости по полу.

Еще одной гендерной характеристикой состояния рынка труда является уровень экономической активности населения по полу. Этот показатель определяет долю экономически активного женского (мужского) населения в общей численности женщин (мужчин) соответствующих возрастных групп. Группу показателей, характеризующих безработицу, также можно рассматривать в связи с гендерным аспектом анализа занятости. Прежде всего, это показатели численности безработных и уровня безработицы по полу. Здесь особо необходимо выделить показатели, характеризующие скрытую безработицу или неполную занятость. Это явление, приобретающее в последние годы широкие масштабы, имеет отчетливую гендерную асимметрию.

В связи с этим целесообразно рассматривать численность занятых неполное рабочее время (или находящихся в административных отпусках), а также долю занятых неполное рабочее время в численности экономически активного населения и численности занятых по полу. Для более развернутой характеристики гендерной асимметрии безработицы необходимо иметь информацию о средней продолжительности безработицы по полу и образовательном уровне безработных женщин и мужчин.

Исследование вопросов гендерной асимметрии на региональном рынке труда логически приводит к проблеме оценки феминизации бедности. Очевидно, что неравное экономическое положение мужчин и женщин имеет определенные региональные особенности и требует специальной оценки и изучения. Показатели, отражающие гендерную асимметрию бедности, можно разделить на две группы.

Во-первых, показатели, отражающие структуру беднейших слоев населения по полу: численность безработных, живущих на пособие по безработице; численность одиноких и разведенных родителей, имеющих детей; численность пенсионеров. *Во-вторых*, показатели, характеризующие уровень жизни: заработная плата мужчин и женщин по отраслям экономики региона (соотношение заработной платы женщин и мужчин); заработная плата по профессиям (группам профессий); соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума в регионе по полу; структура расходов действующего прожиточ-

ного минимума в регионе по полу и возрасту; уровень бедности по полу, т.е. удельный вес лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, в численности населения от 15 лет и старше; средний размер пенсионных выплат в регионе по полу; соотношение между средним размером пенсионных выплат и прожиточным минимумом для пенсионеров (по полу).

Рассмотренный перечень показателей не является исчерпывающим. Актуально также изучение неравного положения женщин и мужчин в семье и домохозяйстве; оценка бюджетов времени с точки зрения гендерной статистики и другие, требующие дальнейших исследований, аспекты данной проблемы.

Способствовать развитию гендерной статистики в России может, прежде всего, принятие на соответствующих законодательных документов, формирование нормативной методологической базы, контроль за равенством в трудовой жизни мужчин и женщин, преодоление устоявшихся стереотипов в сознании мужчин, особенно руководителей. Представление информации в гендерном разрезе представляется актуальным при обосновании проектов и мероприятий в процессе разработки (а в последующем и корректировки) долгосрочной демографической политики. Учет особенностей женщин и мужчин, как специфических социально-демографических групп, востребован для мониторинга обеспечения государством равных прав и равных возможностей женщин и мужчин.

Проблемы, связанные с проведением исследований положения женщин и обеспечению их равных прав в обществе до конца не урегулированы. Несовершенство нормативных правовых положений, сохраняющиеся экономические и социальные проблемы требуют более конструктивного подхода к обновлению существующей законодательной базы, а также обоснованию возможных путей реализации ее основных положений и проектируемых мероприятий в составе государственных и целевых (федеральных и региональных) программ.

В качестве приоритета гендерной статистики следует рассматривать выделение основных проблем женщин и мужчин на этапе разработки статистических данных органами государственной статистики с тем, чтобы далее потребители гендерной информации активно участвовали в обсуждении этих проблем и общими усилиями находили механизмы их разрешения.

Таким образом, гендерная статистика представляет собой мощный фактор для единения общества в будущем. Думается, что публикация материалов гендерных исследований создает основания для устранения стереотипов в общественном сознании, приводит к пониманию того, что каждый аспект жизни и отношений женщин и мужчин оказывает влияние на жизнь общества в целом и его развитие. Важным фактором популяризации гендерных исследований является продуктивное общение производителей и пользователей гендерной статистики. Проблемы, наблюдающиеся в процессе формирования гендерной информации заключаются не только в недостаточном количестве (по перечню и структуре) исходных данных, но и в неполном использовании имеющихся аналитических материалов. В этой связи необходимо не только развивать методологию гендерных исследований и улучшать их информационное обеспе-

чение, но и совершенствовать практику аналитической работы, осуществлять на постоянной основе более тесные связи с пользователями для выяснения настоящих потребностей различных групп потребителей статистической информации.

Список литературы

1. Жильцов Е.Н., Молчанов И.Н. Модернизация профессионального образования в рамках приоритетного национального проекта «Образование» // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 10. – С. 3-16.
2. Отражение вопросов реализации равных прав и равных возможностей женщин и мужчин в гендерной статистике /Материалы международного российско-шведского семинара 1-2 февраля 2000 г. – Ростов-на-Дону: Ростовский областной комитет государственной статистики, 2000.
3. Экономика и управление социальной сферой /Жильцов Е.Н., Егоров Е.В., Науменко Т.В., Восколович Н.А., Лавров В.А., Лapidус Л.В., Казаков В.Н., Косова Ю.А., Романова Н.В., Молчанов И.Н., Коваленко В.В., Морозов В.А., Иванов О.И. Учебник для бакалавров /Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 496 с.

*Мунин Павел Иванович,
кандидат технических наук, доцент,
научный сотрудник лаборатории
«Развития личности и здоровьесбережения»,
Институт делового администрирования,
г. Москва-Зеленоград, Россия*

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РОССИИ И МИРА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Глокальный современный тренд преобразования пирамид численности населения из «треугольной» формы в «прямоугольную», оцениваемый как рост социальных капитала, здоровья и счастья соответствующего сообщества, вселяет определенную надежду на успех в переходе к устойчивому развитию. Однако сопутствующая этому росту маскулинизация мультипликативной гендерной асимметрии может придать процессу перехода далеко не мирный характер.

Ключевые слова: пирамида численности, мультипликативность, демоиндикация, устойчивое развитие, социальный капитал, социальное здоровье.

E-mail: mounine@rambler.ru

*Munin Pavel I.,
PhD (Technology), docent,
researcher at the laboratory
"The development of personality and health",
Institute of business administration,
Moscow-Zelenograd, Russia*

SOCIAL CAPITAL GENDER ASYMMETRY OF RUSSIA AND WORLD IN COMPARATIVE DEMOGRAPHIC MEASUREMENT

Glocal modern population pyramids transformation trend of the "triangular" shape to the "rectangular", measured as the increase in social capital, health and happiness of the communities, inspires some hope of success in the transition to sustainable development. However, accompanying the growth of the masculinization of multiplicative gender asymmetry can make the transition process is far from peaceful.

Keywords: population pyramid, multiplicative, demoindication, sustainable development, social capital, social health.

E-mail: mounine@rambler.ru

Графическим образом глобальной демографической системы, описываемой в терминах рождаемости и смертности, служит пирамида численности. В 1945-80 гг. площадь этой пирамиды росла столь быстро, что появился термин «демографический взрыв». В этот же период осуществлялись планомерные и регулярные «ядерные испытания», оказавшие глобальное воздействие на все процессы, включая экономические, социальные и экологические и любое их сочетание. Полагая, что каждый человек – член мирового сообщества – принимает решения, учитывая в меру своих способностей, возможностей и информированности разнообразные факторы, осуществляя тем самым на индивидуальном уровне их «синтез». Именно это синтетическое знание в демографической интерпретации удалось обнаружить в пирамидах численности населения, которое позволяет говорить о методе «демографической индикации – демоиндикации – глобальных и локальных процессов». Последнее, то есть глокальность, переводят этот метод в разряд трансдисциплинарных, если следовать определениям из Википедии [1, С. 10].

Трансдисциплинарность демоиндикации, в свою очередь, позволила по совокупности признаков и характеристик интерпретировать графический образ пирамид численности населения как **аватар** социального капитала, подверженный изменениям как во времени, так и в географическом пространстве, то есть территории. Поскольку аттрактором трансформации обнаруженного аватара служит равномерное распределение – «прямоугольное» – численности населения по возрастным когортам, то оказалось естественным идентифицировать его как идеал социального здоровья населения [2].

Близость социального здоровья любого территориального сообщества к идеалу можно оценить с помощью мультипликативного демографического индекса (*МДИ*), вычисляемого по формуле:

$$МДИ = \prod_{i=1}^{i=n} \left(\frac{n * (m_i + f_i)}{\sum_{i=1}^{i=n} (m_i + f_i)} \right) \quad (1)$$

где m_i – мужская и f_i – женская составляющих i – ой возрастной когорты пирамиды численности, включающей выделенное число (n) когорт сообщества, населяющего выбранную территорию.

Мультипликативность *МДИ*, обеспечивая учет всех информационных связей – генетических и культурных (внегенетических), служит мерой информационной емкости сообщества, характеризующей, в свою очередь, социальный капитал территории. Так социальное здоровье население превращается в меру социального капитала территории [3].

В результате расчетов *МДИ* для мирового сообщества в целом и его частей был обнаружен тренд монотонного роста этого индекса, начиная примерно с начала 70-х годов прошлого столетия (Рис. 1).

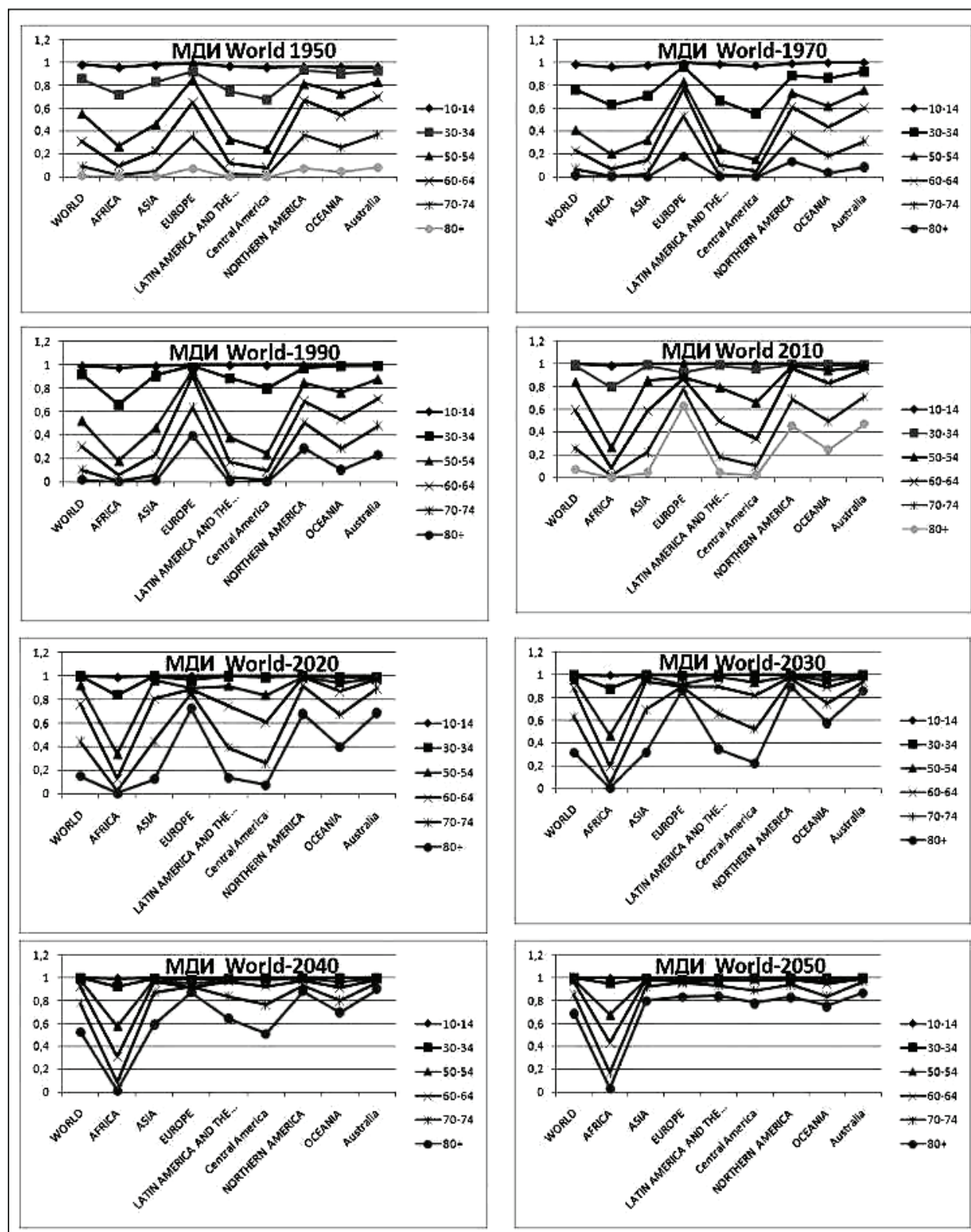

Рис. 1. Мультипликативные демографические индексы мира и его частей

Этот тренд вселяет определенную надежду на успех в переходе к устойчивому развитию, при котором случится гармонизация связей между обществом, окружающей средой и экономикой, то есть наступит эпоха глобального социального счастья народов.

Однако это счастье может омрачить рост маскулинизация гендерной асимметрии и придать процессу перехода далеко не мирный характер.

Дихотомия гендерной принадлежности, оцениваемой по способности к созданию или открытию новой реальности, известной под названием «креативности» и рассматриваемой чаще всего как «мужское начало», пролегает по грани антипода креативности, заключающегося в желании и стремлении сохранить существующий порядок вещей. Такое свойство «консервативности» обычно считается присущим «женской роли».

Полагая, что названные «роли» и «начала» отражены в данных переписей населения в виде половой принадлежности, можно оценить процесс гендерной асимметрии, а вместе с ним и балансирования на грани «креативность/консервативность» с помощью «мультипликативного индекса половых отношений» (MSR)¹ [4]. Этот индекс вычисляется на основе тех же данных, содержащихся в пирамидах численности, а именно:

$$MSR = \prod_{i=1}^{i=n} (m_i / f_i), \quad (2)$$

Сомножители типа (m_i / f_i) обычны для демографических оценок данных переписей населения.

Введение операции перемножения этих частных (когортных) половых отношений в формуле (2) обусловлено тем, что их произведение представляет собой, по сути, отношение мужского и женского «разнообразий». Такая интерпретация соотношения (2) связывает его с известным «законом необходимого разнообразия» (RVL)² [5], согласно которому управляет системой ее более разнообразная часть.

Таким образом, по величине MSR можно оценить способность сообщества балансировать между «мужской креативностью» и «женским консерватизмом», составляющей суть процесса гендерного развития общества, включая современную «дефеминизацию и гендерную асимметрию» в пользу мужчин. Идеальным с этой точки зрения, видимо, следует признать сообщество, обладающее симметричной пирамидой численности и MSR , равным единице для любых возрастных когорт. Результаты оценки «гендерной асимметрии», полученные с помощью выражения (2) приведены на рисунке 2.

¹ MSR – multiplicative sex ratio

² RVL – requisite variety law

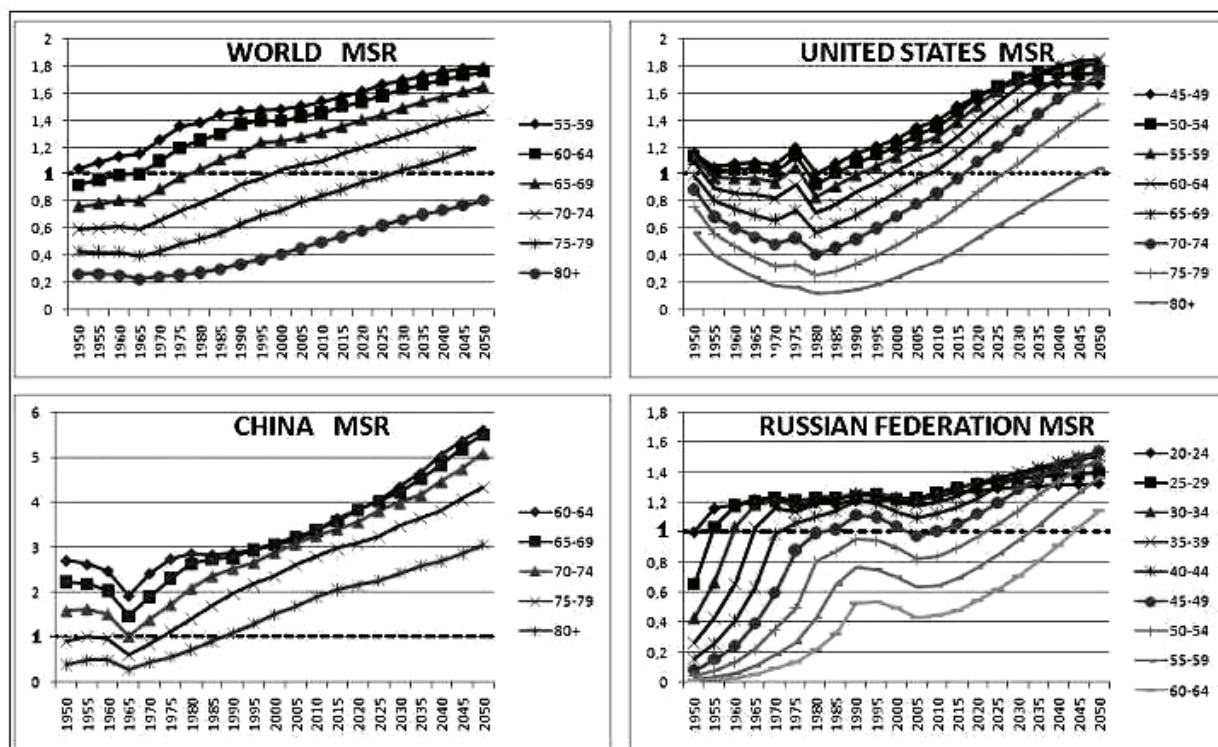

Рис. 2. Мультипликативные половые индексы мира и его частей

Оценка метаморфоз структуры населения мира и его частей методом демоиндикации с помощью мультипликативных демографических индексов обнаруживает тренд роста разнообразия взаимосвязей между людьми, что, видимо, следует признать желательным для перехода общества к устойчивому развитию. Однако тенденция роста индекса мультипликативного полового отношения характеризует устойчивость дефеминизации и гендерной асимметрии в пользу мужчин, что может быть расценено как угроза мирному развитию названного процесса.

Список литературы

1. Киященко, Л.П. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Институт философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.
2. Мунин П.И. Демоиндикация социального здоровья населения // Материалы Пленума научного совета Российской Федерации по экологии человека и гигиене окружающей среды «Методологические проблемы изучения, оценки и регламентирования химического загрязнения окружающей среды и его влияния на здоровье населения»; Под редакцией академика РАН Ю.А. Рахманина. Москва, 17-18 декабря 2015 г. – 2015. – С. 276-279.
3. Мунин П.И. Социальный капитал России в сравнительном демографическом измерении: Трансдисциплинарный подход // Материалы международной научно-практической конференции «Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики

России» (Москва, 3 декабря 2015 года). – М.: Издательство «Экономическое образование», 2015. – С. 66-75.

4. Мунин П.И. Дефеминизация и гендерная асимметрия: демографическая реальность и ее метаморфозы // Коллективная монография «Мужская гендерная общность: закономерности и специфика развития» под редакцией проф. Силласте Г.Г. – М.: ИПЦ «Маска», 2013. – С. 92-102.

5. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959. – 432 с.

Павлов Борис Сергеевич,
доктор философских наук, профессор,
действительный член МАН и РАЕН,
член-корреспондент РАЕ,
ведущий научный сотрудник,
Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия

Паначев Валерий Дмитриевич
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой физической культуры,
Пермский национально-исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь, Россия

Сарайкин Дмитрий Андреевич,
кандидат биологических наук, доцент,
Челябинский государственный педагогический институт,
г. Челябинск, Россия

Сентюрина Лидия Борисовна,
кандидат медицинских наук, врач-эндокринолог,
ГКБ № 40,
г. Екатеринбург, Россия

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЕГО ПРИЛЕЖАНИЕ К УРОКАМ ФИЗКУЛЬТУРЫ

В статье уточняется понятие «физическая культура личности». По материалам социологических исследований, проведённых авторами в городах и сельских поселениях Урала, анализируются особенности здоровьесберегающего поведения молодёжи. Особое внимание уделяется проблемам сбережения здоровья детей в родительской семье и вне её – в городской среде. Выясняется отношение населения к развитию физической культуры, спорта и здоровому образу жизни молодёжи по мере их взросления.

Ключевые слова: семья, здоровье, молодой человек, подросток, физическая культура, физический труд, валеологическое воспитание и самочувствие, спорт, жизненные планы.

E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Pavlov Boris S.,
Dr. (Philosophy), Professor,
Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

Panachev Valery Dmitriyevich

*Dr. (Sociology), Professor,
Head of the Department of Physical Culture of the Perm
National Research Polytechnical University,
Perm, Russia*

Saraykin Dmitry A.,

*PhD (Biology), Docent,
Chelyabinsk State Pedagogical University,
Chelyabinsk, Russia*

Senturina Lidia B.,

*PhD (Medicine), doctor-endocrinologist,
City clinical hospital No. 40,
Yekaterinburg, Russia*

THE PHYSICAL CULTURE OF THE YOUNG MAN – IS NOT ONLY HIS DILIGENCE TO PHYSICAL EDUCATION CLASS

In article the concept and the maintenance of a phenomenon "physical culture of the personality" is specified. On materials of the social researches conducted by authors in the cities and the rural settlements of the Urals, features of health saving behavior of youth are analyzed. Special attention is paid to problems of saving of health of children in a parental family and out of it – in the urban environment. The population relation to development of physical culture, sport and a youth healthy lifestyle in process of their growing becomes clear.

Keywords: family health, young man, teenager, physical culture, manual labor, valeological education and health, sport, vital plans.

E-mail: pavlov_boris@mail.ru

Когда говорят о культуре, подразумевают, как правило, специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. Как правило, в понятие культуры включают как общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности на различных этапах общественного развития, в рамках определенных эпох, общественно-экономических формаций, этнических и национальных общностей. Культура личности в привычном понимании – это мера человеческого в отдельно взятом индивиду; индивид – он настолько человек, насколько культурен [2].

И все это так, и все это не вызывало бы вопросов и сомнений, если б почти всегда, когда речь заходит о культуре, не забывалось, что человек – это

не только специфически человеческий способ жизнедеятельности, но и преобразованное культурой физическое тело. В принципе, все знают и помнят, что «лучше быть здоровым и богатым», что «в здоровом теле – здоровый дух» (тут, правда, не все единодушны в понимании, что чем определяется), но часто ли мы задумываемся над тем, в какой мере телесное здоровье зависит от культуры? В такой ли степени усвоение культуры зависит от здоровья? Да и только ли в здоровье проявляется физическая культура индивида? Авторы статьи не собираются доказывать, ибо считают это аксиомой, что физическая (телесная) культура – отнюдь не второстепенная, а, напротив, очень существенная грань общей культуры человека, органически с ней связанная, всегда от нее зависящая, а порой оказывающая на нее (то есть телесное – на духовное) сильное влияние. Мы ведь не просто имеем тело – мы живем и умираем вместе со своим телом. Оно – наш рок, наша судьба, оно – это мы сами. Вспомним, хотя бы:

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

Осип Мандельштам

или, короче:

Придать бы плоти чуть больше сути.

Станислав Ежи Лец

Конечно, и с телом не все ясно. Не вызывает сомнений, что состоянием «телесной оболочки» определяется не только способность выдерживать физические нагрузки и вести активный образ жизни: от него напрямую зависят широта и качество нашего общения, доступ к различным человеческим ценностям. Мы имеем в виду не только крайности – проблемы людей «с ограниченными возможностями» и безграничные возможности людей красивых, стройных, ловких, обладающих, как иногда говорят, «победительной внешностью». С крайностями все более или менее понятно, а вот что мы знаем о физической (телесной) культуре «обыкновенного» человека? Какую роль она играет в повседневной жизни? Насколько осознается как ценность бытия и принимается во внимание при выстраивании межличностных отношений в социуме? Как она формируется? Как зависит от стереотипов, сложившихся в различных субкультурах? Наконец, насколько важно для ее формирования все то, что в обиходе объединяется понятием «физкультура» (утренняя зарядка, школьные уроки под этим названием, лыжные прогулки и т. п.)?

На эту «базовую» проблематику сегодня густо нахлопнулись «смежные» проблемы. Потребительский рынок предлагает множество товаров и услуг, рассчитанных якобы на сохранение, возвращение, укрепление здоровья, молодости, красоты. Тут и фармацевтические средства, и пищевые добавки, и

тренажерные залы, и массажные салоны, и всякого рода коррекционные заведения, включая «тату» и пластическую хирургию... Словом, **«физическая культура»** сегодня всюду продается за деньги. Но точно ли продается именно она? Активность этого сегмента рынка зависит от социокультурных стереотипов, социально-статусных предрассудков, субкультурных императивов, а особенно сильно **зависти от агрессивной рекламы**.

А может, не так реклама виновата, как мы сами «обманываться рады»? Очень уж велико желание так вот запросто взять и приобрести «здоровье» и «красоту» – как вузовский диплом по интернету. Для одних это желание связано с надеждой повысить свою конкурентоспособность в социальном лифтинге, другие рассчитывают подороже «продать себя» на рынке труда, так или иначе повысить свой социальный статус, третьи просто хотят занять более привлекательную позицию в отношениях с окружающими. Но выбор предлагаемых вариантов столь широк, а желания столь ирреальны, что существует большой риск ошибиться, получить поддельный «товар». Зависимое (от рекламы, от мнения «тусовки», от распространенных предрассудков и т. п.) поведение многих из нас на этой ярмарке чудес определяется тем, что в обществе не сформированы надежные представления о сути и нормах физической культуры.

Таким образом, область физической культуры играет сегодня очень заметную роль в формировании социальной реальности, в которой мы живем. Между тем, как нам кажется, она не привлекает к себе внимания аналитиков-обществоведов в той мере, в какой его заслуживает. Но авторы предлагаемой статьи видят свою задачу не в том, чтобы углубить или расширить теоретические представления о феномене физической культуры (хотя, конечно, эта тема нуждается в дополнительном осмыслении); мы лишь пытаемся выяснить, насколько и каким образом общественное мнение (в разных его ипостасях) отражает проблематику, относящуюся к этому феномену. Мы полагаем, что такое исследование может быть полезным для тех, кого интересуют вопросы воспитания, формирования социально-нравственной атмосферы и социального прогнозирования.

Наша статья опирается, в основном, на результаты пяти исследований, проведенных авторами в Институте экономики УрО РАН в 1997-2016 годах:

– **1997 г.** – в ряде городов и поселений Челябинской области опрошено 425 родителей из семей с детьми-инвалидами и 60 экспертов – специалистов и руководителей, непосредственно причастных к решению социально-экономических проблем таких семей – в дальнейшем условное обозначение – **«Урал-1997»**;

– **2011 г.** – опрошено 680 студентов старших курсов гуманитарных факультетов Уральского государственного технического университета (УГТУ–УПИ)¹. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре – **«Урал -2011»**;

¹ Ныне Уральский Федеральный университет им. Б.Н. Ельцина.

– **2013 г.** – был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга связанный с анализом процесса подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%) и, соответственно, ЗАТО «Лесной» – 300 чел. – **«Урал-2013»;**

– **2015 г.** – по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (*г. Екатеринбург*) проведены опросы 450 студентов старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы – **«Урал-2015»;**

– **2016 г.** в рамках *«инженерной»* проблематики в Свердловской области по «Анкете молодого инженера» был проведен опрос 1200 инженеров (*в их числе – 1000 молодых инженеров в возрасте до 30 лет*) на 11 промышленных предприятиях региона, в том числе: ОАО «НТМК ЕВРАЗ» (430 чел.); ОАО «СТЗ» (200 чел.); АО «НПО Автоматики» (170 чел.); ОАО «НСММЗ» (45 чел.) и др. (*анкета включает 78 содержательных вопроса*) – **«Урал-2016».**

«Сверхзадачей» всех пяти исследований было выявить тенденции развития, воспроизводства и сохранения физической культуры уральцев в сложных условиях социально-экономических преобразований и на фоне экологического неблагополучия в регионе. В этих исследованиях мы использовали рабочую схему, условно выделяющую в сфере деятельности индивида по сохранению и преобразованию своей телесной организации четыре функциональных направления:

I. Созидательное. Имеются в виду действия по развитию физических сил, укреплению здоровья: регулярные физические занятия, физический труд, туризм, подвижные игры. К этой категории деятельности формально должны быть отнесены и занятия спортом, хотя нельзя не обратить внимания на то, что спорт, особенно профессиональный, по отношению к здоровью не всегда «созидателен»: травмы, профессиональные болезни, а случается и скоропостижная смерть на трассе или в раздевалке после напряженного матча, – они характеризуют спорт в определенной степени и как фактор «разрушительный» для здоровья спортсмена.

II. Оздоровительное. Каждому из нас приходится предпринимать разные меры для укрепления здоровья и предупреждения заболеваний. Тут и целый спектр собственно профилактических действий – от медицинских прививок до мероприятий по технике безопасности на рабочем месте, соблюдения правил дорожного движения на улице и т. п. Но к этому же направлению можно отнести утреннюю гимнастику, процедуры закаливания, умеренную по нагрузкам физическую работу в перерывах между занятиями, например, за компьютером, за письменным столом.

Рациональное питание, прогулки перед сном и т. п. виды деятельности мы считаем правомочным отнести как к «созидательному», так и «оздоровительному» направлению.

III. Компенсационное. К нему мы относим деятельность индивида по восстановлению или возмещению тех или иных физических недостатков, пороков (ослабление зрения, слуха, двигательной системы, отсутствие зубов и т. д.).

IV. Камуфляжное (декоративное). Это разнообразные действия, вызванные желанием придать своей внешности более привлекательный вид: сделать незаметными или хотя бы менее заметными изъяны кожи, строения лица, недостатки фигуры и т. д. Той же цели служат и украшения, подчеркивающие достоинства или маскирующие недостатки внешности: косметика, бижутерия, маникюр, татуировка, силиконовые подкожные инъекции и др.

«Сквозная» для всех четырёх направлений и особенно острая на сегодняшний день проблема – избавление от избыточного веса и устранение других недостатков фигуры.

Уже из попутных наших замечаний видно, что четких границ между выделенными направлениями нет, однако предлагаемая схема, при всей ее условности, позволяет более наглядно представить объем и структуру проблемы, оценить границы действия разных факторов, влияющих на физическую культуру индивида. Наглядно структуру исследованной нами проблемы можно представить в виде следующей схемы (схема 1).

Направленность деятельности индивида в сфере сохранения и преобразования собственной телесной организации			
I. Созидательная	II. Оздоровительная, превентивная	III. Компенсационная, Коррекционная	IV. Камуфляжная, Декоративная
физические упражнения и занятия	профилактика заболеваний	коррекция зрения	косметика, макияж, причёска
физическая работа		коррекция слуха	бижутерия и другие украшения
гимнастика гигиеническая, лечебная			татуировка
туризм	уход за кожным, волосным покровом		
подвижные игры	уход за полостью рта, лечение зубов		
занятия спортом	облагораживание запаха		
лечение болезней	закаливание организма, одежда	«изменение» (как правило,» увеличение») роста	
коррекция веса, конфигурации тела, пластика лица и вторичных половых признаков			
восстановительный отдых		жестикуляции, мимика, речь (голос)	
Питание		походка, осанка	
Фитнес		коррекция инвалидности	уход за ногтями
Фитотерапия		Контрацепция	

Схема I. Физическая культура человека: структура, направленность, формы реализации

Можно утверждать, что к сфере физической культуры в той или иной мере причастны все основные сферы жизнедеятельности общества, и «взаимопересечения» ее, скажем, с демографией, политикой, обороной могут быть предметами самостоятельных исследований. Сказанное выше позволяет дать рабочий вариант определения ключевого для нашего исследования понятия: физическая культура – это *обусловленный общественными отношениями способ и мера реализации социобиологических сущностных сил и творческих способностей как отдельных индивидов, так и социальных групп во всех сферах их жизнедеятельности.*

Попробуем о том же сказать предельно просто и наглядно. В самом начале своей жизни каждый индивид – беспомощный младенец, но это человеческий младенец! И он не стал бы впоследствии человеком, если бы его с первых же мгновений не окружали люди, которые хорошо ли, плохо ли, но будут помогать ему вырасти человеком. Его научат по-человечески удовлетворять свои физиологические потребности, ибо «Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывается сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов» [3, т. 46, ч. 1, С. 28]. Его научат по-человечески воспринимать мир, чувствовать и мыслить, по-человечески себя вести; в нем воплотится и получит развитие идущая из глубины веков и уходящая в неведомое будущее традиция человеческой (социальной – с учетом всех аспектов этого понятия) жизни. Однако все это совершится в полной мере лишь при условии, что младенец родится здоровым и никакие серьезные недуги ни на этой стадии, ни в дальнейшем не помещают процессу превращения его в человека. Таким образом, проблемы телесного здоровья предвеляют все остальное, что предуготовано человеку в жизни.

Но здоровье не является одинаковым для всех и всех уравнивающим «стартовым капиталом». Пресса и Интернет переполнены информацией о катастрофическом состоянии здоровья российских детей уже с момента их появления на свет, и оно только ухудшается по мере их взросления; не будем пересказывать удручающие цифры и факты. Надо ли объяснять причины? Повторим вслед за английским политиком и моралистом XVIII века Ф. Честерфилдом: «Физические недуги – это тот налог, который берёт с нас наша окаянная жизнь. Одни облагаются более высоким налогом, другие – низким, но платят все». Что ж, российские налоги и в этой сфере щадящими не назовешь.

Налоговая система, безусловно, играет очень важную роль в развитии экономики страны, а все же спросим себя: оттого ли мы плохо живем, что налоги у нас высокие? А может, просто лучше надо работать? Наверно, многие с этим утверждением согласятся, если отнести его к сфере экономики, но насчет здоровья можно сказать ровно то же самое, потому что: «Понятие «культура здоровья» отражает качественно иную форму жизнедеятельности человека, направленную на регулирование его психофизических

сил. Человек не ждет, когда у него появится болезнь, а переходит на такую форму управления организмом, когда формируется его способность самостоятельно восстанавливать истраченные в процессе жизнедеятельности жизненные силы» [13, С. 12]. Подчеркнем: природные силы, которые проявляются в нас, нам не подвластны, как не подвластны погода или силы тяготения. Но мы научились жить при любой погоде и летать на аппаратах тяжелее воздуха. Точно так же мы можем – в известном диапазоне и, конечно, с использованием различных приемов и средств, регулировать свои психофизические силы: предупреждать болезни, облегчать их течение, преодолевать их последствия и, как результат, жить здоровой жизнью. Так на уровне тела «культура» противостоит «натуре»; из этого рассуждения видно, что мы имеем в виду, говоря о «физической культуре» применительно к телесной организации человека. В этом смысле здоровый организм – проявление физической культуры личности.

Объективно здоровье – одна из главных ценностей жизни, такая оценка закрепилась и в традиционном речевом этикете: «Здравствуйте!», «Будьте здоровы!», даже «Будем здоровы!» Однако если посмотреть по сторонам, бросается в глаза, как мало мы бережем здоровье, как легкомысленно пренебрегаем нормами здоровой жизни. Так называемые вредные привычки, беспорядочное питание, пренебрежение режимом труда и отдыха, неоправданные риски – нужно ли продолжать? Осуществление законного желания быть «здоровым и богатым» зависит не только от выбора правильных ориентиров в системе ценностей, но и от «стартового капитала»: мы уже упоминали, что многие российские дети обременены опасными недугами уже с момента рождения, другие болевают хроническими болезнями в раннем возрасте. Научные данные о масштабах этого бедствия неоднозначны. Статистические данные о частоте и распространенности хронических болезней у детей не отличаются высокой достоверностью. Не менее расплывчаты сведения о том, сколько здоровых детей в российской популяции. Например, профессор И.М. Воронцов считает, что в Санкт-Петербурге к категории здоровых можно отнести всего 4% детей. По данным отечественной литературы, число здоровых детей может колебаться от 2 до 80%. Такой колоссальный разброс данных говорит о том, что у нас нет единого определения и критериев индивидуального и коллективного здоровья детей [16]. Вместе с тем, общественное беспокойство по этому поводу нельзя не считать обоснованным.

Наиболее наглядно вопрос о здоровье детей, а это во многом значит и вопрос о состоянии здоровья нации, проявляется в чрезвычайно злободневной сегодня проблеме детской инвалидности. Социологи Института экономики УрО РАН, проводившие опрос экспертов в Челябинской области («Урал-1997»), попытались выяснить, как объясняет общественное мнение *«рост числа семей с детьми-инвалидами в российском обществе»*. Полученные ответы представили такую картину – таблица 1.

Таблица 1.

**Мнения о причинах появления большого числа детей-инвалидов,
% к числу опрошенных – 60 чел.)**

- рождение нездорового потомства	- 74
- снижение уровня жизни населения	- 62
- распространение вредных привычек (пьянство, курение и т.д.)	- 53
- повышение психологического напряжения, стрессы	- 40
- дети растут «беспризорными», нет возможности посещать детсад, пионерские лагеря	- 35
- ухудшение медицинского обслуживания	- 33
- ухудшение питания	- 32
- неосторожность людей	- 5

Таким образом, примерно три четверти респондентов появление детей-инвалидов напрямую связывают с состоянием здоровья матери, которое, конечно, тоже нуждается в объяснении. Принимаются в расчет и случайные причины, которые могут привести к инвалидности в детском возрасте (неосторожность людей), но это случаи достаточно редкие (5%). Остальные причины, отмеченные респондентами, равно могут быть отнесены и к детям, и ко взрослым; в своей совокупности они свидетельствуют о неумении или нежелании управлять состоянием здоровья, то есть о крайне низком уровне физической культуры – как индивидуальной, так и на уровне общества.

Однако пример с детьми-инвалидами имеет и другой социокультурный смысл: как общество относится к своим гражданам с ограниченными возможностями (любого возраста)? К примеру, достаточно широко рекламируемые нынче «социальные» такси и автобусы, приспособленные для перевозки инвалидов-колясочников, пандусы у входов в торгово-развлекательные центры и демонстративная порка рестораторов, не допустивших на вечеринку инвалида, – это меры скорее камуфляжные, отвлекающие внимание общественности от действительно сложной проблемы социальной адаптации инвалидов, в инвалидности которых само же общество и виновато, поскольку тратит огромные деньги на «шоу-спорт», но мало заботится о развитии физической культуры.

Будучи актуальной проблемой социальной политики, положение инвалидов – и детей, и взрослых – в современном российском обществе закономерно становится и объектом внимания ученых-социологов [15]. Но проблема не сводится к реабилитации инвалидов и адаптации их к социуму. В действительности она гораздо шире. Вследствие общей культурной деградации населения вообще и понижения уровня физической культуры в особенности, родители во многих семьях не формируют у детей чувства ответственности за свое здоровье, не прививают им соответствующих навыков, не ведут профилактику травматизма, несчастных случаев (первая причина смертности среди подростков), не обучают закаливающим процедурам и т.п.

Ситуация усугубляется информационно-психологической атакой средств массовой информации, рекламирующих образцы «современного» стиля жизни. Почти исчезли традиции массовой физкультуры, особенно в трудовых, учебных коллективах и по месту жительства. То и другое способствует распространению вредных привычек (курение, алкоголизация, наркомания) и нездорового образа жизни, и, как следствие, приводит к ухудшению состояния здоровья населения [6; 14].

Поведение индивида в сфере здоровья (health behavior) называют самосохранительным (синонимы: витальное, здоровьесохранительное) и определяют как систему действий и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни индивида. Установлено, что самосохранительное поведение имеет универсальный характер, который проявляется в его соотнесенности со всеми сферами жизни: оно является компонентом и репродуктивного, и потребительского поведения, от него зависит отношение индивида, например, к курению, алкоголю и прочим «утехам». Характер самосохранительного поведения может быть как позитивным, так и негативным. Позитивное направлено на сохранение и укрепление здоровья, а негативное – на его разрушение. Негативное может выражаться в осознанных действиях (например, когда здоровьем жертвуют ради достижения какой-то цели) или в неосознанных (например, в тех случаях, когда человек плохо информирован о симптомах заболеваний, о влиянии вредных привычек) [7].

Любая конкретная социокультурная среда предписывает младшим и старшим членам семьи определенные образцы, модели поведения, что способствует сохранению цельности социума в ходе его развития. В механизме воздействия нравственно-психологического климата, образовавшегося в данном обществе, на формирующуюся личность важную роль играет личный пример родителей. Особая миссия в семейном воспитании отведена природой и обществом личности матери. «Пусть женщины поймут своё высокое назначение в вертограде человеческой жизни, – писал хирург и педагог Н.И. Пирогов. – Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать... делают главными зодчими общества. Краугольный камень кладётся их руками» [10, С. 178].

Многочисленны примеры, когда все окружающие в один голос говорят о том, насколько взрослая дочь похожа на свою мать манерой говорить, держаться, чувствовать. Следует заметить, что причины этого не заключены в наследственности (хотя влияние генов и не исключено), а являются результатом продолжительного общения дочери с матерью – внушения, подражания, обучения. Формирование детей по образу и подобию родителей – самое главное в семейном воспитании. Таким способом все достоинства, равно как и недостатки, родителей передаются детям, причем происходит это неосознанно, стихийно через каждодневное общение и взаимодействие.

Как свидетельствует повседневная воспитательная работа старших поколений россиян с младшими, основным оружием воздействия традиционно

остаётся БЕСЕДА. В исследовании «Урал-2013» юным респондентам из двух уральских городов задавался вопрос: «О чем из предложенного перечня тем у тебя бывали беседы с родителями? Количество ответов не ограничивается»). Полученные нами ответы представлены в таблице 1.

Таблица 1.

**Содержание бесед родителей с подростками в уральских городах
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)**

Тематика «воспитательных» бесед между «отцами и детьми»	Группы			
	В целом по городам		г. Лесной	
	Екатеринбург	Лесной	Юноши	Девушки
<i>I. О нравственно-этическом поведении</i>				
О необходимости хорошо учиться	82	75	73	77
О необходимости убирать за собой (в комнате, чистить обувь)	71	63	58	68
Об уважении к старшим	46	47	47	47
О недопустимости нецензурной речи	42	41	44	38
о культуре взаимоотношений между юношей и девушкой	31	37	31	40
о милосердии к слабым, младшим, больным	28	27	27	26
о вреде пристрастия к азартным играм	22	25	32	20
<i>II. О здоровье и самосохранительном поведении</i>				
О вреде пристрастия к курению	43	44	46	43
о вреде пристрастия к алкоголю	36	38	42	35
О необходимости ежедневно чистить зубы и делать физзарядку	34	34	33	35
О вреде пристрастия к наркотикам	33	33	36	30
О вреде переизбытка и режиме правильного питания	32	31	21	39
о необходимости постоянного наблюдения у врача	13	15	11	19

В книге Ириней, епископа Екатеринбургского и Ирбитского, написанной более 90 лет тому назад, мы читаем: «Итак, прежде всего, приучайте своих детей к тому, чтобы они слушались вас, зная, что на это воля Божия. Не терпите в них упорства и дерзости к кому бы то ни было. Не всё давайте им, чего бы и хотелось, напротив, приучайте их к самоограничению, воздержанности и умеренности. Требуйте от детей всегда скорого и пунктуального послушания, приучайте их к тому, чтобы они по первому слову исполняли ваши приказания... *Хотите вы, чтобы ваши дети были послушны, оказывайте и доказывайте им свою любовь*» [11]. Даже атеистически настроенным родителям, весьма сложно возражать этим мыслям служителя Церкви [4; 8].

Очевидно, что эта преемственность «работает» при условии, если достаточно прочны семейные узы, а для прочности семьи большое значение имеет репродуктивное здоровье. Под репродуктивным здоровьем, в соответствии с рекомендациями Международной конференции по вопросам народонаселения и развития (Каир, 1994), подразумевается состояние полного физического и социального благополучия. То есть в это понятие вкладывается многогранное содержание, но существенную его грань составляет отсутствие заболеваний репродуктивной системы и нарушения ее функций. И как бы широко мы ни толковали понятие «репродуктивное здоровье», оно теряет смысл, если нет возможности удовлетворенной и безопасной сексуальной жизни, рождения детей и свободы решать, когда и как часто это делать. Это предусматривает право мужчин и женщин на информацию и доступ к безопасным, эффективным, доступным по цене и приемлемым методам планирования семьи и/или к иным, избранным ими методам регулирования рождаемости, которые не противоречат закону.

Отмечающееся в последние годы в России омоложение возраста начала сексуальной жизни и более позднее вступление молодежи в брак привели к увеличению периода, когда молодые люди ведут добрачную половую жизнь без намерения рождения детей. В этих условиях чрезвычайно важной задачей является сохранение репродуктивного здоровья молодежи до ее вступления в брак, а также здоровья тех, кто, вступив в брак, сознательно откладывает деторождение, чтобы они сохранили возможность впоследствии иметь здоровых и желанных детей. Этого можно достичь только тогда, когда будут незамедлительно реализованы программы охраны репродуктивного здоровья подростков и молодежи, в том числе программы полового воспитания, формирования здорового образа жизни, оказания помощи молодежи по предупреждению нежелательных беременностей, профилактике аборт и защите от инфекций, передаваемых половым путем.

Основные поведенческие риски, опасные для здоровья молодежи. физическая, социальная, эмоциональная и сексуальная активность молодых людей требует свободы проявлений, которые на фоне возрастных психоэмоциональных особенностей могут реализоваться в форме социально опасных типов поведения. Специалисты фиксируют раннюю и чрезмерную активизацию сексуальных проявлений, но при этом – заметное снижение репродуктивных ожиданий. В прежние времена преждевременный и беспорядочный «зов плоти» укрощался религиозными запретами [1, С. 78]. сегодня влияние религии на поведение молодежи заметно ослабело, да и представление об иерархии нравственных ценностей, освященных религией, изменилось – адаптировалось к нынешней повседневности.

Выше упомянуто исследование «Урал -2011», в котором мы выясняли уровень и характер причастности студентов гуманитарных факультетов УГТУ–УПИ к религиозной культуре. Опрошено было 680 человек; по отношению к вере они позиционировали себя по-разному. Так, например, студен-

там предлагалось ответить на вопрос «Верите ли Вы в Бога, и, если да, то к какому вероисповеданию Вы себя относите?». Из общего числа опрошенных ответ «В Бога верю, отношу себя к православию» отметили 47%; «В Бога верю, но не отношу себя ни к какому вероисповеданию» – соответственно 31%; «В Бога верю, отношу себя к прочим конфессиям, в том числе к исламу» – 8%; «В Бога не верю» – 14%. Среди вопросов, которые им задавались, был и такой: какие из поступков (список которых прилагался) они считают грехом? Общий итог выглядит так (% от числа опрошенных в каждой группе; в числителе – респонденты в целом – 580 чел.; знаменателе – студенты, относящие себя к православной вере – 320 чел.):

- убийство		- 89 / 93
- самоубийство		- 80 / 84
- аборт		- 72 / 78
- проституция		- 64 / 72
- измена (жене / мужу)		- 61 / 66
- гомосексуализм		- 52 / 56
- употребление легких наркотиков		- 50 / 63
- ложь в личных интересах		- 43 / 51
- пьянство		- 43 / 50
- употребление в разговоре матерных слов		- 25 / 36
- развод в семье		- 25 / 34
- курение		- 25 / 33
- посещение стриптиз-бара		- 13 / 20
половые отношения до вступления в	- девушки	- 13 / 19
брак для:	- юноши	- 9 / 13
- сокрытие доходов от налоговой инспекции		- 12 / 14

Бросается в глаза, что православная вера диктует несколько более строгое отношение к «греховным» поступкам, однако, *во-первых*, разница в позициях «православных» студентов и всех прочих не так уж значительна. *Во-вторых*, если 63 процента «православных» считают употребление легких наркотиков грехом, то ведь это значит, что 37 процента никакого греха в том не видят. А в пьянстве не видит греха половина из них! Остальные цифры – а они очень красноречивы! – читатель истолкует и без наших пояснений [5].

Грех – это, в религиозном обиходе, нарушение неких религиозно-нравственных предписаний, но это понятие широко употребляется и в обыденной жизни, им обозначается предосудительный, дурной, нехороший поступок. Но это значит, что понятию греха в сознании и «православной», и всякой иной молодежи противостоят некие позитивные ценности. Какие же именно ценности опрошенные нами студенты считают для себя наиболее предпочтительными? Такой вопрос был тоже предусмотрен нашей анкетой. Респондентам был предложен список из 22 двух позиций, из них каждому надлежало выбрать не более

десяти «самых-самых». Несколько по-разному отвечали юноши и девушки: на самую вершину иерархии девушки водрузили любовь (87%), а юноши свободу (78%), а честь и у тех, и у других оказалась на пятом месте (после свободы, любви, дружбы и добра), за нее высказались 60% юношей и только 46% девушек. А наименее ценными в этом списке общепризнанных добродетелей оказались милосердие, трезвенность, миролюбие, вера в идеалы, смирение, кротость. Идеал смирения и кротости поддержали 6% юношей и 3,3% девушек. Вот вам и «православная» молодежь!» А где трудолюбие, упорство, верность, в конце концов? [9].

Особый аспект самосохранительного поведения – поведение молодых людей (впрочем, не только молодых) в сфере сексуальных отношений. Особенности сексуального поведения всегда были общественной проблемой, которая по-разному решалась в разных странах. Возраст сексуального согласия в России – один из самых высоких в Европе. Кстати, по поводу отношения взрослых к сексуальному поведению молодёжи в России снова спорят, ибо как можно оценить перспективы репродуктивного здоровья, если у нас выше трети (36%) подростков получают первый сексуальный опыт до 16 лет, а 42% несовершеннолетних девушек предпочитают лишаться невинности, не предохраняясь? [12].

Ослабление половой морали весьма существенно коснулось характера предбрачного поведения молодых людей, изменения общественного сознания в отношении половых внебрачных связей. Так, в социологическом проекте «Урал-2015» 450 студенткам различных профильных институтов УрФУ задавался вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что многие молодые люди вступают сегодня в брак, имея за плечами опыт сексуальной жизни?» (в числителе – ответы относительно добрачного поведения мужчин, в знаменателе – женщин)

- добрачный опыт просто необходим	- 45 / 23
- в нём особой необходимости нет, но нет и ничего плохого	- 34 / 39
- этого просто нельзя допускать	- 14 / 27
- трудно сказать	- 7 / 11

Мы не считаем зашкаливающую «свободу нравов» показателем прогресса физической культуры. Скорее, наоборот: в силу исторических процессов, которые происходят сейчас и в России, и в так называемых цивилизованных странах (*это особая тема, выходящая за рамки нашей статьи*) в последние года заметно ослабела социализация в рамках семьи, школы и государства. И подростка формируют микросоциальные группы (школьные, уличные), в которых мало ценятся осмотрительность и уважение к социальным нормам, зато культивируются специфические представления о «престижности». У подростков группы риска по заболеваниям, передающимся половым путем (ЗППП), отмечается психологический феномен «аномии», то есть отсутствие положительных примеров, идеалов в жизни, при деформированной системе ценностей.

Можно говорить также о существовании у них синдрома «нравственного иммунодефицита», формированию которого способствуют средства массовой информации. А родители нередко пытаются сохранить непрочные отношения со своими чадами ценой вынужденных уступок...

Одна из проблем сохранения здоровья – *слабость целостной государственной политики* в области здоровьесбережения. **Проиллюстрируем это положение на одном из примеров.** Участие в различного рода проявлений физической культуры можно интерпретировать в качестве показателя *социальной активности* личности, направленной на осуществление жизненного самоопределения, удовлетворения своих потребностей и интересов **во всех сферах жизнедеятельности молодого человека, и, прежде всего, в сфере профессиональной занятости.** Сегодня здоровье человека рассматривается не только как хорошее самочувствие и отсутствие болезней, но и как стабильное и в то же время вариативное психофизическое и духовное состояние, позволяющее ему достаточно эффективно осуществлять его биологические и социальные функции. Однако практика свидетельствует об обратном. «*Что, по Вашему мнению, необходимо для того, чтобы добиться возможности профессионального продвижения на данном предприятии?*» – на этот вопрос анкеты ответы 1000 молодые уральских инженеров распределились следующим образом (*% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – ответы мужчин (740 чел.), в знаменателе – женщин (260 чел.):*

- соответствующее образование	- 57 / 59
- высокая квалификация	- 55 / 48
- личные интеллектуальные способности	- 52 / 49
- наличие лидерских качеств (качеств «управленца»)	- 51 / 39
- наличие коммуникативных качеств	- 44 / 41
- продолжительный опыт работы на предприятии	- 38 / 49
- хорошая стрессоустойчивость	- 32 / 33
- признание в коллективе	- 24 / 22
- наличие «весомых» связей (родственники, знакомые)	- 22 / 24
- присутствие фактора везения, удачи	- 17 / 19
- активное участие в общественной деятельности	- 14 / 11
- хорошее физическое здоровье	- 7 / 6
- знание иностранного языка	- 3 / 3

Нетрудно видеть сколь незначительную роль молодые инженеры отводят состоянию (*поддержанию*) своего здоровья в процессе овладения вершинами профессионального мастерства и сопутствующему этому производственно-статусному (*карьерному*) росту.

В формирование *моды* на здоровье не должно подменять формирование *культуры* здоровья и физической культуры личности, прежде всего. Сове-

менное общество, в целом, не рассматривает хорошее здоровье как экономическую категорию. Здоровый человек, практически, не имеет общественно значимых экономических и социально-психологических преимуществ перед больным, иногда бывает даже «удобно», «выгодно» поболеть или иметь хроническое заболевание, инвалидность. Отсутствие личных мотивов в сохранении здоровья является ключевым фактором его ухудшения. Перспективность лично-ориентированного подхода к сохранению здоровья определяется преимуществом здорового человека в условиях рыночной экономики перед ослабленным и больным; в большей выгоде вкладывания средств в первичную профилактику, в поддержание здоровья, чем в лечебную медицину.

Важнейшее направление – развитие физической культуры и спорта, особенно среди молодежи. Ведь именно для того, чтобы побудить людей заниматься спортом, чтобы занятия физкультурой и спортом стало модным, престижным делом, мы и организовываем в нашей стране крупнейшие международные соревнования. Но эту задачу, задачу занятий спортом и физической культурой, массовым спортом, не решишь лишь за счет проведения международных спортивных форумов и увеличения даже учебных часов физкультуры в школах и вузах. Нужны новые формы работы, широкий выбор не только спортивных, но и оздоровительных занятий прежде всего для детей, хочу это подчеркнуть, для детей младшего возраста. Именно в этом возрасте, как мы знаем, на всю жизнь закладываются привычки и интересы, и нужно их сформировать» [17].

Список литературы

1. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. – М.: Политиздат, 1987. – 19 с.
2. Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий вчера, сегодня. Опыт ист.-соц. исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х г. на материалах Урала. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во. 1976. – 176 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд.
4. Павлов Б.С. Валеологическое самочувствие и воспитание тинейджеров в родительской семье на Урале // Социум и власть. – 2015. – № 2 (52). – С. 22-30.
5. Павлов Б.С. Девиантная субкультура студенческой аудитории Уральского ВУЗа // Экономика региона. – 2014. – № 3. – С. 110-118.
6. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. – 2010. – № 2. – С. 71-80.
7. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 69-80.
8. Павлов Б.С., Разикова Н.И. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. – 2012. – № 10. – С. 110-119.
9. Павлов Б.С., Разикова Н.И., Подвысоцкий А.И. Верят ли в бога Уральские студенты // Дискуссия. – 2012. – № 8. – С. 104-110.
10. Пирогов Н. И. Избранные пед. соч. – М.: Изд-во АПН СССР, 1962. – 496 с.
11. Послушание // Православная газета (Екатеринбург). – 1996. – № 12.
12. Российским подросткам хотят запретить заниматься сексом до 18 лет // Новые известия. 2008. 6 июня.

13. Семенова Е.Л. Формирование культуры здоровья подрастающего поколения: проблемы становления и развития. Автореф. дис. на соискание уч. степени к.социол.н. – Екатеринбург, 2004.

14. Сентюрина Л.Б., Павлов Б.С. Здоровье детского населения в регионе как социально-валеологическая проблема (на примере городов и поселений Урала) / Науч. доклады. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. – 144 с.

15. Шапкина Н.В. Социологический анализ реабилитации детей с ограниченными возможностями. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. социол. наук. – Саратов, 1997.

Интернет-источники

16. Вельтищев Ю.В. Проблемы охраны здоровья детей России. Доклад на Конгрессе педиатров России. Февраль 1999 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1171060&uri=index.html> (дата обращения: 14 октября 2016 г.)

17. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию: [Электронный ресурс] // полный текст // Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>. (дата обращения: 14 октября 2016 г.)

Сигарева Евгения Петровна,
кандидат экономических наук,
зав. сектором воспроизводства населения
Центра социальной демографии
и экономической социологии,
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Оберемок-Якубова Елена Борисовна,
младший научный сотрудник
Центра социальной демографии
и экономической социологии,
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

СУММАРНАЯ РОЖДАЕМОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ И СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье анализируются современные региональные особенности показателя суммарного коэффициента рождаемости, а также его сельско-городское измерение. Группировка субъектов России по двум критическим таксономическим единицам – среднероссийский показатель СКР и показатель СКР, определяющий возможность простого воспроизводства населения, позволила определить три группы регионов с разным уровнем рождаемости. Было выявлено, что в большинстве регионов страны замедлился темп роста показателя суммарного коэффициента рождаемости за последние три года. Изучение динамики и особенностей сельско-городского аспекта суммарного коэффициента рождаемости свидетельствует о том, что наиболее благоприятная ситуация с рождаемостью складывается в сельской местности, население которой, к сожалению, сокращает свой удельный вес в общей численности населения.

Ключевые слова: рождаемость, воспроизводство населения, суммарный коэффициент рождаемости, региональная динамика, сельско-городская рождаемость, регион, субъект, дифференциация, демография, темп роста.

E-mail: sigarevae@mail.ru; oberemokyakubova@mail.ru

Sigareva Evgenia P.,
PhD (Economic), Head of the Sector
of Reproduction of the Population,
Center for Social Demography and Economic Sociology,
Institute of Social and Political Studies
Russian Academy of Sciences .
Moscow, Russia

Oberemok-yakubova Elena B.,
junior research associate,
Center for Social Demography and Economic Sociology,
Institute of Social and Political Studies
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

THE TOTAL FERTILITY RATE IN A REGIONAL AND RURAL-URBAN DIMENSION

This article analyzes the modern regional features of the total fertility rate and its rural-urban dimension. The sub-federal unit group, according to the two critical taxonomic units: – the Russian average total fertility rate (TFR) and the total fertility rate (TFR), which identifies the possibility for population reproduction, allowed defining three groups of regions having a various birth rate. It was found out that there had been a cut growth of the total fertility rate in most parts of the country for the last three years. Studying the dynamics and the features of the rural-urban total fertility rate shows that there is the most favorable situation of fertility in the rural area, whose population, unfortunately, reduces its proportion in the total population.

Keywords: fertility, population reproduction, total fertility rate, regional dynamics, rural-urban fertility, region, subject, differentiation, demography, growth rate.

E-mail: sigarevae@mail.ru; oberemokyakubova@mail.ru

Говоря об эффективности демографических мер, российские управленцы используют, главным образом, средние по стране показатели. Так еще весной 2015 г. информационное агентство ТАСС растиражировало сообщение вице-премьера Правительства РФ О. Голодец о том, что динамика показателя суммарной рождаемости характеризуется опережающими темпами [1]. Действительно, данный показатель в целом по России демонстрирует с 2007 г. восходящий тренд. В 2015 г. суммарная рождаемость в целом достигла 1,777. Вместе с тем, все компоненты демографической ситуации в Российской Федерации обладают неотъемлемой особенностью, которая заключается в мощной ее региональной дифференциации. Не является исключением и показатель суммарной рождаемости (СКР). Так, региональная разница показателей суммарного коэффициента рождаемости в 2015 г. составила 2,6 раза и находилась в диапазоне от 1,286 (Ленинградская область) до 3,386 (Республика Тыва).

Ниже представлена группировка субъектов России, которая базировалась на рейтинговой последовательности показателя суммарного коэффициента рождаемости и двух таксономических единицах – среднероссийском показателе СКР, который составил в 2015 г. 1,777, и показателе СКР, обеспечивающем простое воспроизводство населения, который достигает 2,12 (табл. 1).

Таблица 1.

Группировка субъектов России по величине суммарного коэффициента рождаемости в 2015 г.

	Субъекты России	Субъекты России, снизившие показатель относительно 2014 г.
I	Ленинградская область, Республика Мордовия, г. Москва, Тамбовская область, Воронежская область, Смоленская область, Карачаево-Черкесская Республика, Пензенская область, Белгородская область, Тульская область, Волгоградская область, г. Санкт-Петербург, Томская область, Саратовская область, Орловская область, Ростовская область, Ивановская область, Рязанская область, Ставропольский край, Брянская область, Магаданская область, Нижегородская область, Московская область, Ярославская область, Тверская область, Липецкая область, Самарская область, Ульяновская область, Мурманская область, Курская область, Республика Адыгея, Кемеровская область, Владимирская область, Псковская область, Калининградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Приморский край, Республика Карелия, Новгородская область	Республика Мордовия, Смоленская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Кемеровская область, Кабардино-Балкарская Республика
II	Алтайский край, Новосибирская область, Архангельская область, Республика Крым, г. Севастополь, Республика Калмыкия, Калужская область, Красноярский край, Амурская область, Краснодарский край, Челябинская область, Хабаровский край, Республика Татарстан, Камчатский край, Костромская область, Чувашская Республика, Омская область, Кировская область, Вологодская область, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Башкортостан, Свердловская область, Астраханская область, Республика Ингушетия, Республика Хакасия, Республика Марий Эл, Республика Коми, Удмуртская Республика, Иркутская область, Оренбургская область, Пермский край, Сахалинская область, Республика Дагестан, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Тюменская область, Ханты-Мансийский авт. округ-Югра, Чукотский авт. округ	Алтайский край, Республика Крым, Республика Калмыкия, Амурская область, Челябинская область, Омская область, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Башкортостан, Республика Ингушетия, Республика Хакасия, Республика Коми, Оренбургская область, Республика Дагестан, Забайкальский край, Тюменская область, Ханты-Мансийский авт. округ-Югра
III	Курганская область, Ямало-Ненецкий авт. округ, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Ненецкий авт. округ, Республика Алтай, Чеченская Республика, Республика Тыва	Ямало-Ненецкий авт. округ, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Чеченская Республика, Республика Тыва

В результате анализа выяснилось, что в 2015 г. лишь 8 субъектов Российской Федерации обладают СКР, который позволяет реализовать простое воспроизводство населения (группа III). Причем, в 5 из них в 2015 г. снизились уровни этого показателя относительно прошлого года. В 2014 г. в эту группу также входило 8 регионов, однако по результатам 2015 г. из нее выбыла Республика Ингушетия, где резко сократился СКР (на 14 %), но вошла Курганская область. Из этой группы в двух регионах – в Республике Алтай и Чеченской Республике, которые в целом характеризуются высокими показателями СКР наблюдается в последние 3 года уменьшение величин этого показателя. А в Республике Тыва, являющейся «авангардом» по уровню рождаемости, СКР в 2015 г. оказался ниже, чем в предыдущие два года. Это свидетельствует о появлении негативных рисков даже в группе субъектов с высоким потенциалом естественного воспроизводства населения.

Во вторую группу (II) в 2015 г. вошло 38 регионов с показателем СКР выше, чем в среднем по России. Они также являются относительно благополучными с точки зрения рождаемости. Среди них в 2015 г. было 12 субъектов, где показатель СКР выше 2,000. Вместе с тем, в 17 субъектах из этой группы отмечено снижение СКР по сравнению с 2014 г., а в 4 субъектах – в Республике Калмыкия, Республика Северная Осетия – Алания, Республике Ингушетия, Республике Хакасия, – наблюдается тренд на понижение СКР в течение последних трех лет. Почти во всех субъектах, отнесенных к этой группе, заметно снижение темпа роста СКР относительно 2012 г., что также дает основание для беспокойства по поводу перспектив рождаемости в регионах данной группы.

Наиболее проблематичной по уровню показателя СКР выглядит группа, состоящая из 39 субъектов, которые составляют около 46 % от всего их числа (I). Эта группа характеризуется суммарной рождаемостью меньшей, чем в среднем по России в целом и, соответственно, неспособной к простому воспроизводству населения. Более того, в 6 регионах из данной группы в 2015 г. произошло снижение СКР относительно 2014 г., а в 3 из них (Карачаево-Черкесской Республике, Кемеровской области и Кабардино-Балкарской Республике) снижение показателя суммарной рождаемости заметно на протяжении последних трех лет. К тому же почти все регионы в данной группе замедлили темп роста показателя СКР, что предполагает усиление негативного тренда рождаемости в перспективе. Таким образом, более подробное рассмотрение показателя суммарного коэффициента рождаемости в региональном разрезе позволяет сделать вывод о том, что как в наиболее благополучных, так и в регионах с неблагоприятной ситуацией уже присутствуют признаки, детерминирующие ухудшение ситуации с рождаемостью в перспективе.

Если рассматривать возможные «точки роста» в тенденциях рождаемости, то следует обратить внимание на сельское население страны. Так, например, начиная с 2012 г. сельское население России, судя по суммарному коэффициенту рождаемости, характеризуется величиной, позволяющей реализовать

простое воспроизводство. Так, в 2014 г. СКР сельского населения составил 2,318, что в 1,5 раза больше, чем у городского населения. Сейчас показатель СКР сельского населения составляет около 70 % от величины его, наблюдаемой в начале 1960-х годов, когда начинался стремительный процесс урбанизации, резко сокративший в результате численность сельского населения и, опосредованно повлиявший на его роль в формировании уровня общей рождаемости. Потенциал рождаемости сельского населения в последствии сократился не только в связи с уменьшением численности сельского населения, но и в связи с изменением у него модели детности (рис. 1). Вместе с тем, сельское население страны характеризуется наиболее благоприятной «реакцией» на меры демографической политики. И в результате сельское население могло бы стать своеобразным «локомотивом» демографического восстановления.

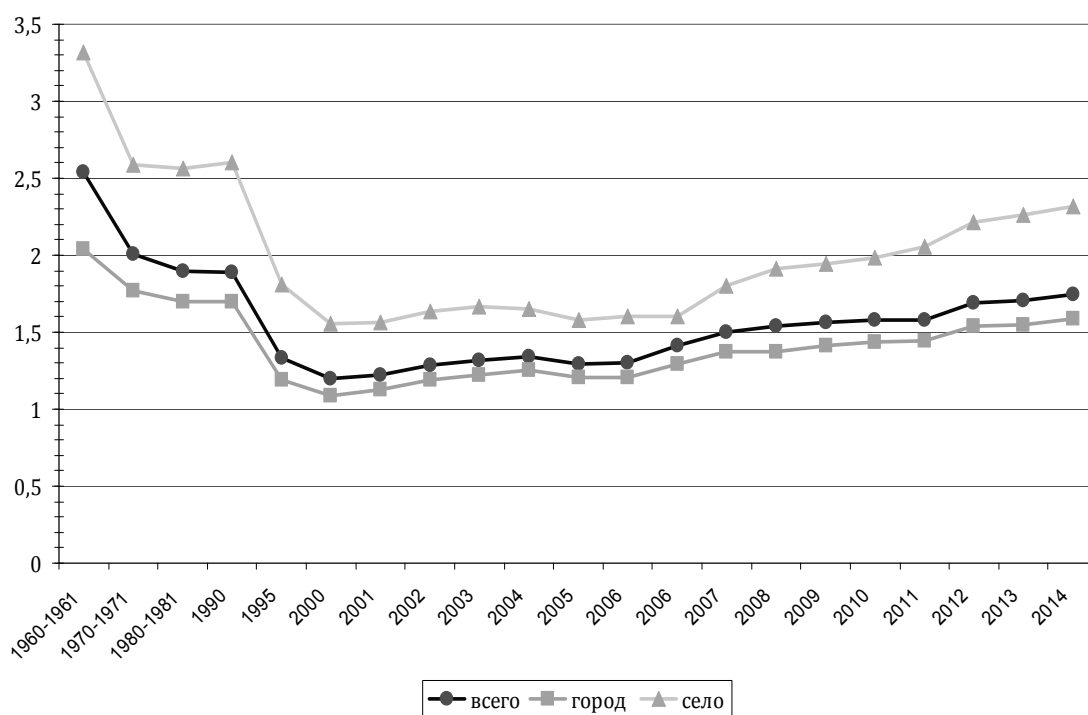

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в сельско-городском разрезе

Однако численность сельского населения непрерывно сокращается. В настоящее время его удельный вес в численности населения страны занимает лишь 1/4 часть (25,8%). Принцип экономического детерминизма, на котором основан современный экономический уклад России, создает условия к его еще большему сокращению за счет постоянной «донорской миграции» в города, выводу из освоенных в прошлом пространств малочисленных сел и деревень, расширению экономической депрессивности сельских поселений. А проекты реформирования образовательной и здравоохранительной сферы, осуществляемой в последние годы, лишают российское село последних

«очагов» цивилизации, что также в перспективе будет сдерживать возможность, демографического развития.

Региональная дифференциация СКР особенно значима в отношении сельского населения (табл. 2). Если по городскому населению в 2014 г. минимальные и максимальные значения СКР различались в 2,2 раза, то по сельскому населению вариативность СКР достигала 5,7 раза.

Таблица 2.

Дифференциация показателя СКР в 2014 г.

	Минимум	Максимум	Различие	Число регионов с суммарной рождаемостью выше необходимого для простого воспроизводства
Всего	1,282	3,485	2,7	8
Город	1,256	2,838	2,2	3
Село	1,193	6,783	5,7	55

Кроме того, в 2014 г. всего в трех субъектах городское население характеризовалось уровнем СКР, позволяющем реализовать простое воспроизводство, тогда как сельское население в 55 регионах страны достигло уровня рождаемости выше необходимого. То есть, реальный потенциал для естественного воспроизводства населения России заключен в сельской местности страны и переориентация экономической стратегии на ее преимущественное развитие позволила бы более оптимистично смотреть на демографическое будущее.

Список литературы и Интернет-источники

1. Голодец: коэффициент рождаемости в РФ, запланированный на 2018 г., уже достигнут. Подробнее на ТАСС [Электронный ресурс]: URL:<http://tass.ru/obschestvo/1994565> (дата обращения: 13 октября 2016 г.)
2. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб. – М.: Росстат, 2015. – 728 с.
3. Демографический ежегодник России. 2015. [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (дата обращения: 11 октября 2016 г.)

Синельников Александр Борисович
доктор социологических наук,
доцент кафедры социологии семьи и демографии
социологического факультета,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

ГЕНДЕРНЫЕ И БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ

В 2014-2016 гг. кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Институтом социологии РАН провела три социологических исследования. Анализ данных этих исследований показал, что сожительство, которое многие люди в России называют «гражданским» браком – это промежуточный брачный (матримониальный) статус между законным браком и одиночеством (отсутствием супруга или сожителя). Популярность сожительства означает не переход к новой форме семьи и брака, как это утверждают некоторые социологи и демографы, а шаг к разрушению семьи как социального института.

Ключевые слова: жизненные ценности, средний ранг ценности, свобода и самостоятельность в жизни, зарегистрированный брак, гражданский брак, сожительство, супруги, сожители, дети, развод, разрушение семьи.

E-mail: sinelka@mail.ru

Sinelnikov, Alexander B.
*Dr. (Sociology), Associate Professor
of Family Sociology and Demography
Department Faculty of Sociology,
Moscow State Lomonosov University,
Moscow, Russia*

GENDER AND MATRIMONIAL DIFFERENCES IN VALUE PREFERENCES

In 2014-2016 Family Sociology and Demography Department of Faculty of Sociology of Moscow State Lomonosov University in cooperation with the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences conducted three sociological studies. Analysis of these data showed that cohabitation, which many people in Russia called "civil" marriage is an intermediate marital (matrimonial) status between legal marriage and loneliness (the absence of the spouse or cohabitant). The popularity of cohabitation does not mean the transition to a new form of family and marriage, as claimed by some sociologists and demographers, but a step to destroy the family as a social institution.

Keywords: life values, the average rank values, freedom and independence in life, registered (legal) marriage, civil (unregistered) marriage, cohabitation, spouses, cohabitants, children, divorce, the destruction of the family.

E-mail: sinelka@mail.ru

В анкеты исследований, проведенных кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Институтом социологии РАН в 10 регионах РФ в 2014 г. (N= 2169 респондентов), в Уфе и Московской области в 2015 г (N=1001), а также в Омской и Смоленской областях в 2016 г. (N = 985), был включен блок вопросов о ранжировке 15 ценностей. Результаты оказались весьма различными у мужчин и женщин. Женщины придают большее значение, чем мужчины ценностям «Здоровье», «Семья, дети, заботливые близкие», «Спокойная, безопасная жизнь», «Душевное благополучие, согласие с собой, забота о спасении души» (табл. 1).

Мужчины считают более важными (по сравнению с мнением женщин) ценности «Материальное благополучие, заработок, достаток», «Свобода и самостоятельность в жизни», «Физическая сила», «Деньги в неограниченном количестве», «Высокий статус, положение в обществе, карьера», «Веселая, полная удовольствия и приключений жизнь». Прочие ценности («Интересная работа», «Верные и надежные друзья, общение», «Уважение, благодарность других людей», «Возможность занятий по душе, духовного развития, творчества», «Возможность путешествовать, ездить без ограничений») примерно одинаково важны для обоих полов.

Средние ранги различаются также и в зависимости от брачного состояния. Эти различия можно определить по данным опросов 2015 и 2016 гг., когда в анкетах были такие варианты ответов на вопрос о брачном статусе как «женат (замужем), брак зарегистрирован» и «женат (замужем), брак гражданский». В анкете 2014 г. эти варианты не разделялись, а респонденты просто указывали, что они состоят в браке. Но по ряду параметров, включая мнения о ценности свободы и самостоятельности в жизни, состоящие в гражданском браке гораздо ближе к людям, которые не состоят ни в каких формах брака, чем к тем, у кого есть законные супруги.

Среди мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, средний ранг данной ценности равен 7,20, в гражданском браке – 6,77, а среди не состоящих в браке – 6,64. Различие между состоящими в законном браке и не состоящими в браке статистически значимо (доверительный уровень $P = 0,95$). Мужчины, предпочитающие т.н. «гражданский брак» ценят свою личную свободу и независимость больше, чем законно женатые и почти так же, как не состоящие в браке. Если мужчина живет вместе со своей подругой, как с супругой, но не хочет регистрировать брак, то скорее всего, он опасается, что это слишком сильно ограничит его личную свободу и самостоятельность в жизни. Некоторые женщины тоже отказываются от регистрации брака со своими сожителями, нередко по тем же причинам, что и мужчины.

Таблица 1.

**Средние ранги 15 жизненных ценностей у мужчин и женщин.
Данные опросов 2014, 2015 и 2016 гг.**

Ценности	мужчины	женщины	Это важнее
Здоровье (1; 1)*	2,50	2,18	Для женщин
Семья, дети, заботливые близкие (2; 2)*	3,44	2,75	Для женщин
Материальное благополучие, заработок, достаток (3; 3)*	6,40	6,13	Для мужчин
Свобода и самостоятельность в жизни (4; 7)*	6,93	7,42	Для мужчин
Интересная работа (5; 4)	6,99	6,80	Примерно одинаково
Спокойная, безопасная жизнь (6; 5)*	7,37	6,82	Для женщин
Верные и надежные друзья, общение (7; 8)	7,71	7,50	Примерно одинаково
Душевное благополучие, согласие с собой, забота о спасении души (8; 6)*	7,91	7,36	Для женщин
Физическая сила (9; 12)*	8,15	9,43	Для мужчин
Уважение, благодарность других людей (10; 9)	8,15	7,97	Примерно одинаково
Возможность занятий по душе, духовного развития, творчества (11; 9)	8,92	8,69	Примерно одинаково
Возможность путешествовать, ездить без ограничений (12; 11)	8,97	9,20	Примерно одинаково
Деньги в неограниченном количестве (13; 13)*	10,42	10,95	Для мужчин
Высокий статус, положение в обществе, карьера (14; 14)*	10,73	11,32	Для мужчин
Веселая, полная удовольствия и приключений жизнь (15; 15)*	11,27	11,82	Для мужчин

Примечания: 1) Первая цифра в скобках показывает место этой ценности (по показателю среднего ранга) в системе ценностей у мужчин, вторая цифра – у женщин. Список ценностей расположен в порядке убывания их важности для мужчин. Чем меньше средний ранг ценности, чем ближе он к единице, т.е. к первому месту, тем важнее эта ценность.

2) Различие между мужчинами и женщинами значимо при доверительном уровне $P \geq 0,95$. Если средний ранг выше у одного пола, то эта ценность важнее для другого пола. Если $P < 0,95$, то данная ценность примерно одинаково важна для обоих полов.

Женщины, состоящие в законном браке, сравнительно низко ценят свободу и самостоятельность в жизни. Средний ранг данной ценности составляет у них 7,92, в то время как у женщин, состоящих в «гражданском» браке – 7,02, а у тех, которые вообще не состоят в браке – 6,91. Различие между замужними и незамужними женщинами достаточно велико ($\Delta = 1,01$) и

его достоверность вне сомнения ($P = 1,000$). Различие между состоящими в законном и гражданском браке почти столь же велико и статистически значимо ($\Delta = 0,90$, $P = 0,98$). Разница же между состоящими в гражданском браке и не состоящими в браке очень мала ($\Delta = 0,11$) и не значима (рис. 1).

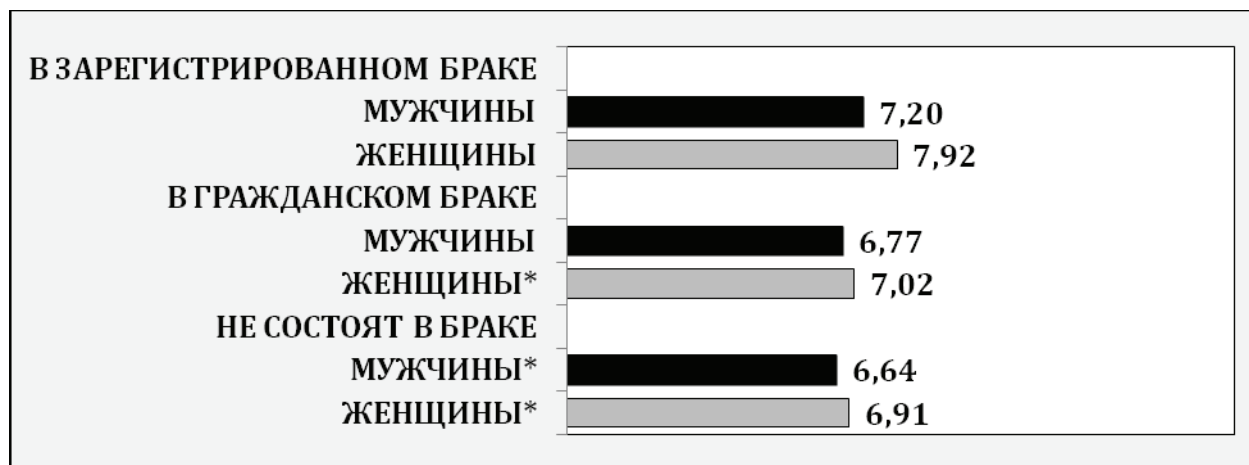

Рисунок 1. Средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни») у лиц с разным брачным статусом. Данные опросов 2015-2016 гг.

Примечания: в число не состоящих в браке, включены также и не указавшие свой брачный статус.

*Различие с состоящими в зарегистрированном браке значимо. $P \geq 0,95$.

Мужчины и женщины по-разному трактуют сам «гражданский брак». Общее число мужчин, состоящих во всех формах брака – 558, из них 93 (16,7%) – в «гражданском браке». Для женщин этот показатель больше (21,1%). Гендерное различие значимо ($P = 0,95$). Нередко женщины считают, что состоят в «гражданском браке», но их партнеры утверждают, что в браке вообще не состоят (рис. 2).

Рисунок 2. Гражданские браки, в % к общему числу состоящих в зарегистрированном и гражданском браке. Данные опросов 2015-2016 гг.

*Различие между мужчинами и женщинами значимо. $P \geq 0,95$.

По состоянию на 22.10.2016 поиск в системе Google по словосочетанию «мой муж» дал примерно 452000 результатов (система округляет цифры), а «мой гражданский муж» – 48200. Общее число результатов по этим двум поисковым запросам – 500200, из них на «гражданских мужей» приходится 9,6% случаев, когда женщины что-то пишут в Интернете о своих мужьях (рису. 3).

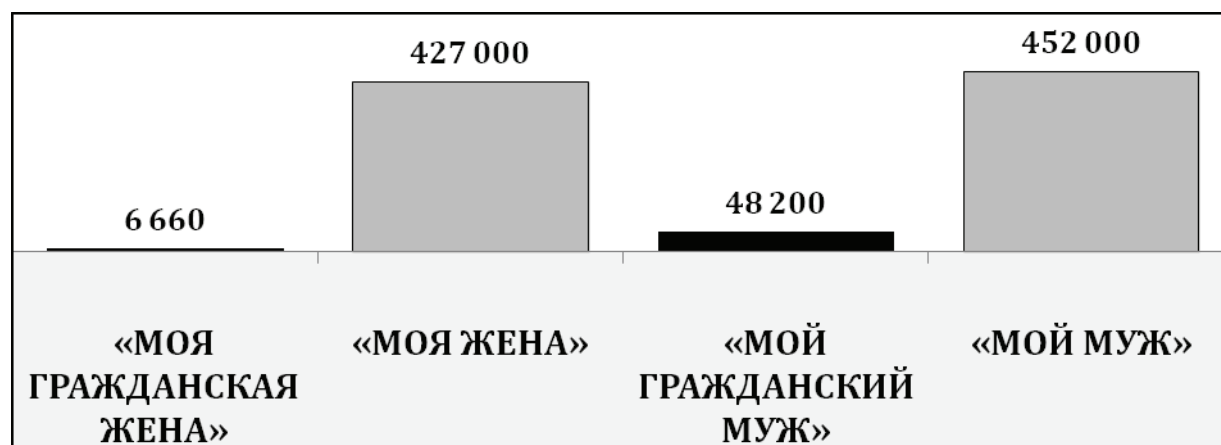

Рисунок 3. Число словосочетаний «мой муж», «мой гражданский муж», «моя жена» и «моя гражданская жена». Данные Google-поиска на 22.10.2016.

Мужчины пишут «моя жена» 427000 раз, т.е. несколько реже, чем женщины о своих мужьях, но относительная разница невелика (5,5%). Выражение «моя гражданская жена» встречалось лишь 6660 раз, т.е. в 7 раз реже, чем «мой гражданский муж». В доленом же отношении у мужчин из всех упоминаний о своих женах лишь в 1,5% случаев речь идет о гражданских женах. Это в 6 раз меньше, чем у женщин (9,6%).

На мнения о личной свободе и независимости, кроме пола, возраста и брачного статуса, влияет также и наличие детей. В анкете был вопрос о числе детей до 18 лет, а не о числе детей вообще. Для изучения влияния этого фактора следует рассматривать только ответы респондентов в возрасте до 35 лет. Если у них нет детей до 18 лет, это значит, что у них нет детей вообще. У мужчин до 35 лет, состоящих в зарегистрированном браке и не имеющих несовершеннолетних детей, средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» составляет 7,56, а у замужних бездетных женщин – 7,16. Различие невелико ($\Delta = 7,56 - 7,16 = 0,40$) и статистически не значимо. Но после рождения детей ситуация резко меняется. У мужчин, состоящих в зарегистрированном браке и имеющих средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» составляет 6,54, что на 1,02 ранга отличается от такого же показателя для бездетных женатых мужчин. Мужчины теряют личную свободу не только при вступлении в законный брак, но, причем в еще большей степени, при появлении детей в семье. После этого многие мужчины начинают выше ценить утраченную свободу, а некоторые возвращают ее себе путем развода.

В то же время у молодых замужних женщин, имеющих детей, средний ранг ценности личной свободы составляет 8,11. Это на 0,95 ранга отличается от показателя для замужних бездетных женщин (7,16). Но изменение происходит не в ту сторону, что у мужчин. После рождения детей личная свобода для женщин становится менее важной, чем на предыдущем, еще бездетном, этапе жизненного цикла, тогда как для мужчин она оказывается важнее, чем во время семейной жизни без детей. В результате образуется большое и статистически значимое гендерное различие ($\Delta = 6,54 - 8,11 = -1,57$; $P = 0,99$). Молодые женатые мужчины, имеющие детей, ценят личную свободу и самостоятельность гораздо больше, чем их жены. Нередко это различие в ценностных представлениях приводит к семейным конфликтам.

Мужчины и женщины, живущие в гражданском браке и не имеющие детей, ценят личную свободу почти одинаково (средние ранги 7,25 и 7,33). После рождения детей средний ранг ценности личной свободы у мужчин составляет 7,85. Это на 0,60 пункта меньше, чем у бездетных, но, с учетом численности респондентов в сравниваемых группах, такое различие не значимо. У женщин, состоящих в гражданском браке, средний ранг ценности личной свободы составляет 6,33. Это на 1,00 меньше, чем у женщин, состоящих в гражданском браке и не имеющих детей, и на 1,78 ранга меньше, чем у женщин-матерей, состоящих в законном браке. Последнее различие значимо ($P = 0,95$).

В условиях гражданского брака после рождения детей личная свобода и самостоятельность в жизни для их матерей становится важнее, чем ранее. Эта диаметрально противоположно ситуации в законном браке. Женщины, родившие детей вне зарегистрированного брака, могут тяготиться зависимостью от своих «гражданских мужей». Для них это более типично, чем для женщин, чей брак зарегистрирован. По-видимому, отказ от регистрации брака даже после рождения детей, чаще всего связан с неустойчивостью отношений между сожителями. В такой ситуации женщина-мать, больше полагается на саму себя, чем на помощь сожителя. Но чем меньше помощи, тем больше независимости. Свобода и самостоятельность для нее становится важнее, чем для матери, у которой есть законный муж. Еще важнее это для женщин, у которых есть дети, но нет ни законных супругов, ни даже сожителей.

Среди всех групп респондентов, выделенных по сочетанию четырех признаков: пол, возраст (моложе или старше 35 лет), состояние в браке, наличие детей до 18 лет) свобода и самостоятельность важнее всего для молодых незамужних и разведенных матерей. Средний ранг этой ценности у них равен 4,96. Это на 3,15 ранга отличается от показателя для замужних матерей. Значимость различия несомненна ($P = 1,000$) (рис. 4).

Женщины-матери, состоящие в гражданском браке, занимают промежуточное положение между замужними и одинокими матерями.

Таблица 2.

Средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» у мужчин и женщин до 35 лет в зависимости от брачного статуса и наличия детей в возрасте до 18 лет. Данные опросов 2015-2016 гг.

	МУЖЧИНЫ	ЖЕНЩИНЫ
В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ		
НЕТ ДЕТЕЙ ДО 18 ЛЕТ	7,56	7,16
ЕСТЬ ДЕТИ ДО 18 ЛЕТ*	6,54	8,11
В ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ		
НЕТ ДЕТЕЙ ДО 18 ЛЕТ	7,25	7,33
ЕСТЬ ДЕТИ ДО 18 ЛЕТ*	7,85	6,33
НЕ СОСТОЯТ В БРАКЕ		
НЕТ ДЕТЕЙ ДО 18 ЛЕТ	6,56	6,60
ЕСТЬ ДЕТИ ДО 18 ЛЕТ*	9,20	4,96

Примечание: 1) Группа не состоящих в браке мужчин, имеющих детей, очень мала (N=5), из-за чего показателям для этой группы не следует придавать значение.

2) Респонденты, не указавшие брачный статус и (или) число детей до 18 лет, рассматривались, соответственно, как не состоящие в браке и (или) не имеющие детей данного возраста.

2) *Различие между мужчинами и женщинами значимо при доверительном уровне $P \geq 0,95$.

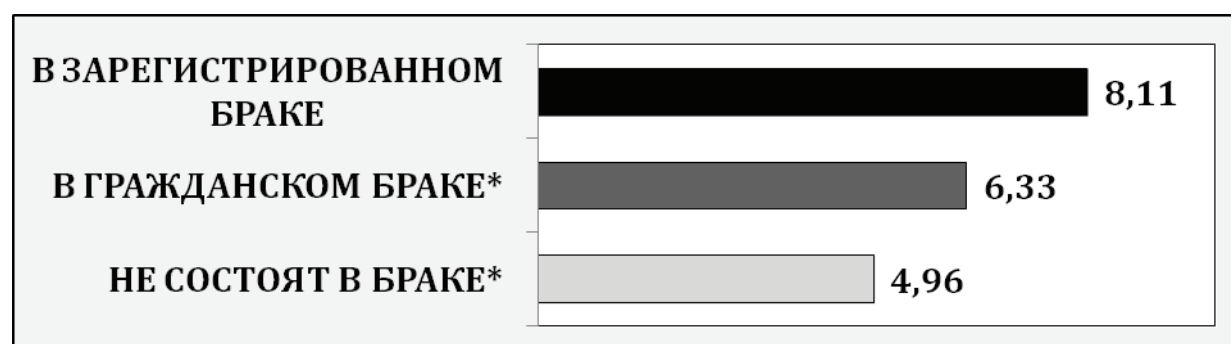

Рисунок 4. Средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» у женщин до 35 лет, имеющих детей до 18 лет, в разрезе брачного статуса. Данные опросов 2015-2016 гг.

*Различие с женщинами, состоящими в зарегистрированном браке, значимо при доверительном уровне $P > 0,95$.

Выводы: Так называемый «гражданский брак», даже если в нем рождаются дети, – это не настоящий брак, а промежуточная форма между законным браком и безбрачием как первичным, так и вторичным, т.е. после развода [1, С. 57-60; 4, С. 59-60]. Широкая распространенность гражданских браков означает не переход к новой форме семьи и брака, как это утвержда-

ют некоторые социологи и демографы [2, С. 75-81; 3, С. 162-164], а очередной этап кризиса и разрушения семьи как социального института.

Одной из причин отказа сожительствующих пар от регистрации брака является опасение потери жилья и другого ценного имущества. Согласно действующему законодательству, все имущество супругов, совместно нажитое во время брака, является общим и в случае развода подлежит разделу пополам, даже если один из них все это время зарабатывал намного меньше другого или вообще не работал. Правда, Семейный кодекс РФ предоставляет супругам право заключить брачный договор (контракт), определяющий совместную или раздельную собственность на все их имущество или его отдельные части (жилье, земельный участок, автомобиль и т.д.). Но если жених предложит невесте перед свадьбой подписать договор, в котором она фактически обязуется в случае развода не претендовать на квартиру, это будет воспринято ей как оскорбительное недоверие и может привести к отказу от брака. Поэтому число брачных контрактов в России очень мало по сравнению с числом браков. Выходом могло бы стать внесение поправки в Семейный кодекс о том что заключение брачного договора должно быть обязательным при регистрации брака. Тогда люди, которым есть что терять, перестанут бояться регистрации в ЗАГСе, законных браков станет больше, а сожительств – меньше.

Список литературы

1. Вовк Е. Практика сожительств в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. – 2006. – № 4. – С. 46-60.
2. Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. – С. 75-126.
3. Исупова О. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 2 (126). – С. 153-164.
4. Синельников А.Б. Социально-психологические и демографические последствия замены законного брака сожительством // Социология. – 2016. – № 1. – С. 53-65.

Соловьев Аркадий Константинович,
доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет
при Правительстве РФ;
г. Москва, Россия

Попов Виктор Юрьевич
доктор физико-математических наук,
профессор,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
г. Москва, Россия

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК БЮДЖЕТОФОРМИРУЮЩИЙ ФАКТОР¹

Глобальный демографический кризис (рост продолжительности жизни и сокращение рождаемости) позволили большинству западных стран осуществить повышение пенсионного возраста до 65 лет (даже без учета гендерных различий). Аналогичная проблема стоит и перед российской пенсионной системой. Отечественная пенсионная система в ходе пенсионных реформ, прошедших в период перестройки от советской пенсионной системы к рыночно-страховой, накопила многочисленные пенсионные обязательства государства перед различными категориями пенсионеров. В условиях углубления бюджетного кризиса все более остро встает проблема необходимости сокращения социальных расходов государства, в первую очередь на выполнение финансовых обязательств перед пенсионерами. Основанием для этого предлагается считать увеличение «демографической нагрузки» старших поколений граждан на трудоспособное население.

Ключевые слова: пенсионная система, демографический кризис, демографическая нагрузка, бюджетный кризис, пенсионеры, пенсионный возраст.

E-mail: ASolovyev@fa.ru; VJPopov@fa.ru

Soloviev Arkady K.,
Dr. (Economic), Professor,
Financial university under the Government
of the Russian Federation;
Moscow, Russia
Popov Victor J.,
Dr. (Physical and Mathematical), Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

¹ Статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы, выполненной по бюджетному плану Финансового университета 2016 г.

THE AGING OF THE POPULATION AS A BUDGET FORMING FACTOR

Global demographic crisis (increase in life expectancy and reduced fertility) allowed the majority of Western countries to carry out raising the retirement age to 65 years (even without taking into account gender differences). A similar problem is also facing the Russian pension system. Domestic pension system during the pension reform, carried during the adjustment period from the Soviet pension system to a market-insurance, has accumulated numerous pension obligations of the state to the various categories of pensioners. Under conditions of deepening budget crisis more acute problem arises the need to reduce the social costs of the state, primarily on the fulfillment of financial obligations to pensioners. The reason for this is offered to consider an increase in the "demographic burden" of the older generations of citizens on the working population.

Keywords: pension system, demographic crisis, the demographic burden, the budget crisis, the pensioners, the pension age

E-mail: ASolovyev@fa.ru; VJPopov@fa.ru

Пенсионная система цивилизованного общества в общемировой практике по своей институциональной сути является интегральным индикатором уровня социальной ориентированности государства, его экономического базиса и социально-политической надстройки. Базовыми критериями этой социальной ориентированности общепризнаны такие показатели, как размер государственной пенсии и нормативно установленный возраст назначения этой пенсии на общих основаниях (т.е. по старости).

Для нашей страны с конституционно установленной социально-ориентированной государственной системой оба показателя имеют принципиальное значение, поскольку отечественная пенсионная система встречает свой четверть вековой юбилей в переходном состоянии на страховые экономические инструменты функционирования. Старшее поколение пенсионеров еще не забыли «советские пенсии», которые практически не отличались от размера заработка, что при наличии общественных фондов потребления общенародной собственности позволяли сохранять уровень жизни не ниже граждан трудоспособного возраста. Это достигалось с одной стороны практически уравнительным размером пенсии, а с другой – финансированием из госбюджета.

Однако переход на рыночные экономические отношения, как в производственной сфере, так и в сфере трудовых отношений «наемный работник-работодатель» объективно потребовал полного отказа от социалистических методов формирования пенсионных прав исходя из принципа «максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей» граждан пенсионного возраста.

Наряду с экономическими принципами страховой пенсионной системы (эквивалентность, сбалансированность, сохранность и др.), которые обеспечивают ее увязку с бюджетной системой государства, она должна отвечать

социальным принципам обязательного пенсионного страхования, которые обеспечивают ее влияние на весь макроэкономический комплекс страны. Пенсионная система должна рассматриваться не только и не столько как потребитель бюджетных ресурсов, но как определяющий фактор устойчивого долгосрочного социально-экономического развития [1, С.14].

Исходя из этих условий, размер пенсии и продолжительность ее получения должны быть соотнесены со стажем работы и уплаченными страховыми взносами, чтобы: 1) вероятность реализации накопленных пенсионных прав сохранялась для абсолютного большинства застрахованных лиц («охват пенсионеров»); 2) период получения страховой пенсии позволял полностью реализовать накопленные пенсионные права; 3) размер страховой пенсии позволял поддерживать достигнутый к старости уровень жизни на протяжении всего периода ее получения, т.е. размер пенсии обеспечивал достойный уровень жизни не только в момент ее назначения.

Трансформация пенсионной системы на страховые экономические механизмы наряду с позитивными сдвигами (расширение условий дифференциации размеров пенсии, отказ от нормативного стажа, выбор пенсионных солидарных или накопительных пенсионных программ и т.д.) сопровождается радикальным изменением в бюджетно-финансовом обеспечении накопленных государственных пенсионных обязательств. При этом пенсионная система как общественный институт должна быть встроена с одной стороны в государственную систему управления в части бюджетного планирования, а с другой учитывать весь комплекс социально-демографических факторов, что делает ее полностью зависимой от всех факторов, определяющих как макроэкономическое развитие страны, так и демографические процессы [2, С.63].

В таком контексте пенсионный возраст становится интегральным параметром страховой пенсионной системы, поскольку зависит как от параметрических характеристик самой государственной пенсионной программы, которая определяет условия и ограничения для формирования пенсионных прав каждой категории застрахованных лиц, так и от институциональных факторов развития пенсионного обеспечения в стране. Пенсионный возраст следует рассматривать как пороговую границу, которая делит страховой пенсионный цикл на период формирования пенсионных прав (в правовой терминологии – *трудовой стаж*) и на период реализации государственных пенсионных обязательств (с момента *назначения страховой пенсии*).

В то же время такие демографические факторы, как продолжительность жизни служат объективным ограничителем для распределения периодов трудовой и нетрудовой жизни застрахованного лица. Причем в солидарной страховой системе должна учитываться продолжительность жизни соответствующего поколения людей, которое будет формировать и реализовывать пенсионные права. Перестройка на страховые механизмы формирования пенсионных прав необратимо установила прямую зависимость всех ее параметров от «внешних» факторов, которые определяют первичные функции базового элемента пенсионной

системы – страховой пенсии: ее размер, страховой тариф и трудовой стаж (период выплаты/получения пенсии априорно считается пожизненным).

Для обоснования пенсионного возраста помимо выбора пропорций между продолжительностью трудового стажа и периодом выплаты (дожития) необходимо установить размер страхового возмещения (страховой пенсии), на которое может рассчитывать будущий пенсионер. Это позволит определить необходимый объем пенсионных прав, который должен накопить застрахованный за период трудовой деятельности. Страховый размер материального обеспечения пенсионера должен соответствовать «достойному уровню жизни пожилого человека».

До настоящего времени показатель пенсионного возраста рассматривается и практически и теоретически как социально-политический инструмент, но не как экономический регулятор формирования пенсионных прав застрахованных лиц. Такой подход в рыночно-страховой пенсионной системе все более проявляется как серьезный тормоз в процессе ее реформирования на страховых принципах, что создает дополнительные риски долгосрочной финансовой сбалансированности государственных пенсионных обязательств.

В настоящее время этот показатель измеряется соотношением с прожиточным минимумом пенсионера (ПМП), который до настоящего времени является единственным социальным нормативом пенсионного обеспечения. В текущий период он оценивается в зависимости от макроэкономических параметров около 1,7 прожиточных минимумов. С учетом объективных факторов долгосрочного социально-экономического развития страны рассчитывать на более чем 2,5 ПМП для современного поколения застрахованных лиц не приходится.

При обосновании повышения пенсионного возраста необходимо учитывать синэргетический эффект взаимодействия институциональных и параметрических факторов (макроэкономические и демографические изменения), которые требуют институционального единства на основе страховых принципов и соответствующей параметрической настройки дальнейших этапов реформы пенсионной системы.

Поэтому повышению пенсионного возраста должна предшествовать (либо сопровождать) институциональная пенсионная реформа экономических взаимосвязей на основе страховых принципов формирования пенсионных прав, обеспечивающая нормативную эквивалентность пенсии стажу и заработку, с одной стороны, и минимальный уровень материального обеспечения, с другой [3, С.154].

Таким образом, проблема пенсионного возраста как главной угрозы неоправданного увеличения расходов федерального бюджета не может рассматриваться в линейной зависимости от демографических показателей общей продолжительности жизни, а обязательно в непосредственной взаимосвязи с комплексом социально-трудовых факторов и макроэкономических условий.

Список литературы

1. Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 5-29.
2. Гурвич Е.Т., Кудрин А.Л. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. – № 3. – 2012. – С. 52-79.
3. Соловьев А.К. Повышение пенсионного возраста и бюджетный дефицит: тактическая выгода и стратегические потери // Экономическая политика. – 2016. – № 2. – С. 148-176.

Сосунова Ирина Александровна,
доктор социологических наук, профессор,
консультант Института учета и статистики,
Московский государственный технологический университет,
вице-президент Российского общества социологов,
г. Москва, Россия
Мамонова Ольга Николаевна,
кандидат социологических наук, эксперт,
Академия проблем качества,
г. Москва, Россия

РОЖДАЕМОСТЬ И ДЕМОГРАФИЯ «ОБЩЕСТВА ТРАВМЫ»: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

В статье анализируются общие проблемы управления рождаемостью и развития демографии в современном «обществе травмы». Приведены основные варианты действий по предотвращению последствий спада рождаемости. Перспективы развития демографии связываются с ускоренным превращением в междисциплинарную и мультипарадигмальную сферу социологического знания.

Ключевые слова: демография, население, рождаемость, геополитика, мультипарадигмальность.

E-mail: sossunova@gmail.com, foxie@inbox.ru

Sosunova Irina A.,
Dr. (Sociology), Professor,
Consultant of Institute of accounting and statistics,
Moscow Technological University,
Vice-President of the Russian Society of Sociologists,
Moscow, Russia
Mamonova Olga N.,
Ph.D (Sociology). expert,
Academy of Quality,
Moscow, Russia

BIRTH RATE AND DEMOGRAPHY IN “SOCIETY OF TRAUMA”: TIME OF CHANGE

This article is considered basic issues of birth rate management and development of demography in contemporary society of trauma. Three fundamental alternatives to prevent decline of birth rate are presented. Perspectives of demography development are seen in connection with its transformation similar with social ecology into interdisciplinary and multi-paradigm sphere of sociological knowledge.

Key words: demography; population; birth rate; geo-politics; theory of multi-paradigm.

E-mail: sossunova@gmail.com, foxie@inbox.ru

Для характеристики состояния российского общества все чаще употребляется специфическое понятие «общество травмы». Примером точного определения данного термина, как представляется, может служить следующая формулировка: «... травма общества – длительное состояние неопределенности его развития, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы действий и преодолению деструктивных изменений» [1, С. 5960].

В сфере демографии особенности общества травмы препятствуют, в частности, смене пресловутого «русского креста» (свойственного в прочем в той или иной степени всем развитым странам), на хотя бы медленное движение от крайне тревожной ситуации с рождаемостью к просто тяжелой (суммарный коэффициент рождаемости в России в 1985-1997 г.г. снизился с 2,057 до 1,218, а к 2015 г. вырос до 1,750 [2, С. 45], во многих научных публикациях данный тренд расценивается пока как достаточно неочевидный). При этом, несмотря на все отличия современного «прекрасного нового мира» от предшествующих исторических эпох, численность населения остается важнейшей геополитической переменной [3]. Достаточно отметить, что вся проблема Косово – по сути, проблема рождаемости, вернее подавляющего перевеса рождаемости этнических албанцев над сербами.

Для дальнейшего анализа важно отметить, что низкий уровень рождаемости в российском обществе травмы обусловлен целым комплексом прежде всего социальных, социокультурных и социопсихологических факторов. При этом современная специфика российского общества накладывается на принципиально важный общецивилизационный переход: «...демография постиндустриальной фазы развития определяется синергетическим эффектом функционирующих и развивающихся в разных направлениях императивов: биологического (инстинкт продолжения рода, биологическая потребность в детях) и экономико-социальной ответственности за свое выживание и личностное развитие» [4, С.116]. Предельно упрощая, можно сказать, что дети стали экономически «убыточны» для семьи, а традиционная культурно-религиозная мотивация деторождения размывается самой социально-культурной атмосферой постмодерна [5, С.60-62].

Что реально могут предпринять элиты общества травмы для существенного повышения рождаемости? Количество основных вариантов ограничено:

– первый: общество травмы должно перестать быть обществом травмы. Данный путь как минимум длителен и ресурсозатратен, но при этом предполагает опору на в общем достаточно изученные факторы;

– второй: стимулирование рождаемости, основанное на использовании нетрадиционных факторов;

– третий (достаточно парадоксальный, но логически обоснованный): компенсация непреодолимого спада рождаемости (в конечном счете, сокращения населения) повышением качества населения, в том числе его биологического потенциала.

Пищей для размышлений в данном отношении являются, в частности, данные о факторах, определяющих состояние здоровья населения. Так, по мнению ряда специалистов, продолжительность жизни при прочих равных условиях на 48-50% зависит от образа жизни, и, в первую очередь, от таких характеристик, как питание, отдых, вредные привычки, стрессы, а также морально-психологический климат в обществе, рабочем коллективе, обстановка в стране целом, уровень безработицы, страх, безнадежность и т.п. Биологические и генетические характеристики человека (пол, возраст, конституция, темперамент, адаптационные возможности и др.) составляют в общей доле воздействия факторов на здоровье не более 20%. На долю окружающей среды приходится около 18-20 % влияния, и лишь 8-10% определяется уровнем медицинских учреждений и усилиями медицинских работников [6].

В целом же в сфере демографии и в частности в сфере управления рождаемостью [7 и др.] на обозримую перспективу представляется практически неизбежной актуализация общей проблемы соотношения социального и биологического в человеке, разрешение которой предполагает столкновение парадигм естественного и социального знания при несомненном влиянии социокультурных факторов. Характерно, что практически та же ситуация сложилась к сер. 1990-х гг. в сфере социальной экологии [8 и мн. др.]

Следует подчеркнуть, что при реализации второго и третьего вариантов возможен определенный ренессанс достаточно подзабытых к настоящему времени научных доктрин. В частности, на современной естественно-научной базе могут проявиться некоторые мотивы, свойственные классической евгенике [9], методологические основы которой на парадигмальном уровне можно свести к основным двум положениям: 1) парадигме неограниченного прогресса, в соответствии с которой, как писал в конце 20-х гг. крупнейший российский генетик Н.И. Вавилов: «В отличие от XIX в. исследователь подходит ныне к проблеме происхождения организмов прежде всего как экспериментатор, как инженер...» [10]; 2) парадигме «чистоты генотипа», согласно которой носители «субнормальных генов», размножаясь, засоряют генофонд нации, что приводит к ее вырождению, социальному ущербу, личным трагедиям и т.д.

Разумеется, прямому обращению к евгенике препятствует ее безнадежная компрометация, в первую очередь, преступной практикой правящих кругов нацистской Германии. Кроме того, в современных условиях исследо-

вания в области евгеники как таковой, а тем более реализация их выводов, ставят перед государством и обществом практически неразрешимые проблемы в сфере этики, в том числе научной, прав человека и т.д. Также следует отметить, что ряд правовых документов, например, «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека», (принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) [11] и подписанная практически всеми членами ООН, содержат прямой запрет евгенических мероприятий. Однако, с другой стороны – успехи генной инженерии могут стать для определенных политических акторов непреодолимым соблазном.

В определенном смысле с евгеникой достаточно тесно смыкается социобиология [12], стремящаяся определить степень и механизмы наследственной обусловленности поведения индивидов и групп, культурной трансляции и т.п. По сути, там, где евгеники фактически сводят мироздание к геному и генной инженерии, социобиологи видят более сложную картину естественного отбора (в т.ч. например, в сфере морали и альтруизма), аналогий (если не общих закономерностей) между формированием поведения людей и животных и т.д. В контексте настоящей статьи следует отметить опасность тенденции к прямым экспериментам в форме переноса тем или иным образом позитивных в точки зрения деторождения механизмов из животного мира в социум. Тем не менее, ряд проектов с социобиологическим подходом уже получили, например, поддержку РФФИ.

В любом случае в области управления рождаемостью мы столкнемся с достаточно типичной для современной науки и образования ситуацией, когда в соответствии с давним прогнозом В.И. Вернадского ученые все более специализируются не по дисциплинам, а по проблемам, когда проявляется объективная потребность в создании подлинно междисциплинарных и мультипарадигмальных сфер знания и интеллектуального творчества, и можно говорить о несомненной актуализации своего рода стадии предсинтеза естественного и гуманитарного знания.

Однако при этом и сейчас углубляющаяся междисциплинарность демографии в нашем понимании не предполагает превращение её в одну из «междисциплин», а ограничивается уровнем мультидисциплинарной совокупной сферы научной и образовательной деятельности, в которой несомненно доминирует социологический подход к изучению реальности, иными словами – ограничивается уровнем мультипарадигмальности, сочетания естественно-научных и социально-гуманитарных исследовательских стратегий. Во всяком случае, несомненно, что отечественное научное сообщество стоит на пороге превращения демографии в приоритетную научную дисциплину.

Список литературы и Интернет-источники

1. Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией / Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров–Электрон. дан.– М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 5952-5966. – (DVD ROM).
2. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб./ Росстат. –М.: Статистика России, 2015. – 263 с.
3. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. – 384 с.
4. Раков А.А. Демографический мир и его проблемы/Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды /А.Н.Данилов и др.; под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2015. – С.113-128.
5. Буровский А.М.1937. Контрреволюция Сталина. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 288 с.
6. Бурова Т.А., Конча Л.И. Здоровье населения и качество здравоохранения//Качество и жизнь. – 2014. – №2. – С. 68-73.
7. Сосунова И.А. Демографическая политика / Качество жизни. Краткий словарь. – М.: Смысл, 2009. – С. 28-29.
8. Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. – М.: МНЭПУ, 2010. – 400 с.
9. Сосунова И.А. Евгеника / Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 2003. – С. 302.
10. Дзюбенко Н.И. Вавиловская стратегия пополнения, сохранения и рационального использования генетических ресурсов культурных растений и их диких родичей // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т.169. – Спб.: ВИР, 2012. –С.4-40.
11. Веб-сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 15.10.2016 г.)
12. Уилсон Э. О природе человека. On human nature. – М.: Кучково поле, 2015. – 352 с.

*Сукнёва Светлана Александровна,
доктор экономических наук, доцент,
директор Центра социально-демографических исследований,
Северо-Восточного федерального университет
им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия*

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

В статье рассмотрены тенденции рождаемости в Республике Саха (Якутия). Установлено, что сохранение высокого уровня рождаемости в республике определяется высокой долей сельского населения, где преимущественно проживают представители коренных народов и сохраняется традиционная модель репродуктивного поведения. Показана дифференциация демографического поведения в зависимости от национальности и территории проживания. Проанализировано влияние рождений высокой очередности на показатель суммарного коэффициента рождаемости. Выделены факторы, влияющие на снижение числа рождений. Показана роль возрастной структуры в изменении рождаемости. Рассмотрены меры региональной демографической политики, направленные на поддержку семей с детьми. Обоснована необходимость повышения рождений высокой очередности.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), население, рождаемость, возраст, репродуктивное поведение, суммарный коэффициент рождаемости, очередность рождений, меры демографической политики.

E-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru

*Sukneva Svetlana A.,
Dr. (Economic), Docent,
Director of the Center for social and demographic studies,
North-Eastern Ammosova Federal University
Yakutsk, Russia*

TRENDS AND PROSPECTS OF FERTILITY IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

This article examined trends of fertility in the Republic of Sakha (Yakutia). It was established that the persistence of high fertility in the Republic is defined by the high proportion of the rural population, where the predominantly inhabited by indigenous peoples with traditional model of reproductive behavior. Author showed that the differentiation of demographic behavior is dependent of the nationality or territory of residence. The factors influencing the decline in the number of births and the role of age structure in changes in fertility were presented. Measures of regional demographic policy aimed at supporting families with children were considered and the necessity of births a high order had proven.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), the population, birth rate, age, reproductive behavior, total fertility rate, the order of birth, the measures of demographic policy.

E-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru

Республика Саха (Якутия) относится к группе регионов России со стабильным положительным естественным приростом населения, за счет сохранения относительно высоких показателей рождаемости по сравнению со среднероссийским уровнем и многими другими российскими субъектами. По данным за 2014 год, Якутия занимала 7-е место по общему коэффициенту рождаемости [1, С. 255].

Высокий уровень рождаемости сохраняется в республике за счет значительной доли сельского населения (34,5% на начало 2015 г.) [1, С. 13], где проживает преимущественно коренное население. По данным переписи 2010 г. 60,4% якутов, 73,9% эвенков и 66,5% эвенов проживало в сельской местности республики, составив 89,3% от всех жителей села [2]. Для сельского населения характерно сохранение традиционной модели рождаемости с высокой долей рождений в младших возрастных группах и высокой очередности, что способствует сохранению показателей рождаемости на уровне расширенного воспроизводства. Как показали результаты социологического обследования населения республики [3, С. 105], заметная дифференциация среднего желаемого и ожидаемого числа детей отмечается у респондентов разной национальности, а также респондентов одной национальности в зависимости от проживания в городской или сельской местности. Среднее желаемое и ожидаемое число детей больше в сельской местности у якутов (3,23 и 2,67, в городской местности – 2,94 и 2,31) и русских (2,68 и 2,08, в городской местности – 2,34 и 1,78), у народностей Севера, наоборот, в городской местности среднее желаемое и ожидаемое число детей выше, чем у проживающих в селе (5,0 и 3,1 против 3,0 и 2,7). Различия между желаемым и ожидаемым числом детей у якутов (0,63) и народностей Севера (2,0) больше в городской местности, у русских и представителей других национальностей – в сельской (0,6 и 0,53 соответственно).

На изменения рождаемости оказывают влияние происходящие трансформации матримониального поведения населения. В республике отмечается повышение среднего возраста вступления в брак, увеличивается число мужчин и женщин никогда не состоявших в браке в наиболее активном репродуктивном возрасте 25-29 лет. Так, если по переписи 1989 г. их доля среди мужчин составляла 26,4% и 15,9% среди женщин [4, С. 10], то к 2010 г. количество мужчин никогда не состоявших в браке к данному возрасту возросло до 37,6% и женщин – до 25,3%. По данному показателю республика приблизилась к среднероссийскому уровню, составившему в 2010 г. соответственно 38,9% и 25,4% [5, С. 460]. При этом в республике все больше становится незарегистрированных браков. Если по данным переписи 2002 г. их было 13,1%, то к 2010 г.

доля незарегистрированных браков выросла до 17,8%, что почти на треть превышает среднероссийский уровень (13,3%) [5, С. 461]. Данный факт отчасти объясняет рост внебрачных рождений. Их доля в республике увеличилась с 17,9% в 1990 г. до 35% в 2014 г., причем удельный вес внебрачных рождений неодинаков в городской и сельской местности [1, С. 89]. В городской местности наблюдается снижение доли внебрачных рождений до 32,1%, в то же время в сельской местности данный показатель заметно вырос и составляет около 38,7%. Превышение доли внебрачных рождений в сельской местности отмечается также и по Российской Федерации в целом, составив 27,2% от общего числа родившихся в 2014 г., соответствующий показатель в городской местности составил 20,8% [6]. Вместе с тем, результаты социологических опросов показывают, что в жизни населения Якутии семья продолжает сохранять приоритетное значение и имеет место явная детоцентристская направленность [7].

Рассмотрим причины изменения рождаемости опираясь на анализ суммарных коэффициентов по очередности рождения детей (табл. 1).

Таблица 1.

Суммарный коэффициент рождаемости населения Республики Саха (Якутия) по очередности рождения, 1990-2015 гг.

Годы	Суммарный коэффициент рождаемости	В том числе рождения:			
		первые	вторые	третьи	четвертые и последующие
1990	2,374	1,107	0,752	0,306	0,209
1995	1,993	0,909	0,613	0,27	0,201
1998	1,786	0,797	0,551	0,256	0,182
2007	1,911	0,817	0,650	0,273	0,171
2008	1,913	0,820	0,622	0,286	0,173
2009	1,988	0,854	0,650	0,302	0,178
2010	2,011	0,816	0,686	0,325	0,178
2011	2,065	0,796	0,702	0,340	0,181
2012	2,173	0,835	0,713	0,395	0,199
2013	2,175	0,808	0,722	0,399	0,230
2014	2,257	0,811	0,769	0,426	0,147
2015	2,163	0,759	0,755	0,415	0,145

Источник: рассчитано автором по данным ТО ФСГС по РС(Я).

Снижение суммарного коэффициента по первым рождением со второй половины 1990-х гг., а также в 2007-2015 гг. свидетельствует об откладывании рождения первенца, в том числе и в связи с более поздним вступлением в брак. По вторым-третьим и рождением высокой очередности отмечается повышение суммарного коэффициента, что свидетельствует о росте рождаемости как отклике на меры демографической политики.

Существенные различия наблюдаются в динамике суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения. В городской местности республики отчетлива тенденция к снижению суммарного коэффициента по первым рождениям. В сельской местности наблюдается устойчивый рост рождаемости всех очередностей, в результате чего суммарный коэффициент в 2015 г. составил около 3 рождений в расчете на 1 женщину репродуктивного возраста.

В начале 1990-х гг. сформировался неблагоприятный возрастной состав женского населения – в возрасте наибольшей репродуктивной активности находилось малочисленное поколение, родившихся в 1970-е гг. Сложная социально-экономическая ситуация в стране вынуждала семьи откладывать рождение детей, поэтому влияние структурного фактора дополнилось снижением интенсивности рождений [8, С. 37].

С начала 2000 г. отмечается благоприятное влияние на рождаемость увеличения доли женщин репродуктивного возраста в составе населения, омоложение самого репродуктивного контингента женщин, повышение возрастных интенсивностей рождений. В динамике интенсивности рождений отмечается резкий скачок в 2007г., как ответная реакция на дополнительные меры материальной помощи семьям, стимулирование повторных рождений детей (материнский капитал, увеличение размеров пособий, оплата пребывания детей в детских дошкольных учреждениях и пр.). По нашей оценке в 2007 г. увеличение рождаемости на 88% определялось повышением возрастных коэффициентов рождаемости, особенно был выражен рост интенсивности рождений в сельской местности республики. Всплеск интенсивности рождений отмечается также и в 2012 г. после введения региональных мер демографической политики: республиканского материнского капитала «Семья», выделения земельных участков многодетным семьям. Еще одной из причин этого роста, вклад которой еще предстоит оценить, явился также переход на новую систему регистрации живорождений.¹ Чувствительным результатом данного перехода стало повышение в 2012 г. коэффициента младенческой смертности в республике на 57,2% (с 6,3‰ до 9,9‰). Снижение числа рождений в сельской местности в 2012 г. связано с возросшим в 2011-2012 гг. миграционным оттоком. Миграция сельского населения преимущественно в столицу республики способствует повышению рождаемости в городской местности республики, при этом сельское население теряет значительную часть своего демографического потенциала, изменяется возрастной состав, возникают значительные диспропорции на брачном рынке, что приводит к снижению уровня рождаемости в сельской местности.

¹ В связи с переходом на расширенные критерии рождения (приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» в органах ЗАГС с апреля 2012 года подлежат регистрации рождения и смерти новорожденные с экстремально низкой массой тела (от 500 до 1000 граммов).

Для улучшения демографической ситуации в стране, необходимо не только создавать благоприятные условия для реализации имеющейся потребности в детях, но и повышать сами репродуктивные установки через формирование общественного мнения о семье с двумя-тремя детьми как общественно одобряемой модели. Этому способствуют принимаемые в республике меры поддержки многодетных семей, в том числе выделение земельных участков, семьям, имеющим трех и более детей [9]; республиканский материнский капитал «Семья» [10], размер которого с 1 января 2016 года составляет 133190 руб.; предоставление субсидий на улучшение жилищных условий семей, имеющих пять и более несовершеннолетних детей; с 1 января 2013 года предоставление социальной помощи на основе социального контракта о взаимных обязательствах и др.

Негативное влияние возрастной структуры фертильных контингентов, начавшееся в 2013-2014 гг. в самое ближайшее время обусловит снижение рождаемости. Даже при дальнейшей активизации демографической политики стране предстоит длительный период снижения рождаемости по причине сокращения числа потенциальных матерей. Поэтому при разработке новых мер демографической политики следует акцентировать большее внимание на улучшении качественной структуры рождаемости, на укреплении института семьи, возрождении и усилении духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Список литературы и Интернет-источники

1. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Статистический сборник /Саха(Якутия)стат. – Якутск, 2015. – 265 с.
2. Итоги ВПН 2010. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Эл. ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (дата обращения: 10 октября 2016 г.).
3. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения Северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010. – 168 с.
4. Состояние в браке и рождаемость населения Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. / Саха(Якутия)стат. – Якутск, 2006. – 240 с.
5. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги ВПН 2010: в 11 т. Федер. служба гос. статистики – Том 2. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 482 с.
6. Демографический ежегодник России, 2014. [Эл. ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm (дата обращения: 10 октября 2016 г.).
7. Сукнёва С.А., Барашкова А.С. Семья и дети в системе жизненных ценностей населения Якутии // Регион: экономика и социология. – 2016.– № 3.– С. 98-117.
8. Сукнёва С.А. Демографическое развитие Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – № 1 (179). – С. 33-40.
9. Закон Республики Саха (Якутия) от 10.11.2011 года 969-З N 847-IV «О внесении изменений в Земельный кодекс Республики Саха (Якутия)».
10. Закон Республики Саха (Якутия) от 16 июня 2011 года № 951-З № 803-IV «О республиканском материнском капитале «Семья».

*Ушакова Валентина Григорьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социологии политических
и социальных процессов,
Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Россия*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются причины сложных демографических процессов в России и Германии на современном этапе. Особое значение имеют при этом типы, функции современной семьи, гендерные роли и гендерные отношения. В процессе перехода общества в качественно новое состояние особое значение приобретают ценностные ориентации личности и усиливающаяся тенденция индивидуализации. Следует отметить возрастающее влияние на политику и экономику гендерного фактора, который требует адекватного реагирования со стороны общества и государства.

Ключевые слова: демография, депопуляция, семья, гендер, гендерная роль, гендерный аспект, индивидуализация.

E-mail: walespb@mail.ru

*Ushakova Valentina G.,
PhD (History), Docent,
docent of the department of sociology political
and social processes,
St. Petersburg state University,
St. Petersburg, Russia*

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RUSSIA AND GERMANY: GENDER ASPECT

The article analyzes the complex causes of demographic processes in Russia and Germany at the present stage. Of particular importance are the types and functions of the modern family, gender roles and gender relations. In the process of transition of society to a new qualitative state is of special importance values of the personality and the increasing tendency of individualization. It should be noted the increasing influence on politics and the economy a gender perspective, which requires an adequate response by society and the state.

Keywords: demography, depopulation, family, gender, gender role, gender aspect, individualization.

E-mail: walespb@mail.ru

В настоящее время в России довольно остро стоит проблема демографии: общая численность населения России на 13 сентября 2016 года по данным Росстата составляет 146,5 млн. человек. Изменение численности населения России по среднему варианту демографического прогноза к 2031 году составит 147,1 млн. чел. исключительно за счёт миграционного прироста [1].

При этом можно диагностировать тенденцию к постепенному снижению численности населения. И сейчас в большинстве регионов количество умерших превышает количество рожденных детей. Так, по состоянию на январь 2015 года, превышение численности умерших над численностью родившихся составляет, в среднем, 1,2 раза, причем в 26 субъектах Российской Федерации количество умерших больше в 1,5-2,1 раза [2]. Средний возраст матери при рождении первого ребенка по состоянию на 2012 год составляет 25,2 года. По медицинским стандартам матери такого возраста уже рассматриваются как старородящие. Подобная тенденция наблюдается и в Германии. Несмотря на то, что эта страна представляется благоприятной для построения семьи, индекс фертильности там один из самых низких в Европе [3]. Согласно данным Федеральной службы статистики Германии, на конец 2012 года население страны составляло около 80,5 миллионов человек [4]. В конце 1990 года в Германии жило 82,5 миллиона [5]. Очевидно, что численность населения сокращается. Еще более остро стоит вопрос относительно этнически немецкого населения. Следует также отметить, что на одну немецкую женщину приходится в среднем 1,4 ребенка, причем средний возраст первых родов составляет 29 лет [6]. С 1995 года наблюдается депопуляция. В 2012 году население сократилось примерно на 196 000 человек [7].

Итак, проблемная ситуация видится в том, что при переходе общества в новое качество семья также претерпевает изменения, делегирует часть своих функций другим социальным институтам. Семья является необходимой структурой для поддержки дальнейшего существования общества. Несмотря на это, семья в настоящее время не выполняет свои функции в полной мере. Так, в современных Германии и России нельзя говорить о полноценной реализации репродуктивной функции семьи, это наблюдается эмпирически, и подтверждается статистикой. Кроме того, дети в определенной степени социализируются и другими социальными институтами, помимо семьи.

Следует подчеркнуть, что семейная политика (равно как и социология семьи) не должна рассматриваться исключительно в демографических рамках показателей рождаемости. Немецкий социолог Г. Бертрам придерживается мнения, что по какой-то причине количество живорожденных детей в стране снижается вне зависимости от государственной семейной политики [8, С. 37-55]. Такую тенденцию можно связывать с переменной ценностей в обществе и с более высоким процентом образованных женщин. И действительно, процент бездетных женщин среди получивших высшее образование выше, чем у других женщин. Данная тенденция доказывается эмпирически: «К примеру, результаты последней переписи в Германии 2008 года показы-

вают, что 28% рожденных в 1965 году женщин с высшим образованием остались бездетными» [9, С.9]. В современном обществе нередко идет речь о снижающемся значении традиционных ценностей, растет количество монородительских семей, где только один родитель воспитывает ребенка, и партнерств без детей.

Смена ценностей в обществе обычно происходит вследствие перехода к другому типу общества. Ценности индустриального общества более не являются релевантными: считается, что Германия находится на пути к обществу услуг. С точки зрения статистики, страна уже является обществом услуг. Неравенство между мужчинами и женщинами в обществе подобного типа является неприемлемым по экономическим и демографическим причинам. Тем не менее, из этого не следует, что в современном обществе услуг удалось полностью избавиться от неравенства. Вдобавок гендерные отношения также подверглись изменениям. По У. Беку, еще в 1980-ые годы можно было говорить о «скачке модернизации» [10]. Традиционная модель семьи (мужчина как «добытчик», женщина как «домохозяйка») сегодня часто избегается, хотя в Германии, да и в России до сих пор на политическом уровне наблюдается поддержка подобной модели. Кроме того, в современных российском и немецком обществе молодые люди дольше зависят от своих родителей и дольше получают образование. Из-за этого до рубежа в 30 лет у них остается меньше времени для формирования своей семьи.

Следует также принять в рассмотрение и гендерную проблематику, актуальность которой доказывается следующими аргументами. В среднем, по статистике, женщины живут дольше, чем мужчины, поэтому многие пожилые женщины живут одни. Кроме того, согласно традиционным ожиданиям общества, именно женщины должны воспитывать детей. Вследствие этого далеко не всем женщинам удается полноценно заниматься карьерой. Как и прежде, обществом зачастую поощряется то, что женщины не должны работать, чтобы заниматься хозяйством и детьми. Как пример этому могут служить социальные выплаты в России и Германии. Как правило, за детьми ухаживает мать – отцы редко уходят в отпуск по уходу за ребенком: так, на полную ставку в Германии работают 89% отцов [11]. Данный факт часто приводит к ролевым внутрисемейным конфликтам – практически невозможно быть «идеальным отцом» и «кормильцем семьи» одновременно. По этой причине мужская гендерная проблематика также является актуальной. С другой стороны, при равной должности женщины в среднем зарабатывают меньше мужчин, к примеру, в Германии – около 62% от мужской заработной платы. В этом видится и причина того, что женщины получают относительно небольшую пенсию и нуждаются в заботе государства. В России и Германии женщины осведомлены об этом и в большинстве своем не хотят иметь детей в юном возрасте. Они планируют сначала получить достойное образование, построить карьеру или стать независимым предпринимателем. Построение семьи дается в наше время тяжело.

В настоящий момент семья не является единственным и важнейшим фактором для демографии и экономики. В аграрном обществе дети рассматривались как дополнительная рабочая сила в семье и должны были заботиться о родителях в старости, то есть выступали своеобразной социальной гарантией для своих родителей. В современном обществе перечисленные выше функции были частично переняты на себя другими социальными институтами. В качестве причины снижения рождаемости можно обозначить разработку и массовую доступность контрацептивов – теперь женщины могут сами принимать решение относительно рождения ребенка. Раньше предпочтения женщин в этом вопросе зачастую попросту игнорировались.

В индустриальном обществе неравенство между мужчинами и женщинами рассматривалось большинством как норма, однако сейчас, на пути к обществу услуг, оно является неприемлемым уже с экономической точки зрения. В этой связи Г. Бертрам отдельно отмечает важность «заботы», или «ухода», неотъемлемой составляющей при этом является любовь. Подобного рода забота может осуществляться только в рамках семьи [8, С. 37-55]. Традиционно основным ресурсом для заботы считались женщины, однако в современных условиях, когда многие женщины имеют желание пожить «для себя», им приходится в определенной степени отказаться от заботы такого рода. Теоретически мужчины могли бы представить собой дополнительный ресурс, тогда женщины, надо полагать, не чувствовали бы себя такими перегруженными работой, домашними делами и детьми одновременно. К примеру, отпуск по уходу за ребенком можно было бы разделить между родителями, это разрешено российским и немецким законодательством.

Итак, снижение численности населения и рост разнообразия форм семьи очевидны как в России, так и в Германии. Можно сделать вывод не только о набирающих силу процессах индивидуализации в наших странах, но и значительном влиянии гендерного фактора.

Список литературы и Интернет-источники

1. Население России: численность, динамика, статистика // Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ / (дата обращения: 10 октября 2016 г.)
2. Демография в январе 2015. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 21 марта 2015 г.)
3. Statistisches Bundesamt 2013 – [Elektronische Ressource] URL: https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/LaenderRegionen/Internationales/Thema/Tabellen/Basistabelle_Geburtenziffer.html (Stand: 24 октября 2013 г.)
4. Pressemitteilung Nr. 283 vom 27.08.2013, Statistisches Bundesamt – [Elektronische Ressource] URL: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressemitteilungen/2013/08/PD13_283_12411.html (дата обращения: 24 октября 2013 г.)

5. Statistisches Bundesamt. Pressemitteilung vom 31. Mai 2013 – 188/133. Zensus 2011. [Elektronische Ressource] URL: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressekonferenzen/2013/Zensus2011/pm_zensus2011_PDF.pdf;jsessionid=7F5F77494116E5786A8B52E45B5594B4.cae3?__blob=publicationFile (дата обращения: 05 июня 2015 г.)
6. Statistisches Jahrbuch 2013, Statistisches Bundesamt. S. 24.
7. Statistisches Jahrbuch 2014, Statistisches Bundesamt. – [Elektronische Ressource] URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/StatistischesJahrbuch/Bevoelkerung.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 21 марта 2015 г.). S. 28.
8. Vgl. Bertram H. Nachhaltige Familienpolitik und demografische Entwicklung. Zeit, Geld und Infrastruktur als Elemente einer demographiebewussten Familienpolitik. // Zeitschrift für Pädagogik 55, 2009. S. 37-55.
9. Stock G., et al., eds. Zukunft mit Kindern: Fertilität und gesellschaftliche Entwicklung in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Bd. 29. Campus Verlag, 2012.
10. Vgl. Beck U. Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
11. Steffen T. Väter tun sich mit Teilzeit schwer. // Die Zeit, 13.01.2014 – [Elektronische Ressource] URL: <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2014-01/vaeter-teilzeit-ursachen> (дата обращения: 14 января 2014 г.)

Раздел 4.

**ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ И ЭМИГРАЦИИ
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Section 4.

**THE IMPACT OF MIGRATION
AND EMIGRATION ON THE SOCIO-ECONOMIC
AND DEMOGRAPHIC SITUATION
IN RUSSIAN SOCIETY**

Абидов Магомед Хабибович,
доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
НИИ Управления, экономики, политики и социологии
ГАОУ ВО «Дагестанский государственный
университет народного хозяйства»,
Республика Дагестан,
г. Махачкала, Россия

Хаджалова Хадижат Магомедовна,
доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
НИИ Управления, экономики, политики и социологии
ГАОУ ВО «Дагестанский государственный
университет народного хозяйства»,
Республика Дагестан,
г. Махачкала, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

В статье дана характеристика миграционных процессов в Республике Дагестан. Представлен широкий статистический анализ миграционных потоков в республике. Определены экспортеры трудовых ресурсов по отношению рынка труда Дагестана. Выделены причины и динамика внешней трудовой миграции населения в условиях современной ситуации экономики Дагестана. Определены сферы занятости трудовых мигрантов. Представлены предложения по регулированию миграции в республике.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, миграционный прирост (убыль), миграционные потоки, занятость населения, горные районы, трудовые ресурсы, трудовой мигрант, экономический кризис, региональная экономика, Республика Дагестан.

E-mail: abidov73@yandex.ru; chaha@mail.ru

Abidov Magomed Kh.,
Dr. (Economic), Professor,
Leading Researcher,
Daghestan state institute of national economy,
Makhachkala, Russia

Khadzhalova Khadzhiat M.,
Dr. (Economic),
Leading Researcher,
Daghestan State University of national economy,
Makhachkala, Russia

CURRENT TRENDS EXTERNAL LABOR MIGRATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

The paper presents the characteristics of migration processes in the Republic of Dagestan. A wide statistical analysis of migration flows in the republic. Identified exporters of labor resources towards labor market Dagestan. Highlighted the causes and dynamics of external labor migration in terms of the current situation of economy of Dagestan. Determine the scope of employment of migrant workers. Presents proposals for regulation of migration in the country.

Keywords: external labor migration, migration increase (decrease), migration flows, employment, mountain areas, labor, migrant workers, the economic crisis, regional economics, the Republic of Dagestan.

E-mail: abidov73@yandex.ru; chaha@mail.ru

Анализируя миграционную ситуацию в Республике Дагестан за 2012-2015 годы, можно проследить тенденцию увеличения количества иностранных граждан (348 чел. в 2012 г., 489 чел. в 2013 г. и 827 чел. в 2014 г.), ежегодно въезжающих на территорию республики, как и прежде, преимущественно из бывших союзных республик. Причем наибольший прирост приходится на 2014 год. Несмотря на то, что миграционная ситуация на территории республики остается стабильной, необходимо отметить изменение качественной составляющей иностранных граждан, прибывающих на территорию республики.

Миграционный процесс между Дагестаном и странами СНГ в последние годы имеет стабильное положительное сальдо. В 2014 году наблюдалось увеличение миграционного прироста в 1,8 раза по сравнению с 2013 годом. Если в 2012-2013 гг. прирост составлял 291 и 411 человек, соответственно, то в 2014 г. этот показатель составил 734 человека. Наибольший миграционный прирост в 2014 году у республики сложился с Азербайджаном – 57,4% от общего миграционного прироста со странами СНГ, Узбекистаном – 11,3%, Украиной – 11%, Киргизией – 6,5% (см. рисунок 1).

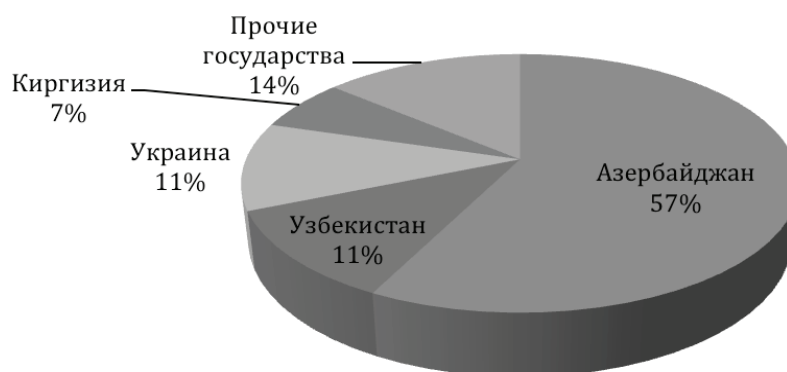

Рисунок 1. Распределение иностранных работников в Республике Дагестан по странам гражданства в 2014 году [7]

Одной из основных задач Концепции государственной миграционной политики на период до 2025 года является разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы [3]. Решение данной задачи позволит построить более гибкую систему рынка труда, а также правильно оценить спрос и предложение на трудовые ресурсы. Изменения, внесенные в миграционное законодательство, позволили качественно изменить порядок оказания государственных услуг в сфере внешней трудовой миграции.

В Республике Дагестан внешняя трудовая миграция в основном имеет сезонный характер, при этом основное количество трудовых мигрантов заняты в сфере строительства и выполняют, как правило, неквалифицированную работу [9]. Среди трудовых мигрантов преобладают выходцы из государств-участниц СНГ, в особенности из Республики Узбекистан и Азербайджанской Республики, для которых в первую очередь играет немаловажную роль религиозный фактор. В основном мотивация мигрантов, прибывающих в Республику Дагестан, связана с экономическими трудностями, испытываемыми ими в местах постоянного проживания.

Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 16 декабря 2013 г. № 739н «О распределении по субъектам Российской Федерации, утвержденной Правительством Российской Федерации на 2014 г. квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу» для Республики Дагестан установлена квота на выдачу 1 633 разрешений на работу, что на 43% меньше, чем в 2013 году. За 2014 год квота исчерпана на 35% (в 2013 г. – 26,2%) [8]. Низкий процент исчерпания выделенной квоты обусловлен тем, что ООО «Махачкалинское взморье» и ООО Обособленное подразделение «Пальмира Групп», участвовавшие в заявочной кампании в 2013 году, не использовали выделенную им квоту.

В 2014 году работодателями республики оформлено 32 (в 2013 г. – 43) разрешения, которыми предусмотрено привлечение к трудовой деятельности 248 (в 2013 г. – 498) иностранных работников. Всего в 2014 году у работодателей имелось 35 действительных разрешений на привлечение 260 иностранных работников. При этом оформлено в установленные сроки 660 бланков разрешений на работу на 651 иностранного гражданина в сфере строительства, в обрабатывающем производстве, на транспорте и связи, в лесном хозяйстве и в иных отраслях [6]. Фактически выдано 744 разрешения на работу, что на 7% меньше, чем в 2013 году (802 разрешения), в том числе 207 разрешений прибывшим в визовом порядке и 537 – в безвизовом. Иностранцы, имеющие разрешение на временное проживание, за получением разрешения на работу в 2014 году не обращались. Статистика оформленных разрешений на работу иностранным гражданам выглядит следующим образом: Азербайджан – 240, Узбекистан – 234, Украина – 39, Турция – 78, Таджикистан – 18, Италия – 2, Армения – 5, Тунис, Франция, Нигерия, Индонезия, Босния и Герцеговина,

Бразилия, Киргизия, Великобритания, Молдова – 3, Сербия, Черногория, Корея – 3, Швейцария, Китай – 18.

В целях реализации Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 86-ФЗ УФМС России по Республике Дагестан за 2014 год оформлено 8 994 (в 2013 году – 3 455, в 2012 году – 2726) патента. Наибольший удельный вес количества иностранных граждан, получивших патенты, составляют граждане Азербайджана (5106 патентов), далее следуют граждане Узбекистана – 3268, Таджикистана – 222, Молдовы – 138, Киргизии – 100, Армении – 84, Украины – 72. Такой прирост выдачи патентов в 2014 году обусловлен изменениями в миграционном законодательстве в части пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан. Фактически выдано 8 735 патентов, из них 8519 на срок до 1 месяца; 59 – до 2 месяцев; 157 – до 3 месяцев. Продлено 11092 патента иностранным гражданам. Всего на конец отчетного периода 7646 действительных патентов.

Появившийся в 2010 году и хорошо себя зарекомендовавший патент для работы у физических лиц, с января 2015 года трансформирован в единый трудовой патент в соответствии с Федеральным законом от 24.11.2014 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Теперь иностранцы из безвизовых стран могут по нему работать у юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц [2]. Это позволило отказаться от изжившего себя механизма квотирования, упростить процедуру легализации трудового мигранта при одновременном ужесточении ответственности за различные нарушения закона. Иностранцам выгоднее находиться в рамках правового поля, нежели быть нелегалом со всеми вытекающими последствиями, а работодателям в рамках закона привлекать и использовать трудовых мигрантов [6]. В то же время, проведенный анализ УФМС России по РД обращений иностранных граждан за получением патента, а также проведенный опрос, как иностранных граждан, так и национальных лидеров, показали, что в связи с усложнением процедуры получения патента, иностранным гражданам стало выгоднее приезжать в Республику Дагестан на срок не более 3-х месяцев и осуществлять трудовую деятельность без получения патента [8].

В целях реализации вышеуказанного Федерального закона в Республике Дагестан изданы следующие нормативно правовые акты:

– распоряжение Правительства Республики Дагестан от 30.12.2014 г. № 411-р «Об определении уполномоченной организации в осуществлении полномочий по представлению государственной услуги по оформлению и выдаче патента», в рамках которого 21.04.2015 г. между главой Республики Дагестан и руководителем ФМС России заключено Соглашение о взаимодействии между ФМС России и Республикой Дагестан, предусматривающее участие уполномоченной организации (ФГУП ФМС России «Паспортно-визовый сервис») в осуществлении полномочий по представлению государственной услуги по оформлению и выдаче патентов иностранным гражданам;

– постановление Правительства Республики Дагестан от 31.12.2014 г. № 714 «Об утверждении перечня медицинских организаций, уполномоченных на выдачу на территории Республики Дагестан документов, подтверждающих отсутствие у иностранного гражданина заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний, которые представляют опасность для окружающих, а также сертификата об отсутствии у иностранного гражданина заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека».

По состоянию на 01.07.2015 г. по вопросу порядка получения разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности на основании патента Управлением Федеральной миграционной службы по республике организовано 57 выступлений на различных площадках. На стендах всех территориальных подразделений УФМС по РД размещена соответствующая информация.

Порядок привлечения высококвалифицированных специалистов регламентирован ст. 13.2 данного закона. Количество высококвалифицированных специалистов в Республике Дагестан составляет 12 иностранных граждан, из них 2 гражданина Узбекистана, 2 – Украины, по одному из Аргентины, Бразилии, Нигерии, Киргизии, Туниса, Турции, Италии, Франции.

Анализ причин смены места жительства показывает, что в 2000 и 2005 годах основным обстоятельством, вызвавшим необходимость переселения, преобладающее число мигрантов, прибывших в республику, указало «возвращение к прежнему месту жительства». В последующие годы среди причин в статистических талонах прибытия – убытия, вызвавших необходимость переселения мигрантов старше 14 лет, наиболее часто указываются: семейные, личные обстоятельства, перемена места работы и выезд на учебу [1]. Вероятно, под наиболее распространенной причиной смены места жительства «причины личного, семейного характера» многие подразумевают именно неудовлетворенность качеством жизни в регионе.

В 2014 году доля мигрантов, прибывших в республику и указавших основное обстоятельство переселения «в связи с работой», увеличилась в 2,6 раза по сравнению с 2005 годом. В основном в Дагестан на работу прибывают из других регионов РФ военнослужащие, проходящие военную службу по контракту. Мигранты из стран СНГ, особенно Азербайджана, приезжают в поисках работы в крупные города республики, такие как Махачкала, Дербент, Хасавюрт. С 2000 по 2011 годы число мигрантов, выезжающих из республики по причине «в связи с работой», стабильно превышало число прибывших по этой же причине. Например, в 2010 году в республику в связи с работой прибыло 413 человек, а выбывших по этой причине оказалось в 7 раз больше – 2908 человек [2].

Успешное развитие региона зависит не только от количества, но и от качества населения, от его профессиональных и других характеристик. Изменить сложившуюся в республике ситуацию можно лишь планомерным проведением социально-экономических и общественно-политических преобразований, направленных на создание благоприятной почвы для привлече-

ния инвестиций в развитие экономики, на принятие мер противодействия коррупции и религиозному экстремизму, на снятие социальной и межнациональной напряженности. Это возможно только при активном взаимодействии органов государственной власти Российской Федерации и Республики Дагестан. Основу государственной стратегии регионального развития должна составлять поддержка тех регионов, которые по объективным причинам менее способны активно воспринимать инновации. При проведении подобной стратегии необходимо учитывать как географическое положение региона, так и конкретный этап социально-экономического развития [3].

Среди мер регулирования миграции в республике можно назвать: проведение структурной, промышленной, научно-технической и инновационной политики, позволяющей поддерживать темпы экономического развития; создание необходимых условий для трудовой деятельности выпускников вузов, обладающих профессиями и квалификациями, востребованными на рынке труда; создание условий для сокращения эмиграционного оттока и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала; развитие механизмов предоставления предприятиями ссуд работникам, приобретающим жилье.

Список литературы

1. Абдулманапов П.Г. Проблемы стимулирования трудовой миграции в регионе (на примере Республики Дагестан) // Миграционное право. – 2008. – №3. – С. 16-18.
2. Абдулманапов П.Г. Роль миграции в развитии Республики Дагестан. Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – №39. – С. 64-68.
3. Абдулманапов С.Г., Хаджалова Х.М. концентрация основных и программных мероприятий повышения качества жизни населения в Республике Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2011. – № 3. – С. 50.
4. Абидов М.Х. Миграция населения и миграционная политика Дагестана // – 2008. – №2. – С. 8-12.
5. Абидов М.Х. Миграция рабочей силы и ее роль в формировании трудовых ресурсов на рынке труда Республики Дагестан // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2012. – № 5. – С. 36-39.
6. Абидов М.Х., Магомедова Л.А. Современные аспекты миграционной политики в трудоизбыточном регионе // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2015. – № – 1. – С. 142-146.
7. Демографический ежегодник Дагестана 2015г.
8. Материалы УФМС РФ по Республике Дагестан.
9. Хаджалова Х.М. Социальные проблемы Республики Дагестан // Народонаселение. – 2006. – № 2 (32). – С. 131-136.

*Белгарокова Наталья Мухамедовна,
кандидат социологических наук,
доцент Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-АДАПТАЦИОННЫЕ ТРУДНОСТИ БЕЖЕНЦЕВ В ЕС

Число беженцев продолжает расти во всем мире. Многие страны ЕС не выдерживают наплыва беженцев из Сирии и Африки и принимают срочные меры: вводят квоты на приезжих, ужесточают пограничный контроль и даже строят стены. Другие государства, напротив, готовы помочь мигрантам освоиться в новой среде, адаптироваться, несмотря на то, что это обойдется местным бюджетам в миллиарды евро. Для специалистов не секрет, что у беженцев в стране пребывания появляется ряд проблем материального и социального свойства, семейных и личностных. Ведь им приходится начинать жизнь заново, меняя вместе с местом проживания свою специальность, социальный статус, материально-бытовые условия, круг общения.

Ключевые слова: миграционный кризис, беженцы, гуманитарный кризис, интеграция, вынужденная миграция, трудовая адаптация, рынок труда, миграционная политика, межэтническая напряженность, нелегальная миграция.

E-mail: belgarokova@gmail.com

*Belgarokova Natalia M.
PhD (Sociology),
Docent of the Sociology Department,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL ADAPTATION PROBLEMS OF REFUGEES IN EU

The number of refugees continues to grow worldwide. Many EU countries do not withstand the influx of refugees from Syria and Africa, and take urgent action: introducing quotas for immigrants, toughen border controls and even build walls. Other countries, on the other hand, are willing to help migrants settle into a new environment, to adapt, despite the fact that it will cost local budgets in the billions of euros. For Professionals no secret that the refugees in the host country there is a number of problems of material and social properties, family and personal. After all, they have to begin life anew, changing together with its specialty residence, social status, material living conditions, social circle.

Keywords: migration crisis, refugees, humanitarian crisis, integration, forced migration, adaptation of labor, labor market, migration policy, inter-ethnic tensions, irregular migration.

E-mail: belgarokova@gmail.com

Европа утопает в беженцах с Ближнего Востока и Африки, однако выводов из этой ситуации не делает. Хотя сейчас, наверное, и не до выводов: Евросоюз оказался не готов к такому потоку беженцев. С начала 2016 года в Европу через Средиземное море прибыли более 130 тысяч человек, то есть больше, чем за первое полугодие 2015 года. Об этом информирует Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. По мнению экспертов ООН, Европа сейчас находится на входе в масштабный гуманитарный кризис. Особенностью сложившейся на сегодняшний день ситуации является большое скопление мигрантов в Греции. 24 тысячи человек нуждаются в размещении. Причем 8,5 тысячи беженцев находятся в лагере рядом с поселком Идомени у границы с Македонией. Людям не хватает продовольствия, воды, мест для укрытия и санитарных средств [6].

В условиях напряжённой политической ситуации в мире, проблема вынужденной миграции остаётся одной из наиболее актуальных. Несмотря на существование специализированных центров психологической помощи беженцам, многие из переселенцев остаются один на один со своими проблемами в абсолютно чужой стране. Получается, что каждый вынужден сам учиться жить в новой и далеко не всегда приветливой среде. Все беженцы, независимо от их возраста, национальности, вероисповедания и половой принадлежности испытывают сильное психологическое потрясение.

Массовый наплыв беженцев в Европу создал для стран ЕС множество социально-экономических проблем. Одна из главных – трудоустройство мигрантов. Ведь без работы интеграция в странах ЕС невозможна, а сами беженцы превращаются в непосильную обузу для бюджетов. По данным немецкого агентства труда (Arbeitsagentur), большинство беженцев из Азии, Африки и Ближнего Востока не имеют современной профессии или спецподготовки, поэтому им будет чрезвычайно сложно найти работу. Специальные исследования в Германии и Австрии показали, что уровень квалификации и образования новоприбывших значительно ниже, чем у местного населения, в том числе проживающих в ЕС иностранцев. При этом поднять этот уровень будет сложно даже в долговременной перспективе. Вместе с тем стало очевидным, что интеграция беженцев представляет собой крайне сложную и дорогостоящую задачу. Немецкие и австрийские биржи труда нанимают тысячи сотрудников, чтобы обрабатывать документы и организовывать трудовую адаптацию прибывших. На всех мигрантов просто не хватит низкоквалифицированной работы, а для получения более высокой квалификации у них нет достаточных навыков и часто желания. Специалисты Arbeitsagentur пришли к выводу, что

интеграция беженцев на рынке труда Германии будет проходить крайне медленно. Работу найдут после первого года 8%, после 5 лет – 50%, и после 10 лет – 60% беженцев. Аналогичная ситуация складывается и в других странах Европы. Так, в Швейцарии среди мигрантов и беженцев работу после трех лет пребывания находят 20%, после 10 лет – от 45% до 60% прибывших [4].

Как показывает опыт других стран, присутствие беженцев чуждой культуры всегда вызывает напряжение в обществе и его радикализацию. Это неизбежный процесс. Если правительство хочет минимализировать его, то оно обязано предпринимать ряд определенных шагов. Существует два типа приема беженцев: на временной основе – как только в их стране ситуация нормализуется, они уезжают; на постоянной основе – беженцы принимаются навсегда, получают гражданство и остаются частью населения. Прием беженцев влечет ряд проблем. Кроме того, вместе с нелегальными беженцами на территорию европейских стран проникают боевики ИГИЛ и других радикальных исламистских движений. Беженцев в Европейском союзе зачастую воспринимают как потенциальных террористов. «Лидеры этих стран опасаются, что вместе с беженцами в Европу будут прибывать и радикальные исламисты. Это ставит под угрозу безопасность граждан ЕС. Известно, что многие популистские лидеры используют эту проблему в своих выступлениях, понимая, как болезненно относится к сложившейся ситуации коренное население Европы. Это лишь усиливает национализм на уровне общественного сознания в этих странах, а национализм – самая опасная бактерия для европейского проекта» [5]. Поэтому спецслужбы должны хорошо понимать, кто перед ними: беженец, пострадавший в результате войны, экономический мигрант или террорист. Поэтому вопрос безопасности вызывает большие опасения у населения. Полиция и спецслужбы должны быть готовы решать проблему нелегальной миграции.

Остро встает вопрос здравоохранения. Те болезни, которые есть в одной части мира, отсутствуют в другой. Люди, выросшие в разных климатах, по-разному реагируют на одни и те же болезни. Следующий вопрос – вопрос языковой. Очевидно, что беженцы, должны владеть государственным языком страны. Многие из прибывающих беженцев едва могут писать и читать по-арабски или же вовсе неграмотные. Кто этим будет заниматься? Надо ещё учесть, что тот же арабский язык, который изучают в университете востоковеды – это литературный язык, который отличается от разговорного арабского языка. Кроме того, существует множество диалектов; люди, живущие даже в пределах одной арабской страны, иногда с трудом понимают друг друга. Если людей не учить языку – они маргинализуются и пополняют ряды криминальных элементов. Еще вопрос: как решить проблему с преступностью, если не знаешь языка, на котором говорят преступники?! Острым является вопрос различных культурных кодов. Разные цивилизации используют разные культурные коды. Они не лучше и не хуже, они просто другие (вспомним, как пример, отношение к женщине в странах ислама). Эту разницу нужно объяснять и местному населению и беженцам. Одежда, которую носят в Европе –

мини-юбки, декольте, считается у мусульман провокационной, развратной. В мусульманском мире женщина всегда виновата; сложился такой психологический механизм – если женщина ведет себя недостойно – ее нужно наказать. И наказать должен мужчина, а насилие – одна из форм такого наказания. Мужчина не думает, что совершает какое-то преступление; женщина виновата, сама напросилась. Отношение к насилию другое: бить детей, к примеру, считается нормой, как и бить жену. Понимание личного пространства на Востоке тоже другое: громко разговаривать, развесить белье на улице, даже справить нужду на улице – естественная вещь. Подобное может вызвать недоумение в европейском обществе. Эти психологические механизмы вырабатывались на протяжении веков. Поэтому необходимо вести разъяснительную работу среди беженцев о разнице культурных кодов и объяснять, за что они могут понести наказание: проводить лекции на их языке, распространять брошюры [1].

В странах Европе до сих пор не разработан механизм адаптации мигрантов и беженцев. Известный исследователь К. Додд выделил 4 модели поведения вынужденных переселенцев в условиях новой жизни.

1. Flight – своеобразная попытка избежать любого контакта с местным населением и его культурой. Обычно подобная модель характерна для беженцев с низким социальным и образовательным уровнем, которые переселяются группами и создают свой микромир. Данная стратегия не является продуктивной, поскольку возникает «эффект гетто» и вытекающие из него последствия: низкий уровень жизни, высокая преступность, бедность.

2. Fight – активный перенос своей этнокультуры. Как правило, сопровождается отторжением со стороны местного населения и межэтническими конфликтами.

3. Filter – самая продуктивная модель, заключающаяся в поиске взаимного компромисса между представителями разных культур. Взаимообмен ценностями и опытом, но сохранение своих национальных особенностей.

4. Flex – пассивное слияние с представителями местного населения, отказ от своих корней и потеря духовной связи со своим народом [3].

Пример сегодняшней Европы четко свидетельствует, что игнорирование политики адаптации и интеграции мигрантов и самоустранение государства из этой сферы оборачивается обострением межэтнической напряженности, снижением уровня толерантности в обществе, отчуждением мигрантов, их самоизоляцией и, в конечном счете, открытыми конфликтами между мигрантами и местным населением. Становится совершенно очевидно, что в условиях массового притока мигрантов, даже из исторически близких для Европы стран, политика их интеграции должна быть неотъемлемым элементом миграционной политики принимающего государства.

Поиск новых моделей адаптации и интеграции мигрантов происходит в непростых условиях, когда, с одной стороны, объективно возрастает иммиграционный приток, а с другой стороны, возрастают анти-иммигрантские настроения в обществе.

Для того чтобы политика адаптации и интеграции мигрантов была эффективной и успешной, необходимо понимание, что такое адаптация, интеграция, какими инструментами она может осуществляться, социальное и демографическое поведение разных групп мигрантов и многое другое [2]. Иными словами, политика принимающего государства по адаптации и интеграции мигрантов должна опираться на надежную информационную и концептуальную основу, которой в Европе нет.

Интернет-источники

1. Авраам Шмулевич. Беженцы: две проблемы, у которых нет решения. Режим доступа: <https://inforesist.org/bezhentsyi-dve-problemyi-u-kotoryih-net-resheniya/> (дата обращения: 27 октября 2016 г.)
2. Актуальные вопросы адаптации и интеграции мигрантов. Комитет Государственной Думы по делам национальностей. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.komitet24.km.duma.gov.ru/site.xp/053049054124049050056049.html> (дата обращения: 11 октября 2016 г.)
3. Вынужденные переселенцы, беженцы. Адаптация к новой жизни. Режим доступа: <http://www.helpinadaption.ru/vyinuzhdennyye-pereselentsyi-bezhentsyi-adaptatsiya-k-novoy-zhizni/> (дата обращения: 09 октября 2016 г.)
4. Дмитрий Добров. Смогут ли беженцы найти работу в Европе? Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20151102/231146345.html> (дата обращения: 09.10.2016).
5. Надежда Арбатова. Кризис солидарности. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2015/06/19/eu_crisis/ (дата обращения: 11 октября 2016 г.)
6. Эксперты ООН ужаснулись количеству прибывших в Европу беженцев. Федеральное агентство новостей. Режим доступа: <https://riafan.ru/506274-eksperty-oon-soschitali-skolko-bezhencev-pribylo-v-evropu-v-2016-godu> (дата обращения: 24 октября 2016 г.)

Брушкова Людмила Алексеевна,
кандидат социологических наук,
доцент Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Зая Иосиф Юрьевич,
кандидат исторических наук,
доцент Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации,
г. Москва, Россия

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

В статье предпринята попытка рассмотреть современную глобальную этническую миграцию в контексте социальных сетей. Выдвинуто предположение, что существование и развитие транснациональных социальных сетей значительно влияет на процессы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, заставляя, в частности, правительства стран-реципиентов переходить от политики ассимиляции мигрантов к мультикультурализму. Показано, что роль транснациональных социальных сетей возрастает по мере изменения качественных характеристик самих мигрантов. Обоснован вывод, что транснациональные сети действуют скорее как исключаящий социальный капитал, являясь своеобразным препятствием для интеграции этнических мигрантов в принимающее общество.

Ключевые слова: миграция, адаптация, интеграция, ассимиляция, мультикультурализм, трансмиграция, социальные сети, социальный капитал, включающий социальный капитал, исключаящий социальный капитал.

E-mail: lbrushkova@yandex.ru; lZaya@fa.ru

Brushkova Lyudmila A.
PhD (Sociology),
docent of the Department sociology,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia
Zaya Joseph Yu.
Phd (History),
docent of the Department sociology,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS IN ADAPTATION AND INTEGRATION OF ETHNIC MIGRANTS

This paper is an attempt to discover contemporary global ethnic migration in the social networks context. Supposed that transnational social networks influence seriously processes of adaptation and integration of ethnic migrants in receiving society, forcing governments of the countries-receivers to change policy from assimilation to multiculturalism. Demonstrated that the role of transnational social networks increases together with modification of qualities of migrants. Concluded that transnational networks effect rather exclusive than inclusive social capital, making more difficult ethnic migrants integration in receiving society.

Keywords: migration, adaptation, integration, assimilation, multiculturalism, transmigration, transnational social network, social capital, inclusive social capital, exclusive social capital.

E-mail: lbrushkova@yandex.ru; lZaya@fa.ru

Проблема адаптации и интеграции этнических мигрантов в принимающих сообществах является сегодня особо актуальной в силу глобального характера миграции и остроты порождаемых ею социальных проблем. Сегодня, наверное, практически нет обществ и государств, не затронутых миграцией в той или иной мере. Россия относится к странам-лидерам по числу принимаемых мигрантов. Согласно докладу департамента народонаселения ООН Россия занимает второе место в мире по числу мигрантов из других государств [1].

Социологические объяснения причин и последствий миграции менялись, как и политика принимающих государств в отношении этнических мигрантов. Теория и политика ассимиляции, популярная в европейских странах в послевоенные годы, предполагала, что этнические мигранты постепенно интегрируются в местное сообщество, поскольку, как считалось, они сами этого хотят, а принимающие государство и общество должны только помочь им в этом. Однако начиная с конца 1970-х годов, несостоятельность подобных представлений стала достаточно очевидной. 1960-1980-е годы были ознаменованы межэтническими и межрасовыми конфликтами в Великобритании, США и других европейских странах, порой выливающимися в целые «городские войны» на расово-этнической почве. Многие этнические мигранты, причем не только в первом поколении, демонстрировали активное нежелание «растворяться» в культуре доминирующего этноса и, напротив, всячески старались подчеркнуть своеобразие своей культуры и образа жизни. Часто этнические мигранты образовывали анклав внутри принимающего сообщества, в том числе и враждебно настроенные в отношении этнического большинства населения европейских стран.

В 1990-е гг. в Европе в качестве объяснительной модели и соответствующей политики в отношении этнических мигрантов стал распространяться мультикультурализм. В отличие от ассимиляции, мультикультурализм пред-

полагает сосуществование разных, но равноценных этнических культур в обществе. Причем эта равноценность должна быть признана как на политическом уровне, так и в повседневной жизни людей. Схожая идея отражена в понятии «культурного гражданства», предложенном Дж. Пакульски в 1997 г. [2]. В то время как гражданские, политические и социальные права подчеркивают равенство и минимизируют различия людей, идея культурного гражданства содержит в себе признание законности культурных различий и подчеркивает необходимость установления равных прав для выражения этих различий. В противоположность политике ассимиляции, политика культурного гражданства не ставит своей целью стирание межкультурных различий и поглощение одной культурой другой или других культур. Эта политика нацелена на поиск таких культурных ценностей, которые признают и узаконивают различия, считая это нормой жизни в обществе.

Таким образом, можно констатировать, что в последнее время в европейском сознании происходил постепенный ценностный сдвиг в отношении других расово-этнических групп: от доминирования и унификации к толерантности и многообразию. Однако остается вопрос: а с чем связаны такие разительные изменения в поведении самих этнических мигрантов, и почему они подчас ведут себя так независимо и даже агрессивно в отношении этнического большинства населения европейских стран? Действительно ли основная масса мигрантов мечтает об интеграции в принимающее общество, или, напротив, ищет более «тепличные» чем в стране исхода условия для поддержания привычного для себя образа жизни? [3]. Ответы на эти вопросы позволяет найти сетевой подход, представленный, в частности, теорией транснациональной миграции.

На современном этапе глобализации международная миграция не всегда предполагает пересечение людьми национальных границ с целью более или менее постоянного проживания в новом обществе, что, естественно, диктует необходимость интеграции в это общество. Наряду с, так сказать, классической появляется новый тип миграции, когда люди перемещаются только на определенное время, как правило, с целью заработать, не порывая при этом связей со страной своего постоянного проживания. Эта миграция, получившая название транснациональной, носит принципиально временный, циркулярный или челночный характер. Сами понятия «транснационализм» и «трансмигранты» были введены в научный оборот Ш. Гликом в 1990-х гг., породив целую концепцию транснациональной миграции. Другими известными исследователями трансмиграции являются Т. Файст, С. Каслз, А. Поррес. Транснациональная миграция определяется как процесс, в ходе которого самими мигрантами создаются социальные поля, пересекающие географические, культурные и политические границы национальных государств. В каком-то смысле существование такой миграции делает неактуальным само понятие международной миграции, отражающей простое пересечение мигрантами границ национальных государств.

Мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда они «развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы». Трансмигранты живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно сообщество, они создают новые взаимозависимости и конституируют сообщества, особым образом связанные с существующими национальными государствами и их территориями. Примером трансмигрантов могут служить гастарбайтеры, придерживающиеся челночных стратегий. На новом месте жительства в принимающем сообществе они образуют новые социальные сети, продолжая при этом быть членами социальных сетей своего отправляющего сообщества. Таким образом, ключевой особенностью трансмигранта становится транснациональная активность, которая является центральной частью жизни индивида. Исследователи выделяют следующие цели, мотивирующие транснациональную активность мигрантов: гарантия выживания и воспроизводства семьи, препятствия по повышению социального статуса на родине.

Жизнь на несколько сообществ ведет к формированию и развитию транснациональных сообществ и соответствующего сознания. Повышается значение неформальных сетей как форм коммуникации и организации, распространяющихся через национальные границы, что размывает государственный контроль и снижает эффективность традиционных образцов инкорпорированности в общество. Так, Т. Файст идентифицирует четыре типа транснациональных социальных пространств, возникающих в результате трансмиграции: транснациональные родственные группы, транснациональные сети, транснациональные сообщества и транснациональные организации [4]. Для **транснациональных родственных групп** характерно сотрудничество участников родственной группы как общепринятая социальная норма. Такая ситуация характерна для мигрантов первого поколения. Их миграция, как правило, продиктована стремлением улучшить материальное положение семьи, решить финансовые проблемы. Деньги, полученные от работы в принимающей стране, пересылаются мигрантами своим родственникам, проживающим в стране исхода. Примерами транснациональных родственных групп являются семьи, где родители и дети живут в разных странах, а также супруги, имеющие работу в разных странах. Второй тип – **транснациональные сети связей**. Такие связи характеризуются постоянной циркуляцией людей, товаров, услуг и информации через границы национальных государств. Предприниматели, ведущие международный бизнес, создают и укрепляют данные сети связей. При этом они используют качества, необходимые для успешной социоэкономической адаптации к новым условиям принимающей страны и одновременно быстрой реинтеграции в стране исхода. Для **транснациональных сообществ** свойственна солидарность, которая предполагает наличие схожих идей, убеждений, оценок. Самой важной формой солидарности являются коллективные представления (религия, национальность, этничность), выражающиеся в виде особой иден-

тичности. Примером сообществ третьего типа могут являться диаспора как наиболее устойчивое сообщество мигрантов, имеющих набор особых связей, позволяющих ей успешно функционировать. Вместе с тем, Т. Файст считает, что транснациональные сообщества могут быть названы диаспорой только в том случае, если их члены сохраняют и поддерживают значительные социальные и символические связи с принимающей страной.

Прочные связи с принимающей страной могут характеризоваться наличием лобби, так как одной из основных функций диаспоры является отстаивание своих интересов в принимающей стране. На пример, классические диаспоры (к ним обычно принято относить еврейскую и армянскую) зачастую образуют мощное лобби в представительных органах власти и имеют солидное влияние в важнейших официальных и неофициальных структурах. Как показывают исследования, в настоящее время диаспоры играют важную роль, не только сохраняя культуру и самосознание своих этносов, но и способствуя продвижению экономических и политических интересов своих родных стран за рубежом. **Транснациональной организации** свойственен более формальный контроль и координация социальных и символических связей. Таким образом, с одной стороны, транснациональная миграция является одним из продуктов функционирования этнически окрашенных социальных сетей, а с другой стороны, она сама ведет к распространению и усилению таких сетей в современном мире.

Вообще рассмотрение миграции как транснациональной активности мигрантов, базирующейся на социальных сетях, свидетельствует о серьезной смене акцентов в анализе миграции и переносе центра тяжести исследовательского интереса с национальной составляющей миграции на сетевую самоорганизацию мигрантов. О росте числа мигрантов, ориентированных на жизнь в двух и более обществах, может свидетельствовать постоянно растущий поток гастарбайтеров (временных трудовых мигрантов). В настоящее время трудовая миграция является наиболее распространенным видом миграции, а иностранная рабочая сила представляет значительный по масштабам отряд наемных работников. Рост численности трудовых мигрантов в мире выглядит впечатляюще: с 3,2 млн. человек в 1960-е гг. до 100 млн. человек в 2010 г. Как отмечает известный специалист в области международной трудовой миграции В. Бёнинг, «сегодня она является одним из наиболее существенных аспектов интенсивной глобализации мировой экономики, который заметно влияет на экономику и рабочую силу более чем в 100 странах» [5]. Так, в Западной Европе находится 7,46 млн. зарегистрированных иностранных рабочих, число которых, по сравнению с 1988 г., увеличилось на 6,2 млн. человек [6].

С позиций концепции транснациональной миграции меняются представления о механизмах социальной адаптации мигрантов в принимающем сообществе. Как уже отмечалось, в настоящее время традиционные формы ассимиляции, предлагаемые принимающей стороной, уже больше не обеспе-

чивают эффективную социально-экономическую и политическую адаптацию мигрантов в принимающее сообщество. Экономический, политический и социокультурный транснационализм мигрантов (в виде устойчивых социальных сетей, связывающих их со страной происхождения) может предоставить им более действенные средства для успешной инкорпорации в принимающее общество. Трансграничное предпринимательство оказывает серьезное влияние как на состояние и развитие экономик посылающих (денежные переводы и инвестиции мигрантов), так и принимающих стран. Без всестороннего осмысления распространенности данного феномена и его социальных последствий, адекватное понимание процессов адаптации мигрантов в принимающих обществах невозможно.

Теория транснациональной миграции открывает широкий спектр проблем, которые требуют социологического анализа и осмысления. Так, исследование А. Портеса и У. Халлера «Ассимиляция и транснационализм: детерминанты транснациональной политической активности» показало, что хотя доля транснациональных мигрантов в общей структуре внешней миграции из Доминиканской республики, Колумбии и Сальвадора в США в структуре общего объема миграции относительно не велика, большинство из них являются высококвалифицированными специалистами. Так, около 66,8% колумбийцев и 42% доминиканцев имеют высшее образование, 55% сальвадорианцев в США имеют доходы выше среднего уровня [7]. Однако, несмотря на вполне успешную социально-экономическую интеграцию трансмигрантов, у них не отмечается высокой интегрированности в политический процесс принимающей страны. Они продолжают ощущать свою принадлежность к стране выбытия, активно участвуют в политической жизни своих государств и проявляют заинтересованность в их развитии и процветании. Таким образом, транснациональная миграция способствует повышению социально-профессионального статуса мигрантов, однако их социально-политический статус в стране пребывания остается достаточно неопределенным. Эти и другие социальные последствия трансмиграции нуждаются в дальнейшем изучении.

В целом можно сказать, что в рамках концепции транснациональной миграции данный процесс рассматривается как часть глобальной социальной трансформации, обусловленной появлением и развитием транснациональных миграционных сетей, транснациональных сообществ и новой идентичности. Концепция транснациональной миграции является, по сути, альтернативной концепцией современного общества, которая концептуализирует его как функционально дифференцированное по своей природе, что позволяет интерпретировать транснациональные сети и сообщества, порождаемые миграцией, как важную составляющую процессов глобализации. Существование трансмиграционных сетей позволяет объяснить все возрастающие масштабы нелегальной миграции во всем мире, несмотря на активные попытки национальных государств противостоять ей. Нелегальный характер имеет в основном трудовая миграция, поскольку основной целью таких мигрантов зачастую яв-

ляется именно нелегальное трудоустройство в стране пребывания. Хотя оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции достаточно трудно, можно с уверенностью утверждать, что за последние 40 лет численность нелегальных иммигрантов в мире значительно возросла. Различные косвенные методы позволяют дать лишь приблизительные оценки, которые могут значительно расходиться с официальной статистикой. Так, в Европе число нелегальных иммигрантов оценивается от 1,3 до 5 млн в США – от 2 до 15 млн в России – от 1,5 до 15 млн а в Японии – от 300 тыс. до 1 млн чел. [8].

По официальной статистике, в 2012 г. на территорию Российской Федерации въехали 12,88 млн чел., причем разрешение на работу получили лишь 1,34 млн. За аналогичный период 2011 г. в страну въехали 11,8 млн чел., из которых только 1,19 млн получили разрешения. По разным оценкам, в России на 1 легального мигранта приходится 9–10 нелегальных. По состоянию на 2013 год, в России 1,88 млн чел. имели право осуществлять трудовую деятельность (имели патенты, разрешения на работу, вид на жительство); 3,64 млн чел. – «группа риска» – иностранные граждане, пребывающие на территории страны с целью осуществления трудовой деятельности, но не оформившие соответствующие документы и находящиеся на территории России более 90 дней (недокументированные мигранты); около 2 млн чел. – иностранные граждане, законно пребывающие на территории (до 90 дней); 3,8 млн чел. – лица, пребывающие на территории РФ с целью, не связанной с осуществлением трудовой деятельности (учеба, лечение, туризм и т.д.). Итого к концу 2013 г. на территории Российской Федерации находились порядка 11 млн иностранных граждан [9]. По данным ФМС на первые два месяца 2014 г., в России находятся 10 628 970 иностранцев и лиц без гражданства. Из них 42% прибывают с различными целями, не связанными с осуществлением трудовой деятельности, и лишь 17% законно работают на основании разрешения на работу или патента. Более того, данные Государственной информационной системы миграционного учета (ГИСМУ) свидетельствуют о том, что 21% иностранцев, которые находятся в стране, превысили разрешенное законом время пребывания. Большинство иностранцев, временно пребывающих в России, – граждане стран СНГ, в основном Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Украины, Молдавии. Из государств, которые не входят в состав СНГ, наибольшее количество мигрантов дают Китай, Вьетнам, Афганистан и Турция. Большинство трудовых мигрантов приезжает в Россию на срок от 9 до 12 месяцев (60,5% из всех прибывших в 2010 г.). 12,6% можно отнести к краткосрочным мигрантам, а четверть практически постоянно живет в России, почти не выезжая на родину [10].

Исследователи отмечают качественные различия в миграционных потоках в Россию 1990-х и 2000-х годов. В 2000-х годах на фоне роста цен на энергоносители и оживления экономической динамики в России, рос спрос на рабочую силу, в том числе и приезжую. Вместе с тем существенно изменился характер миграционных потоков: среди мигрантов стали преобладать

выходцы из стран Центральной и Средней Азии. Новое поколение мигрантов из этого региона, вступившее в трудовую жизнь уже после распада СССР, имело низкие образовательные характеристики, плохо знало русский язык и прибывало в основном из сельской местности. Согласно исследованию (опрос 2006 г.) Международной организации по миграции (МОМ), не имели профессионального образования 40% мигрантов в Москве и 55% - в Астраханской области; прибыли из малых городов и сел – 60% в Москву и более 80% в Астраханскую область, 23% слабо владели русским языком в Москве и 59% в Астраханской области. По оценке Е. Тюрюкановой, в 2006 г. лишь 13% трудовых мигрантов имели высшее образование. Сегодня половина приезжающих в Россию мигрантов не имеет профессионального образования и может заниматься только неквалифицированным трудом. А по заявлению главы Федеральной миграционной службы (ФМС) К. Ромодановского, «14% иностранцев в возрасте 18–20 лет, которые едут к нам работать из центральноазиатских государств, либо вообще не знают русского, либо знают плохо» [11]. При этом социологи отмечают, что знание языка как часть интеграционного потенциала мигранта существенно влияет на его самоощущение безопасности в чужом для них, в данном случае в российском обществе. Представители новой волны мигрантов «все труднее адаптируются к российским условиям, и на рынке труда, и в быту», склонны осуществлять социальное взаимодействие через неформальные связи (родственников, теневых посредников), обладают низкой правовой культурой, предпочитают не отстаивать свои права или делать это через неформальных агентов, неформальными способами.

Таким образом, важность трансмиграционных сетей в качестве одной их составляющих механизма современной миграции, очевидна. Но как действуют этнические сети в рамках принимающего сообщества в смысле тех жизненных возможностей, которые они открывают перед мигрантом? Здесь уместно использовать теорию социального капитала как группового ресурса того или иного индивида. Как известно, социальный капитал подразделяют на два основных вида: включающий (*bridging*) и исключаящий (*bonding*). Включающий социальный капитал способствует расширению связей, идентификаций и взаимности. Он сводит людей вместе, несмотря на существующие социальные различия. Исключающий социальный капитал усиливает идентичность и гомогенность (однородность) сети. Способствует усилению взаимности и мобилизации в группе. Выступает специфическим социальным «суперклеем» в формировании групповой лояльности и усилении групповой идентичности.

Очевидно, что социальные сети мигрантов в принимающем сообществе, по преимуществу, являются исключаящими, так как строятся по принципу этнической принадлежности либо по земляческому принципу. Этнические меньшинства, даже длительно проживающие в другом обществе, как правило, слабо используют ресурсы включающего социального капитала для улучше-

ния своих жизненных возможностей. Для этнических мигрантов характерен дефицит именно этого ресурса, что не позволяет им в массе своей полноценно интегрироваться в принимающее общество. С другой стороны, сильные связи внутри многих эмигрантских этнических сообществ обеспечивают бесценный ресурс для экономического выживания и продвижения своих членов. Доминирующими функциями включающих этносоциальных сетей являются информационно-коммуникативная и интегративная, направленные на сплочение и оказание доступной помощи соотечественникам на всех этапах трудовой миграции в Россию, особенно в период подготовки к первой поездке в РФ. Эта роль вполне естественна, когда речь идет о перемещении мигрантов в иную культурную среду. Особенно же она возрастает в ситуации, когда культурный разрыв между Россией и странами Средней Азии только увеличивается.

О трансгосударственных социальных сетях различной конфигурации, образующихся на основе кооперации социальных сетей мигрантов и их диаспор в России и за ее пределами, приходится говорить как о достаточно устойчивых образованиях. Они вмещают в себя все необходимые звенья единой цепи неформальной инфраструктуры трудовой миграции для обеспечения полного цикла поставок трудовых ресурсов, начиная с информирования о возможностях трудоустройства в России и вербовки на работу и заканчивая отправкой обратно на родину по окончании периода трудоустройства. Видные представители этнической группы мигрантов нередко используют возможности подобных сетей в своих интересах, а для расширения влияния внутри сети задействуют личные связи в российском обществе, что позволяет решать возникающие у мигрантов проблемы в обход правил, установленных российским законодательством. Для решения возникающих у земляков проблем влиятельные представители диаспоры часто прибегают к личным рекомендациям, открывают мигрантам доступ к эффективным каналам транспортировки, помогают с размещением и трудоустройством. Эффективность в осуществлении подобного рода деятельности заметно возрастает благодаря открывшимся коммуникативным возможностям вследствие доступности высокотехнологичных средств передачи информации, включая мобильную связь и Интернет. Таким образом, социальные сети этнической направленности являются своеобразным видом социального капитала, который позволяет мигрантам снижать свои риски и затраты на всех перечисленных этапах: от получения разрешения на въезд, поиска работы и жилья до выезда на родину. Это объясняет, например, этническое разделение труда в России и других европейских странах, когда те или иные профессии становятся оккупированными представителями определенной этнической группы.

Конечно, было бы неверно преувеличивать потенциал социальных сетей. Существование в условиях рыночной экономики открывает перед социальными сетями определенные возможности роста, но может и накладывать на их функционирование и расширение некоторые ограничения. Социальные сети неизбежно сталкиваются с фактом появления посредников в виде орга-

низаций, групп или отдельных предпринимателей, которые, действуя внутри диаспор или извне, готовы извлекать прибыль, предоставляя мигрантам соответствующий набор услуг. Сюда уместно отнести поиск жилья, постановку на миграционный учет, разрешение на работу, оформление пакета документов на постоянное или временное проживание и даже на получение российского гражданства. Решение насущных для мигранта вопросов во многом будет зависеть от статуса ходатайствующего за него лица, от характера востребованных услуг, частоты посещения РФ, информации о совершении правонарушений, наличия в РФ близких родственников и многого другого. Лидеры зарегистрированных на территории страны этнических общественных организаций хорошо знакомы с такого рода практиками и процедурами. Ведь многие входят в состав общественно-консультативных советов, образованных при различных государственных структурах, в том числе при территориальных управлениях ФМС, где предоставляется свежая информация о складывающейся миграционной ситуации, и имеются возможности обсудить конкретные проблемы мигрантов и найти (в сотрудничестве с чиновниками) легальные пути выхода из затруднительных ситуаций. Это помогает уберечь мигрантов от обращения к сомнительным с юридической точки зрения услугам теневого посредничества. Поскольку затруднительные ситуации часто возникают из-за незнания мигрантами своих обязанностей и прав, на этническую общественную организацию возлагается проведение с мигрантами профилактических мероприятий «просветительского» характера. В то же время, как показывают исследования, сильный исключаящий социальный капитал может сдерживать развитие предпринимательства эмигрантов в силу того, что вновь прибывшие эмигранты могут претендовать на их экономические ресурсы. Исследователями отмечается такая практика, когда многие успешные эмигранты со временем даже меняют имя, чтобы скрыть свое этническое происхождение и обезопасить свои экономические активы от возможных посягательств со стороны вновь прибывших мигрантов-земляков.

Список литературы и Интернет-источники

1. UNDP, Human Development Report 2009. <http://hdr.undp.org>. (дата обращения: 26 октября 2016 г.)
2. Pakulski J. Cultural Citizenship // *Citizenship Studies*. 1997. Vol. 1 (1). P. 73-86.
3. Зая И.Ю. Цветные революции на Востоке: обязательно ли зеленые? <http://www.kreml.org/opinions/> (дата обращения: 20 октября 2016 г.)
4. Faist Th. *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford, 2000. P. 380.
5. Стокер П. Работа иностранцев: обзор международной миграции рабочей силы. – М., Academia, 1996. – С. 315.
6. К стратегии управления миграцией. Совет Европы. Страсбург. – 2009. – С.11.
7. Portes A., Haller W. Assimilation and Transnationalism: Determinants of Transnational Political Action among Contemporary Migrants // *American Journal of Sociology*. -2003. – №6.

8. World Migration Report, ИОМ, 2011. Р. 49, 53.
9. По официальным данным ФМС РФ из Центрального банка данных по учету иностранных граждан ЦБДУИГ. См.: URL: <http://www.fms.gov.ru/about/infosystems/cbduig/> (дата обращения: 25 октября 2016 г.)
10. ФМС России. Статистические данные по форме 1-РД. Раздел 6. Внешняя трудовая миграция. 2012. URL: <http://www.fms.gov.ru> (дата обращения: 20 июля 2012 г.)
11. Тюрюканова, Е. Трудовая миграция в Россию. "Демоскоп Weekly". Электронная версия бюллетеня "Население и общество". 2008. N 3. 1.01. – 20.01.2008. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0315/tema01.php> (дата обращения: 14 сентября 2009 г.)

*Гришанова Александра Георгиевна,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
Центр социальной демографии и экономической социологии,
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

ВНУТРИРОССИЙСКАЯ МИГРАЦИЯ, КАК НОВЫЙ ОРИЕНТИР МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В докладе рассматриваются некоторые методологические вопросы, относительно правильности современных ориентиров в концепции миграционной политики России в постсоветский период, где в центре внимания поставлены межгосударственные миграции. Показано, что, фактически, полный отказ от государственного регулирования внутригосударственного типа миграции, привел к катастрофической ситуации, когда центр населенности России сменил традиционное веками направление с северо-восточного на юго-западное. Вопреки существующего мнения, что это – объективно обусловленное следствие социально-экономического, миграционного «сжатия» пространства, показано, что это является следствием научно не обоснованного выбора стратегии миграционной политики. Ориентиром современной миграционной политики России должны в первую очередь, стать внутрироссийские миграции населения. Представляется целесообразным творчески адаптировать ряд забытых мер, методов регулирования внутригосударственной миграции.

Ключевые слова: миграционная политика, внутригосударственный тип миграции, межгосударственный тип миграции, новые ориентиры, низкая результативность межгосударственной миграции, повышение миграционной подвижности внутрироссийской миграции, государственное регулирование миграцией, исторический опыт, центр населенности России.

E-mail: gralexandra1949@gmail.com

*Grishanova Alexandra G.,
PhD (Economic),
Leading Researcher,
Center for Social Demography and Economic Sociology,
Institute of Social and Political Studies,
Russian Academy of Sciences ,
Moscow, Russia*

DOMESTIC MIGRATION AS A NEW BENCHMARK MIGRATION POLICY IN RUSSIA

The report examines some of the methodological issues concerning the correctness of the modern landmarks in the Russian migration policy in the post-Soviet period, where the focus placed interstate migration. It is shown that, in fact, the complete deregulation of

domestic type of migration has led to a catastrophic situation, when the center of the population of Russia has replaced the traditional century's direction from north-east to south-west. Contrary to current opinion, that is – objectively caused a consequence of socio-economic, migration of "compression" of the space, it is shown that it is a consequence of not scientifically justified choice of migration policy strategy. The benchmark of modern migration policy Russia should primarily be internal Russian migration. It seems reasonable to creatively adapt the number of forgotten actions, methods of regulating domestic migration.

Keywords: migration policy, domestic type of migration, inter-state type of migration, the new guidelines, the low efficiency of interstate migration, increased migration mobility of domestic migration, the state regulation of migration, historical experience, the center of Russia.

E-mail: gralexandra1949@gmail.com

В середине второго десятилетия 2000-х годов, специфика миграционной ситуации в России, на наш взгляд, состоит в том, что в сложившейся социально-демографической и социально-экономической ситуации, но, главное – геополитической ситуации, подчеркнем данный момент особо, среди проблем миграции, характерных для различных типов миграции населения, на первом плане должна стать проблема внутрироссийской миграции. Чем этот тезис можно аргументировать? Прежде всего тем, что современная социально-экономическая ситуация требует сконцентрироваться на том, что уже есть, и пытаться регулировать именно внутригосударственные потоки, в первую очередь, а не межгосударственные, как российское государство в последние десять лет активно пытается делать, но, малоэффективно. Особенно – в последнее пятилетие. Этот тезис подтверждают как абсолютные цифры, так и относительные.

На фоне неуклонного роста прибытий в Россию с 2011 по 2015 гг., число выбывших также неуклонно росло, при этом, к сожалению, более значительно. В результате величина миграционного сальдо межгосударственной миграции также, фактически неуклонно, снижалась: с 320 тыс. в 2011 г., до 295 тыс. в 2012 г., затем, в 2013 г. – незначительно – на 1 тыс. человек, возросло до 296 тыс. человек. Но тут же, в 2014 г., уже вновь снизилось до 270 тыс. человек, а в 2015 г. – уже опустилось до 245 тыс. человек. Результативность межгосударственной миграции при этом также ощутимо снизилась: с 103 выбывших на 1000 прибывших в 2011 г., до 293 – в 2012 г. (чем больше выбывших на 1000 прибывших – тем ниже результативность миграции). Далее, сначала уже, не так резко – снизилась до 385 – в 2013 г., до 533 – в 2014 г. и уже 590 – в 2015 году. На два межгосударственных прибытия на российскую территорию приходилось в последнее пятилетие одно выбытие, то есть больше, чем каждый второй – точнее шесть выбывших из десяти прибывших. Если рассматривать, какие страны и группы стран в это пятилетие были для России основными донорами, а какие – реципиентами, получается следующая картина. В 2011-2015 гг., как и в предшествующие четыре пятиле-

тия: 1991-1995 гг., 1996-2000 гг., 2001-2005 гг., 2006-2010 гг., в числе ежегодных и постоянных доноров, выступала вся (за исключением Узбекистана – в 2015 г., а Белоруссии – целиком или в отдельные годы четырех предшествующих пятилетий), совокупность стран постсоветского пространства.

Прокомментируем исключения. С одной стороны, в Белоруссии, хотя на протяжении иногда целых пятилетий, или отдельных годов, миграционный баланс был не в пользу России, вышеназванный момент, на наш взгляд, не является негативным явлением. Более того, он не должен рассматриваться даже как просто нежелательный, поскольку мы разделяем мнение Л.Л. Рыбаковского, что миграционный обмен с Белоруссией, который приводил в постсоветский период к росту населения Белоруссии, следует рассматривать как нормальный миграционный обмен между нашими государствами [1. С.111]. С другой стороны, отрицательное сальдо с Узбекистаном в 2015 г. – явление если не негативное, то уж точно – нежелательное, с другой стороны. Узбекистан на протяжении постсоветского периода был одной из двух стран (вместе с Казахстаном), миграционный обмен с которыми вносил относительно наибольший положительный вклад в динамику российского населения. Достаточно сказать, что за весь постсоветский период именно они обеспечили 47% межгосударственного сальдо России.

Поскольку, на наш взгляд, наиболее желательным и необходимым для России представляется миграционный потенциал стран нового зарубежья, в том числе, особенно стран СНГ, то отметим положительную тенденцию: для стран СНГ, их совокупное сальдо в 2011-2015 гг. составило 1,319 тыс. человек, или 92,5% от совокупного сальдо межгосударственной миграции населения России за это пятилетие. Это – позитивная тенденция. Позитивно и то, что в 2011-2015 гг., по величине положительного совокупного сальдо со странами старого зарубежья, эта группа стран также перешла из числа до этого традиционной и постоянной группы реципиентов России, в группу стран-доноров России. И это не маловажное событие, поскольку за все годы постсоветского периода (1991-2015 гг.), миграционный обмен со странами старого зарубежья уменьшил численность российского населения примерно на четверть миллиона человек. И, то, что с 2010 г. эти страны в целом также стали донорами для РФ, в чисто количественном аспекте, также позитивно. Однако нельзя не отметить, что на уровне отдельных стран дальнего зарубежья есть конкретные представители, которые на протяжении даже последнего пятилетнего периода сохраняют стабильно отрицательное сальдо для России: США и Финляндия. Уточним, что не только совокупный миграционный прирост России имеет ярко выраженную тенденцию к фактически неуклонному снижению, но отдельно – и со странами нового зарубежья, в том числе – и со странами СНГ, и со странами ЕАЭС, и со странами старого зарубежья, на фоне вышеназванной тенденции неуклонного снижения результативности межгосударственной миграции в целом, являются определяющими общую негативную оценку современной миграционной ситуации. И именно они наш тезис подтверждают.

К сожалению, современную нежелательную тенденцию в межгосударственном обмене РФ можно и объективно, и субъективно, объяснить, рассмотрев ее в координатах социально-экономического развития нашей страны в последнее пятилетие. Ведь миграция – это не только социально-демографический, но и сложный социально-экономический процесс. А в экономической сфере, необходимо учитывать, что в настоящий момент, в отличие от первого десятилетия 2000-х годов, которое характеризовалось вплоть до 2009 г., нарастающим улучшением социально-экономического и особенно финансового положения страны, в начале второго десятилетия, произошли кардинальные изменения. Динамика ВВП России по темпам прироста (к предыдущему году в %), характеризуется в 2000-х годах тем, что максимум темпа прироста был характерен для 2000 г., 10,0%. Затем, наблюдалось волнообразное снижение темпов прироста. Конкретно: 5,1%-в 2001 г., 4,7%- в 2002 г., 7,3% – в 2003 г., 7,2% – в 2004 г., 6,4% в 2005 г., 8,2% – в 2006 г., 8,5% – в 2007 г., 5,2% -в 2008 г. Однако уже по итогам 2009 г., как следствие разразившегося в конце 2008 г. мирового финансового кризиса, были зафиксированы темпы убыли ВВП России, и они были значимы – 7,8%. Эта инверсия относительно быстро была нивелирована. С 2010 г. темпы прироста ВВП стали положительными в 4,5%. Затем начинается очередное, и уже неукоснительное их снижение: до 4,3% – в 2011 г., 3,5% в 2012 г., 1,3% в 2012 г., 0,7% в 2014 г. (причем по скорректированным в 2016 г. данным). В 2015 году и, опять же, инверсия, и возврат к темпам убыли – 3,7% в 2015 г.

Таким образом, в целом, картина, явно не характеризующая желательную, а уж тем более – позитивную динамику ВВП за прошедшие полтора десятилетия. Вышеприведенные данные, наглядно дают, пусть, на первый взгляд, чрезвычайно упрощенную, но при этом – объективную основу для вышерассмотренной нежелательной, негативной картины неуклонного снижения масштабов и результативности межгосударственной миграции в России в последний пятилетний период 2011-2015 гг. Однако и на перспективу, нет оснований полагать, что вышесказанные моменты все же будут способствовать в 2016-2020 гг. ощутимому улучшению экономической ситуации в России и наполнению её бюджета. Поскольку, понятно, что, в современной ситуации, затраты оборонного характера, скорее всего, возрастут.

Субъективно эту нежелательную ситуацию, на наш взгляд, усугубляют следующие обстоятельства. Дело в том, что управление тем или иным процессом подразумевает определение траектории его развития, а регулирование подразумевает определение конкретных параметров этой траектории. Миграционные процессы среди демографических процессов характеризуются наименьшей инерционностью, поэтому и принимаемые в области регулирования и управления демографическими процессами государственные усилия и конкретные изменения в характере течения тех или иных демографических процессов именно для миграционных процессов имеют наименьший лаг времени. Представляется, что именно это способствовало повышенному вниманию со

стороны российского государства и общества, в первую очередь, к изучению (в кардинально изменившихся социально-политических, социально-экономических, и социально-демографических условиях – депопуляции), прежде всего, именно к процессам межгосударственной миграции. Ведь, теоретически, своим положительным салдо оно может одномоментно значительно улучшить динамику численности российского населения. Именно эту свою особенность миграционные процессы и проявили на протяжении всего постсоветского периода.

В связи с этим, на наш взгляд, в современной геополитической ситуации, не только, и даже не столько межгосударственные, а, прежде всего, внутривоссийские миграционные процессы, должны стать объектом первостепенного государственного внимания, и должны стать ориентиром новой миграционной политики России. Поскольку российское государство обязано в первую очередь регулировать именно ее, противодействовать существующим пространственным противоречиям в спросе и предложении рабочей силы, способствовать сглаживанию этих различий, проводить региональную политику, как социально, так и экономически обоснованную, в координатах современной социально-политической ситуации в стране. Ее основная проблема, на наш взгляд, сводится, в настоящее время, к сохранению национального единства в условиях усиления региональных различий на пути к рынку и социальной справедливости.

Список литературы

1. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – С.111.

*Донец Екатерина Всеволодовна,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Центра по изучению проблем народонаселения
экономического факультета,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

**ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ – СТУДЕНТЫ
РОССИЙСКИХ ВУЗОВ КАК ПОТЕНЦИАЛ
ИММИГРАЦИИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
(Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №15-06-09027
«Причины и последствия дифференциации демографического развития
регионов России и возможности ее сокращения»)

В статье рассматривается современный контингент иностранных граждан-студентов российских вузов, динамика его численности и структуры, территориальное распределение, специализации, по которым обучаются студенты, с точки зрения возможных перспектив долгосрочной миграции и иммиграции в Россию. Сложившееся в настоящее время распределение не вполне соответствует поставленным на высшем уровне программным целям. Для достижения поставленных задач необходима разработка мер по повышению привлекательности региональных вузов, в частности, в отдаленных регионах России.

Ключевые слова: иностранные граждане, миграционная политика, потенциал иммиграции, студенты, региональное распределение, специализации.

E-mail: donets_e@mail.ru

*Donets Ekaterina V.
PhD (Economic),
Senior researcher at the Centre for population
Sciences Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

**FOREIGN CITIZENS – STUDENTS
OF RUSSIAN UNIVERSITIES AS THE POTENTIAL
OF IMMIGRATION IN THE REGIONS OF MODERN RUSSIA**
(The study was supported by a grant RFBR No15-06-09027
“Causes and consequences of differentiation of demographic development
of Russian regions and possibilities of its reduction”)

The article discusses the current contingent of foreign citizens-students of Russian universities, dynamics of its size and structure, geographical distribution and specializations trained, from the point of view of prospects of long-term migration and immigration

to Russia. The current distribution is not entirely consistent with the goals of high level programs. It is necessary to develop measures to enhance the attractiveness of regional universities, particularly in remote regions of Russia to achieve these objectives.

Keywords: foreign citizens, immigration policy, the potential of immigration, students, regional distribution, specialization

E-mail: donets_e@mail.ru

Одной из поставленных задач исследования является ответ на вопрос о том, в каком контексте можно рассматривать современных иностранных студентов, обучающихся в системе высшего образования Российской Федерации, в качестве реального потенциала иммиграции в регионы России. Привлечение студентов для обучения в вузах Российской Федерации уже почти традиционно предлагается считать одним из перспективных источников пополнения высококвалифицированных кадров нашей страны и потенциальным источником роста постоянного населения. Такой сценарий является составной частью миграционной политики многих стран мира. Эта же позиция озвучена и в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1]. Для ряда категорий иностранных граждан, в том числе студентов российских вузов, предлагается создать стимулы для переселения в страну на постоянное проживание. Третий этап реализации Концепции должен обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока.

Численность студентов – иностранных граждан, обучающихся в вузах России, постепенно растет. Начиная с 2007 г.¹, она увеличилась в 1,9 раза, в 2015-2016 учебному году превысив 242 тыс. человек², что составляет более 5% всех студентов, обучающихся в вузах России. Росту численности студентов, приезжающих из-за рубежа, в последние годы способствовали различные факторы. С одной стороны, идет процесс вхождения России в мировое образовательное пространство, и, вопреки многим негативным международным реалиям, в сфере образования сотрудничество расширяется, прежде всего, в части взаимного признания дипломов в России и за рубежом. С другой стороны, экономический кризис заставляет вузы России предпринимать собственные попытки по расширению приема иностранных студентов, в особенности, по контракту. Одновременно будущие студенты вынуждены прагматично выбирать страну для обучения, оценивая все факторы доступности получения образования, а возможно, и перспективы проживания в России. Исследование, проведенное в период мирового кризиса 2009 года [6, С. 638] показало, что около 40% респондентов из стран СНГ собирались остаться в Москве после окончания обучения и получить российское гражданство. Для студентов

¹ Именно с этого периода доступны данные о численности студентов, как в государственных, так и в негосударственных вузах, учитывая программы бакалавриата, специалитета, магистратуры).

² Здесь и далее: по данным, представленным на сайте Министерства образования и науки [7].

из стран постсоветского пространства основой привлекательности России как страны проживания является социально-экономическая обстановка в стране [8, С. 176]. По этой причине, участились случаи, когда способные иностранные студенты-выпускники российских вузов не остаются в России и не уезжают работать к себе на родину, а едут в Западную Европу и в США [5].

Фактор, менее учитываемый, но важный с точки зрения последствий – существующие возможности натурализации в России для разных категорий иностранных граждан и студентов. Современным препятствием для студента-выпускника является требование наличия официального стажа работы в России не менее 3 лет для законного получения гражданства в упрощенном порядке. Последние поправки в законодательстве позволяют студентам работать без получения разрешения на работу во время обучения. В то же время, есть свидетельства того, что работодатели неохотно идут на привлечение к труду этой группы иностранных граждан, поскольку контракт с ними может действовать, только пока студент учится. Не действует «дорожная карта», направленная на содействие натурализации выпускников российских вузов, создание которой было инициировано Д. Медведевым в июле 2015 года [3].

Структура изучаемого контингента по странам выхода благоприятна с точки зрения перспектив адаптации – более 78% составляют выходцы из стран бывшего СССР. Эта величина относительно стабильна. Наиболее многочисленны студенты из Казахстана (56 тыс. чел. или 24,9%), Украины (9%), Беларуси, Таджикистана, Узбекистана. В первую десятку по численности (8-е место) входят и студенты из Китая (10,9 тыс. чел). Постепенно уменьшается число студентов из стран Балтии (Латвия, Литва и Эстония занимают соответственно 22-е, 28-е и 31-е места по численности студентов, обучающихся в России).

С точки зрения перспектив иммиграции, наибольший интерес представляет группа иностранных студентов очного обучения, получающих образование в российском вузе на территории Российской Федерации (сейчас существуют и аналогичные возможности за рубежом). Обучение в России на русском языке дает этой категории определенные преимущества, процесс адаптации происходит в ходе обучения.

Для успешной иммиграции в регионы России желательно наличие связи с конкретными регионами уже на стадии обучения (Представленные на рис. 1 данные³ относятся ко всем возможным очным формам обучения в вузе, и охватывают более 7/10 всех иностранных граждан в системе образования, не учитывая негосударственные вузы России).

Устойчивым лидером по численности иностранных граждан, обучающихся в вузах России, является Центральный округ, за ним следуют Северо-Западный, Сибирский и Приволжский. Относительно невысока доля лиц, обучающихся в вузах Дальневосточного округа. При учете весового неравен-

³ Рассчитано по:[4. С.53-108].

ства округов по численности, можно выделить, с одной стороны, относительную непопулярность среди иностранных граждан отдаленных от центра вузов Дальневосточного, Уральского округов, с другой стороны – довольно высокую популярность Сибирского, Центрального и Северо-Западного округов.

Рис.1. Удельный вес иностранных граждан, обучающихся в государственных и муниципальных вузах, по федеральным округам, 2014-2015 гг., %

Среди субъектов Российской Федерации с большим отрывом по численности иностранных студентов в государственных и муниципальных вузах – г. Москва (26% всей совокупности), далее – г. Санкт-Петербург (14%), далее – Томская, Новосибирская области и Республика Татарстан (4,3 и 3% соответственно). Таким образом, потенциал иностранных студентов российских вузов концентрируется в регионах, фактически не являющихся приоритетными с точки зрения поставленных Концепцией миграционной политики целей.

В группе иностранных студентов в разной степени востребованы предлагаемые в рамках российской системы специальности. Наиболее популярны инженерно-технические специальности (22% всех иностранных студентов в 2015 г.), медицина и фармацевтика (17%), экономика и управление (16%) [4, С. 288]. Мало востребованы: информатика и вычислительная техника; культура и искусство; сельское, лесное и рыбное хозяйство. Приоритеты в структуре получаемого образования по специальностям свидетельствуют о том, что выбор направления обучения происходит либо с учетом востребованности будущей специальности в своей стране, либо в русле общемировых тенденций изменения структуры спроса на высококвалифицированный труд.

Планом мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации (п. 7) предусмотрена «актуализация региональных программ переселения соотечественников, про-

живающих за рубежом, субъектами Российской Федерации, входящими в состав Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, в части внедрения комплекса мер по повышению миграционной привлекательности территорий вселения в целях привлечения квалифицированных специалистов, ... студентов, ... желающих заниматься сельскохозяйственным производством» [2, С. 3]. Численность иностранных граждан, обучающихся в вузах сельскохозяйственной специализации (Министерства сельского хозяйства) в России, крайне мала: в целом, она не достигает и 7 тыс. человек (2015 г.). Максимально число студентов в Центральном (2,7 тыс. чел.) и Сибирском (1,2 тыс. чел.) округах минимально в Дальневосточном и Северо-Кавказском (по 0,2 тыс. чел.)⁴. Ближайшие перспективы решения проблем сельского хозяйства посредством активного участия бывших иностранных студентов российских вузов в сельскохозяйственном производстве пока сомнительны: студенты редко выбирают этот образовательный сегмент.

Иностранные студенты приезжают в Россию по различным каналам. Наиболее оптимальным в условиях кризиса является получение государственной стипендии (квоты), принцип выделения которой неоднозначен [8, С. 65]. На обучение по квоте может рассчитывать относительно небольшая часть студентов в 2016 г. – 15 тыс. чел. (величина не изменилась по сравнению с предыдущим годом). Наличие квоты способствует повышению имиджа и привлекательности страны как места обучения, расширяет перспективы последующей долгосрочной миграции. Практика показывает, что в 2015 г. число запрашиваемых странами СНГ квот превышало предложение (исключение составляет Казахстан). В то же время, в предыдущем году квоты для стран СНГ и Восточной Европы превысили число реально принятых студентов [4, С. 281-285]. В целях оптимизации системы необходимо более последовательное проведение кампании по ознакомлению иностранных граждан с возможностями российского образования, в том числе в региональном разрезе.

Существенным препятствием иммиграции в регионы могут стать антимигрантские настроения. В этом смысле обучение в региональном вузе совместно с российскими студентами должно стать тем мостом, который объединит интересы коренного населения и будущих иммигрантов.

Таким образом, данные статистики образования свидетельствуют о росте популярности России в мировом образовательном пространстве. Однако в современных кризисных условиях Россия может потерять шанс пополнить трудовые ресурсы молодыми высококвалифицированными специалистами, получившими образование в нашей стране, в том числе, и за счет государственных средств РФ.

Мероприятия по стимулированию иммиграции иностранных студентов российских вузов должны стать составной частью программы иммиграции молодежи в Россию. Среди частных мер, возможно, в качестве дополнения к

⁴ Рассчитано по: [4. С.. 86-91].

системе квотирования следует ввести систему эффективных преференций при поступлении на специализации, ориентированные на потребности экономики России. Такая система может быть дифференцирована по вузам в территориальном разрезе, учитывая региональный спрос на специалистов, в том числе, в области сельского хозяйства. Необходима разработка специальных программ для ВУЗов отдаленных регионов, в том числе приоритетного заселения, нацеленных на привлечение иностранной молодежи, ее адаптацию и интеграцию в конкретных условиях региона, совмещенных с программами поддержки профильной трудовой деятельности иностранных граждан в период обучения по специальности. Кроме того, необходимо предоставление иностранным гражданам, успешно закончившим обучение в вузе, возможности поступательной смены статуса проживания в России.

Список литературы и Интернет-источники

1. Концепция миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.. Утв Президентом РФ 13 июня 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 20 октября 2016 г.)
2. План мероприятий по реализации в 2016 – 2020 годах (второй этап) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2015 г. № 2122-р. URL: <http://government.ru/media/files/n1Dpnxrqtk3U5OxT0eHZlJEaxr6NtAt5.pdf> (дата обращения: 14 октября 2016 г.)
3. Поручения по итогам встречи Дмитрия Медведева с членами Экспертного совета при Правительстве/ – URL: <http://government.ru/orders/selection/401/18919/> (дата обращения: 24 октября 2016 г.)
4. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 6 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Социоцентр, 2016. – 408 с. URL: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=85&id=455¶m=http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2016/Arefiev_SB_6_Page_001_408_ispr_02_08_16.pdf (дата обращения – 10 октября 2016 г.)
5. Где учился – там и пригодился? Текст: Александр Емельяненко // Российская газета – Федеральный выпуск №6730 (159). URL: <https://rg.ru/2015/07/21/students-site.html> (дата обращения – 27 октября 2016 г.)
6. Иванова Т. Д. Учебные мигранты из стран СНГ на российском рынке образовательных услуг (по результатам социологического исследования)// Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2010, Выпуск № 8. – С.627-643.
7. Статистика высшего профессионального образования Минобрнауки.. Режим доступа: http://минобрнауки.рф/%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/519/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/8261/%D0%A1%D0%92%D0%9E%D0%94_%D0%92%D0%9F%D0%9E-1_2015.rar (дата обращения: 21 октября 2016 г.)
8. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / Под ред. К.А. Гаврилова, Е.Б. Яценко. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2012 г. – 207 с. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/61962269> (дата обращения: 5 октября 2016 г.)

Вирккунен Йони,
доктор географических наук,
руководитель Центра российских и
пограничных исследований,
Университет Восточной Финляндии,
г. Йоэнсуу, Финляндия

ГРАНИЦЫ, ЭКСТРЕМИЗМ, ЧУВСТВО ЗАЩИЩЕННОСТИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И БЕЗОПАСНОСТИ В ФИНЛЯНДИИ

(Исследование проводилось при поддержке стратегического совета
по научным исследованиям Академии Финляндии)

В статье анализируется взаимосвязь внешней миграции и безопасности в Финляндии. Автор затрагивает проблемы безопасности самих мигрантов в связи с участвовавшими преступлениями на почве ненависти и экстремизма.

Ключевые слова: границы, экстремизм, миграция, связующей, Финляндия.

E-mail: Joni.virkkunen@uef.fi

Virkkunen Joni,
*Dr. (Geography), Head of Research,
Centre for Russian and Border Studies,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland*

BORDERS, EXTREMISMS, THE FEELING OF SECURITY: UNCOVERING THE MIGRATION-SECURITY NEXUS IN FINLAND

(The study was conducted with support from the Strategic Research Council
of the Academy of Finland)

The article analyzes the relationship of external migration and security in Finland. The author touches upon the security problems of the migrants themselves in connection with the increasing hate crimes and extremism.

Keywords: borders, extremisms, migration, nexus, Finland.

E-mail: Joni.virkkunen@uef.fi

Migration is one of the contested issues of the contemporary time. The language used in discussing and describing populations moving across international border has become stricter and, among some circles, physical attacks against foreign-looking nationals are represented heroic acts, attempts to protect homeland

from ‘illegals’, ‘potential terrorists’ and ‘welfare shoppers’. In many counties of Europe, the 2015 ‘refugee crisis’ and the above-mentioned expressions have had a direct impact on security. I argue that the current political atmosphere and the related representations of migrants and asylum seekers uncover well the complex and multi-layered character of security. It refers to many aspects of security, including border security, internal and transnational security developments of the state, and the feeling of security among different groups involved. This paper explores the migration-security nexus and discusses its multi-layered character and political, ideological and contradictory nature through the case of Finland.

Finland is one of the European Union member states that received significantly more asylum seekers during the 2015 than earlier, approximately 32,500. Compared to only few thousand asylum seekers and refugees in previous years, this created a new situation to the Finnish Immigration Service and to the municipalities receiving both asylum centres and new ‘foreign’ residents. For some, asylum centres and foreign citizens clearly brought along an existential crisis where asylum seekers represented a clear threat for the state and its ‘traditional’ values but, also, for citizens through criminality. For others, Finland is still a wealthy country with a responsibility for social solidarity. After summarizing the changing security environment and the Finnish migration / asylum context briefly, I will discuss three aspects of migration-security nexus, namely border security, (left and right-wing) extremism, and ontological security of migrants.

Migration and the changing security environment. Traditionally, security has been approached through states and territorial sovereignty as ‘hard’ military security. As the scope of global security thinking has been extended from inter-state and military issues to more complex processes, it has become clear that external aspects of security are significantly interlinked with internal processes. Security delimits itself neither to the physical state borders nor to narrow state-centred themes but, rather, consists of a wide range of matters forming security inside and outside state borders, and in border areas as well. In other words, securitisation of migration is a product of long-term process taking place in different sites and practices simultaneously.

The mental impacts of the 9/11 terrorist attack in New York, Arab Spring in Southern Mediterranean and the 2015 ‘refugee crisis’ in Europe have clearly securitized migration (Pinyol-Jiménez 2016). In the aftermath of the terrorist attacks and the possible spread extremist ideologies and groups such as ISIS, migration has been presented as internal and external threat that is being managed in joint efforts of border management, law enforcement and intelligence services. After all incidents, the public demands top performance of these organisations that in a global context function in cooperation with other domestic and international players.

But security is also something else. It also relates to the ontological security, or feeling of security, that cannot be produced by the above-mentioned security actors only. That is a much more complex perspective to security, combining many, often contradictory, developments where prejudices, images of threat and

overall satisfaction are being produced. Here, especially the changes in migration political and local level contexts are significant sites within which migrants give meanings to their lives. Particularly crucial are living environment, the structuring one's precarious life, and the role of family. For some, migration is undoubtedly a security issue where as for others it represents a globalized open society or great opportunity.

Migration and Security in Finland. Finland has never been a major destination for immigrants or refugees. According to Statistics Finland (2016), 231,295 foreign citizens lived in Finland at the end of 2015, which makes only about four per cent of the total population. About half 60 per cent of all foreign citizens were European, 23 per cent Asian, 10 percent African and four percent people with other or with no citizenship. The largest group of foreigners living in Finland were Estonians (50,492), Russians (31,069), Swedish (8291), Chinese (8140), Somalis (7475), and Thai (7418) citizens. In 2014, less than 24,000 foreign citizens moved to Finland, only 3651 applied for asylum, and 1030 arrived as quota refugees.

Much of that changed in 2015 when 32,465 crossed the Swedish and Russian borders to Finland and applied for asylum (Finnish Immigration Service 2016a, 2016b). Compared to the figures in Sweden and Germany, the figures may seem small but compared to previous numbers that was massive. Majority of the asylum seekers were from Iraq (20,485; 826 in 2014), Afghanistan (5214; 205), Somalia (1981; 411), and Syria (877; 149), and quota refugees were citizens of Syria (508; 495), the Democratic Republic of Congo (151; 146), and Afghanistan (139; 130).

Despite Russia's controversial annexation of Crimea and involvement in Ukraine conflict, it was the first time that migration occupied the centre of Finland's (soft) security debate. That became obvious in the ways that the 'flow' of asylum seekers was governed – and presented – at the Finnish-Swedish border and how the Northern border crossing points to Russia (Salla and Raja-Jooseppi) were temporarily closed for most 'third-country' nationals. All because of the threat of 'illegal immigration'.

Border security and migration control. The border security links obviously to border management and migration control. It is a very particular administrative-political and operational approach to the ways state borders function. Here, security is directly linked to sovereignty and states' ability to control its territory, to know who actually resides in its territory in a given moment, and what external (and possible internal) threats should be tackled, e.g. smuggling, illegal immigration, human trafficking, or extremist ideologies. Schengen agreement and the fundamental principle of free movement of persons in the European Union have not only changed the operational environment of border management but, significantly, transferred the focus from internal to external borders of the Union. They also compelled national border management bodies to cooperate with the police, customs and intelligence services, domestically, and with European counter parts internationally.

The overall tasks of the Finnish Border Guard are border surveillance, border checks, crime prevention, maritime safety, international cooperation and national defense. (Finnish Border Guard 2016). For them, migrants and asylum seekers materialize just like other cross-border travellers in border checks where the legal basis for entry is being verified. They also prevent and investigate unauthorized border crossings that may take place without legal travel documents or outside the official border crossing points. As Finland is part of Schengen, a particular emphasis is external borders and operational cooperation with the member states of the Union.

The recent terrorist attacks in France and Belgium uncover well the international, or even global, character of border security. In order to prevent such incidents in the future, all parties demanded increasing power and resources for national intelligence services, and better coordination and cooperation between police, intelligence and border authorities internationally. It was proved that neither ideas, extremist or other, nor terrorist hardware respect national borders, and ‘something had to be done’, and that ‘something’ was European level cooperation and coordination.

To promote, coordinate and develop European border management, and to unite the six ad-hoc centres¹ into one unite, the EU established European Border Agency Frontex² in 2004. After a lot of 2015 ‘refugee crisis’, the Frontex did not have authority or resources enough to act independently, it has been given a new mandate and operative power, and it will be renamed as European Border and Coast Guard Agency. Being operational on 6 October 2016, it is in the future “*designed to meet the new challenges and political realities faced by the EU, both as regards migration and internal security*” (European Commission 2016). The Agency will have its own equipment, rapid reaction and rapid reaction equipment pool, and return pool (for voluntary or non-voluntary return of migrants from the territory of the EU). To identify and address weak spots in the European border management, it will also conduct produce periodic risk analyses and vulnerability assessments.

In 2015, member states of the European Union reported over one million detentions of illegal border-crossings along the EU’s external borders. (Frontex 2016). The largest number of detentions was made in the Eastern Mediterranean (885,386), mostly between Turkey and the Greek islands in the Eastern Aegean Sea. Only few of those applied for asylum in Greece but continued through the Western Balkan route to Hungary and further to the North. Along the Central

¹ Risk Analysis Centre (Helsinki, Finland), Centre for Land Borders (Berlin, Germany), Air Borders Centre (Rome, Italy), Western Sea Borders Centre (Madrid, Spain), Ad-hoc Training Centre for Training (Traiskirchen, Austria), Centre of Excellence (Dover, United Kingdom), Eastern Sea Borders Centre (Piraeus, Greece)

² The whole name: the European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union

Mediterranean route from Libya and Tunis mainly to Italy, the number of detections of illegal border-crossings was about 154,000.

The 2016 Annual Risk Analysis of Frontex remind that the record number of detections has also led to violent incidents along the EU's external borders. People smugglers, motivated by profit, increasingly put migrants' lives at risk and, even, threaten border guards to recover boats or escape apprehension. The International Office of Migration IOM estimates that over 3770 refugees went missing or died in the Mediterranean area in 2015. Even though the operations were 'border control and surveillance' by default, they turned to rescue operations where surveillance aircrafts and patrol boats detected tens of overcrowded boats and rescued thousands of migrants. The costs of the Finnish participation in the operations were covered by Frontex (Ministry of the Interior 2015).

In Finland, the border management and security became actual in 2015 when the 30,000 asylum seekers crossed the Finnish-Swedish border to Finland, and when the so-called Arctic route from Russia to Northern Norway and Finland actualized with 1799 asylum seekers. The two very different borders demonstrate well also their dissimilar security effects. As the Finnish-Swedish border is traditionally open and well integrated, the security concern there related not only to the governance of newcomers but, significantly, to the contradictory aims of control and free movement. At the Arctic route and the two Northern border crossings to the Russian Federation the concerns related to possible human trafficking and organisational settings behind the asylum seekers' journey to the far North.

Hate crimes, homelands, and extremisms. In many local communities, establishment of the first refugee centre and the arrival of asylum seekers – individuals with different culture and habits – was initially received with anxiety and a certain feeling of insecurity. Fear of physical safety, increase in criminality and general feeling of unease became evident especially in (smaller) municipalities with no previous experience of migrants. In some municipalities (such as Kontiolahti), however, the municipal leaders were happy to reopen a centre that had previously brought in new young residents and, significantly, employed a number of locals for different tasks of the centre.

A very different and rather negative discourse appeared in national yellow press and some urban settings through right wing young men wearing black pilot jackets, calling themselves as *Soldiers of Odin*. That is an international anti-immigrant street patrol group founded in Kemi, Northern Finland, in October 2015. It indicated a desire to improve people's sense of security and, consequently, to protect 'our women' from insecurities caused by 'criminal immigrants'. These, and their opponents *Clowns* and *Sisters of Kyllikki*, illustrate well the second form of migration-security nexus. Both *Odin* and its foes rise their ideology from a need to provide safety and security in their neighbourhoods, and to protect homeland, from violence and the arbitrary use of control.

The *Soldiers of Odin* type of civic groups rise their power from radical nationalism and the idea of homogenous nation state. In her book on 'ethnosexuality'

(2003) Professor Joane Nagel draws a gendered model where in modern societies men still take the responsibility to defend both homeland and 'our' women from external threats. In some countries, the social pressure for national 'purity' is strong and cross-cultural relationships with 'the others' are – at the risk of social pressure, exclusion or even punishment – strongly undesired, or forbidden. However, there are obvious ethnic hierarchies, and the race, ethnicity, skin colour, nationality and social position of 'the other' makes a big difference to her/his acceptance.

Migration related discourses are easily polarized. The rise of the populist *The Finns Party* and its 'immigrant threat' rhetoric transformed the political atmosphere and codes of behaviour. Social media and its anonymity, as well as clear support of the populist politicians, lead to extremely aggressive (and vulgar) use of language when migrants and asylum seekers, and their supporters, were discussed. Expressions such as *Nazis* for certain right wing groups, or *suvakkihuorat* ('tolerant whores') for pro-immigration advocates were not uncommon. Therefore, I would argue that the impact of this is much wider than *Odins'* failed attempts to assist law enforcement with order and providing local women with safety: That lays the foundation to more polarized atmosphere and, even, to political confrontation.

According to the Finnish Security Intelligence Service (2016), hate speech and the above-described offensive language increased especially in the Internet. Some of the reception centres in Finland faced arson attacks, and attempts thereof, similar to other countries. Also, a number of right-wing extremist and anarchist demonstrations were organized to express opinion and collective power. However, the overall number of hate crime did not increase in 2015 (*ibid.*) but a fatal stabbing of a passer-by at a radical *Finnish Resistance Movement* demonstration in Helsinki intensified the public debate of internal security and the role of domestic right and left-wing extremism even further. The domestic right- and left-wing groups, as well as migrants and asylum seekers with possible contacts to foreign extremist organisations, are under constant surveillance. This may, of course, not prevent incidents caused by absent-minded individuals.

Everyday and the ontological security of migrants. The third security aspect of migration in this paper relates to the so-called ontological security among migrants. The concept ontological security is about feeling of security. It is closely interwoven with the idea of trust and safety that give people hope and courage against various everyday threats, pressures and fears constructed in interaction and in relation with the surrounding communities. The concept originates at Anthony Giddens's (1991) notion of ontological security that enables individuals to answer existential questions about existence, stability of life, self, and interaction. In this context, worry and insecurity relate to inability to look forward, anticipate becoming possibilities, and give meanings to their lives.

As Caitlin Nunn with her colleagues well crystallizes it (Nunn et. al. 2016), ontological security has significant implications for refugees and migrants who lack a reliable perspective to citizenship in the countries of residence. However, many of them also live in precarious conditions with temporary or utterly unclear

residence status, few employment opportunities, and erratic family conditions. Combined with anti-migrant sentiments, these certainly affect migrant's feeling of safety and security in the new countries of residence, far away from 'home'.

As described above, the recent 'refugee crisis' changed the discursive context and bordering practices in Finland. Apart from locals' contradictory stance to migration, the changes in national migration policy has had, and will in the future have, a direct impact on migrants' everyday lives and ontological security. According to a study conducted by the Finnish Red Cross within their asylum centres in Finland, the overall security of asylum units is significantly better than anticipated in the media (Finnish Red Cross 2016). Majority of personnel, volunteers and residence of these centres feel in the asylum centres safe or very safe.

Not surprisingly, the matters causing insecurity relate to everyday life and long and unpredictable waiting for both asylum interviews and decisions (*ibid.*). According to the Finnish Migration Service (2016c), the processing time of asylum application after the asylum interview varies but is 160 days in average. The employees of the Service, however, work under high pressure, producing 500-700 decisions per week (Manner & Teittinen 2016). Even though the conflicts in countries of departure seem to continue in 2016, the renewed immigration law has decreased the number of positive asylum decisions drastically; During January-August 2016, up to 84% Syrian, 31% Afghan, 17% Iraqi and 34% Somali asylum seekers got either refugee status or residence due to so-called secondary protection. (Finnish Migration Service 2016b; see also Manner & Teittinen 2016). Despite critiques, the massive workload or political pressure has not influenced the decisions based, supposedly, only applicants' interviews and security assessments of the regularly updated country reports conducted by its country information services.

The increasing number of negative decisions combined with unpredictability of both interview practice and decision-making have obviously led to growing frustration among asylum seekers. The former National Police Commissioner Mr. Mikko Paatero even interprets this frustration in the light of Finnish internal security and warns the law enforcement authorities of the growing number of undocumented migrants (that is new group in Finnish migration context) and of their possible linkages to organized criminality (Happonen 2016). Based on the information of the Police and Finnish Migration Service, the Permanent Secretary Ms. Päivi Nerg from the Ministry of the Interior, however, rejects Paatero's warnings and expresses that there is no evidence of any linkages between asylum seekers and organised criminality (Kiviranta 2016).

From the perspective of migrants' ontological security, the psychological impacts of long waiting, boredom and negative sentiments have, in many cases, have been mitigated by meaningful daily activities. According to Director Marita Salo from the Finnish Red Cross, good atmosphere, relations with the neighbouring communities and, significantly, asylum seekers' participation in any daily activities, e.g. in cooking and voluntary work, are the best ways promote security in their asylum centres (Finnish Red Cross 2016). In few municipalities, e.g. in

Lammi, Lieksa and Vantaa, some asylum seekers have been integrated into geriatric care, which brings joy both for asylum seekers and for the elderly alike. Some centres have also made it possible for asylum seekers to cook their own meals, which gives them access to familiar smells and tastes – feeling and practices of home – but also brings some structure and routines to their everyday lives.

The paper discusses migration-security nexus in Finland. The recent ‘migration crisis’ in Europe brought migration into the centre of security debate also in Finland. Migration, often represented as the ‘uncontrolled’ influx of asylum seekers, became a matter of border security managed by the Finnish Border Guard. To gain control, to limit the number of asylum seekers from Sweden and the Russian Federation and to prevent possible internal security threats caused by its rapid development, the Finnish government introduced temporary control and partial closure of Finnish borders. That was enforced partly in cooperation with neighbouring regimes for temporary solution. To correspond to the international character of the current migration pressure in its Neighbourhood, Finland participates actively in the European Border Agency Frontex. To increase its power and mandate by the end of 2016, Frontex has been renamed as the European Border and Coast Guard.

Internally, migration and its apparent security implications polarized the political environment in Finland and, according to Finnish Security Intelligence Service, gave boost for internal extremist groups both in the far right, and the far left. Consequently, the migration and asylum issues moved to the centre of the ideological dispute. Despite a clear increase in hate speech and political polarisation, neither the ideological struggle nor the protests organized by opposing parties, however, caused huge security implications. The extremist groups, both domestic and international, are under surveillance and will be restricted if any security threats are discovered.

The polarized political atmosphere set the overall context for migrants and asylum seekers’ everyday setting in Finland. However, their experienced ontological security is mainly formed in their everyday contexts in relation to general pro or anti-migrant atmosphere, status, future prospects and everyday routines. The paper argues that a certain prospect for life, possibly together with the family, meaningful tasks in or outside the asylum centre, and safe social environment generate the feeling of everyday security. These also contributes to migrants’ integration into (and with) the Finnish society.

Related to the above, continuously polarized and anti-migrant atmosphere, poor life and employment opportunities, constant longing and a feeling of exclusion not only foster insecurities and hamper integration. They also create a certain basis for disappointment, dissatisfaction and frustration that evidently are some of the key components of radicalisation. The paper also argues that the new Immigration Political Action Plan of the government is very short-sighted. The intention to create a specific welfare category only for migrants, lower than one for Finns’, may sound appealing for populist anti-migrant MP’s who try to appeal to its electorate. So does the residence based asylum system where asylum seekers would

not only to have reside but also report themselves at a particular centre from one to three times a day, and complicating family reunification to an extent that that is practically impossible.

The reform may bring down the number of asylum seekers – as the goal of its new programme is – but it certainly creates new hierarchies, passivates asylum seekers and creates insecurities at all levels. It may, indeed, decrease migration and asylum related costs in short run but it is definitely not sure what impacts the revised policy will have in long run. After being criticized by human rights organisations and the Finnish Red Cross, the government could listen to its critiques and take a long-term perspective to its policies. Most of all, it should not create policies that weakens the prospects for integration and constructive inter-ethnic dialogue that the Finnish society could also be based on.

References

1. European Commission (2016). Securing Europe's Borders: A European Border and Coast Guard.
2. Faiola A. (2016). Soldiers of Odin: The far-right groups in Finland 'protecting women' from asylum seekers. Independent. 1.2.2016. Online: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/soldiers-of-odin-the-far-right-groups-in-finland-protecting-women-from-asylum-seekers-a6846341.html>
3. Finnish Border Guard (2016). Functions. Online: <http://www.raja.fi/functions>
4. Finnish Immigration Service (2016a). Statistics on Asylum and Refugees. Asylum seekers. Online: http://www.migri.fi/download/50498_Tp-hakijat_tammi_2014.pdf
5. Finnish Immigration Service (2016b). Statistics on Asylum and Refugees. Online: http://www.migri.fi/about_us/statistics/statistics_on_asylum_and_refugees
6. Finnish Immigration Service (2016c). The processing time for an asylum application is estimated at the asylum interview. Online: http://www.migri.fi/our_services/processing_times
7. Finnish Red Cross (2016). Punaisen Ristin vastaanottoyksiköiden turvallisuus mielikuvia parempi. Online: <https://www.punainenristi.fi/uutiset/20160122/punaisen-ristin-vastaanotto-yksikoiden-turvallisuus-mielikuvia-parempi>
8. Finnish Security Intelligence Service (2016). SUPO 2015. Online: http://www.supo.fi/instancedata/prime_product_julkaisu/intermin/embeds/supowwwstructure/67074_2015_Supo_ENG.pdf
9. Frontex (2016). Eastern Partnership. Risk Analysis Network Quarterly. January-March 2016. Online: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/EaP_RAN/EaP-RAN_Q1_2016_report.pdf
10. Frontex (2016). Risk Analysis for 2016. Online: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annula_Risk_Analysis_2016.pdf
11. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford: Stanford University Press
12. Happonen, P. (2016). Ex-poliisiylijohtaja Paatero: "Vastaanottokeskuksissa on alettu järjestäytyä – vaarallisesta ilmiöstä vaietaan". Helsingin Sanomat. 7.9.2016. Online: <http://yle.fi/uutiset/3-9149807>

13. Kiviranta, V. (2016). Päivi Nerg: Ei viitteitä järjestäytymisestä vastaanottoke-
skuksissa. Helsingin Sanomat. 7.9.2016. Online: <http://yle.fi/uutiset/3-9150633>
14. Manner, M. & P. Teittinen (2016). Maahanmuuttoviraston työntekijät avautu-
vat hurjasta kiireestä, joka voi johtaa vääriin turvapaikkapäätöksiin – ”Ei ehditä tutkia
tapauksia kunnolla”. Helsingin Sanomat. 4.9.2016. Online: [http://www.hs.fi/sunnuntai/
a1472791898442](http://www.hs.fi/sunnuntai/a1472791898442)
15. Ministry of the Interior (2015). Frontex in the Mediterranean: Finland's role in
Frontex-coordinated operations. Online: [https://www.intermin.fi/en/eu_affairs/prime101_en.
aspx](https://www.intermin.fi/en/eu_affairs/prime101_en.aspx)
16. Nagel, J. (2003). Race, Ethnicity, and Sexuality. Intimate Intersections, For-
bidden Frontiers. Oxford University Press.
17. Nunn, C. & McMichael, C. & Gifford, S. & Correa-Velez, I. (2016). Mobility
and security: the perceived benefits of citizenship for resettled young people from refu-
gee backgrounds. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42: 3, 382-399.
18. Pinyol-Jiménez, G. (2016). The Migration-Security Nexus in Short: Instru-
ments and Actions of the European Union. *Amsterdam Law Forum*, 4:1, 36-57.
19. Statistics Finland (2016). Väestö. Online: [http://tilastokeskus.fi/tup/suoluk
/suoluk_vaesto.html](http://tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html)

Кожевникова Наталия Ивановна,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН,
г. Москва, Россия

Фадеева Тамара Андреевна,
кандидат экономических наук,
научный сотрудник,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН,
г. Москва, Россия

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН НОВОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

(Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-02-00342)

Актуальность исследования миграционного потенциала на постсоветском пространстве определяют и процессы глобализации. Глобализация подразумевает невозможность решения без участия в этом всех стран мира. Однако на современном этапе развития производительных сил важнейшую роль для каждой отдельно взятой страны играет, прежде всего, исторический аспект параллельности ее потоков эмиграции и иммиграции с ограниченным числом других стран мира. С качественной точки зрения важен уровень нацеленности той или иной части ее миграционного потенциала конкретно на ту или иную страну, при нацеленности той или иной части иммиграционного потенциала соответствующей страны на нее. А с количественной точки зрения – важно соотношение конкретных параметров ее миграционного потенциала для конкретной страны и иммиграционного потенциала этой конкретной страны, нацеленного на нее. Оба эти момента зависят, в первую очередь, от конкретной социально-политической, социально-экономической и социально-демографической ситуации в каждой стране мира, которую следует рассматривать, с одной стороны, как страну исхода, так и, с другой стороны, как страну – приема мигрантов.

Ключевые слова: миграционная политика, сальдо миграции населения, миграционный потенциал.

E-mail: dema1@mail.ru, fadeevatoma@gmail.com

Kozhevnikova Nataliya I.,
PhD. (Economic), Leading Researcher,
Institute of Social and Economic Studies of Population
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Fadeeva Tamara A.,
PhD. (Economic), Researcher,
Institute of Social and Economic Studies of Population
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

MIGRATION POTENTIAL OF NEW FOREIGN AND MIGRATION POLICY IN RUSSIA: THEORETICAL ASPECTS

The relevance of the study of the migration potential of the former Soviet Union and define the processes of globalization. Globalization implies the inability to solve problems without the participation of all the countries of the world. However, at the present stage of development of the productive forces, a crucial role for each country plays a primarily historical dimension parallel to the flow of emigration and immigration with a limited number of other countries. From a qualitative point of view, the important level of focus of a part of its emigration building specific to one country or another, with varying focus of the immigration potential of the country on it. And from a quantitative point of view – it is important ratio of specific parameters of its potential emigration to a particular country, and the potential of immigration to this particular country, aimed at her. Both these depend primarily on the specific socio-political, socio-economic and socio-demographic situation in every country of the world, which should be considered, on the one hand, as the country of origin and, on the other hand, as a country – receiving migrants.

Keywords: migration policy, the balance of migration, the migration potential.

E-mail: dema1@mail.ru, fadeevatoma@gmail.com

Для России положительное межгосударственное сальдо фактически со всеми странами постсоветского пространства, характерное на протяжении всего постсоветского периода, благотворно сказывалось на демографическом развитии РФ за прошедшие четверть века. Однако для остальных государств постсоветского пространства такая картина межгосударственного обмена в пользу России не всегда и не для всех была желательна. С одной стороны, она была нежелательна для таких государств СНГ, как Украина, Казахстан, Молдова и др. В то время как, с другой стороны, для среднеазиатских государств, такой вариант межгосударственного обмена в условиях социально-экономического кризиса был наоборот, более, чем просто желательным, он был, в определенной степени, как, например, для Киргизии – единственно необходимым.

Актуальность теоретических аспектов миграционного потенциала стран нового зарубежья для России продиктована необходимостью новых методологических подходов к изучению межгосударственных миграций как вообще, так и на постсоветском пространстве, в частности. Она обусловлена отсутст-

вием теории и методов оценки миграционного потенциала на всех таксономических уровнях. Фактическое отсутствие теоретических и мировоззренческих работ, как правило, характерно для многих аспектов исследования миграции в новых социально-экономических и социально-политических условиях России. Этот уход от методов анализа и теоретических изысканий, к сожалению, наблюдается именно на протяжении последних двадцати пяти лет. То есть именно тогда, когда в кардинально изменившихся условиях это было столь важным и необходимым, а, главное, потенциально возможным.

В этот период резко возрос интерес к межгосударственным миграциям с новыми государствами – бывшими союзными республиками. Это привело к резкому возрастанию теоретического осмысления новых тенденций межгосударственного обмена между бывшими союзными республиками, а ныне – независимыми государствами. Но, в реальности, это привело, к сожалению, только к резкому возрастанию числа описательных работ в этой сфере. Работ, которые, в основной своей массе, к сожалению, не ставили своей целью отследить те или иные новые явления в области миграции, отражающие острые события и современную миграционную ситуацию, с позиций их причинно-следственной связи. Другое дело, безусловно, эта масса исследований предоставила в открытой печати (в противовес предшествующему советскому периоду), многие статистические данные. Информация, особенно в сфере миграции, в годы плановой экономики чаще всего относилась к материалам для служебного пользования и в открытой печати не появлялась. Однако сам по себе рост публикуемой статистической информации, даже числа анализируемых параметров многих показателей межгосударственного обмена России с постсоветским пространством в разных ракурсах: по странам, и т.д., самого главного – их теоретического и методологического осмысления, соответствующего появившейся статистической информации, к сожалению, до сих пор, не дал.

В связи с вышесказанным, многие исследователи по сей день отмечают неадекватность понятийного аппарата в области межгосударственной миграции происходящим процессам. И этот момент и обусловил актуальность и выбор в качестве одной из целей настоящего исследования, определения столь важного теоретического понятия, как, «миграционный потенциал» стран постсоветского пространства, поскольку, поиск в этой области крайне непопулярен. Представляется, и сегодня можно по-прежнему констатировать негативность ситуации в области процессов миграции населения с точки зрения теоретических изысканий, притом, и особенно с точки зрения использования для этого математического моделирования. По-прежнему, фактически отсутствует (в или иной мере) теоретическое осмысление наиболее важных теоретико-методологических подходов, комплексных исследований по миграционной проблематике для современной России. Это порождает необходимость разработки и дальнейшего совершенствования методологии изучения миграционных процессов в новых для РФ условиях, в том числе – на постсоветском пространстве.

Актуальность исследования миграционного потенциала на постсоветском пространстве определяют на сегодняшний день и процессы глобализации. Глобализация того или иного процесса приводит к возникновению той или иной глобальной проблемы. А последняя подразумевает невозможность ее решения без участия в этом всех стран мира. Однако на современном этапе развития производительных сил, важнейшую роль для каждой отдельно взятой страны играет, прежде всего, исторический аспект параллельности ее потоков эмиграции и иммиграции с ограниченным числом других стран мира. При этом, с качественной точки зрения, важен, с одной стороны, уровень нацеленности той или иной части ее эмиграционного потенциала конкретно на ту или иную страну, при нацеленности той или иной части иммиграционного потенциала соответствующей страны на нее, а, с количественной точки зрения, важно соотношение конкретных параметров ее эмиграционного потенциала для конкретной страны, и иммиграционного потенциала этой конкретной страны, нацеленного на нее. А оба эти момента зависят, в первую очередь, от конкретной социально-политической, социально-экономической и социально-демографической ситуации в каждой стране мира, которую следует рассматривать, с одной стороны, как страну исхода, так и, с другой стороны, как страну – приема мигрантов.

Еще одна особенность настоящего периода в изучении миграционного потенциала, заключается в том, что миграция является сложным социально – экономическим явлением. А в экономическом отношении глобализация является одним из ключевых феноменов и сохранится таковым и в перспективе. Однако в последнее время усилилась, обозначенная ранее тенденция к корректировке модели глобализации.

Мы разделяем точку зрения, что специфика современного этапа развития процессов глобализации заключается в том, что в настоящее время «речь идет о переносе центра тяжести с «глобальной глобализации», символом и квинтэссенцией чего выступает ВТО, на «глобализацию по интересам» или регионам... Регионализация глобализации в последнее время получила новый импульс. В связи с этим, «произошедшая примерно пять лет назад активизация процессов постсоветской интеграции и движение к единому экономическому пространству оказались исключительно своевременными. Причем ход дальнейших событий показал ошибочность интерпретации этой политики как «взгляда назад», т.е. как попытку восстановить Советский Союз. Даже признавая наличие у определенной части российской элиты ностальгии по СССР, создание ЕАЭС отвечает не на вопросы прошлого, а на вызовы будущего, отражая новый тренд на «регионализацию глобализации» [1, С.12].

В связи с вышесказанным, межгосударственная миграция, как важнейший механизм взаимосвязи в рамках ЕАЭС, с позиций исследования ее миграционного потенциала, представляет для России в координатах современной миграционной политики, особый вопрос. Вопрос, решение которо-

го, соответственно, должно быть отражено в выборе новых ориентиров для современной миграционной политики России в условиях рыночных отношений.

Список литературы

1. Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы. (Вып.37). Ин-т экономической политики им Е.Т.Гайдара. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – С. 12.

*Кораблин Юрий Алексеевич,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОСКОВСКОГО СТУДЕНТА

В ходе инициативного социологического исследования, посвящённого раскрытию личностного потенциала московского студента (N=576), автором были выявлены значимые эмпирические закономерности, касающиеся миграционных настроений современной молодёжи. Около 2/3 московских студентов объявили о желании трудиться за рубежом, если появится такая возможность. В статье автором предпринята попытка социологического анализа трудовых миграционных настроений исследуемых респондентов.

Ключевые слова: социологическое исследование, эмпирическая закономерность, московский студент, миграционные настроения, личностный потенциал, трудовая миграция, социологический анализ.

E-mail: korablin1@mail.ru

*Korablin Yuriy A.,
PhD (Sociology), Docent,
Docent of the Department Sociology,
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

PERSONAL POTENTIAL AND LABOUR MIGRATION INTENTIONS OF THE MOSCOW STUDENT

In the course of the initiative of a sociological research initiative to the disclosure of personal potential of the Moscow student (N=576), the author has identified important empirical regularities, concerning the migration of today's youth. About 2/3 of students in Moscow announced the desire to work abroad if the opportunity arises. In the article the author makes an attempt of sociological analysis of labour migration intentions of the respondents.

Keywords: sociological study, an empirical regularity, Moscow student immigration sentiment, personal potential, labour migration, sociological analysis.

E-mail: korablin1@mail.ru

Никто не станет возражать, что одним из важнейших условий социально-экономического благополучия страны завтра является достойный личностный потенциал молодых людей сегодня. Причём речь я веду о востребованном социальном потенциале людей в современном российском обществе. И, в первую очередь, это касается современного студенчества. Известный мыслитель XX века академик Н.Н. Моисеев одним из важнейших факторов развития цивилизации называет человеческую личность: «Сегодня степень раскрепощённости личности, реализуемые таланты людей в первую очередь определяют успех и положение страны ... в мировом сообществе. ... Расширение возможностей для проявления личностного начала, таланта личности – залог развития общества, государства. Это – уже аксиома или становится таковой на современном этапе истории» [5, С. 207].

Поэтому мы, со студентами-социологами Финансового университета, решили провести в 2015 году инициативное социологическое исследование под условным названием «Социально-экономический портрет московского студента». Причём, московский студент – это студент, который сейчас обучается в одном из московских вузов. Он может быть не только коренным москвичом, но и приехать из Тамбова, Дагестана или Китая и обучаться на технической, гуманитарной или естественнонаучной специальности. Объём выборочной совокупности $N=576$, причём собственно москвичи – это 74,2%, а остальные иногородние студенты, что, собственно соответствует генеральной совокупности [3, С. 121].

Анализируя полученные эмпирические данные, я беру за основу социально-экономический потенциал современного студента. Представляя собой комплексную характеристику социальной дееспособности человека и общества, понятие «социально-экономический потенциал» позволяет рассматривать целостный «спектр» воспроизводственных функций личности и общества с позиций не только их настоящего бытия, но и условий формирования, а также социальных перспектив развития [4, С. 40]. Отсюда многоплановость этого понятия, отражающая различные грани «самодвижения» его внутренних элементов. Выступая в единстве пространственных и временных характеристик, «потенциал» (от латинского *potencia* – сила), концентрирует в себе одновременно три уровня связей и отношений – с одной стороны, как накопленный ресурс (отражающий прошлое), с другой стороны, как резерв (запас прочности в настоящем), и, в-третьих, как возможность будущего развития (выражающий вероятность становления новых сил и способностей в будущем).

Ценности как высшие стандарты поведения, преломляясь сложным образом, формируют систему оценок. Иными словами, выработка любого понимания не является полностью ценностно нейтральной. Оценки касаются того, что может быть использовано как ресурс, каковы приемлемые способы его комбинации с другими ресурсами, наконец, что следует считать их эффективным использованием. Ценностный портрет московского студента, полученный в ходе инициативного социологического исследования представлен на Рисунке 1.

Рисунок 1. Ценностный портрет московского студенчества

Ценностные предпочтения современного студента, с учётом возрастных особенностей в основном вполне соответствуют российскому менталитету: любовь (44,1% от выбравших от 1 до 3-х вариантов ответа на вопрос 27 социологического инструментария «Какие из ценностей для Вас наиболее важны? (не более 3-х вариантов ответов)); благополучная семья (41,1%); материальное благополучие (40,7%); хорошее здоровье (31,3%); дружба (28,7%). Принципиально менее значимы: душевное спокойствие (16,4%); любимая работа (15,7%); свобода и независимость (14,0%); честность (10,7%). Почти не значимы: карьерный рост (8,9%); качественное образование (8,7%); возможность общаться с интересными людьми (7,0%). И в самом подвале ценностных предпочтений – патриотизм (1,4%), что требует отдельного серьёзного изучения.

С другой стороны, есть достаточно примечательные моменты, кроющиеся в потенциале современника. Практически 2/3 опрошенных выразили готовность покинуть Российскую Федерацию (65,62%), если появится возможность трудоустройства за рубежом (Рис.2). Попытаемся понять в чём здесь дело сначала в рамках опробованного инструментария.

Как оказалось, материальное положение студентов не оказывает существенного влияния на готовность работы за рубежом. Доли опрошенных студентов [2, С. 307], ответивших: «Питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости»; «можем купить новый автомобиль, но не квартиру (дом)»; «можем купить новую квартиру (дом)», практически равны – 67,9%, 68,9%, 68,4% соответственно. Доли, ответивших: «денег с трудом хватает на питание» и «можем купить крупную бытовую технику, но не новый автомобиль» – 59,4% и 62,9% соответственно.

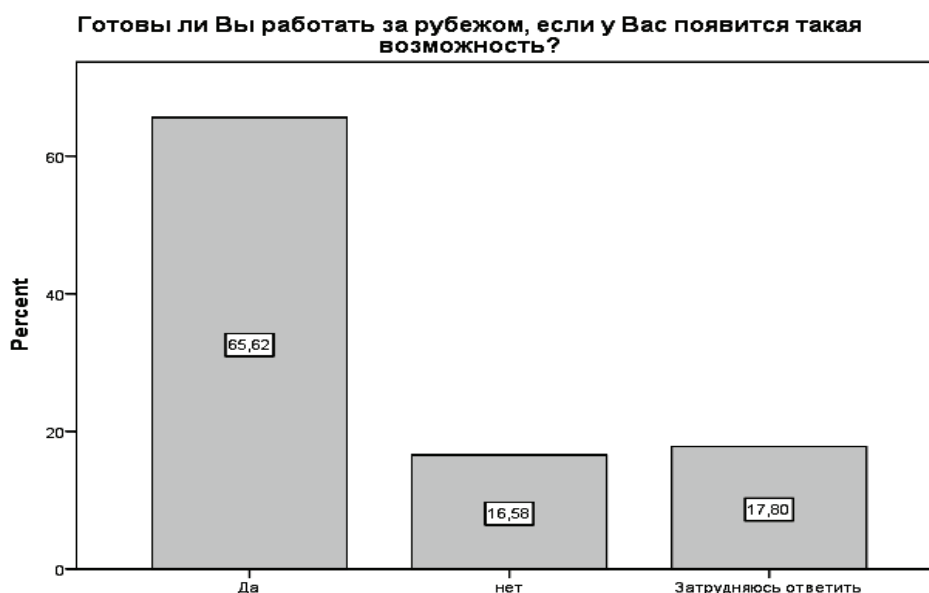

Рисунок 2. Миграционный потенциал московского студенчества

Среди тех, кто намерен добиться материального благополучия (рис. 3) за счет собственных усилий, работы в качестве VIP специалиста, менеджера, а также за счет собственных усилий, создания своего собственного бизнеса больше всего встречаются готовые работать за границей (71,4% и 67%). Гипотеза подтвердилась [1, С. 121]. Среди тех, кто намерен добиться материального благополучия за счет крепких родственных связей, за счет серьезных неформальных связей, за счет брака, семьи, готовых работать за границей меньше – 51%, 60,8%, 47,9% соответственно.

Рисунок 3. Пути и средства достижения материального благополучия московским студенчеством

Как видно из представленного анализа социологический инструментальный проведённого инициативного исследования не позволяет ответить на вопросы, объясняющие трудовые миграционные настроения современного студента. В прочем, эта анкета была разработана с другой целью – выявлению значимых черт социально-экономического портрета студента. Объясняя выявленную эмпирическую закономерность (65,62% опрошенных респондентов изъявили желание работать за рубежом, если появится такая возможность), мы выдвигаем гипотезы, способные послужить основой для нового социологического исследования, нацеленного на более точное объяснение полученной эмпирики.

Желание потрудиться за рубежом после окончания российского вуза, возможно, имеет под собой серьёзную уверенность в своём собственном профессиональном потенциале. С другой стороны, может быть, выпускники видят на западе больше возможностей для реализации своего личного и профессионального потенциала, больше возможностей для реализации материального благополучия и карьерного роста. А может быть, у них есть необходимость в повышении своих профессиональных компетенций [4, С. 34]. Кроме того, присутствует надежда на большую востребованность специальности на зарубежном рынке труда.

Кто-то может искать более приемлемых климатических условий, или возможности более качественного медицинского обслуживания. Важным фактором может послужить возможность качественного изучения иностранного языка в соответствующей среде. Немаловажным фактором может быть наличие за границей успешных родственников, или, например, кажущееся чувство повышенной правовой защищённости. Могут присутствовать и чисто личностные причины, типа мыслей об отсутствии дискриминации по проблемам сексуальной ориентации, или привлекательные условия труда. Вескими аргументами могут быть просто характеристики молодости: попытки разнообразить жизнь, познакомиться с новыми людьми, посмотреть мир.

Перечисленные выше объяснения, по сути, есть гипотезы для нового социологического исследования с целью более подробного объяснения выявленной уже сегодня эмпирической закономерности.

Список литературы

1. Горкина Д.И., Кораблин Ю.А. Миграционные настроения московских студентов как фактор экономического роста // В поисках утраченного роста. II Международный форум Финансового университета – 2015. (24-26 ноября 2015). Сборник научных статей. Том 2. Социальные и гуманитарные факторы экономического роста/ Под ред. Новикова А.В., Оборского А.Ю. – М., 2016. – С. 120-123.
2. Бююль Ахим, Цёфель Петер SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. – СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2002. – 608 с.

3. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 768 с.
4. Лапшов А.В. Отношение студента отечественного вуза к профессиональному обучению в условиях глобализации// Социология образования. – 2015. – №7. – С. 28-45.
5. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? – М., 1999. – С. 207-208.

*Красинец Евгений Семенович,
кандидат экономических наук,
заведующий лабораторией миграционных исследований
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОГРАММ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

(Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект №16-02-18002)

В статье рассматриваются процессы, связанные с возвратной миграцией населения в Россию. Анализируется ход реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Дается оценка эффективности действующих механизмов организации переселения соотечественников на историческую родину. Раскрывается цепочка социально-экономических проблем, связанных с организацией приема переселенцев, их обустройства, адаптации и натурализации. Исследуются вопросы жилищного обустройства соотечественников, их трудоустройства и занятости. Освещается ряд ключевых проблем, связанных с модернизацией переселенческой политики российского государства.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, возвратная миграция, репатриация, переселение соотечественников, миграционная политика, переселенческие программы.

E-mail: e_krasinets@mail.ru

*Krasinets Eugene S.,
PhD (Economic),
Head of the laboratory for migration studies,
Institute of Social and Economic Studies of Population,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

POLICY TOWARD COMPATRIOTS AND IMPLEMENTATION OF RESETTLEMENT PROGRAMS IN THE RUSSIAN REGIONS

In the article the author considers the processes connected with return migration to Russia. The course of implementation of the State program on rendering assistance to voluntary resettlement to the Russian Federation the compatriots living abroad is analyzed.

The estimate of efficiency of the operating mechanisms of the organization of resettlement of compatriots to their native country is given. The chain of socio-economic problems connected with the organization of acceptance the immigrants, their arrangement, adaptation and naturalization is defined. The issues of compatriots housing arrangement and their employment are investigated. There is covered a number of the key problems connected with modernization of resettlement policy of the Russian state.

Keywords: migration, immigration, return migration, repatriation, resettlement of compatriots, migration policy, resettlement programs.

E-mail: e_krasinets@mail.ru

В решении комплекса проблем долгосрочного демографического и социально-экономического развития Российской Федерации многое зависит от регулирования миграционных процессов. В рамках реализации основных направлений государственной миграционной политики России ее долгосрочные цели и задачи диктуют необходимость стимулирования возвратной миграции, одним из главных ресурсов которой являются соотечественники, проживающие за рубежом. Миграционный потенциал соотечественников только в странах ближнего зарубежья составляет в настоящее время более 2 млн. человек [1, С. 71]. Как в демографическом плане, так и с точки зрения социально-экономических, а также геополитических интересов российское государство заинтересовано в их привлечении. Потребность государства в притоке людей из других стран, которые могут быть безболезненно интегрированы в российское общество, продолжает оставаться весьма высокой.

Важное место в миграционной политике современной России занимает Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению на историческую родину соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года. Переселенческая программа нацеливалась на масштабное переселение соотечественников в Россию. В период реализации Госпрограммы она неоднократно изменялась и адаптировалась под складывающиеся социально-экономические и внешнеполитические условия. В 2012 году была принята новая редакция программы, ей придан бессрочный характер. По сравнению с ранее действующей программой в новой редакции расширены каналы вхождения соотечественников в российский социум, значительно снижены административные барьеры переселения. Установлен перечень субъектов РФ, которые являются территориями приоритетного заселения. Внесены изменения в действующие региональные программы в целях привлечения специалистов–инженеров и учёных, занимающихся актуальными научными и технологическими проблемами, а также студентов, проживающих за рубежом. Осуществлена корректировка механизмов Государственной программы с учетом сложившейся общественно-политической обстановки на Украине и массовым прибытием соотечественников из этой страны. В этой связи встает задача оценки результатов действия новой переселенческой программы, ди-

агностики нерешенных проблем приема, обустройства, социальной адаптации и интеграции переселенцев и разработки направлений дальнейшей модернизации данного переселенческого проекта.

Внешне ситуация в сфере возвращения соотечественников развивается весьма благоприятно. До последнего времени переселенческие процессы характеризовались тенденцией роста числа участников переселенческой Госпрограммы. Все большее число регионов стало включаться в участие в программе. Если в 2007 году двенадцать субъектов РФ приступили к реализации программы переселения, то сегодня таких регионов насчитывается уже 59 в восьми федеральных округах страны. С момента принятия новой редакции программы число ее участников возросло более чем в 6 раз.

Фактически с момента старта программы масштабы переселения соотечественников оказались в десятки раз меньшими в сравнении с запланированными. По имеющимся оценкам, до начала реализации Госпрограммы в ней потенциально были готовы принять участие от 3 до 5 миллионов человек [2, С. 42]. Только в период 2007-2009 гг. предполагалось переселить в Россию не менее 300 тыс. человек [3, С. 183]. В силу слабой мотивированности на переезд в Россию в рамках Госпрограммы механизм переселения так и не смог набрать первоначально ожидаемых оборотов. Переселенческие программы не стали, как это замышлялось, инструментом экономического и социально-экономического развития российских регионов. Ощутимых изменений в демографическом развитии и на отечественном рынке труда не произошло. Результаты программы оказались ничтожно малы по отношению к общему потоку мигрантов, едущих в Россию на постоянное место жительства вне рамок программы.

В массовом порядке соотечественники поехали в Россию только в последние два года, что было связано с обострением социально-политической ситуации на Украине и массовым оттоком украинских граждан с территорий военных действий. В 2014 году в сравнении с 2013 годом численность участников переселенческой Госпрограммы увеличилась более чем в 3 раза и в 2015 году – в 5,4 раза. Если в оценках динамики переселенческих процессов исключить влияние вынужденного переселения из Украины, то в период 2013-2015 гг. рост числа переселенцев-соотечественников в Россию был бы в 4 раза меньше.

Обращают на себя внимание ярко выраженные пространственные особенности переселения. В настоящее время наибольший интерес переселенцы проявляют к территориям вселения Центрального федерального округа. В приеме переселенцев выделяются такие области европейской части страны, как Воронежская, Калужская, Липецкая и Тульская области. Вместе с тем, дальневосточные территории задействованы в переселенческой программе крайне слабо. Несмотря на перераспределение финансовых потоков для поддержки переселенцев на Дальний Восток, откуда идет массовый отток населения, доля соотечественников, прибывших в этот регион, незначи-

тельна и составляет в настоящее время всего 5,6%. Не притягивают переселенцев и территории приоритетного заселения в восточных регионах страны с двенадцатикратным превышением единовременного пособия в сравнении с остальными территориями вселения. Так, если в 2015 году Воронежская область приняла 14 тыс. переселенцев, то такие территории приоритетного заселения как Республика Бурятия, Хакассия и Забайкальский край – всего от 300 до 500 человек.

Оценивая эффективность механизмов, созданных в стране для содействия возвращения на Родину соотечественников, необходимо отметить, что, несмотря на меры, принятые в рамках Государственной программы, практическая реализация данного важнейшего направления миграционной политики РФ наталкивается на множество нерешенных вопросов и проблем. Важнейшие среди них – не только организационно-правовые вопросы переселения, но и проблемы интеграции прибывших соотечественников в ту среду, где им предстоит жить. Подтверждением этого являются результаты проведенного нами в августе 2016 года опроса переселенцев, прибывших в рамках региональной переселенческой программы на территорию Калининградской области (N=110).

Материалы обследования переселенцев позволяют считать, что наиболее трудными проблемными вопросами организованного возвращения на родину является преодоление многих бюрократических препятствий на пути легализации участников переселенческой программы и получения ими правового статуса. Важнейшая проблема при этом связана с регистрацией по месту жительства. Трудности начинаются с того, что зарегистрироваться по месту жительства многие прибывшие в российские регионы не имеют возможности, так как у них нет, как правило, собственного жилья. Регистрируясь по месту пребывания и не имея регистрации по месту жительства, переселенцы испытывают большие затруднения при натурализации, получении российского гражданства, социализации, в решении бытовых проблем. При отсутствии регистрации по месту жительства участники переселенческой программы не могут беспрепятственно получить российское гражданство. Им ограничивается доступ к пособиям по безработице, социальным благам, предоставляемым коренным жителям. Переселенцы не имеют возможности встать на учёт по улучшению жилищных условий, воспользоваться ипотечным кредитованием, устроить детей в дошкольные учреждения, поставить на учёт автомобиль и пр.

Особого внимания перед участниками Программы и членами их семей требует решение жилищного вопроса. Предполагается, что решение вопроса о жилье переселенцами осуществляется самостоятельно, на общих основаниях и в соответствии с действующим законодательством. Однако реальность такова, что большинство участников организованного переселения не имеет достаточных финансовых средств для жилищного обустройства, имеют сложности с наймом и оплатой временного жилья, не в состоянии нести расходы

по аренде или приобретению постоянного жилья. Значительная часть опрошенных (42,7%) отметила, что к важнейшим болевым проблемам, с которыми переселенцам пришлось столкнуться сразу же по прибытию в Россию, относится предоставление постоянного жилья. Переселенческие программы на федеральном и региональном уровнях не предусматривают предоставления переселенцам жилья в собственность.

В связи с отсутствием возможностей по обеспечению жильем соотечественников за счет средств федерального бюджета процесс содействия их жилищному обустройству ложится на плечи местных властей. На практике в условиях острой жилищной ситуации для местного населения предоставление льготных условий для прибывающих соотечественников в приобретении жилья оказывается труднорешаемой задачей для региональных бюджетов. В связи с недоступностью постоянного жилья сразу по прибытию подавляющее большинство переселенцев размещается в центрах временного размещения, гостиницах, общежитиях и на условиях найма жилья. Только немногим из их числа (каждому десятому) удается решить жилищную проблему сразу. По данным наших исследований, каждый пятый из числа прибывших в дальнейшем собирается арендовать жилье, 36% – воспользоваться ипотекой, 16% рассчитывают получить жилье по месту работы или в общежитии, 5% готовы приобрести земельный участок и начать строительство нового жилья.

В идеале предполагается, что в жилищном обустройстве большинство переселенцев может воспользоваться ипотекой. Однако вступление соотечественников в ипотеку связано с большими трудностями. Средняя зарплата переселенцев колеблется в пределах 13-15 тысяч рублей в месяц. На эту сумму жить и снимать жилье крайне трудно, тем более воспользоваться ипотечным кредитом.

Ряд актуальных проблем возникает в сфере трудоустройства и занятости прибывающих соотечественников, особенно в условиях спада в экономическом развитии России. Участники программы располагают неполной информацией о вакансиях на региональном рынке труда (большинство из которых низкооплачиваемые), сталкиваются с отсутствием вакантных рабочих мест по специальности, наталкиваются на низкую мотивацию бизнеса в труде переселенцев и отказ работодателей от их найма после переезда в места вселения.

С момента заявки региона на переселение соотечественника до момента его трудоустройства на территории вселения проходят многие месяцы. В этой связи участники переселенческой программы часто не успевают занять заранее согласованные рабочие места, сталкиваются с несоответствием квалификации требованиям рабочего места и вынуждены повторно искать работу. По данным проведенных нами обследований, после переезда в Россию свыше 60% переселенцев не сразу нашли постоянную работу. По специальности трудоустроилась только треть респондентов. Большинство переселенцев – более половины опрошенных (55,5%) работают не по специальности.

Негативную роль в переселении соотечественников играет слабая информированность потенциальных участников переселенческой программы за рубежом об условиях участия в ней. Как показывают результаты проведенных нами опросов, каждый пятый переселенец получает информацию о переселенческой программе от членов семьи, друзей и знакомых. Свыше 40% опрошенных узнали о ней из Интернета и только 6% – от российских государственных структур за рубежом.

Более половины переселенцев отмечает, что информация об условиях переселения, трудоустройства, жилищного и социокультурного обустройства, а также прохождения формальных процедур интеграции в российское общество, полученная ими до переезда в Россию, неправильная или неполная. Завышенные ожидания соотечественников относительно жилищного обустройства, работы с достойным заработком, самого приема на территориях вселения не лучшим образом сказываются на их адаптации, социализации и натурализации.

Результаты переселенческой Госпрограммы показывают не только востребованность и положительные моменты ее реализации, но и в целом слабую привлекательность региональных программ переселения. В значительной мере переселенческие программы используются как механизмы организованного набора на региональных рынках труда рабочей силы и для частичного решения проблем вынужденной миграции.

Вместе с тем, опрос переселенцев свидетельствует о том, что до сих пор не снят ряд проблем, связанных как с их организационно-правовыми вопросами натурализации, так и с социальными вопросами встраивания соотечественников в принимающее общество. Назрела необходимость в качественном улучшении переселенческого проекта в целях, с одной стороны, повышения репатриационного потенциала переселенческой программы, а с другой – дальнейшей ликвидации бюрократических барьеров на пути интеграции переселенцев в российское общество. Требуется принятие дополнительных мер на федеральном и региональном уровнях в жилищном обустройстве прибывающих соотечественников и обеспечении их работой в территориях вселения.

Список литературы

1. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // Народонаселение. – 2015. – №2. – С. 64-73.
2. Красинец Е.С. Возвращение соотечественников в решении демографических и социально-экономических проблем современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – №2. – С. 42-50.
3. Многоликая миграция/ Под общ. ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. – Москва: Экон-информ, 2014. – 261 с.

*Куприна Тамара Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия*

ФЕМИНИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ И ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

На современном этапе развития социума многими исследователями констатируется возрастающая феминизация миграционных международных потоках и связанные с ней проблемы. Однако данная проблематика исследована недостаточно, соответственно, очень сложно дать конкретные рекомендации по обеспечению социокультурной безопасности женской миграции. В статье представлен анализ пока немногочисленных данных, полученных за рубежом и городах России. Эмпирическая база исследования получена с помощью анкетирования и интервьюирования женщин-мигрантов. В ходе анализа выявлена приемлемость миграции для различных национальных групп женщин, мотивация для выезда за рубеж, их стремление к материальной независимости, взаимосвязь профессиональных и семейных обязанностей, круг общения в принимающей стране, планы на будущее.

Ключевые слова: феминизация, миграционные потоки, женщины-мигранты, экономическая независимость, ассимиляция, адаптация, этнонациональные особенности, профессиональный потенциал.

E-mail: tvkuprina@mail.ru

*Kuprina Tamara V.
PhD (Pedagogy), Docent,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

FEMINIZATION OF MIGRATION FLOWS AND THEIR PROFESSIONAL CAPACITY

At the present stage of the society development many researchers state the growing role of feminization in international migration flows and problems associated with it. However, this perspective is not enough investigated, respectively, it is difficult to give specific recommendations to ensure the socio-cultural security of female migration. The article provides an analysis of the data getting abroad and Russian cities but few at the moment. The empirical base of the research was obtained through questionnaires and interviews with migrant women. The analysis has revealed the acceptability of migration for the various national groups of women, motivation for going abroad, their desire for financial independence, relationship of work and family life, social circle in the host country, plans for the future.

¹ Статья написана при поддержке РГНФ № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России»

Keywords: feminization, migration flows, migrant women, economic independence, assimilation, adaptation, ethno-national features, professional capacity.

E-mail: tvkuprina@mail.ru

В настоящее время ряд научных работ фиксирует феминизацию миграционных потоков. «В современном мире миграционные потоки постоянно растут, и специалисты отмечают всё возрастающую их феминизацию. ... При этом точной информации о численности женщин среди мигрантов нет, но экспертные оценки свидетельствуют, что они составляют почти половину от их общего количества. ... Женская трудовая миграция во всем мире справедливо считается «зоной повышенного риска» и массовых нарушений прав человека, поскольку чаще всего бывает связана не только с маргинальными видами занятости, но и с социо-культурными и этнонациональными особенностями воспитания женщин, особенно приезжающих из среднеазиатских республик» [4, С. 82]. В связи с этим, международным институтом миграционных и гендерных исследований в Брюсселе было проведено исследование «Динамика аспектов и характеристик адаптации в Европе русскоговорящих мигрантов, их социальной адаптации, на примере Бельгии и Германии» [3, С. 89]. Полученные данные могут быть использованы и для определения направлений исследований в российских регионах, особенно при работе с высококвалифицированными мигрантами и мусульманской частью миграции.

В ходе исследования были выделены следующие количественные и качественные характеристики женской миграции [3, С. 91]: 1. По месту прежнего проживания: 35% – регионы России; 55% – СНГ и страны Балтии; 2. 70% – это женщины, вышедшие замуж за иностранцев, либо приехавшие работать/учиться и вышедшие замуж за европейца; 3. 95% имеют 1-2 высших образования; 4. Представления о будущем весьма конструктивны, планы конкретны; 5. Женщины, имеющие детей, активно занимаются их образованием, как сохраняя им родной русский язык, так и адаптируя к европейской жизни; 6. Профессиональные группы: менеджеры в различных областях, переводчики, частные предприниматели, студенты высших школ и курсов; 7. Активная жизненная позиция: работа/учеба; участие в общественных организациях; посещение русских и европейских культурных мероприятий; чтение русской и европейской прессы; 8. Большинство (кроме мусульманской части, придерживающейся своих культурных традиций) считает себя адаптировавшимися или почти адаптировавшимися.

Исследование, проведенное Г.И. Гаджимурадовой, отчасти объясняет причины негативного отношения мусульманской миграции, жизнь которой регламентируется нормами шариата [1, С. 67]. Это обусловлено тем, что процессы ассимиляции, имеющие место при смене местожительства, часто не отвечают его нормам. С одной стороны, мусульманская женщина хочет участвовать в жизни общества, иметь доступ к образованию, избирать и

быть избранной, вступать в брак по любви, делать карьеру. Она видит жизнь женщин в Европе, их раскрепощенность, активную жизненную позицию, новую систему ценностей. С другой стороны, она всё ещё зависит от мужа и не должна нарушать законы шариата. Следовательно, процесс адаптации является сложным и требует больших усилий от самих женщин, т.к. они боятся осуждения и непонимания со стороны представителей своей диаспоры, которая часто придерживается устоявшихся гендерных стереотипов.

В то же время, трудовая занятость женщин оказывает существенное влияние на развитие социума и соответствующей территории в целом. Исследование Лондонской школы экономики указывает, что существует непосредственная связь между активностью женщин и экономическим развитием. Отмечается, что укрепление образования для женщин является решающим, но не до конца используемым рычагом для экономического роста в развивающихся странах: 1. Экономический рост, полученный за счет повышения образования женщин, запускает благоприятный цикл, который поддерживает постоянное улучшение качества образования и здравоохранения. 2. Сокращение существующего гендерного разрыва (gender gap) в занятости может увеличить доход на душу населения на 10-14%, что выше прогнозов по странам БРИКС и другим ключевым развивающимся рынкам до 2020 года [6].

Что касается гендерных различий в России, то рядом авторов (Е.Б. Бедрина, Н.А. Зотова, Е. Назарова, А.Л. Рочева и др.) были проведены опросы женщин-мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в крупных российских городах: Москве, Екатеринбурге, Астрахани, Самаре. Приемлемость женской миграции в Россию различна. В целом 10% мужчин и 22% женщин признают возможной самостоятельную мобильность женщины. Более легитимна в глазах мигрантов поездка в Россию вслед за мужем или другим мужчиной родственником: доля признающих приемлемость такой миграции колеблется в разных этнических группах. Например, в Самаре и Астрахани от 54,8% (киргизы в Самаре) до 79,3% (киргизы в Астрахани). Родственник-мужчина признается неким «пунктом социального контроля», однако в этой роли отказывают женщине-родственнице: если миграция вслед за родственником приемлема для женщины в глазах 68%, то вслед за родственницей – в глазах 13% респондентов. Причем, длительность пребывания в России, соответственно, длительность знакомства с местным гендерным порядком, влияет на оценку женской миграции: готовность принять самостоятельную мобильность женщин растет по мере проживания в России. Так, среди приехавших в Россию год-два назад недопустимость подчеркивают 20%, а среди приехавших более 10 лет назад – только 6% [5, С. 106].

Можно также отметить, что до 50% опрошенных женщин-мигрантов, например, в Самаре и Астрахани, рассматривают поездку в Россию как приобретение большей самостоятельности и независимости. Причем, 94% составляет возрастная категория до 25 лет и 32% – в группе от 40 лет и старше, а у мигрантов с высшим образованием этот показатель достигает 100%. Кроме

того, стремление к независимости выше у женщин, не состоящих в браке. Реализованность намерений составляет до 96% [5, С. 106].

Женщины, успешно прошедшие адаптацию, могут в свою очередь, давать советы, помогать и вовлекать в трудовую деятельность за рубежом других родственников и друзей. Причем, знание русского языка является очень важным, для успешной социализации в принимающем обществе. Тем не менее, до сих пор не хватает специализированных программ по адаптации и центров их реализации для поддержки и обучения именно женской миграции.

Однако уже сейчас можно выделить общие тенденции в иерархии занятости женской миграции в России [2, С. 84-85]: нижняя ступень – женщины-мигранты, торгующие продуктами питания и напитками вразнос на рынках, продающие и/или выпекающие лепешки и самсу на тех же рынках; средняя ступень – женщины-мигранты с длительным стажем пребывания в России, которые арендуют мелкие торговые точки; верхняя ступень – женщины-мигранты, сумевшие устроиться в бизнес-структуры или негосударственные организации.

Образованная миграция. Девушки и молодые женщины-мигранты из обеспеченных семей, имеющие высшее образование или обучающиеся в России. Они также как женщины-мигранты в Европе занимают активную жизненную позицию, имеют возможности для профессиональной и личностной реализации.

«Материнская» миграция. Женщины-мигранты, специально прибывшие в Россию, чтобы воспользоваться бесплатностью услуг по родовспоможению для всех женщин, находящихся на территории России.

Рассмотрев основные направления исследований, касающихся женской миграции, можно сделать следующие выводы:

1. Особенностью современного миграционного движения во всем мире является феминизация миграционных потоков. 2. Среди работающих женщин-мигрантов существует своеобразная профессиональная иерархия. 4. В связи с увеличением женской миграции из стран Азии и Кавказа меняются и социальные нормы ее приемлемости. 5. Мотивация для принятия решения о миграции может быть различной. В Европе для женской русскоговорящей миграции основной причиной является заключение брака с иностранцем или обучение и последующий брак с иностранцем. Для российской миграции из стран Средней Азии и Кавказа на первом месте мотивы экономического характера, желание заработать и помочь семье, оставшейся на родине. Хотя существует и высокообразованная миграция с активной жизненной позицией.

В целом, интенсивное включение женщин в различные сферы профессиональной деятельности оказывает значительное влияние на их личностный потенциал, снижение гендерного неравенства и обеспечение экономического роста. Однако главную роль в этом процессе, как подчеркивают эксперты, играет образование и получение качественных знаний. Принимая во внимание, резервные возможности женщин из развивающихся стран, и Россия не

является исключением, необходимы меры по разработке образовательных программ для различных учебных заведений и адаптационных курсов (в том числе и дистанционных), способствующих формированию профессиональных компетенций у женщин-мигрантов.

Список литературы

1. Гаджимурадова Г.И. Ислам и интеграция женщины-мусульманки в европейское общество // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – №32. – С. 67-71.

2. Куприна Т.В. Феминизация международных миграционных потоков и ее последствия: кол. моногр. // Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. – 2015. – С. 81-88.

3. Куприна Т.В., Сандлер М. Национальные особенности миграционных потоков в России и Европе // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием (Екатеринбург, 5-6 июня 2014 года). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – С. 89-94.

4. Назарова Е. Гендерные аспекты иммиграции в Российскую Федерацию: проблемы и перспективы изучения // Управление мегаполисом. – 2010. – №4. – С. 80-85.

5. Рочева А.Л. Миграция как эмансипация? Гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №8. – С. 105-107.

6. Goldman Sachs Launches 10,000 Women. – Режим доступа: http://ru.encydia.com/en/Голдман_Сакс (дата обращения: 10 октября 2016 г.)

Моисеенко Валентина Михайловна,
*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Лаборатории экономики народонаселения
и демографии экономического факультета,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Проведен анализ источников данных об эмиграции и иммиграции в России в начале XX в. Особое внимание уделено статистике внешнего пассажирского движения, основанной на регистрации выданных и завизированных заграничных паспортов и других заменяющих его документов пассажиров на русской государственной границе и введенной Департаментом таможенных сборов Министерства финансов России в конце XIX в. Данные об эмиграции из России включают также иностранные источники, преимущественно США. Выводы, полученные на основе этих источников, состоят в росте и сложной структуре международной мобильности населения России, определявшейся развивавшимися экономическими отношениями со странами Западной Европы. Массовая эмиграция в США и другие страны отразила сложную социально-пространственную структуру России, острую необходимость реформирования эмиграционного законодательства.

Ключевые слова: модернизация, эмиграция, иммиграция, оборот населения, статистика внешнего пассажирского движения, регистрация населения, мобильность населения, эмиграционная политика правительства, эмиграционное законодательство, перспективы международной миграции.

E-mail: VMoiseenko.msu@mail.ru

Moiseenko Valentina M.,
*Dr. (Economic), Professor,
chief researcher
of the laboratory of economics of population
and demography of the faculty of economics,
Lomonosov Moscow state university,
Moscow, Russia*

INTERNATIONAL MIGRATION IN RUSSIA DURING THE BEGINNING OF XX CENTURY

We have analyzed sources of data about emigration and immigration in Russia during the early XX-th century. Such analyze includes primary source of external movement of passengers in Russia which was founded on the base of registration of giving and regis-

tered themselves foreign passports and other replacement documents of passengers on the Russian state frontiers and introduced by Department of customs collections of Ministry for finances at the end XIX- th century. Data about emigration includes some foreign sources and first of all sources of USA about immigration from Russia. Conclusions made on the these sources demonstrate increase of external mobility population in Russia in different forms on the base developing economic relations with European countries and at the same time complicated social-spaced structure of Russia, desperate extremity of reform emigration legislation.

Keywords: modernization, emigration, immigration, turnover of population, statistics of external movement of passengers, population registration, mobility of population, state policy of emigration, emigration legislation, future trend of international migration.

E-mail: VMoiseenko.msu@mail.ru

В конце XIX-начале XX в. возрастающие масштабы внутренней и международной миграции стали следствием и необходимым условием модернизации России. Параллельно с ростом неземледельческого отхода крестьян на заработки в города – аналога западноевропейской миграции из деревни в города, ростом масштабов переселения крестьян за Урал, в 1870-1880-е гг. обозначилась тенденция увеличения эмиграции из России. В условиях расширения свободы передвижения и улучшения путей сообщения в странах Западной Европы Россия включилась в процесс заокеанской эмиграции, преимущественно в США. Тенденции международной миграции в странах Западной Европы привлекли внимание российских ученых в 1870-е гг. (А.И. Васильчикова, Ю.Э. Янсона и др.). В конце XIX-начале XX в. вопросы эмиграции и иммиграции нашли отражение в фундаментальных статьях, опубликованных в российских энциклопедиях, словарях и других изданиях (Н. Рейтлингер, Д.И. Рихтер, К.Г. Воблый и др.). Во многих работах была поставлена задача скорейшей организации учета эмиграции из России.

Существовавший с 1828 г. учет въезда и выезда в Российскую империю был преобразован в конце XIX в. в статистику внешнего пассажирского движения. В ее основе была регистрация выданных и завизированных заграничных паспортов и других заменявших его документов пассажиров на русской государственной границе Департаментом таможенных сборов Министерства финансов России. Как источник сведений о международной миграции материалы статистики внешнего пассажирского движения регулярно публиковались в «Ежегодниках России» (с 1911 г. «Статистических ежегодниках России»), начиная с 1904 г.

Статистику внешнего пассажирского движения в России отличала полнота охвата пассажиров: по сравнению с большинством стран Европы, где заграничные паспорта были необязательны, все подданные Российской империи, направлявшиеся сухопутным или морским путем через границы государства, независимо от срока, на который совершалось передвижение, должны были иметь при себе соответствующие документы. Иностранцы, прибывавшие в

Россию или выбывавшие из нее, также были обязаны иметь паспорта. Документы для подданных России в начале XX в. имели три вида: 1. заграничные паспортные книжки, обязательные для всех русских подданных, за исключением лиц, указанных в пп. 2 и 3; 2. легитимационные (краткосрочные) билеты, установленные для жителей пограничных губерний; 3. плакатные паспорта для крестьян, уходивших на сельскохозяйственные работы в Германию. Как видим, принятая методология учитывала разнообразные виды внешнего пространственного движения населения.

В то же время статистика внешнего пассажирского движения не включала данные Финляндии, а главное – не учитывала эмиграцию из России. Этот пробел восполнили два других источника – сведения о числе русских подданных, эмигрировавших в 1890-1902 гг. через порты Германии (Гамбург, Бремен, Штеттин), и статистика США об иммиграции (текущий учет в портах и цензы), которые также публиковались в «Ежегодниках». В числе других недостатков внешнего пассажирского движения следует назвать ограниченные сведения о составе пассажиров. Отсутствие учета эмиграции объяснялось законодательством, отрицавшим возможность перемены российского подданства.

В составе международных мигрантов, учтенных внешней пассажирской статистикой, доминировало движение мигрантов с легитимационными и плакатными документами, т.е. лиц, перемещавшихся на короткое время, на сезон и на относительно небольшие расстояния. Так, движение мигрантов по легитимационным билетам характеризовало обмен населения приграничных районов России с подданными соседних государств, по плакатным билетам – на сезонные работы в основном польских крестьян в Пруссию. Наиболее важным было признано передвижение третьей группы – пассажиров с заграничными паспортами, в составе которых были «истинные эмигранты», путешественники, уезжавшие за границу по делам, на лечение, учебу и т.д.

Данные за 1897-1914 гг. показывают динамичный рост обмена населения России с другими государствами. Рост обмена сопровождался оттоком населения из России. Характерно и то, что численность подданных России, пересекавших государственную границу, росла быстрее по сравнению с числом иностранцев, прибывавших в Россию и выбывавших из России. В итоге составе международных мигрантов с начала XX в. преобладали русские подданные. В основе двустороннего обмена населения России и западноевропейскими странами лежало расширение экономических, торговых и культурных связей, увеличение зарубежных инвестиций в экономику России, значительное число уроженцев европейских государств, проживавших на территории Российской империи. Поскольку географические сведения о странах, привлекавших русских подданных, отсутствуют, отметим в целом западный вектор движения – более 95% всех внешних поездок русских подданных были зарегистрированы таможнями на европейской границе.

Заокеанская эмиграция привлекала внимание устойчивостью роста масштабов и особенностями этнической структуры эмигрантов из России.

Небольшие масштабы эмиграции из России в США после реформы 1861 г. существенно выросли в начале XX в. В итоге Россия заняла ведущее место по численности иммигрантов, прибывших в США из стран Европы. В составе эмигрантов из России в США в 1901-1910 гг. преобладали «инородцы», в первую очередь евреи, поляки, финны. В составе эмигрантов увеличивалась доля русских.

Обсуждение проблемы эмиграции из России выявило различные точки зрения на причины и последствия этого процесса. Правительство, учитывая опыт второй половины XVIII в., рассматривало Россию как страну иммиграции. К тому же растущее малоземелье крестьян в начале XX в. потребовало концентрации внимания и ресурсов на организации переселения крестьян за Урал. Действующими законами России допускалось только «временное оставление родины». Отрицательное отношение к эмиграции означало отсутствие какого-либо содействия со стороны государства в организации эмиграции, что принципиально отличало позицию правительства России от западноевропейских стран. Значительные трудности в оформлении заграничного паспорта способствовали процветанию сети тайных агентов, нелегальной эмиграции. Предложение изменить эмиграционное законодательство, принятое в 1907 г., означало учет принципов эмиграционного законодательства в странах Западной Европы – права на эмиграцию, помощи государства в его реализации и т.д. Но такое предложение осталось нереализованным. Согласно постановлениям, относящимся к Уложению о наказании, в 1916 г. на эмиграцию по-прежнему распространялось действие статей 325-327, карающих за «недозволенное оставление отечества» в виде поступления за границей на иностранную службу без разрешения правительства, получения подданства иностранного государства, неявки на родину по вызову правительства, пребывания за границей больше определенного законами срока без достаточных причин, распространения среди населения заведомо ложных слухов о выгодах переселения за границу и т.д.

Потери населения вследствие эмиграции и состав эмигрантов отразили кризис политики государства в условиях сохранения черты оседлости, русификации Финляндии, Польши и др. Как и в других странах, перспективы международной миграции в России, о которых с учетом последовавших событий можно говорить только условно, определялись в первую очередь причинами внутреннего порядка. Они свидетельствовали о необходимости проведения реформ, в которых остро нуждалось российское общество.

*Назаренко Сергей Владимирович,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ИММИГРАЦИОННОГО И ЭМИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В современных условиях актуальным является поиск новых ориентиров демографической политики России. Качественно-количественные изменения иммиграционных и эмиграционных процессов востребуют как нормативно-правовую, так и организационно-правовую институционализацию новых форм поведения иммигрантов и эмигрантов. Эффективным и функциональным инструментом является социальный контроль иммиграционного и эмиграционного поведения как граждан страны, так и иностранных граждан. Он способен обеспечить институциональную стабильность социально-экономической и демографической ситуации в российском обществе.

Ключевые слова: социальный контроль, иммиграционное поведение, эмиграционное поведение, социально-экономическая стабильность, демографическая стабильность.

E-mail: svnazarenko@fa.ru

*Nazarenko Sergey V.,
PhD (Sociology), docent,
docent of the Department sociology,
Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,*

SOCIAL CONTROL IMMIGRATION AND EMIGRATION BEHAVIOR AS A MECHANISM TO ENSURE SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC STABILITY IN RUSSIAN SOCIETY

In modern conditions is urgent search for new benchmarks demographic-Soviet Russia policy. Qualitative and quantitative changes in immigration and emigration processes will claim both the legal and organizational-but-legal institutionalization of new forms of behavior of immigrants and emigrants-ing. An effective and functional tool is a social con

Troll immigration and emigration behavior as citizens and other-country nationals. He is able to ensure institutional stability socio-economically and demographic situation in the Russian society.

Keywords: social control, immigration behavior, migratory behavior, socio-economic stability, demographic stability.

E-mail: svnazarenko@fa.ru

Потребность индивида во взаимодействии с другими возникает тогда, когда он сталкивается с предметной проблемной ситуацией, и при этом оказывается, что для ее преодоления недостаточно профессионализма, которым он на данный момент обладает. Индивиды, объединяясь в социальные общности, стремятся удовлетворить свои потребности, реализовать личностные цели общества, а для этого они ищут наиболее рациональные и гуманные способы социального взаимодействия. Из общего числа спонтанных и интуитивных отбираются приемлемые образцы, шаблоны социального поведения, которые со временем через повторение и оценивание превращаются в стандартизированные обычаи и привычки, поддерживаемые на первом этапе силой общественного мнения, а на втором – силой государственного как побуждения, так и принуждения.

Закрепление практики общественных отношений в виде закона или социальной нормы, общепринятого порядка осуществляется посредством институционализации – замены спонтанного и экспериментального социального поведения индивидов на предсказуемое поведение, которое, во-первых, ожидается; во-вторых, моделируется; в-третьих, регулируется. Институционализация социальной жизнедеятельности – это процесс определения и закрепления социальных статусов и ролей, норм-правил поведения людей в обществе, а также приведение их в систему социальных взаимодействий, которая способна функционировать в направлении удовлетворения конкретной общественной потребности: а) в коммуникации (язык, образование, связь, транспорт); б) в производстве продуктов и услуг; в) в распределении благ (льгот, гарантий и привилегий); г) в безопасности граждан, защите их жизни и благополучия; д) в поддержании системы неравенства (размещении социальных групп по позициям, статусам в зависимости от критериев, востребованных социальной ситуацией); е) в социальном контроле над поведением членов общества.

В социальном контексте под институтом понимается *совокупность* устойчивых формальных и неформальных *норм и правил*, регулирующих определенный сегмент взаимодействий в обществе. Социальные нормы и социальный контроль выступают средствами регулирования – социальными институтами. Социологическим фокусом социального института являются реальные правила «игры» (взаимодействия) и контроль их исполнения. Так, в социологической модели структурными элементами социального института являются неформальные (моральные) и формальные (правовые) нормы,

которые выступают как средства неформального (морального) и формального (правового) социального контроля (рис. 1).

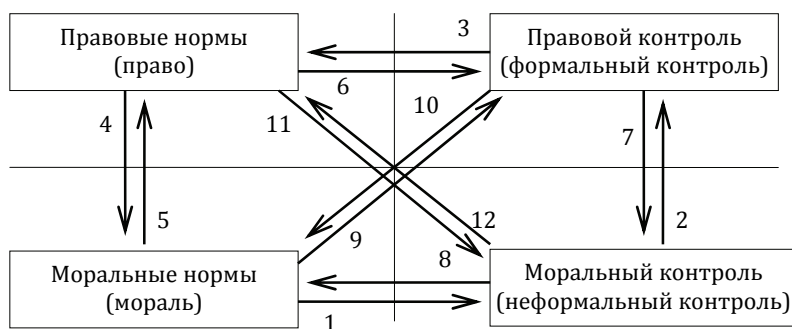

Рис. 1. Модель механизма функционирования социального института

Моральные (естественные) и правовые (искусственные, то есть конвенциональные) нормы определяют два вида обязательств (обязанностей), а формальный и неформальный контроль – механизм их исполнения. Нормы являются регуляторами контроля. Контроль и его результаты – предметом процесса усовершенствования норм. Моральные и правовые нормы находятся в непрерывном взаимном процессе формирования. Один контроль и его результаты определяют другой контроль и его результаты. Двенадцать функциональных связей между структурными элементами социального института имеет свою узкую направленность:

Связь 1 – моральные нормы *регулируют* механизм неформального контроля.

Связь 2 – механизм неформального контроля *определяет* функционирование механизма формального контроля.

Связь 3 – результаты формального контроля *совершенствуют* правовые нормы.

Связь 4 – правовые нормы *формируют* моральные нормы.

Связь 5 – моральные нормы *формируют* правовые нормы.

Связь 6 – правовые нормы *регулируют* механизм формального контроля.

Связь 7 – механизм формального контроля *определяет* функционирование механизма неформального контроля.

Связь 8 – результаты неформального контроля *совершенствуют* моральные нормы.

Связь 9 – моральные нормы *регулируют* механизм формального контроля.

Связь 10 – результаты формального контроля *совершенствуют* моральные нормы.

Связь 11 – правовые нормы *регулируют* механизм неформального контроля.

Связь 12 – результаты неформального контроля *совершенствуют* правовые нормы.

Социальный контроль, как механизм функционирования института, органично сочетает в себе моральный и правовой субмеханизмы. Моральный механизм является нормативным регулятором социальных взаимодействий субъектов в континууме, представленном этическими категориями добра и зла, а также социальными – пользы и вреда. В своем генезисе он является реакцией на возникновение потребности в согласовании индивидуального с общественным, в преодолении противоречий между интересами индивида и интересами группы, общности, общества. Ориентация на то, как должно быть устроено социальное взаимодействие субъектов (идеальная модель), является приоритетной в рамках данного механизма. Правовой механизм выступает как нормативный регулятор социальных взаимодействий субъектов по экономическим и политическим вопросам, а именно, вопросам собственности и власти. Его сущность заключается в определении структурного содержания правового (юридического) статуса субъекта, то есть его функций, обязанностей, прав, ограничений, гарантий (льгот, привилегий), ответственности, а также регламентации порядка, процесса осуществления субъектом конкретной деятельности. Функционируя в едином поле социальных связей между субъектами, моральный и правовой механизмы формируют эталоны и стандарты, нормы-правила социальных взаимодействий, составляющих ценностно-нормативную ориентацию индивида, группы, общности, общества [3, С. 102-103].

Внешне социальный институт представлен, как: во-первых, определенная сфера деятельности индивидов образующих социальную общность; во-вторых, группа лиц, уполномоченных для выполнения тех или иных общественных, организационных или управленческих функций на основе установленных прав и обязанностей, что позволяет узаконить формально-правовую основу их социальной жизнедеятельности; в-третьих, институциональные (социальные: моральные или правовые) нормы и принципы отношений, регулирующие соответствующие типы институционального поведения индивидов (официальных лиц), социальных групп; в-четвертых, материальные средства и социальные условия, необходимые для решения поставленных задач, выполнения нормативных предложений и осуществления социального контроля, обеспечивающего поощрение желаемого и подавление отклоняющегося поведения.

Современное общество образует большое количество различных социальных институтов. Они выполняют технологические функции (*по Р. Мерто-ну*): явные – это необходимые, ожидаемые последствия социальной жизнедеятельности индивидов по удовлетворению потребностей; латентные (скрытые) – это побочные, косвенные, заранее не запланированные результаты функционирования институтов. Функция социального института – это реальная польза, которую он приносит обществу, то есть совокупность решаемых задач, достигаемых целей, оказываемых услуг. Их *максимизация* возможна только при условиях эффективного функционирования социальных институтов, таких как: четкое определение цели и круга выполняемых действий или же объема функ-

ций; рациональное разделение труда и рациональная его организация; деперсонализация действий, их объективация; общественное признание и престиж в обществе; бесконфликтное включение в общую систему институтов общества.

Реальное состояние функционирования социальных институтов является наглядным индикатором социальной стабильности всей общественной системы. Общество стабильно тогда, когда функции институтов понятны, очевидны, неизменны. В обществах переходного типа (нестабильных обществах), в которых происходит изменение общественных потребностей, актуализируется необходимость трансформации институциональной структуры в целом, и структуры социальных институтов в частности.

При этом, процессам деформации институтов присущи негативные последствия: во-первых, деформация института вызывает социальную напряженность и конфликты из-за того, что институт не выполняет свойственных ему функций; во-вторых, деформация порождает стремления к замене бездействующего института иными установлениями, преимущественно неформальными; в-третьих, ослабление конкретных функций социальных институтов, создающее безнаказанность нарушителей социальных норм и общее состояние безответственности за свои поступки, влечет рано или поздно ослабление общественной системы со всеми вытекающими последствиями; в-четвертых, дисфункции социальных институтов, продолжающиеся длительное время, отрицательно сказываются на нравственном формировании личности, искажают системы ценностных ориентаций и мотивации поведения людей.

Так, социальный вред, который является результатом процесса функционирования социального института – это его негативный эффект. Дисфункция института выражается в неопределенности функций, размытости целей, падении общественного авторитета. Институт функционирует не ради той цели, для реализации которой создавался, а ради своих внутренних целей, для своего самосохранения. Метод «логического квадрата» при социологическом анализе технологических функций и дисфункций позволяет выделить четыре типа последствий функционирования социальных институтов (рис. 2).

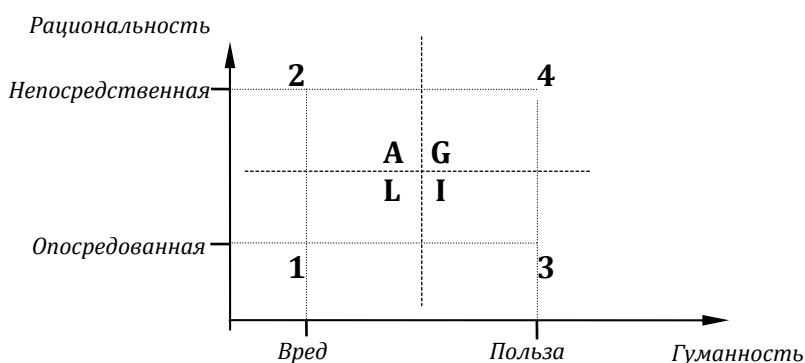

Рис. 2. Типы функций социальных институтов

Первый тип – латентные дисфункции. Они наносят обществу невидимый и более того непоправимый вред. Естественная (природная) предрасположенность индивида к социальной лени, пассивности, к сожалению, является «ценностным образцом», который поддерживается и сохраняется при условии непроявления им социальной активности, имеющей конструктивную и прогрессивную направленность.

Второй тип – явные дисфункции. Они указывают на наглядно выраженные «сбои» в функционировании социального института, а также на необходимость структурных изменений в институте. Кроме этого, они позволяют институту как консервативному, реакционному социальному образованию адаптироваться к новым условиям внешней среды, то есть общественной, общесоциальной среды.

Третий тип – латентные функции. Они свидетельствуют о том, что скрытые от наблюдения, незаявленные последствия имеют не менее важное значение для участников социального взаимодействия, нежели об этом официально заявляется. Их природа является скрытым источником интеграции членов института.

Четвертый тип – явные функции. Они максимально ориентированы на целедостижение, удовлетворение потребностей общества.

Понятно, что функции институтов укрепляют, стабилизируют и развивают общество, а дисфункции – только расшатывают устоявшийся порядок в нем; что социальный институт функционируя, приносит намного больше пользы, чем вреда.

Спектр факторов, вызывающими дисфункции института иммиграции и эмиграции являются:

– *экономические*: отсутствие эффективного стимулирования социальной активности, творчества (хорошей работы); возможность извлечения побочной материальной и иных выгод из решения дела или повседневной работы; дефицит товаров или услуг, порождающий взяточничество и протекционизм;

– *юридические*: неурегулированность или недостаточно четкая урегулированность социальных отношений; неточное определение компетенции органа социального управления, круга обязанностей субъекта (должностных лиц); издание юридически неправильных приказов и распоряжений;

– *организационные*: плохая организация работы; недостаточный, контроль со стороны вышестоящих инстанций; слабый внутренний контроль, в том числе неверные критерии учета; неумелый подбор и расстановка кадров; недостаточные меры по повышению квалификации работников;

– *интеллектуальные*: низкий уровень профессиональных знаний; невысокий уровень общей и политической, правовой (в том числе и военной) культуры;

– *социально-психологические*: грубость и неуравновешенность; социальная, групповая, национальная нетерпимость; излишняя самоуверенность; чрезмерное тщеславие и карьеризм; низкий социальный самоконтроль личности.

Средствами обеспечения являются социальные оценки и социальные санкции. Они выступают в качестве методов как оценивание и санкционирование – вознаграждение (одобрение) или наказание (осуждение) как способы социального контроля, который далеко не механизм обратной связи или обратная реакция от объекта взаимодействия к субъекту. Это двусторонний процесс, где: со стороны субъекта он осуществляется в форме требования, проверки, ревизии, инспекции, заслушивания и т.п.; со стороны объекта – в форме просьбы, заявления, жалобы, обращения, запроса, отчета, голосования и т.п.

Средства обеспечения порядка в обществе обладают далеко не тождественной силой. Если при функционировании (деятельности) субъектов преимущественно характерна принудительная сила, то есть сила права, то при функционировании объектов – побудительная сила, то есть сила морали. Более того, в число основных приемов, используемых субъектом чаще всего, входят: а) затруднение и притеснение; б) ограничение и блокада; в) давление и репрессия; г) осуждение и ostrакизм.

Социальный контроль является инструментом обеспечения не только норм права государства, но и норм морали общества. Право и мораль – это система стандартов и масштабов допустимого (рекомендуемого) функционирования личности или социального поведения индивида и собственно ценностные ориентиры социального контроля. Социальный контроль – это целостная система средств обеспечения функционирования социальной системы взаимодействий (начиная от личности человека и заканчивая человеческим обществом в целом) в соответствии с этими стандартами, границами, масштабами, ориентирами.

Система *средств обеспечения* является механизмом, а поэтому социальный контроль, как механизм функционирования, осуществляется на разных уровнях, разными субъектами и при помощи разнообразных средств, а именно:

– **институциональный** или **нормативный (межгрупповой) контроль** проявляется как механизм доступности средств при целедостижении. Он понимается как процесс обеспечения индивида средствами, с помощью которых ему предоставляется возможность удовлетворения основных видов потребностей, достижения целей. Достижение целей в воспроизводстве нормативного и общеразделяемого поведения индивида возможно при приоритете санкционирования, ориентированного на получение его конечного социального эффекта – создание социальных условий, обеспечивающих минимизацию девиаций. Этот контроль решает проблемы создания возможности достижения целей социальной организации за счет расширения возможностей индивидов удовлетворить свои потребности, достичь личные цели. В его основе лежит контроль: а) политический – ориентирован на воспроизводство деятельности, обусловленной отношениями подчинения или руководства между субъектами социального взаимодействия; б) экономический – ориентирован на воспроизводство деятельности, обусловленной ограничением прав (бедности) или рас-

ширением прав (богатства) на собственность, материальные и духовные блага. Ими соответственно решаются функциональные задачи: а) властвовать (подчинять, руководить) над индивидуальными или коллективными социальными субъектами – контрагентами, то есть другими людьми; б) владеть собственностью в форме различного рода материальных или духовных благ, потенциально и реально предоставляемых контрагенту;

– **организационный (групповой) контроль** представляет собой непосредственный процесс санкционирования индивида по итогам оценки его взаимодействия или результатов взаимодействий, то есть процесса или результата деятельности. Социальные субъекты, обладающие правом оценки деятельности соподчиненного субъекта и применения к нему санкций, нормативно ограничивают взаимодействие индивида с социальной организацией. Они решают проблемы оперативного внешнего реагирования на социальное отклонение, отличающееся от нормативного (идеального). В его основе лежит контроль: а) формальный – ориентирован на воспроизводство деятельности, обусловленной мягкими (вознаграждение) или жесткими (наказание) санкциями, применяемыми социальными субъектами в правовом поле взаимодействия; б) неформальный – ориентирован на воспроизводство деятельности, обусловленной толерантностью или ригоризмом в отношениях между субъектами социального взаимодействия. Ими соответственно решаются функциональные задачи: а) санкционировать, а именно вознаграждать или наказывать, одобрять или осуждать нежелательное (нонконформистское) и желательное (конформистское) поведение, деятельность контрагента контроля; б) конфликтовать (конкурировать) из-за противоречий, объективно возникающих при реализации разнонаправленных интересов, удовлетворении потребностей, достижении индивидуальных и групповых целей, решении актуализировавшихся социальной ситуацией задач при взаимодействиях между агентом и контрагентом контроля;

– **межличностный (внутригрупповой или референтный) контроль** – это процесс самоопределения индивидом своего места в социальном пространстве. Индивид, интегрируясь в социальную организацию, вольно или невольно включается во взаимодействие с социальным окружением (индивидами, занимающими социальный статус и исполняющими роли). Идентифицируя себя с референтной средой, он одновременно вынужден учитывать весь ее потенциальный и реальный комплекс социальных реакций, то есть средств, санкционирующих воздействия за отклонение от норм. Задача этого механизма – воспроизводство образцов социальных реакций референтной группы, которые побуждают или принуждают индивида к действию или бездействию. В его основе лежит контроль: а) групповой – ориентирован на воспроизводство деятельности, обусловленной слабым или сильным взаимным групповым давлением социальных субъектов; б) этический – ориентирован на воспроизводство деятельности между субъектами социального взаимодействия вокруг консолидирующей ценности, а именно, ценности труда личности человека или

ценности жизни личности человека. Ими соответственно решаются функциональные задачи: а) *влиять* (подавлять) через принуждение и частично через побуждение на осознанное исполнение контрагентом контроля социальных норм-правил (ценностей, норм-запретов, норм-обязанностей и норм-прав, льгот, привилегий); б) *оценивать* реальное (не исключено, что и потенциальное) социальное поведение контрагента, его деятельность, с позиций доминирующих ценностей и норм в социальной группе, общности, обществе – это с одной стороны, а с другой – ценностных ориентаций личности агента контроля;

– **личностный самоконтроль индивида (внутренний контроль индивида)** – это процесс, обеспечивающий перевод ценностей и норм в ценностно-нормативный стандарт, который является регулятором поведения индивида. Предлагаемая социальным институтом система социальных ограничителей деятельности (поведения), частично или полностью ставшая внутренней его потребностью, определяет его ориентацию на удовлетворенность при ее исполнении. В его основе лежит контроль: а) моральный – ориентирован на воспроизводство нравственной деятельности, мотивированной моральными побуждениями субъекта, приносить социальную пользу (добро, благо) всем или социальную пользу (добро, благо) только избранным участникам социального взаимодействия, в том числе и приносить социальный вред (зло) другим; б) правовой – ориентирован на воспроизводство законопослушной деятельности, обусловленной законодательными или конституционными правами и обязанностями субъектов социального взаимодействия. Ими соответственно решаются функциональные задачи: а) *обосновывать* осознаваемую потребность (необходимость) исполнения контрагентом актуализировавшихся норм-правил, образца (эталона, модели) поведения, деятельности с позиций социальной пользы (добра) и вреда (зла); б) *охранять* конституционные права контрагентов, то есть индивидов, как личности человека и как личности гражданина государства, в том числе и как личности государственного служащего.

В строго социологическом контексте социальный контроль – это ряд подвидов, аспектов контрольной деятельности, образующих единый комплекс системы, механизм обеспечения институционального функционирования индивидуального и (или) коллективного социального субъекта как социальной организации (организации взаимодействий индивидов) – социума общества (на макроуровне), так и личности индивида – агента или контрагента контроля (на микроуровне).

Диалектика взаимосвязи социального института и социального контроля проявляется в том, что, с одной стороны, *социальные институты* – это *инструмент (механизм) социального контроля*, упорядочения действий и отношений между индивидами в различных аспектах социальной реальности, а, с другой стороны, *социальный контроль* – *механизм социального института*. Его задачей является воспроизводство востребованного образца (алгоритма, норматива, шаблона) деятельности и поддержание порядка, стабильности в функционировании уже вполне сложившегося социального института. Основ-

ной функцией – интеграция Акторов (индивидов, групп и общностей индивидов) социального взаимодействия посредством исключения или минимизации девиаций.

В первом случае, когда *институты* рассматриваются как *средства функционирования контроля*, речь идет об институтах общества и социетальном контроле или, иначе, социальном контроле в широком (общесоциологическом) смысле слова. Во втором случае, при котором *контроль* рассматривается как *средство (механизм) функционирования института*, речь идет о собственно социальном контроле или, иначе, социальном контроле в узком (конкретно-социологическом) смысле слова. Исходя из логики социологической интерпретации следует, что: а) границы социального контроля распространяются на личностном, межличностном, организационном и институциональном уровнях социальной структуры общества, а агентами и контрагентами его являются индивиды, группы, общности, общество в целом; б) социальный контроль, как явление общественной жизни, имеет двойственный или, иными словами, функционально относительный характер, который детерминирован уровнем взаимодействий субъектов.

Социальный контроль в рамках функционирования институтов иммиграции и эмиграции выполняет две важнейшие функции: *охранительную*, так как способствует сохранению социально значимых ценностей, норм-запретов, норм-обязанностей, норм-прав (льгот, привилегий); *стабилизирующую*, так как посредством него обеспечивается типичное поведение (деятельность) граждан, функционирование социальных организаций. Он способствует предсказуемости поведения (деятельности, функционирования) социального субъекта и воспроизводству социального порядка в обществе, уровню его стабильности как результату (отсутствие или минимальное количество девиаций) оценочных и санкционирующих воздействий ретроспективного и проспективного характера со стороны агента контроля на контрагента.

Наряду с этим, институты иммиграции и эмиграции не только создают возможность гражданам: а) удовлетворять свои потребности и реализовывать свои интересы; б) регулировать действия, взаимодействия, поведение, деятельность в рамках международных миграционных отношений; в) обеспечивать устойчивость сфер жизнедеятельности российского общества; г) обеспечивать интеграцию стремлений, действий и личных интересов иммигрантов и эмигрантов с гражданами, постоянно проживающими на территории страны;

Самое главное, что эти институты сами осуществляют социальный контроль в масштабе функционирования государственной организации российского общества. Именно, они являются и средством разрешения социально-экономических и социально-политических противоречий и проблем в обществе, и средством обеспечения, воспроизводства комфортных, благоприятных условий взаимодействий социальных субъектов. Функционируя

данные институты выполняют важные как государственные, так и общественные функции. Они обеспечивают:

- *во-первых*, устойчивость социальных отношений в триаде «иммигрант – гражданин, постоянно проживающий в стране – эмигрант»;
- *во-вторых*, сохранение идентичности социальной группы (общности) – иммигрантов, эмигрантов и граждан, постоянно проживающих на территории страны;
- *в-третьих*, усиление социальных взаимосвязей и внутригрупповой сплоченности;
- *в-четвертых*, осуществление контроля за отклоняющимся от установленных норм иммиграционного и эмиграционного поведения;
- *в-пятых*, поощрение желательного с точки зрения российского общества и государства, а также социальной группы граждан, постоянно проживающих на территории страны поведения иммигрантов или эмигрантов.

Институциональная характеристика иммиграции и эмиграции указывает, что они являются социально-правовыми институтами, основу которых образуют ценности и нормы, знаки и символы как социальные регуляторы иммиграционного и эмиграционного поведения. Если регуляторы отвечают на вопрос: «Что и как должно делаться?» (*правовой аспект*), то социальные группы, общности иммигрантов и эмигрантов на вопрос: – «Кто и как делает?» (*социальный аспект*).

Социальный контроль иммиграционного и эмиграционного поведения является механизмом не столько сопровождения, сколько механизмом обеспечения социально-экономической и демографической стабильности общества.

При этом, если сопровождение – это то, что сопровождает какое-нибудь социальное явление или действие. В качестве «что», как правило, может выступать социальный процесс, действие, деятельность или просто иное социальное явление, то обеспечение – это то, чем обеспечивают кого-нибудь (социальный субъект), чего-нибудь (социальное явление или процесс). В качестве «чем» – могут выступать материальные или иные средства, система организационно-управленческих мер и т.п. Если сопровождение социального контроля иммиграционного и эмиграционного поведения населения страны ориентировано на цель – обеспечение институционального функционирования иммиграции и эмиграции в российском обществе, то обеспечение институционального иммиграционного и эмиграционного поведения на цель – сопровождение социального контроля иммиграции и эмиграции в российском обществе. Сопровождение реализуется через: обеспечение согласия между социальными субъектами – иммигрантами, эмигрантами и гражданами, постоянно проживающими на территории страны; рекламу (соблазнение) иммиграции и эмиграции среди населения; активизацию ценностного обязательства – обязательства обеспечивать как личное, так и семейное благополучие, качество жизни; агитацию и пропаганду (убеждение) форм поведения – иммиграционного, эмиграционного, неиммиграционного, неэмиграционного среди населения.

При этом, система обеспечения включает в себя: законодательное (нормативное) обеспечение; организационное обеспечение; идеологическое обеспечение; кадровое обеспечение.

Исходя из этого следует, что в области обеспечения социально-экономической и демографической стабильности российского общества ведущую роль играет *государственный контроль*, а именно:

а) прогрессивно ориентированная деятельность государственных органов, организаций, учреждений (их руководителей и должностных лиц), направленная: а) на *установление* востребованного с позиций государственных интересов исполнения гражданами страны своих обязанностей; б) на *определение* (измерение) реального состояния реализации на практике данной конституционной нормы; в) на *анализ, сравнение и оценку* ожидаемого и фактического результатов ее исполнения; в) на *выработку и осуществление* корректирующего (санкционирующего) воздействия;

б) конструктивно ориентированная деятельность меж- и внутриведомственных органов, организаций, учреждений (их руководителей и должностных лиц) государства, которые позволяют выявлять и предупреждать дисфункциональные тенденции (ошибки и недостатки) во взаимодействиях субъектов, потенциально и реально исполняющих требования конституционных обязанностей и прав граждан на достойный уровень и качество жизни;

в) консенсусно ориентированная деятельность социальных субъектов, осуществляемая от имени государства с использованием государственных полномочий побуждения и принуждения агента и контрагента контроля к социальной активности, а также исключение у граждан РФ негативного отношения и формирование позитивного представления о государственном контроле, как о нормальном, объективно необходимом социальном феномене, объективно востребованном в процессе взаимодействия социальных субъектов – иммигрантов, эмигрантов и граждан, постоянно проживающими на территории страны.

Состояние социально-демографических явлений и процессов в современном российском обществе является следствием реализации демографической политики государства последнего столетия. Би-триадное социальное взаимодействие, с одной стороны, в рамках института брака – «мужчины-женщины-государство», с другой стороны, в рамках института семьи (нуклеарной) – «родители-дети-государство», отражает содержание и функциональную (явную и латентную) направленность брачных и семейных отношений. Так, в брачном или семейном контексте при минимизации (принижении) функций одного из трех социальных субъектов или даже исключения его из трехсторонних отношений неизбежно инициируется ряд разного рода социально-демографических противоречий, влекущих за собой широкий спектр социально-демографических проблем, которые представлены четырьмя группами:

Первая группа – *снижение рождаемости*. На современном этапе в России среднее количество детей, рожденных женщиной в течение жизни

равно 1-2 ребенка. При этом, если в зарегистрированном государственным органом браке высока доля женщин, рожаящих 1-2 и более детей, то в гражданском браке – высока доля женщин, не рожаящих детей или рожаящих одного ребенка, максимум двух детей (в исключительных случаях). Рождаемость как статистический показатель, фиксирующий количество рождений (за определённый период на 1000 жителей), фиксирует тренд демографической ситуации в обществе. Для стабильного роста рождаемости экономические меры государственной поддержки семьи являются необходимыми, но не достаточными условиями демографического воспроизводства населения страна ($k \geq 2,1$). Бесспорно, что репродуктивное поведение зависит от материальных факторов, но больше всего оно зависит от репродуктивных социокультурных установок, поощряемых (культивируемых) обществом как макросредой, так и контактной социальной группой, контактными социальным окружением – микросредой [5, С. 608-609].

Вторая группа – *увеличение смертности*. В России около 11-15 смертей за год на 1000 человек. Смертность как статистический показатель, фиксирующий количество смертей в обществе, является следствием и характеризует состояние: а) уровня развития системы здравоохранения; б) уровня благосостояния населения; в) профиль половозрастной структуры населения. Заблаговременное выявление причин смертности и минимизация их влияния на жизнедеятельность человека является приоритетом социальной политики государства в области снижения смертности [4, С. 78-81]. При этом ее направлениями являются создание условий снижения влияния внешних (экзогенных) и внутренних (эндогенных, в том числе квазиэндогенных как накопленных) воздействий на человека, его физический, психический и социальный уровень жизни, трудовой (в том числе социально-профессиональной) деятельности и общения.

Третья группа – *увеличение эмиграции* (от лат. *emigro* – «выселяюсь») – переселения населения в другую страну по социально-экономическим, социально-политическим, семейным, личным и иным обстоятельствам. Не следует забывать, что за последние 100 лет в российское общество пережило четыре волны эмиграции: первая – Белая эмиграция (20-е годы XX века); вторая – эмиграция во время войны (1941–1944 гг.); третья – эмиграция эпохи «холодной войны» (1948–1990 гг.); четвертая – современная эмиграция (1990 г. – н/вр.), преимущественно связанная с «утечкой мозгов» и «утечкой трудовых ресурсов». С начала 1990-х гг. эмиграционному процессу в российском обществе присущ тренд уменьшения количества выезжающих для проживания за пределами страны. Смена постоянного места жительства отдельных соотечественников была вызвана различными причинами. Это были: а) война (гражданская, I и II мировая); б) низкий уровень качества жизни (голод, бедность); в) политические репрессии 30–50-х годов XX века; г) этнические конфликты; д) межконфессиональные противоречия; е) природные и экологические катастрофы; ж) воссоединение семьи; з) дискриминация

(национальная, религиозная, социальная и т. д.); и) трудности или невозможность получить образование, профессию, работу; к) трудности в реализации творческих, профессиональных, экономических, политических и иных личных планов [1, С. 81].

Четвертая группа – *увеличение иммиграции* (от лат. *immigro* – «вселяюсь») – вызванной социально-экономическими (привлечение трудовых ресурсов, человеческого капитала или желание индивида жить в более комфортных условиях, улучшить свой уровень благосостояния, иметь высокооплачиваемую работу и др.) или социально-политическими (избегание преследований, стремление жить в условиях политической стабильности и др.) причинами – легальный или нелегальный въезд населения других стран в Россию на временное или постоянное проживание. Социально-исторически Россия изначально представляла собой центр иммиграции. Значительный рост территории страны (XVII-XVIII вв.) стал привлекательным для иммигрантов из Европы. Иммиграционный процесс, в значительной степени инициированный Петром I имел положительный тренд вплоть до 20-х гг. XX века. Современная иммиграция в страну оказывает влияние на динамику численности и формирование социальной структуры современного российского общества. Половозрастная структура современной трудовой иммиграции характеризуется преимущественно преобладанием в числе переселенцев мужчин молодого и среднего возраста. Если с середины девяностых до середины «нулевых» годов иммиграция в Россию с стремительно каждым годом уменьшалась, то с середины «нулевых» по настоящее время – она хотя и небольшими темпами, но неуклонно растет. Российская Федерация как государство становится вновь привлекательным местом проживания не только для граждан государств бывших «союзных республик», но и граждан других стран с развивающейся и развивающейся экономикой (доля небольшая, но тренд положительный), стран практически из всех континентов.

На фоне того, что в мире, если до 80% иммигрантов принимают США, Канада, Австралия, Россия (среднегодовое значение – 200-250 тыс. в год), Франция, Южная Корея, Япония, Швеция, Великобритания, Германия, а до 80% эмигрантов отдают Китай, Арабский мир, Индия, Пакистан, Россия (среднегодовое значение – около 200 тыс. в год), Узбекистан, Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Украина, то Россия является единственной страной мира – центром как иммиграции, так и эмиграции. Не требующей отлагательств становится проблема формирования отечественной государственной иммиграционной политики, включающей вопросы от социально-правового статуса личности иммигранта (членов его семьи, особенно детей в части их школьного и профессионального обучения, трудоустройства) до его социокультурной интеграции в российский социум [2, С. 86-88]. Увеличение миграционного прироста и сокращение миграционного оттока из России за границу двуединая задача, также как увеличение естественного прироста посредством увеличения рождаемости и снижение смертности.

Увеличение миграционного прироста способно компенсировать естественную убыль, но не заменить прирост [6, С. 153-154].

На современном этапе не только в России базовый социальный институт семьи испытывает сильное влияние со стороны как экономики и политики общества, так и со стороны культуры и социума общества. Тем не менее, если посредством культуры российского общества непрерывно осуществляется социализация людей, проживающих на территории страны, то посредством социума российского общества – социальный контроль. Так, две подсистемы общества – подсистема социализации и подсистема социального контроля – формируя, исправляют и, исправляя, формируют личность каждого человека (гражданина РФ и не гражданина РФ, но проживающего на территории страны) как члена современного российского общества. При этом, каждый имея семью, стремится иметь более высокий уровень: а) материального достатка (благополучия); б) власти, славы и могущества; в) профессионального образования; г) удовлетворенности социально-профессиональной (трудовой) деятельности и общения. Массовый характер достижения данных личностных целей индивида свидетельствует о привлекательности жизни и деятельности в обществе, и наоборот. Высокий уровень качества жизни населения является залогом демографического воспроизводства общества, и наоборот. Социально-экономические условия не всегда бывают благоприятными, вследствие различного рода экономических кризисов и политической нестабильности, и поэтому от органов государственной и муниципальной власти востребовано в условиях ограниченности ресурсов осуществление эффективной рационально-гуманной демографической политики. Одним из основных инструментов является социальный контроль.

Средствами регулирования взаимодействий социальных субъектов в демографической сфере общества являются социальные институты – реальные нормы-правила поведения и контроль их соблюдения. Это моральные и правовые нормы: а) фиксирующие демографические явления и процессы в обществе; б) выступающие как средства неформального и формального контроля демографического поведения личности, социальных групп (общностей), общества в целом. Они определяют два вида обязательств (обязанностей) – моральные и правовые (конвенциональные, договорные). Формальный (официальный) и неформальный (неофициальный) контроль – механизм их исполнения. Нормы-правила выступая образцами, стандартами, допустимыми границами социального поведения субъектов в демографической сфере взаимодействий призваны, прежде всего, «программировать», формировать демографическое поведение личности в направлении, угодном как обществу, так и государству, их интересам. Именно поэтому социальный контроль демографического поведения является средством обеспечения стабильного функционирования личности в обществе (государстве) в соответствии с предписанием либо норм морали, либо норм права. Он, как циклический процесс, включает этапы: *первый* – сбор и анализ информации о соответ-

вии демографического поведения социального субъекта (общества, общности, социальной группы, индивида) установленным для него стандартам; *второй* – формулирование вывода о соответствии/несоответствии поведения контрагентов заданным стандартам и указание причин, повлекших за собой отклонение. Непосредственными средствами обеспечения воспроизводства востребованного демографического поведения личности (на микроуровне) и воспроизводства востребованных демографических явлений и процессов в обществе (на макроуровне) являются социальные оценки и социальные санкции: а) вознаграждение (одобрение); б) наказание (осуждение). Данный подход позволяет рассматривать социальный контроль как механизм оценки и санкционирующего воздействия социальной организации общества и его институтов деятельности социальных групп (общностей) и поведения индивидов в целях приведения реальных общественных отношений в соответствие с нормативно-ценностными требованиями и ожиданиями общества. Таковыми являются: *во-первых*, увеличение рождаемости; *во-вторых*, снижение смертности (увеличение продолжительности жизни человека); *в-третьих*, увеличение иммиграции; *в-четвертых*, уменьшение эмиграции.

Таким образом, социальный контроль – это механизм оценки и санкционирующего воздействия социальной организации общества и его институтов деятельности социальных групп и поведения индивидов в целях приведения реальных общественных отношений в соответствие с нормативно-ценностными требованиями и ожиданиями общества. Его механизм функционирования включает в себя совокупность явлений (элементов) и процессов, находящихся в определенной взаимосвязи и взаимозависимости.

Структурными элементами механизма функционирования социального контроля как системы, обеспечивающей востребованное взаимодействие субъектов, выступают: институциональный контроль; организационный контроль; межличностный контроль; личностный самоконтроль индивида. В рамках социологического представления (видения) социальный контроль иммиграционного и эмиграционного поведения интерпретируется как интегративная совокупность оценочных и санкционирующих воздействий системы агентств и агентов контроля со стороны государства и гражданского общества. В социальной практике жизнедеятельности современного российского государства и общества они институционализировались и функционируют в соответствии с принципами организации и управления, координации и субординации, планирования и регулирования, моделирования и проектирования, прогнозирования и предвидения хода и последствий иммиграции и эмиграции. Исходя из этого сопровождение и обеспечение социального контроля – это система специальных мероприятий, ориентированных на достижение основной цели – обеспечение безопасности российского общества, государства и непосредственно личности гражданина страны.

Список литературы

1. Дальний Восток России: история депопуляции и технологии ее преодоления / под ред. И.И. Докучаева. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 325 с.
2. Международная миграция и устойчивое развитие России: доклад / В.С. Малахов и др. – М.: Дело, 2015. – 117 с.
3. Назаренко С.В. Социальный контроль военной службы в Российской Федерации (социологический анализ на примере военнослужащих Вооруженных сил РФ): монография. – Череповец: ЧВИИРЭ, 2007. – 320 с.
4. Сафарова Г.Л. Демографический анализ смертности и продолжительности жизни пожилого населения в Санкт-Петербурге: монография / Г.Л. Сафарова, Л.В. Козлов. – СПб: Наука, 2014. – 103 с.
5. Семья в России и Китае: процесс модернизации / М.В. Боченина и др.; под ред. И.И. Елисеевой. СПб: Нестор-История, 2015. – 717 с.
6. Сталкер Питер Международная миграция / пер. с англ. А. Захарова. – М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 2014. – 191 с.

Хорие Норие,
доктор экономических наук,
заместитель директора
Центра Дальневосточных исследований,
Университет Тоямы,
г.Тояма, Япония

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ВОСТОЧНОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

В статье рассматриваются особенности иностранных инвестиций в сельское хозяйство и миграции в российском восточном приграничье.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, сельское хозяйство, миграция, российские восточные приграничье.

E-mail: horie@eco.u-toyama.ac.jp

Horie Norio,
Dr. (Economic),
Vice-director Center for Far East research,
University of Toyama,
Toyama, Japan

FOREIGN INVESTMENT IN AGRICULTURE AND MIGRATION IN RUSSIAN EASTERN BORDERLANDS

The article discusses the features of foreign investment in agriculture and migration in the Russian eastern borderlands.

Keywords: foreign investment, agriculture, migration, Russian Eastern borderlands

E-mail: horie@eco.u-toyama.ac.jp

Regional geographic context gives great impact on agriculture in the borderlands in Russia. Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast are remote districts from the core of the state and international exit door like Vladivostok, and have only an exit door to China through the land border in international connections. Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast seriously depend on Chinese economy in trade.

Kuhrт claimed how Russia deployed its considerable energy resource was of particular relevance to the Russian Far East which is rich in oil and gas (Kuhrт, 2012, 485). As it is, Russian Far East is often described as a resource-rich region. Precisely speaking, it is a resource-rich region, but it is not region having energy

resource like gas and oil. Amur Oblast is just a corridor of pipeline to China. Amur Oblast and Jewish Autonomous Oblast have rich agriculture land and forestry, and their major export goods are soybeans and sawn logs.

High dependency of their access to international market on China gives them ambivalent attitudes to the international cooperation with China. The Russian Government seeks to attract foreign investment to this region to assist regional economic development. Investment from China was encouraged in the framework of the "Program of Cooperation between the Far Eastern and Eastern Siberian Regions of the Russian Federation and the Northeastern Region of the People's Republic of China (2009-2018)" which was approved by the President of the Russian Federation and the President of the People's Republic of China in September 2009. Deputy Director of Interregional Association of Economic Interaction "Far East and Transbaikalia" admitted that this program has promoted corporation between the eastern regions of Russia and the Northeastern provinces of China, but the Russian side could not solve their problems making it inefficient, and decreased the provision of funding and labor force for the program-related projects in the Russian Federation (Bury, 2014).

Local political elites also claim that international cooperation on borderland between Russia and China should develop further. Therefore Chinese investment and technological support for the regional development in agriculture are announced welcome. But the sector-specific characters of agriculture also always raise the following dilemma. Firstly, Chinese investment on agriculture often turns to be the discussion on land grabbing (paralleled with the issues on sovereignty or integrity of the territory). Secondly, Chinese investment turns to be the discussion on migration issues.

When foreign investors engage in crop and soybeans production, they have to accumulate the arable land or existing farm land. The acquisitions of land by foreign capitals are sensitive issue for the state or region. Therefore it is difficult to study the real figures of the land acquisitions empirically due to the lack of transparency of their transactions (Visser and Spoor, 2011, 309). China and Korea are top two countries acquiring farmland abroad. They have approached developing countries in Africa and Asia, but this sensitivity often made them troubled to rent their farmland there. Chinese new investment in Mozambique failed due to their locals' resistance to the settlement of Chinese workers. Daewoo Logistics Corporation's investment in Madagascar to 1.3 million hectares for maize and oil palm production sparked the political conflicts, resulting to the overthrow of the government in 2009 (von Braun and Meinzen-Dick, 2009).

Russia has vast available arable land and therefore can attract foreign investor to accumulate arable land for their agricultural production. Millions of hectares are said to be lying fallow in Russia, and with using fallow land, Russia still have enough potential to feed 450 million people (Visser and Spoor, 2011, 307-8). Geographical division between European part of Russia and Siberia (including Russian Far East) reasonably divide the directions of their dependence on inves-

tors in country of origin. European investors tend to invest on Black Earth in European part of Russia. And China and Korea tend to active in Siberia and Russian Far East. As Russian government manifestation to develop their grain production (especially wheat and maize) as a strategic export commodity, Russia exported wheat to more than 90 countries, and the largest two importers are Egypt and Turkey. Azov port facing Azov Sea is well equipped and a key port to export Russian wheat. On the other hand, the main product in Siberia and Russian Far East are not wheat, but soybeans. More than 90 % of cropped area is occupied by soybeans in Jewish Autonomous Oblast, and Amur Oblast is the top producer of soybeans in Russia in 2015.

Chinese agribusiness held 380,000 ha of agricultural land in Russia, most of which (approximately 80% of the total) is operated by companies in Heilongjiang (Zhou, 2015, 14). In Jewish Autonomous Oblast, 27,000 ha (23% of total sown land in the oblast) are occupied by the organization with foreign capital, almost all of whose capital is estimated to rely on Chinese (Mishchuk, 2016, 64). There are some reasons for Chinese Northeast actors to expand their land grabbing in Siberia and Russian Far East. Chinese Northeast region shares some common features on agriculture with Russian Far East. As the fact that Chinese Northeast accounts for over 41% of China's soybeans, crop patterns are similar between Chinese Northeast and Russian Far East. Chinese Northeast and Russian Far East depend on mechanized large-scale farming on crop production (Zhou, 2015). Based on these common features, Chinese Northeast agribusiness has much motivation to engage in agriculture in Russian Far East. Russian government has kept her preference of large-scale farming after the collapse of USSR. In Russian Far East the vast arable land remains not under the control of private ownership, but under the control of large-scale state enterprises or the local administration. It is easier for them to participate in the agriculture in Russian Far East without collecting small acres of lands from numerous owners. Furthermore the rent for arable land is significantly cheaper than in China, and it stimulated a "Farm Rush" by Chinese to Russian Far East (Zhou, 2015, p.13).

Large-scale investment on agriculture often provokes negative reactions in Russian periphery. China and Korea are said to have a strategy of so-called "land grabbing" in African countries and in Russian Siberia and Far East. Russian practical and pragmatic concern to introduce foreign investment on agriculture is to fulfill arable land for the agriculture, but the concern often turns to the anxiety that foreign investment on farmlands gives the land away to Chinese investors.

The government of Zabaikalsky Krai signed a agreement with a private Chinese company to lease over a thousand square kilometers of farmland for a term of forty nine years, but this agreement has been criticized by political elites. Igor Lebedev (deputy director of the State Duma, a member of the Political party LDPR) mentioned the group of LDPR in the State Duma estimated this issue as an important geopolitical problem, and warned that 20 years later the governor of Zabaikalsky Krai would be Chinese and its territory would turn to be a part of

China¹. The new governor of Jewish Autonomous Oblast also shared this mood of Chinese threat. He warned 80% of farmlands in Jewish Autonomous Oblast is controlled by Chinese investors legally or illegally².

Chinese reaction did not go straight to the problem on land grabbing, but concerned on migration. The Chinese company soon announced that 75% of all jobs in the farmland would be reserved for the locals³. The land grabbing by Chinese investors often remind Russian locals of the inflow of Chinese workers.

International investment in farm is becoming more important in Russia because Russia still reserves vast amounts of land and has much possibility to make their agriculture more strategic economic sector to export their products to her neighbors. It is not against the Russian government's interest to stimulate large-scale investments with the aim of using food export as a political tool in international relations (Visser et al., 2012, 925). In this sense, in a long term, it makes no sense to exaggerate anti-foreigner sentiment to the land grabbing.

The different characteristics between Western investments in the European part of Russia and Asian investments in Russian Far East are made by the role of states and the role of assigned expatriates from their country of origin. Chinese and Korean investments in farming in Russian Far East are often taken by the initiatives of the state or provincial-level authorities. And Chinese and Korean investments tend to bring in their own workforce including their ethnic minorities in Russian Far East. Contrary to these tendencies, Western investors tend to transfer their technologies and managers to the host countries (Visser et al., 2011, 315). Japanese investment in agriculture in Amur Oblast is exceptional among Northeast Asian countries. Russia-Japanese joint stock venture was established by Hokkaido-Russia Agribusiness Complex in 2013, and cultivated 35,00 ha in Romnensky District. Director of this joint company is Russian and all 14 workers for the farm are hired from local workers.

The difficulty in Russian Far East comes from the fact that the land grabbing always accompanies with ethnocentrism in their human resource management. According to the report by Promar Consulting (2013), nine Korea enterprises have already accessed large-scale land accumulation in Primorsky Krai, and their land acquisition reached at 168,000 ha. Korean government put high priority on employing ethnic Koreans in Russian Far East. Korean investments to agriculture in Russian Far East is said to share characteristics to promote assistance to ethnic Korean in Russian Far East. North Korea has aims to promote their labor export and secure their stable food supply. Both countries have more interests in agriculture in Russian Far East politically than economically.

¹ See: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-412242/> (accessed July 21, 2016)

² See: http://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_15.07.2015_73322_80-zemelnykh-resursov-v-evrejskoj-avtonomnoj-oblasti-kontroliruetsja-kitajtsami.html (accessed 16 July 2015).

³ See: <http://www.ewinextgen.com/eurasia/2015/8/13/russias-far-east-lease-with-china-a-new-problem> (accessed 21 July, 2016)

Chinese local government in Heilongjiang Province has motivation to ease their local labor surplus in agricultural farms due to recent mechanization of agriculture. But soybeans production does not require large number of workers. Therefore Chinese investment on soybeans production in principle does not induce large inflow of Chinese workers in Russian Far East. One case study showed that a local Department of Agricultural Development Planning of Heilongjiang Province under Chinese Ministry of Agriculture organized 4 farms to conduct soybeans production and assigned around 200 workers to Russian Far East (Takaya, 2014). Takaya suggested it did not ease surplus of labor in these farms and their business motivation did not lie in easing it, but lay in land resource to realize increasing their sales in Russia. Vegetable production is often organized by Chinese private farm in Russian Far East and it is rather labor-intensive sector. It is said two third of vegetables and food-stuffs in Russian Far East are imported from China or harvested in Russian Far East by Chinese enterprises or private farms (Takaya, 2014). Vegetable production does not require large-scale of land accumulation. Therefore Chinese land grabbing for soybeans production does not directly accompany with large inflow of Chinese workers.

Land grabbing is very sensitive issue in the borderlands. It can easily remind the locals in Russian Far East of Chinese threat in sovereignty and migration. Although there is no definite evidence to show Chinese land grabbing accompanies with large inflow of Chinese workers, Asian countries that invest in agriculture in Russian Far East should carefully manage their human resources to develop the cohesion in bilateral agribusiness in Russian Far East. And all the investors also should keep in mind that tensions in borderland increase when land grabbing combines with ethnocentrism in human resource management.

References

1. Bury, Anatoly, 2014, The Development of Cooperation between the Eastern Regions of Russia and the Provinces of China, ERINA Report, No. 119, pp. 31-34.
2. Kuhrt, Natasha, 2012, The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery?, Europe-Asia Studies, Vol. 64, No. 3, pp. 471-493.
3. Mishchuk, Svetlana, 2016, Russian – Chinese Agricultural Cooperation in the Russian Far East, Regional Research of Russia, Vol. 6, No. 1, pp. 38-48.
4. Visser, Oane and Max Spoor, 2011, Land Grabbing in Post-Soviet Eurasia: The World's Largest Agricultural Land Reserves at Stake, Journal of Peasant Studies, Vol. 38, No. 2, pp. 299-323.
5. Visser, Oane, Natalia Mamonova, and Max Spoor, 2012, Oligarchs, Megafarms and Land Reserves: Understanding Land Grabbing in Russia, Journal of Peasant Studies, Vol. 39, No. 3-4, pp. 899-931.
6. Von Braun, Joachim and Ruth Meinzen-Dick, 2009, "Land Grabbing" by Foreign Investors in Developing Countries: Risks and Opportunities, IFPRI Policy Brief, No. 13.
7. Zhao Huasheng, 2015, Sino-Russian Economic Cooperation in the Far East and Central Asia since 2012, Eurasia Border Review, Vol. 6, No. 1, pp. 103-121.

8. Kazuko Takaya, 2014, China's Grain Policy and Agricultural Investment in Russia, *Ritsumeikan Economic Review*, Vol. 63, No. 3-4, pp. 17-38 (in Japanese).

9. Promar Consulting, 2013, Research and Analysis of Russian Agriculture, Forestry and Fisheries Policy, and of Free-Trade Agreement: Final Report (in Japanese), available at http://www.maff.go.jp/j/budget/yosan_kansi/sikkou/tokutei_keihi/seika_h24/kokusai_ippan/pdf/60100513_15.pdf (accessed 20 August 2016).

*Просеков Сергей Анатольевич,
кандидат философских наук, доцент,
зам. декана Факультета социологии и политологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Россия*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Актуальность темы определяется дефицитом рабочей силы на российском Дальнем Востоке, который накладывает серьезные ограничения на процесс устойчивого инновационного развития региона. В статье рассмотрены меры, которые предпринимает Правительство РФ, для решения проблемы трудовых ресурсов и социально-экономического развития Дальнего Востока. Рассмотрены механизмы миграции китайских граждан на территорию РФ и особенности их хозяйственной деятельности, а также тактика и стратегия руководства Китая в миграционной политике.

Ключевые слова: рабочая сила, Дальний Восток, миграция, демографическая проблема, сельское хозяйство, китайская мечта.

E-mail: ProsekovSergei@yandex.ru

*Prosekov Sergey A.,
PhD (Philosophy), Docent,
Deputy Dean of the
Faculty of Sociology and Political Science,
Financial University under the Government
of the Russian Federation”,
Moscow, Russia*

DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE FAR EAST IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-CHINESE COOPERATION

The relevance of the topic is determined by labor shortages in the Russian Far East. This imposes severe limitations on the process of sustainable innovation development of the region. The article analyzes the measures that have been taken by the Russian Government to solve the problem of labor and socio-economic development of the Far East. The article illustrates the mechanism of migration of Chinese citizens to the territory of Russia and their economic activities as well as the tactics and strategy of the Chinese leaders on migration policy.

Keywords: labor force, Far East, migration, demographic problem, agriculture, Chinese dream.

E-mail: ProsekovSergei@yandex.ru

Для России модернизация на основе инноваций – не только общая для всех развитых стран тенденция, а жизненная необходимость. Дефицит трудовых ресурсов должен стимулировать реальный переход к более интенсивному пути экономического развития на основе инновационных технологий. В то же время демографическая ситуация накладывает серьезные ограничения на процесс устойчивого инновационного развития. Такие демографические изменения могут привести к замедлению социально-экономического развития России – сокращению занятости и производства, замедлению темпов экономического роста, возникновению внешних и внутренних угроз для существования государства.

В России в последние два десятилетия происходит снижение демографического потенциала, численность населения России с середины 90-х гг. устойчиво сокращалась. В 1991 г. численность населения составляла 148,3 млн. человек, в 2000 г. – 146,9 млн., в 2014 г. – 143,6 млн. человек. По прогнозу Росстата (среднему, наиболее вероятному варианту) численность населения России будет сокращаться и далее – до 141,9 млн. в 2020 г., 139,0 млн. в 2031 г. и 116,1 млн. в 2050 г.

Уровень рождаемости в РФ не обеспечивает устойчивого воспроизводства населения и трудовых ресурсов. Если до начала 90-х гг. суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных женщиной на протяжении репродуктивного периода при условии неизменности возрастных коэффициентов рождаемости) был 1,9 ребенка, то в 2000 г. – 1,2 ребенка, в 2008 г. – 1,49, в 2013 г. – 1,73, в то время как для обеспечения простого воспроизводства населения (простого замещения поколений) он должен составлять не менее 2,15.

В связи со снижением рождаемости и высокой смертностью численность населения в трудоспособном возрасте в России сокращается, начиная с 2006 г. нарастающими темпами: в 2007 г. – на 0,2%, в 2009 г. – на 1,0%. По прогнозу Росстата, эта тенденция продолжится до конца прогнозируемого периода, до 2031 г. По сравнению с 2010 г. убыль населения трудоспособного возраста составит 11,9 млн. человек, или 13,4% [1].

Невозможность обеспечить в обозримом будущем положительный естественный прирост населения России, а тем более восполнить за счет внутренних ресурсов значительную убыль трудовых ресурсов в ближайшие годы, резко повышает значение для страны притока людских ресурсов извне, иммиграции. В этом состоит ключевая особенность нынешнего этапа демографического развития России, главный источник одного из вызовов близкого будущего – миграционная зависимость.

В декабре 2006 года Президент России В. Путин, выступая в Совете безопасности России, заявил о том, что демографическая проблема, грубая диспропорция производства в регионе, неэффективное использование конкретных преимуществ представляют серьезную угрозу для наших экономических и политических интересах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также

для национальной безопасности России в целом. Действительно, по мнению полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Ю. Трутнева, инфраструктура Дальнего Востока переживает серьезный кризис. Она была создана 30 лет назад при советской власти и от сильных ветров и дождей все более и более ветшает и приходит в негодность. Люди, живущие в отдаленных населенных пунктах, вынуждены разъезжать по плохим дорогам, использовать разбитые аэропорты, жить в домах, которые находятся в безобразном состоянии. По мнению Ю. Трутнева, если все эти проблемы «просто сгрудить в мешок и попытаться понять, что с этим делать, то ситуация выглядит очень жестко» [2].

Одна из причин этих проблем в том, что территория Дальнего Востока составляет 36 % всей территории России, а проживает в ней всего лишь 4 % населения всей страны. К этому необходимо добавить, что Дальневосточный федеральный округ (ДФО) ежегодно покидают более 30 тыс. человек. Уезжают, как правило, в европейскую часть России с тем, чтобы улучшить жизненные условия. Уезжают те, кто может уехать, у кого есть для этого финансовые возможности.

Министерство по развитию Дальнего Востока всячески пытается затормозить отток населения. Местные власти пытаются любой ценой восстановить баланс трудовых ресурсов, поэтому Правительство России помогает Дальнему Востоку в решении кадровых проблем. По указанию Президента В. Путина, в начале сентября 2015 года было создано агентство по развитию человеческого капитала, которое столкнулось с демографической проблемой: старение населения, низкая рождаемость, высокая смертность и отъезд населения. Превышение численность уехавших из региона значительно превышает численность приехавших граждан России. Люди, как правило, направляются как в европейскую часть страны, так и за границу, в первую очередь, в Китай.

С тем, чтобы исправить ситуацию Правительство России пытается создавать на Дальнем Востоке льготные условия для развития бизнеса, создавать свободные морские порты и территории опережающего развития (ТОР). По мнению директора Азиатско-Тихоокеанского института миграционных процессов Юрия Авдеева, территорией опережающего развития должен стать весь Дальний Восток. Ситуацию можно изменить лишь тогда, когда будет создана особая миграционная зона с благоприятными условиями для предпринимателей.

Для решения демографической проблемы на Дальнем Востоке ученые предложили два варианта миграционной стратегии России. Так, например, А.Д. Вишневский считает совершенно нормальным воспроизводство населения Дальнего Востока в процессе внешней миграции, что вызывает сильнейшую критику со стороны многих политологов и демографов. Другой специалист по демографии Л.Л. Рыбаковский полагает, что приоритетным должно быть повышение рождаемости и снижение смертности внутри страны.

Однако на сегодняшний день те меры, которые были приняты, не могут решить поставленных задач. Проблемы социально-экономического освоения Дальней Сибири и Дальнего Востока – результат нехватки собственных сил: финансовых и кадровых ресурсов для сравнительного быстрого решения многоплановых задач. И здесь особую роль должно сыграть торгово-экономическое сотрудничество с соседним Китаем.

После того, как в 2012 г. Си Цзиньпинь пришел к власти и стал Председателем КНР, он выдвинул идею возрождения Китая, как реализацию «китайской мечты» о благополучии и процветании страны. Им была сформулирована и продвинута идея Экономического шелкового пояса и Морского шелкового пути («один пояс, один путь»). В результате внешнеэкономическая стратегия КНР была направлена, в первую очередь, на укрепление торгово-экономических отношений с Россией, тем более что на протяжении последних пятидесяти лет интерес к нашей стране со стороны Китая исключительно высок.

Дальний Восток богат полезными ископаемыми: на его территории содержится 30% российских запасов каменного угля, 20% углеводородов, 25% древесины, 7 тыс. тонн золота, 90% российских запасов платиновых металлов и т.д. Эта территория обладает огромными гидроресурсами, что особенно в перспективе будет интересовать Китай [3].

Когда-то Мао Цзэдун и Дэн Сяопин выдвинули претензии в адрес Советского Союза, требуя исправить «историческую несправедливость», требуя возвращения 1 млн. кв. км территорий Забайкальского Края. Однако, подписанный 16 июля 2001 года российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве положил конец разногласию по границе между Россией и Китаем, закрепив на официальном уровне отсутствие территориальных претензий со стороны КНР.

Серьезным долгосрочным риском для всего Китая являются три глобальные проблемы: демографическая, нехватка энергоресурсов и загрязнение окружающей среды. Обострение этих проблем может ввергнуть КНР в затяжной экономический и политический кризис. А если к этому добавить высокий уровень безработицы в китайских городах, особенно в тех, которые находятся в провинциях на границе с Россией, а их не менее 10 млн. человек, понятен будет дополнительный интерес со стороны Китая углублять добрососедские и экономические отношения с Российской Федерацией. В настоящее время около 25% трудоспособного населения Китая являются частично или полностью безработными.

Китайские власти готовы организованно осуществить миграцию рабочей силы из пограничных с Россией китайских провинций – Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. Китайская сторона ежегодно готова поставлять в Россию до 300 тыс. человек для работы, в первую очередь, в такой отрасли как сельское хозяйство.

Из-за отсутствия точных данных оценить численность китайских иммигрантов в России очень трудно. Существующие цифры опираются на стати-

стику пограничников, УВД, таможи, местных администраций и различных социологических опросов, данные которых заметно расходятся. Однако можно предположить, что в настоящее время на территории России находятся порядка 300 тыс. китайских мигрантов. Вероятно, и эта цифра является значительно заниженной.

Следует учесть, что для решения демографической проблемы Китай разрешил рождение двоих детей в семье, что должно привести, по мнению руководства страны, к омоложению населения и решению ряда экономических проблем. Однако прирост населения не может быть бесконечным. По мнению ряда ученых, природные ресурсы Китая могут прокормить не более 1 млрд. 600 млн. человек. Возникают естественные вопросы: что делать с населением, если его численность перевалит за эту цифру? где оно будет жить? какую воду пить? чем питаться?

В связи с тем, что Китай не способен полностью решить проблему безработицы и обеспечить свое население устойчивыми доходами, Правительство КНР оказалось крайне заинтересованным в выезде своих граждан за рубеж. Ведь власти Китая уверены в том, что, где бы ни находился китаец, он будет служить процветанию своей родины.

Поэтому, начиная с 90-х годов XX века, Китай активно приступил к освоению потребительского рынка Дальнего Востока. Туристические фирмы обеих стран организовали приезд в приграничные районы Дальнего Востока китайских рабочих, торговцев под видом туристов.

Социально-демографический состав китайских мигрантов демонстрирует доминирование мужчин над женщинами (85% к 15%), а также превосходство людей молодого и среднего возраста (от 26 до 30 лет и от 31 до 35 лет). В результате социологического опроса выяснилось, что большая часть мигрантов получила информацию о возможности поездки в Россию через неофициальные каналы: рассказы родственников и знакомых (около 80%) и интернет сайты (около 12%), т.е. «сарафанное радио» оказалось самым эффективным каналом распространения информации [4].

По данным сельскохозяйственной организации при ООН Китай способен, на сегодняшний день, полностью обеспечить себя продовольствием. Тем не менее, он продолжает импортировать его из различных государств и, в первую очередь, из России. Это хорошо продуманный ход, так как, во-первых, стоимость импортируемых сельскохозяйственных продуктов достаточно низкая, а во-вторых, появляются новые источники сельскохозяйственных продуктов.

С первых лет своего присутствия на территории Российской Федерации китайцы арендовали и использовали под гостиницы жилые площади и профилактории, окружив себя необходимой инфраструктурой для того, чтобы оказывать складские, транспортные, кредитно-банковские, гостиничные и прочие услуги. При этом китайские мигранты проявили желание к изолированному проживанию и введению торговли. По мнению известного китаеве-

да В. Гельбраса, большинство китайских мигрантов представляет собой организованную структуру для обеспечения товарного потока из Китая. Многие китайские граждане, въезжая в РФ, затем разъезжаются по ее территории в разные стороны.

Весной 2002 г. председатель КНР Цзян Цзэминь провозгласил новую глобальную внешнеэкономическую политику под девизом: «Идти во вне!», которая позднее стала известна как «Стратегия продвижения китайских товаров, инвестиций, технологий и рабочей силы». В качестве основной задачи была поставлена цель – завоевание не менее 10% международного рынка труда [5].

Приграничные районы России и Китая налаживают экономическое сотрудничество между собой. Так, например, согласно договору с Правительством Забайкальского края, китайские компании взяли в аренду 115 тыс. га земли сроком на 49 лет за крайне низкую стоимость – всего лишь за 1,4 млрд. рублей, пообещав, при этом, привлечь инвестиции.

В Еврейской автономной области и Хабаровском Крае китайцы арендовали под сельскохозяйственные угодья 14 тыс. га земли для выращивания риса и овощей. Для обработки этих земель местные власти привлекли более 3 тыс. китайцев [6].

Сдача земли для выращивания сельскохозяйственной продукции выгодна обеим странам, однако китайские рабочие в сельском хозяйстве, как правило, используют в большом количестве пестициды и другие химические удобрения, которые быстро истощают использованную землю, делая ее непригодной для будущих поколений. Китайцы считают, что чем больше вносятся удобрений, тем лучше. В условиях острого дефицита земли у себя на Родине, для китайца главное – высокая урожайность, поэтому вкус и качество овощей не имеют для них большого значения. В самом Китае более 3 млн. га земли пришло в негодность из-за чрезмерного применения удобрений. Поэтому необходимо осуществлять не менее жёсткий контроль над эксплуатацией китайскими рабочими российских земель, чем тот, который применяется к российским компаниям. Однако реально это будет трудно осуществить, поскольку необходимы дополнительные финансовые средства, которых и так не хватает на Дальнем Востоке.

Противники китайской миграции, как правило, применяют стереотипы, вроде того, что авторитарный Китай представляет собой «жёлтую угрозу и ползучую экспансию в Сибирь», тем более что на границе с Дальним Востоком соседствуют китайские провинции с населением более 100 млн. человек. И, хотя Россия пытается контролировать численность иностранной рабочей силы на границе с Китаем, тем не менее, российский Дальний Восток заинтересован в том, чтобы эта рабочая сила привлекалась во все больших объемах, в виду нехватки собственной.

По мнению многих специалистов, необходимо приглашать рабочую силу не только из Китая, но и из Японии, Кореи, Вьетнама. И, в первую очередь,

привлекать не торговцев, а высококвалифицированных рабочих, тех, кто будет работать на строительстве дорог, инженерных сооружений, жилья и т.д. Необходимо попытаться создать в этом регионе «плавильный котел» для того, чтобы рабочие различных национальностей, с одной стороны, конкурировали между собой, а с другой – кооперировались, объединенные одной целью.

Китай, запретив вырубку леса на своей приграничной территории, стал основным потребителем российского леса: в 2014 году на КНР пришлось более половины общего экспорта необработанной древесины, часть которой вывозится из России нелегально. Снижение поставок леса в Европу и увеличение объемов экспорта в Китай есть результат переориентации российской политики на фоне охлаждения отношений с Западом.

В России китайские компании, как правило, арендуют лесные участки под вырубку с последующей обработкой древесины и продажей ее России. Поэтому в задачу для местных дальневосточных властей должны войти как жесткий контроль над вывозом древесины, так и организация ее обработки на территории России.

Реализация крупных экономических проектов, таких как, строительство дороги Москва-Пекин, конечно же, потребует привлечения тысяч китайских строителей и специалистов, которые разъедутся по всей России. Однако эффективно контролировать данный процесс Россия не в состоянии, поэтому очень важной задачей, которая стоит перед государственным регулированием миграции, является переход к регулированию качественных и количественных параметров миграционных потоков. Для этого необходимо выработать эффективные методы по управлению миграцией для ее дальнейшего направления в малонаселенные районы. Законодательные нормы, которые регулируют права мигрантов, отражены в административном законодательстве, которое необходимо совершенствовать. Эта система законов должна стимулировать желательные для России потоки мигрантов.

Крупномасштабное привлечение иммигрантов в Россию экономически выгодно для страны и в той или иной степени противодействует ее демографическому упадку. Но в то же время массовая иммиграция способна породить множество проблем, связанных со взаимодействием местного и пришлого населения, и стать источником серьезных социальных, этнических, конфессиональных и других конфликтов. Пока еще не выработана долговременная миграционная стратегия в России.

К 2016 г. в Китае произошел заметный рост доходов населения в такой степени, что уже в 2006 г. средний уровень заработной платы большинства рабочих и служащих страны стал равным заработной плате рабочих и служащих России. Если учесть тот факт, что стоимость жизни в современном Китае в 3-5 раз ниже, чем в России, тогда понятно, почему для населения Дальнего Востока Китай оказывается более привлекательным. Общая численность российских граждан, проживающих на территории Китая, составляет более 300 тыс. человек. Это, как правило, инженеры, научные работники, препода-

ватели, бизнесмены. Китай испытывает значительный интерес к высококвалифицированной рабочей силе и интеллектуальным кадрам. Поэтому Россия может рассчитывать на привлечение в основном китайской неквалифицированной рабочей силы.

Объективный взгляд на российско-китайские отношения приводит к выводу, что между нашими странами еще существуют определённые сложности внутри Шанхайской организации сотрудничества. Однако, грандиозные социально-экономические задачи, которые ставят перед собой Россия и Китай, «обрекают» наши страны на добрососедство, политическое, экономическое и военное сотрудничество.

Список литературы

1. Баженова Е.С. Инновационные аспекты демографического развития России и Китая / Успехи и проблемы модернизации современного Китая: сборник тезисов участников III Международной научно-практической конференции «Успехи и проблемы модернизации современного Китая» (к 110-летию со дня рождения Дэн Сяопина). «Великие экономисты и великие реформы» (Москва, 10-11 декабря 2014 г.) / под ред. Р.М. Нуреева, С.А. Просекова. – М.: Финансовый университет, 2014. – 305 с.

2. Березина Е. Вклад «Дальневосточный» // Российская газета. – Федеральный выпуск №7002 (134) от 21.06.2016.

3. Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени / М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – 224 с.

4. Перская В.В., Эскиндаров М.А. Точки сопряжения экономических стратегий развития государств – членов АТЭС и ШОС при переходе к многополярности (Методологические подходы и инструментарий выявления сфер взаимного интереса) // В.В. Перская, М.А. Эскиндаров. – Москва: Экономика, 2013. – 388 с.

5. Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / Отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: КРАСАНД, 2011. – 296 с.

6. Вовк А. Кому на российской земле пахать хорошо, или как китайцы используют нашу землю // МК. – № 27225 от 10.10.2016.

Рязанцев Сергей Васильевич,
член-корреспондент РАН,
руководитель Центра социальной демографии
и экономической социологии,
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Письменная Елена Евгеньевна,
(доктор социологических наук, доцент,
профессор Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ ВЬЕТНАМЦЕВ НА ОБУЧЕНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ: ИМЕЕТ ЛИ РОССИЯ ШАНСЫ ПОЛУЧИТЬ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ?

(Исследование проведено в рамках проекта РГНФ № 15-23 09001_м(а))

В статье представлены итоги совместного исследования ИСПИ РАН с Институтом европейских исследований ВАОН и Университетом внешней торговли Вьетнама по выявлению установок вьетнамской молодежи на обучение за рубежом, в том числе – в российских университетах. Исследование опирается на два социологических опроса в 2016 г. (молодежи и экспертов), итоги которых представлены в докладе. Согласно им около половины опрошенных вьетнамских школьников и студентов хотели бы учиться за рубежом. Приоритетными направлениями образовательной миграции являются страны, проводящие активную политику привлечения потенциальных студентов во Вьетнаме – Австралия, США, Франция, Великобритания, Япония и Южная Корея. Дана характеристика российской политики в этой сфере как неадекватной стоящим задачам. Россия не входит в число приоритетных направлений для обучения молодых вьетнамцев и существенно проигрывает в конкурентной борьбе другим государствам. Приведен анализ национальной стратегии развития молодежи во Вьетнаме на 2011-2020 гг., открывающей уникальный шанс для России при разумном подходе войти во Вьетнам с по-настоящему масштабным языковым проектом. Автор делает вывод, что Россия имеет необходимые условия для привлечения вьетнамских студентов в свои университеты и должна выработать новую «внешнюю» миграционную политику.

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, миграционная политика, студенты, эксперты, приоритетные направления образовательной миграции, развитие российско-вьетнамских отношений, социологический опрос.

E-mail: riazan@mail.ru; nikitaR@list.ru

Ryazantsev Sergey V.,
*Corresponding member of the RAS,
head of the Center for social demography and
economic sociology,
Institute of social-political reseacheres
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Pismennaya Elena E.,
*Dr. (Sociology), Docent,
Professor of the Sociology Department,
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

MIGRATION ATTITUDES OF YOUNG VIETNAMESE TO STUDY ABROAD: HAS RUSSIA A CHANCE TO GET THE VIETNAMESE STUDENTS?

(The study was conducted within the project number 15-23 RFH 09001_m (a))

The report presents the results of a joint study with the ISPR and Institute for European Studies VASS and the University of Vietnam's foreign trade to identify Vietnamese youth facilities to study abroad, including – in Russian universities. The study is based on two sociological survey in 2016 (young people and experts), the results of which are presented in the report. According to them, about half of the respondents of Vietnamese pupils and students would like to study abroad. The priority areas of educational migration are countries implementing an active policy to attract potential students of the Vietnam – Australia, USA, France, UK, Japan and South Korea. The characteristic of Russian policy in this area as the task was inadequate. Russia is not among the priorities for the training of young Vietnamese and essentially loses in the competition to other states. The analysis of the national youth development strategy in Vietnam 2011-2020, offers a unique chance for Russia with a reasonable approach to enter Vietnam with a truly ambitious language project. The author concludes that Russia has the necessary conditions to attract Vietnamese students in their universities and must develop a new “external” migration policy.

Keywords: Vietnam, Russia, migration policy, students, experts, educational migration priorities, the development of Russian-Vietnamese relations, an opinion poll.

E-mail: riazan@mail.ru; nikitaR@list.ru

Целью проекта было выявление установок вьетнамской молодежи и оценка миграционного потенциала вьетнамской молодежи для обучения в российских университетах. В сотрудничестве с учеными Института европейских исследований ВАОН и Университета внешней торговли в 2016 г. было проведено два социологических опроса во Вьетнаме и России. Во-первых, во Вьетнаме были опрошены 278 молодых людей (школьников выпускных классов и

студентов), изучающих русский язык в университетах и школах. Во-вторых, во Вьетнаме и России были опрошены около 50 вьетнамских и российских экспертов: представителей органов государственной власти, ученых, преподавателей, сотрудников посольств, журналистов и бизнесменов с целью определения миграционного потенциала вьетнамской молодежи в целом и их установок на Россию в частности.

И хотя в стратегических документах прямо не указано на необходимость стимулирования образовательной миграции за границу. В политике обновления заданы посылы в данном направлении. В частности в политическом докладе для ЦК КПВ XI созыва XII съезду партии значительное внимание уделяется вопросам вложений в человеческий потенциал, развитию преподавательских и управленческих кадров, науки и технологий. Кроме того, ранее во Вьетнаме принята национальная стратегия развития молодежи на 2011-2020 гг. И очевидно, что Вьетнам планомерно будет придерживаться стратегии повышения образовательного уровня молодежи, в том числе через канал обучения за рубежом и привлечения высококвалифицированных специалистов в страну.

Кроме того, получение образования за рубежом в современном вьетнамском обществе является элементом престижа, социального статуса, характеризует успешные социальные стратегии развивающегося среднего класса. На долю Вьетнама приходится около 4% студентов, обучающихся за границей, из региона Восточной и Юго-Восточной Азии. По данным ЮНЕСКО в 2014 г. численность образовательных мигрантов из Вьетнама за границей составила около 53 тыс. человек (это, например, в 2 раза больше, чем из соседнего Таиланда (25,5 тыс. человек). Согласно экспертным оценкам около 2 млрд. долларов вьетнамские родители тратят на обучение детей за границей. Наиболее привлекательными для вселения вьетнамских образовательных мигрантов остаются страны, поддерживающие активные программы их привлечения: Австралия (около 48 тыс.), Франция (более 11 тыс.), Великобритания (более 9 тыс.), США (около 34 тыс.). К сожалению, Российская Федерация теряет в абсолютном и относительном измерении вьетнамских образовательных мигрантов. Если в 2008 г. на долю России приходилось около 10% всех образовательных мигрантов из Вьетнама, в 2014 г. только около 3%. В рейтинге стран, принимающих вьетнамских студентов в 2014 г., Россия занимала 5 позицию (рис. 1).

В ходе наших социологических опросов 2016 г. было установлено, что вьетнамская молодежь обладает устойчивыми намерениями продолжить обучение за границей, и, следовательно, является носителем высокого миграционного потенциала образовательной миграции за рубеж. Согласно опросу экспертов около половины опрошенных вьетнамских школьников и студентов хотели бы учиться за рубежом. Согласно нашему опросу молодежи только 10% опрошенных не имеют желаний продолжить обучение за границей. Около 74% хотели бы обучаться за границей. Затруднились ответить и не ответи-

ли 16% (табл. 1). Данная когорта вьетнамской молодежи, не сформировавшая твердого мнения о намерениях учиться за границей, может рассматриваться как неустойчивая и, при активных действиях, направленных на вовлечение молодежи в процесс образовательной миграции, перейти в группу потенциальных мигрантов.

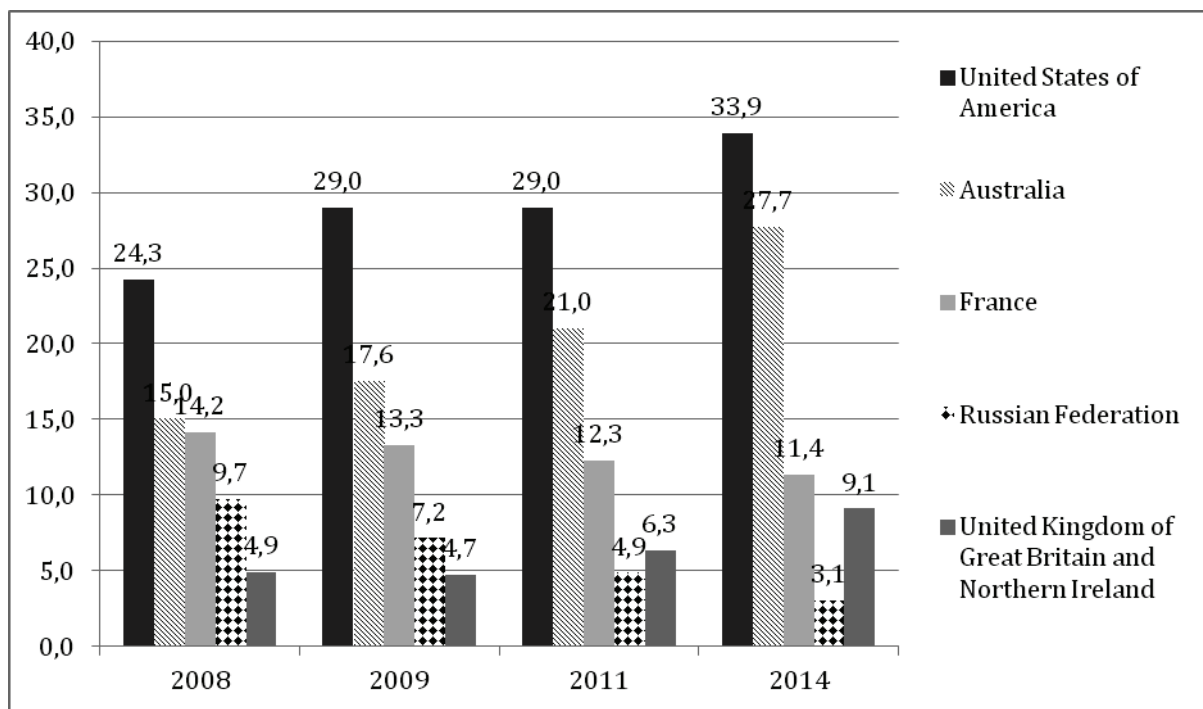

Рис. 1. Численность вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом в 2008-2014 гг., человек

Таблица 1.

Миграционные намерения вьетнамской молодежи (ответ на вопрос «Хотели бы Вы продолжить обучение за границей?»)

Ответы	Частота ответов, человек	Доля, %
Да, хотел(а) бы	205	73,7
Нет, не хотел(а) бы	28	10,1
Не думал (а) об этом	20	7,2
Затруднились ответить	25	9,0
Итого	278	100,0

Возможности формирования миграционного потенциала для национальных университетов доказывает активная политика Японии и Южной Кореи. Например, Япония не только вкладывает значительные инвестиции во экономику Вьетнама, но и параллельно развивает масштабные образовательные и культурные программы для вьетнамской молодежи (центры, выставки, кинофестивали, гранты, летние лагеря, поездки, стажировки, и пр.). Активи-

зируют свою деятельность во Вьетнаме также Китай, Сингапур и Таиланд. В 2016 г. подписано новое соглашение о сотрудничестве в образовательной сфере с Китаем. Еще пример. Ранее различные университеты из Таиланда стали активно выходить в различными образовательными программами и привлекает студентов из соседних Камбоджи, Вьетнама, Лаоса.

Российская образовательная политика развивается гораздо слабее, опирается на традиционные методы, не имеет достаточного размаха. В настоящее время прием иностранных граждан и соотечественников, проживающих за рубежом квотирован в количестве не более 15 тыс. человек в год всего за счет ассигнований из федерального бюджета [Постановление «Об установлении квоты...», 2013]. Размер квоты увеличен в 1,5 раза по сравнению с 2009 г. В 2016 г. 90-миллионному Вьетнаму были выделены квоты на обучение всего 850 вьетнамцев в российских вузах. Несмотря на создание Россотрудничества и фонда «Русский мир» и наличие у них значительных бюджетов, во Вьетнаме существенно сократилось распространение русского языка (осталось только 10 школ с преподаванием русского языка, в 2015 г. только 2 преподавателя из России приехали для проведения курсов русского языка на 2 месяца!). Эксперты отмечали, что деятельность Фонда мира в советское время была гораздо более эффективнее. К сожалению, отсутствует реклама российских университетов, нет доступных курсов русского языка, не доходит литература до провинциальных библиотек, вузов и школ. Слабо развивается культурный и научно-образовательный обмен. Нет системы грантов для молодежи. Кроме того, экономическое взаимодействие между странами остается на низком уровне, что не дает возможности вьетнамцам – выпускникам российских вузов найти достойную работу на вьетнамском рынке труда. В результате, Россия не входит в число приоритетных направлений для обучения молодых вьетнамцев и существенно проигрывает в конкурентной борьбе другим государствам. Эксперты отмечают, что даже люди, учившиеся в СССР и России, отправляют своих детей учиться в страны Запада, Японию, Южную Корею, Австралию, поскольку не видят перспектив их трудоустройства с российскими дипломами. Опрос экспертов в сентябре 2016 г. на встрече общества «Ностальгия по СССР» (объединяет около 8 тыс. вьетнамцев, учившихся и работавших в СССР и России) это подтвердил.

При этом, миграционный потенциал образовательной миграции для России гораздо выше данных цифр. Больше половины всех опрошенных молодых вьетнамцев (около 57%) желают продолжить обучение в России (табл. 2). Около, 18% респондентов указали Россию наиболее предпочтительной среди всех стран для вселения и получения дальнейшего образования. Главным образом, это те, кто в настоящее время обучается в России и имеет уже установившиеся социальные и культурные связи.

Тем не менее, в силу объективных особенностей возрастной структуры вьетнамская молодежь представляет собой определенный потенциальный источник образовательной миграции для России. В 2019 г. численность школь-

ников от 6 до 10 лет во Вьетнаме составит 7,45 млн. человек. А еще Вьетнаму требуется 397 тыс. учителей и 300 тыс. классов. С 2017 г. китайский и русский языки могут выбираться вьетнамскими школьниками с третьего класса для обязательного обучения. Это официальная позиция властей, с которой не согласна значительная часть вьетнамского общества.

Таблица 2.

Миграционные намерения вьетнамской молодежи на обучение в России

Ответы	Частота ответов, человек	Доля, %
Да, хотел (а) бы	160	56,7
Нет, не хотел (а) бы	52	18,7
Не думал (а) об этом	62	22,3
Затруднились ответить	4	1,4
Итого	278	100,0

Демографический потенциал Вьетнама и миграционный потенциал вьетнамской молодежи дает возможность еще большего расширения сотрудничества в этой области образовательной миграции в Россию. Однако, в условиях отсутствия стимулирующих мер, миграционные ориентиры вьетнамской молодежи по направлению к России ослабевают и фактически, образовательные мигранты едут в страны, ведущие политику активного привлечения иностранных студентов.

И хотя Россия декларировала необходимость модернизации образования вообще и интернационализации высшего образования в частности, а перед вузами поставлена задача войти в число ведущих университетов мира, реального увеличения численности вьетнамских студентов в России происходит крайне медленно. По данным Министерства образования и науки РФ в 2012/2013 учебном году 4,1 тыс. вьетнамцев обучались в российских вузах, в 2013/2014 учебном году – 4,3 тыс. вьетнамцев [Обучение иностранцев..., 2015]. По данным Росстата численность граждан Вьетнама в 2013/2014 учебного года составило 2,9 тыс. студентов, а в 2014/2015 учебном году – численность возросла до 3,9 тыс. человек [Российский статистический ежегодник, 2015].

Это дает уникальный шанс для России при разумном подходе войти во Вьетнам с по-настоящему масштабным языковым проектом. Исторические, геополитические, экономические, социальные, демографические предпосылки для этого есть. С одной стороны, данный проект мог быть формой помощи в развитии и расширением социально-экономического и культурного сотрудничества. А с другой стороны, элементом новой “внешней” миграционной политики России, которая не просто фиксирует миграцию внутри страны, а активно формирует миграционные потоки в странах – геополитических союзниках и экономических партнерах. Россия имеет уникальные условия для привлечения вьетнамских студентов в российские университеты, но для этого нужна новая “внешняя” миграционная политика.

Список литературы

1. Лукьянец А.С., Нгуен Кань Тоан, Рязанцев С.В., Тикунов В.С., Фам Хоанг Хай. Влияние климатических изменений на миграцию населения во Вьетнаме// География и природные ресурсы. – 2015. – № 3. – С. 191-196.
2. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Вьетнамские мигранты на российском рынке труда// Служба занятости. – 2016. – № 3. – С. 66-69.
3. Age-Sex Structure and Marital Status of the Population in Vietnam, Vietnam Population and Housing Census 2009, Ministry of Planning and Investment, General Statistic Office, Hanoi, 2011, 168 p.
4. Education in Vietnam: an Analysis of Key Indicators, Vietnam Population and Housing Census 2009, Ministry of Planning and Investment, General Statistic Office, Hanoi, 2011, 196 p.
5. Youth Law and the Vietnamese Youth Development Strategy 2011-2020, Hanoi, 2012, 28 p.
6. Young People in Vietnam: Selected Indicators, From the 2009 Vietnam Population and Housing Census, UNFPA, Hanoi, 2011, 44 p.

*Симагин Юрий Алексеевич,
кандидат географических наук,
заведующий лабораторией,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
Российской академии наук;
доцент Департамента экономической теории,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИЙ НА ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ¹

Проанализирована дифференциация субъектов Российской Федерации по влиянию миграций на динамику численности населения за период 2010-15 годов. Выделены типы регионов с положительным и отрицательным миграционным сальдо. Выявлены регионы России, отличающиеся максимальным притоком и оттоком населения. Показаны тенденции внутрирегиональных миграций на уровне муниципальных образований.

Ключевые слова: динамика численности населения, внешние и внутренние миграции, депопуляция, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования.

E-mail: yas63@yandex.ru

*Simagin Yuriy A.,
PhD (Geography), Head of the laboratory,
Institute Social-Economic problems of Population
of the Russian Academy of Sciences;
Docent of the Department Economic theory,
Financial university under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

THE INFLUENCE OF EXTERNAL AND INTERNAL MIGRATION ON THE POPULATION OF THE RUSSIAN REGIONS

Analyzed the differentiation of Russian regions according to the importance of migration in population dynamics over the period 2010-15 years. Selected types of regions with positive and negative migration balance. Identified the subjects of the Russian Fed-

¹ Исследование проведено за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2016 года

eration, characterized the maximum in-migration and out-migration. Shows the trends in intra-regional migrations on the level of municipalities

Keywords: population dynamics, external and internal migration, depopulation, Russia's regions and municipalities.

E-mail: yas63@yandex.ru

Численность населения практически всех субъектов Российской Федерации в значительной степени зависит от миграционных процессов, как внешних (эмиграция и иммиграция), так и внутренних. Россия в целом отличается стабильным миграционным притоком населения, который в значительной мере компенсировал естественную убыль конца XX – начала XXI веков. Начиная с 2010 года, в противоположность предыдущим почти двум десятилетиям, численность населения страны стала увеличиваться – в 2010-12 гг. только за счет положительного сальдо миграций, а с 2013 года – также и за счет небольшого естественного прироста населения. На 1 января 2016 г. численность населения Российской Федерации составила 146,5 тыс. человек [2]. То есть прирост численности населения страны в границах 2010 года за 6 лет (2010-15 гг.) составил 1,3 млн человек – это 0,9% или в среднем 0,15% ежегодно.

При этом в целом за шестилетний период весь прирост численности населения был достигнут только за счет переселения на постоянное место жительства в Россию почти 1,6 млн жителей зарубежных государств (в среднем около 250 тыс. человек ежегодно), тогда как естественная убыль населения России за 2010-16 гг. составила около 300 тыс. человек. То есть прибывшие из зарубежных государств примерно в 5 раз перекрыли естественную убыль населения страны. В основном в Россию, как и в 1990-е гг., переселяются жители бывших республик СССР, за счет которых в последние годы формировалось 97-98% положительного миграционного сальдо страны в целом. В общем объеме миграций населения России международная (внешняя) миграция составляет лишь около 10%. В частности, в 2014 году общий миграционный оборот в России (сумма прибывших и выбывших) составил 8979,7 тыс. человек, тогда как оборот с зарубежными странами – 887,0 тыс. человек. Из внутрироссийского оборота примерно половина приходится на миграции между регионами – субъектами Российской Федерации, а вторая половина – на внутрирегиональные миграции. Анализ региональной дифференциации сальдо миграций показывает, что именно миграции очень часто являются решающим фактором изменения численности населения. Так, миграционный прирост, характерный для России в целом, за период 2010-15 гг. отмечался только в 36 из 83 субъектов Российской Федерации в границах 2010 года, то есть лишь в 2/5 регионов страны. Эти территории по направлениям притока мигрантов можно разделить на 3 группы, представленные в таблице 1. В остальных 47 регионах России наблюдалась миграционная убыль населения.

Таблица 1.

Группы регионов России с миграционным приростом по направлениям притока мигрантов за период 2010-15 гг.

Прирост только за счет мигрантов из-за рубежа	Прирост в основном за счет мигрантов из-за рубежа	Прирост в основном за счет внутренних мигрантов
Ивановская область	Белгородская область	Город Москва
Калужская область	Воронежская область	Московская область
Курская область	Калининградская область	Ярославская область
Липецкая область	Республика Адыгея	Город Санкт-Петербург
Рязанская область	Республика Татарстан	Ленинградская область
Смоленская область	Нижегородская область	Краснодарский край
Тамбовская область	Свердловская область	Республика Ингушетия
Тверская область	Челябинская область	Новосибирская область
Тульская область	Томская область	Тюменская область без автономных округов
Ненецкий АО		
Новгородская область		
Астраханская область		
Ростовская область		
Ставропольский край		
Самарская область		
Саратовская область		
Ханты-Мансийский АО		
Красноярский край		

Источник: расчеты автора по официальным данным Росстата [2].

Из таблицы видно, что внешняя (международная) миграция, несмотря на небольшую долю в миграционном обороте населения страны, имеет огромное значение для динамики численности населения на региональном уровне. Так, в 1/2 субъектов Российской Федерации, где в последние годы отмечался миграционный прирост населения, произошло это только за счет положительного сальдо миграций с зарубежными странами при отрицательном – с другими регионами России. Суммарный миграционный прирост населения с другими регионами России и зарубежными странами в регионах этой группы за 2010-15 гг. составил всего около 150 тыс. человек (0,5% от численности населения в 2010 году), в том числе за счет миграционного обмена с зарубежными странами – 400 тыс. человек. Еще в 1/4 регионов с миграционным приростом он был обеспечен в основном за счет миграционного обмена с зарубежными странами при том, что они имели положительное сальдо миграций населения и с остальными регионами России. Суммарный миграционный прирост населения с другими регионами России и зарубежными странами в 9 регионах этой группы за 2010-15 гг. составил около 300 тыс. человек (1,0% от численности населения в 2010 году), в том числе за счет миграционного обмена с зарубежными странами – 200 тыс. человек.

Территории, где миграционный прирост наблюдался только или в основном за счет переселенцев из зарубежных стран, расположены преимущественно в Центральной и Северо-Западной России, а также в южной половине Европейской части России, которые отличаются благоприятными природными условиями. Хотя решающую роль миграционный приток из зарубежных стран имеет также в промышленных уральских регионах – Свердловской и Челябинской областях, а также в некоторых северных регионах с развитой добывающей промышленностью (в основном нефтяной) – Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Томской области, Красноярском крае.

Регионы, в которых миграционный прирост населения в последние годы шел в основном за счет переселенцев из других регионов России – это столицы Москва и Санкт-Петербург с примыкающими к ним областями, а также отдельные регионы на юге Европейской части и юге Сибири. Суммарный миграционный прирост населения с другими регионами России и зарубежными странами в регионах этой группы за 2010-15 гг. составил около 2 млн человек (5% от численности населения в 2010 году), в том числе за счет миграционного обмена с зарубежными странами – примерно 500 тыс. человек. Именно в этой группе расположены регионы России, выделяющиеся наиболее интенсивным увеличением численности населения за счет миграций – Московская область (+7,2% от численности населения в 2010 году), город Санкт-Петербург (+6,7%), Ленинградская область (+6,2%). Преобладание внутренних мигрантов в этих регионах связано как с их особой популярностью среди россиян, так и со сложностью официальной регистрации в них для иностранных граждан.

В целом о территориальном распределении регионов страны с миграционными приростом или убылью населения можно сказать, что для северо-восточной части России характерен миграционный отток, как и в предыдущие два десятилетия. Из 25 субъектов Российской Федерации, которые можно отнести к «зоне Севера» в широком смысле², только в 4 из них (16%) в последние годы наблюдался миграционный прирост населения – это Красноярский край, Томская область, Ханты-Мансийский и Ненецкий АО. Тогда как среди юго-западных регионов страны (остальные 58 субъектов РФ в границах 2010 года) миграционным приростом отличались 2/3 регионов. То есть в целом для юго-запада страны характерен миграционный прирост.

Сформированная в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН база данных «Муниципальная Россия» [1] позволяет также проанализировать миграционные потоки на уровне городских округов и муниципальных районов, пока только за 2010-11 гг. Можно отметить, что внутрирегиональная миграция, как правило, направлена из муниципальных районов, где часто преобладает сельское население, в городские округа, которые обычно

² Все регионы Северного, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов, а также Республика Алтай, Томская и Кемеровская области и автономные округа Западной Сибири.

представляют собой большой город с его ближайшим окружением. Так, в 2010 году сальдо миграций населения муниципальных районов составило -2,3 промилле (в том числе чисто сельских без городских поселений – -3,3 промилле), а городских округов – +3,6 промилле. При этом население городских округов с городом-миллионером увеличилось за счет миграций на 6,2 промилле, с городом с населением от 250 тыс. до 1 млн человек – на 3,3 промилле, с населением от 50 до 250 тыс. человек – на 1,3 промилле. Тогда население городских округов с городом или ПГТ с населением менее 50 тыс. человек сократилось из-за миграций на 1,6 промилле. То есть прослеживается прямая зависимость – чем крупнее город, тем интенсивнее в нем миграционный прирост населения, чем более аграрной является территория, тем больше в ней отток.

Имеет значение и географическое расположение муниципалитетов – некоторые северные территории, являющиеся преимущественно городскими, отличаются очень интенсивным миграционным оттоком жителей. Так в дальневосточных муниципальных районах Омсукчанском, Алеутском, Олюторском сальдо миграций в 2010 г. составляло -38-39 промилле, а в городских округах Инта и Воркута Республики Коми – -37 и -35 промилле соответственно. Одновременно некоторые чисто сельские муниципальные районы Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Белгородской областей характеризуются стабильным миграционным приростом населения, в том числе за счет переселения в них жителей северных регионов страны [3, С. 15-16]. В итоге можно сказать, что миграции в последние годы вносили значительный вклад в изменение численности населения как Российской Федерации в целом, так и ее отдельных субъектов и, особенно, муниципальных образований. На многих территориях миграции способствуют демографическому развитию, противодействуя депопуляции или усиливая естественный прирост населения. Но в большинстве регионов, особенно северных и восточных, интенсивный миграционный отток ведет к быстрому сокращению численности населения и, соответственно, потенциалу социально-экономического развития. Ситуация в них требует разработки специальной миграционной политики не только на уровне субъектов Российской Федерации, но и в масштабах всей России, так как миграционные процессы по самой своей сути не замыкаются в границах отдельных территорий, а имеют общенациональный или, в некоторых случаях, даже глобальный характер.

Список литературы и Интернет-источников

1. База данных «Муниципальная Россия», авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.
2. Официальный сайт Росстата. – URL: <http://gks.ru/> (дата обращения: 15 сентября 2016 г.)
3. Симагин Ю.А. Численность населения Таганрогской агломерации в 2010-14 гг. // Народонаселение. – 2016. – №1. – С. 13-19.

*Тухтарова Евгения Хасановна,
ведущий экономист,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия*
*Бедрина Елена Борисовна,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Миграционные процессы во все времена оказывали огромное влияние на все аспекты жизнедеятельности в мире. В настоящее время в условиях быстроменяющихся условий миграционные процессы значительно усложнились. А вследствие того, что историческое время сжалось, их изменения и последующее влияние ощущается практически сразу. Как известно Россия является зоной притяжения для внешних мигрантов. Между тем сама Россия является поставщиком квалифицированных кадров за рубеж.

Ключевые слова: миграционные процессы, квалифицированные кадры, утечка мозгов, регионы.

E-mail: tyevgeniya@yandex.ru; bedrina1967@mail.ru

***Tukhtarova Evgeniya Kh.**
leading economist,
Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*
***Bedrina Elena B.**
PhD (Economic), Docent,
Senior Researcher,
Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

MIGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN REGIONS

The migration process at all times had a huge impact on all aspects of life in the world. Currently, in the context of rapidly changing conditions, migration has become more complex. And due to the fact that historical time has shrunk, their changes and the subsequent impact

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

felt almost immediately. As you know Russia is a zone of attraction for international migration. Meanwhile, Russia itself is a supplier of qualified personnel abroad.

Keywords: migration, skilled, brain drain, regions.

E-mail: tyevgeniya@yandex.ru; bedrina1967@mail.ru

Ускорение глобализационных процессов, начавшееся в конце 80-х годов прошлого столетия, привело к беспрецедентному движению населения, которое охватило все континенты Земли. С началом этих миграционных процессов возобновился неподдельный интерес к данной теме, что привело к изучению и обсуждению ее в различных кругах. Такой интерес даже породил новое самостоятельное направление в гуманитарных науках как миграциология, основателем которого является российская школа [1]. Помимо этого появились новые концепции и дополнения к существующим теоретико-методологическим принципам и подходам относительно анализа внешней трудовой миграции.

Следует отметить, что наряду внешними миграционными процессами внутри России также началось движение населения из одних регионов в другие. В начале 90 – годов на фоне репатриации русских из стран СНГ, из самой России начался отток квалифицированных кадров в страны Запада [2]. Экономический спад в России привел механизм оттока «утечки мозгов» в действие снова. Так, в 2014 г. эмиграция из России вернулась на уровень 1997 г., что свидетельствует не только об ухудшении экономической ситуации в стране, но и сложности людей к самореализации и профессионального роста. В прошлом году эта тенденция усилилась. Поэтому в случае продолжения экономического спада и снижения качества жизни, население России будет и в дальнейшем покидать места своего постоянного проживания.

Между тем, неравномерное развитие регионов внутри самой России и существенные различия в формировании доходов в них создают условия для усиления процессов внутренней миграции. При этом динамика темпов валового регионального дохода на душу населения такова, что в различные периоды времени они сильно отличается и внутри развития самих регионов. Так, к примеру, в Уральском Федеральном округе (УрФО) восстановление экономики региона после глобального кризиса в 2010 г. произошло гораздо быстрее, чем в других федеральных округах России (рис. 1).

Это объясняется не только колебаниями мировых цен на ресурсы, но и в первую очередь, имеющимся потенциалом в регионе как человеческих, инвестиционных, административных, так и наличием эффективного функционирования реального сектора в экономике на территории субъекта [3]. К примеру, зафиксированный самый высокий уровень доходов на душу населения в УрФО объясняется не только нефтедобывающим сектором в Ханты – Мансийском автономном округе, но и наличием промышленного комплекса в Свердловской и Челябинской областях. При этом количество проживающего населения в регионе гораздо ниже, чем в Европейской части России, что также позволяет в среднем получать более высокий доход на душу населения.

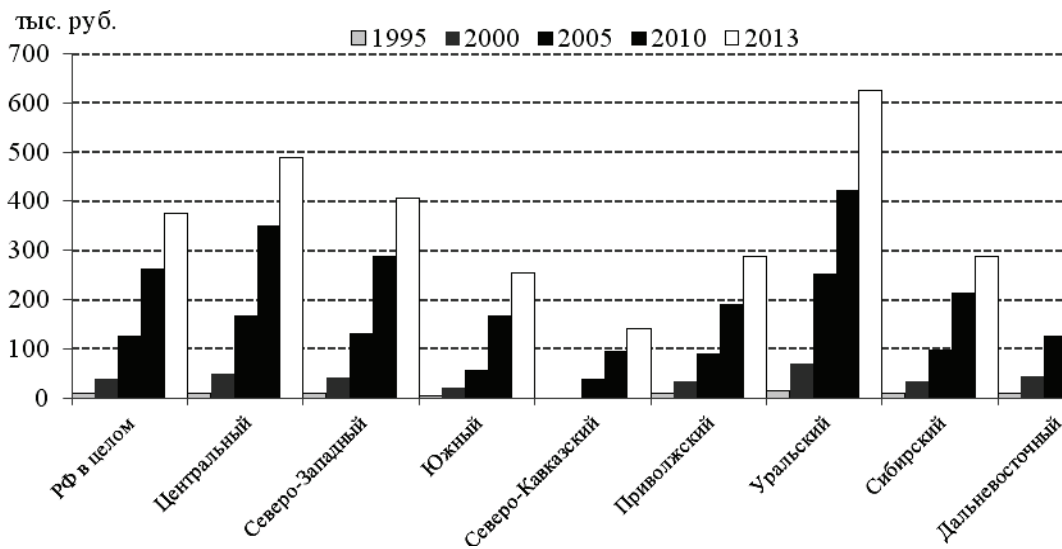

Рис. 1. Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации на душу населения (в текущих основных ценах)

Источник: составлено по Регионы России социально-экономические показатели: стат. сборник. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Дополнительно в России были сформированы: как единый центр притяжения населения (ядро – Москва), так и внутри округов выделялись свои центры притяжения, прежде всего, административные столицы, в которых уровень доходов значительно отличался от территорий «периферий». Следует отметить, что одни регионы притягивали население, а другие выталкивали. Так, в сравнении 2010 г. в 2014 г. наибольшая подвижность населения зафиксирована в Центральном ФО и Приволжском ФО более чем в два раза. Между тем наибольший отток населения произошел в Дальневосточном ФО также более чем в два раза. Необходимо отметить, что территориальная близость играет не последнюю роль в принятии решения мигрировать. Как можно наглядно убедиться, наибольшее миграционное взаимодействие наблюдается внутри региона. Из чего следует предположить, что ядро притягивает людей своими большими возможностями.

Силу притяжения населения наглядно демонстрирует динамика роста средней заработной платы по регионам России. Так, если в 90-х годах уровень доходов был приблизительно одинаков в целом по стране, то с началом расцвета финансовой системы и мирового спроса на углеводороды рост заработной платы стал значительно отличаться в регионах России (рис. 2), что и послужило основанием для усиления миграционных процессов внутри страны.

Таким образом, вот уже на протяжении четверти века в России идут сложные миграционные процессы. С одной стороны Россия является центром притяжения неквалифицированных мигрантов из стран СНГ, а с другой стороны из России утекают квалифицированные кадры за рубеж. При этом в настоящее время в стране формируются свои региональные центры притяжения,

способствующие население к миграционным процессам внутри самой России. Вследствие чего образуются разрывы и диспропорции в плотности распределения проживания населения в различных территориях, дифференциация в доходах и возможностей людей в самореализации. Такая негативная тенденция по нашему мнению в дальнейшем будет лишь усиливаться, в результате чего одни территории будут опустошены, а другие перенаселены. Это приведет к формированию различных анклавов или островов где будет «сытно и тепло», а в других население будет вести полунищий образ жизни. Такая ситуация требует активного вмешательства государства в недопущении таких территорий. Принятая программа в 2012 г. о заселении приоритетных зон страны пока не принесла своих положительных плодов. В ситуации сокращения бюджетного финансирования различных программ, следует предположить, что и в ближайшем будущем это программа вряд ли заработает эффективно, а население России активно примется осваивать Дальний Восток.

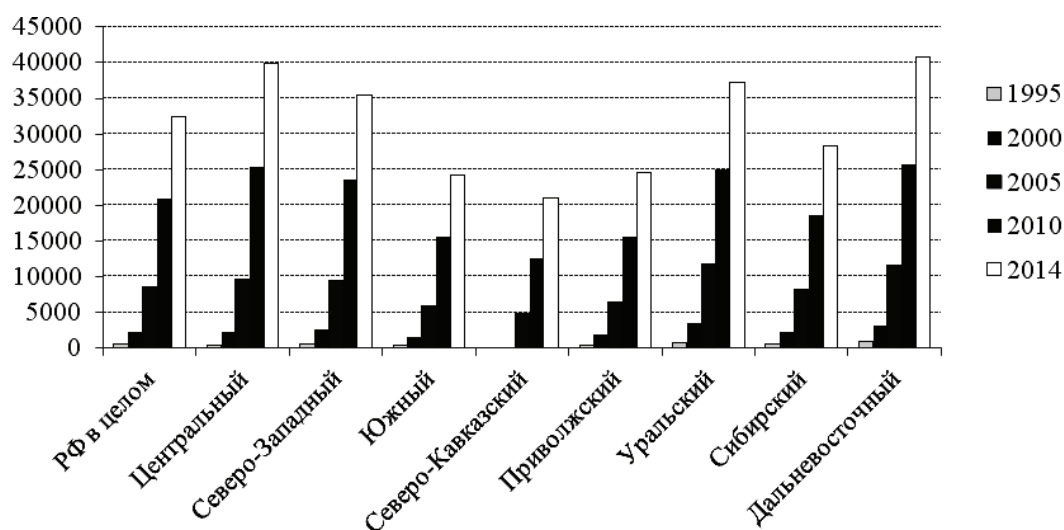

Рис. 2. Средняя заработная плата по федеральным округам РФ, руб.

Источник: составлено по Регионы России социально – экономические показатели: стат. сборник. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Список литературы

1. Massey, Douglas S. An Evaluation of International Migration Theory; The North American Case. *Population and Development Review*, 20: 1994. pp. 699-751
2. Локтионова Ю.А., Якушенко В.М. «Утечка мозгов» из России: проблемы и пути решения // *Экономическая среда*. – 2013. – №4 (6). – С. 148 – 153.
3. Курушина Е. В. Расширение концептосферы регионального экономического развития самоорганизующихся // *Тюмень ТюмГНГУ*. – 2014. – 212 с.

Тюриков Александр Георгиевич,
доктор социологических наук, профессор,
руководитель Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДОВ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современные тренды миграции характеризуются как в России, так и в Европе устойчивыми свойствами: низкой эффективностью миграционной политики и низким качеством управления миграционными процессами, в основе которых находится отсутствие просчета социальных рисков.

Ключевые слова: миграция, социальные риски миграции. социальная эффективность управления миграцией.

E-mail: t-ag2013@yandex.ru

Tyurikov Alexander G.,
Dr. (Sociology), Professor,
Head of Sociology Department,
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

SOCIAL RISKS OF MODERN TRENDS MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Modern trends are characterized by migration, both in Russia and in Europe resistant properties: the low efficiency of migration policies and poor management of migration processes, which is based on the absence of rendering social risks.

Keywords: migration, social migration risks. social efficiency of migration management.

E-mail: t-ag2013@yandex.ru

Понимая под миграцией закономерные и объективные процессы, присущие современной рыночной и глобализирующейся экономике, представляется важным рассмотреть те социальные риски, которые возникают в результате реализации миграционных политик. Вопросы и проблемы национальных миграционных политик особенно обострились в последние годы, встретившись с нерегулируемыми миграционными потоками с Востока в Европу и Северную Америку. Отношение к ним национальных элит Евросоюза носит

крайне политизированный и полемический характер. Сложившуюся ситуацию в Европе называют глобальным «переселенческим потоком», который может потопить Евросоюз. Такие масштабные и порой драматические миграционные процессы уже испытывают на прочность сложившиеся политические, социокультурные, экономические и другие европейские связи. Рост антимигрантских настроений наслаивается на кризис доверия к ряду европейских лидеров, что заметно влияет на политический ландшафт. Миграция испытывает Европу на прочность. Ряд экспертов считает, что в кризисе находится не сама миграционная политика, а непосредственно менеджмент и управление миграционными потоками.

Анализируя результаты и эффективность современной миграционной политики России, принципиально важно исследовать различные социальные риски и последствия ее реализации в рамках базовых социально-экономических, политических, культурных и других процессов развития страны и территорий. Какова степень соответствия такой политики вызовам и угрозам, национальным интересам и процессам глобализации?

Чего планировали достичь, реализуя миграционную политику и регулируя миграционные процессы в соответствии с Концепцией миграционной политики Российской Федерации до 2025 года [1]? Во-первых, – это замещение естественной убыли населения, где за счет миграционного прироста была компенсирована депопуляция населения России. Во-вторых, привлечение необходимых трудовых ресурсов с учетом оперативного и стратегического развития национальной и региональных экономик и рынка труда, где резервы обеспечения экономики необходимым количеством и качеством «коренного» населения трудоспособного возраста почти исчерпаны.

В-третьих, собирание российской нации за счет добровольного переселения соотечественников согласно Указу Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637, утвердившему Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Очевидны позитивные результаты по всем трем направлениям реализации миграционной политики, особенно это заметно по сравнению с провалом миграционной политики в 2015-2016 гг. в Европе. Реализуемая государственная политика в значительной мере сбалансировала миграционную ситуацию в России, процессы стали более управляемы и прозрачны, легальны и прогнозируемы. Основные потоки трудовых мигрантов в Россию формируются из Узбекистана, Таджикистан, Украины, Китая и Киргизии, на чью долю приходится более 70% мигрантов. Основные сферы, в которых трудоустраиваются трудовые мигранты – это: строительство, оптовая и розничная торговля, сфера услуг, транспорт и ЖКХ, сельское хозяйство. Сложившаяся практика трудоустройства мигрантов экспертами оценивается как позитивная по своему вкладу в развитие российского рынка труда.

Вместе с тем, еще не решены многие проблемы внешней миграции, которые являются серьезными рисками на пути достижения цели миграционной

политики. К ним необходимо отнести: нелегальное трудоустройство иностранцев в России, нарушение их социальных и трудовых прав, проблемы коррупции, невнятная политика по отношению к привлечению иностранных бизнесменов и инвесторов, к стимулированию приезда высококвалифицированных специалистов по востребованным профессиям и т.д.

Ко второй группе социальных рисков необходимо отнести не сформированную у нас «мягкую силу» миграционной политики. Так, до конца у нас не решен вопрос привлекательности, гостеприимства и доверия к приезжающим в Россию мигрантам. Более того в российском обществе формируется негативное отношение к мигрантам, из-за «наезда» которых якобы не хватает рабочих мест для коренного населения и растет преступность. В этом же ряду находятся вопросы слабой проработки различных региональных и муниципальных программ по повышению миграционной привлекательности конкретных территорий, где наблюдается значительный отток населения (регионы Дальнего Востока и Сибири). Адаптационные центры трудовых мигрантов малочисленны и не эффективны. Сфера толерантности, гостеприимства и интеграции иммигрантов в российское общество функционирует не оптимально, в большей степени формально, что не способствует росту этнических и конфессиональных конфликтов. Заметен рост мигранофобии и отторжения в обществе, культурная дистанция между коренным населением и мигрантами не сокращается. Не адаптированные мигранты – это серьезный риск и вызов всему обществу.

К третьей группе рисков целесообразно отнести глобализацию процессов радикализации ислама и угрозы, связанные с военными конфликтами на Ближнем Востоке, когда с потоками беженцев на территорию России потенциально могут проникать террористы.

Четвертая группа рисков, связана с рядом трендов, которые как бы невидимы для системы управления, не находятся в системе приоритетов государственной и региональной политики.

С одной стороны, продолжается процесс эмиграционного вымывания интеллекта и «мозгов» за рубеж. Рост эмиграции фиксируется по официальным данным Росстата. Так, с 1989 по 2014 годы Россию покинуло около 4,5 млн. человек, при этом только в 2014 году – более 300 тысяч. Эксперты КГИ (авторы доклада «Эмиграция из России в конце XX – начале XXI века») аргументировано доказывают, что указанные цифры необходимо корректировать в сторону увеличения в 3-4 раза [2].

С другой стороны, продолжается процесс «обезлюдения» сельских территорий за счет внутренней миграции инициативных людей из села в город, из малых городов в крупные промышленные центры. Эти процессы проходят на фоне «оптимизации маршрутизации» оказания медицинских, образовательных и потребительских услуг сельскому населению. Так, согласно статистике, только два из 85 российских регионов (Москва и Санкт-Петербург) не имеют проблем с доступностью медицинских услуг; из 130 тысяч населенных пунк-

тов в стране только в 45 тысячах можно получить хоть какую-то медицинскую помощь, а 46% фельдшерско-акушерских пунктов не имеют лицензии на медицинскую деятельность [3].

В-четвертых, в России сформирован феномен «отходничество», в котором по оценкам исследователей, едва ли не 40 % всех российских семей (из 50 млн. семей) участвуют в отхожих промыслах. Более 20 миллионов человек в России занимаются отходничеством: зарабатывают на жизнь за пределами своего постоянного места обитания [4]. Несмотря на свой значительный вклад в национальную экономику, эти люди практически выключены из социальной системы защиты, теряют связь со своими семьями.

В-пятых, значительным риском является неучтенная и не регулируемая миграция, которая в разы превышает официальную (размах цифр от 4 млн. человек, по оценке ФМС РФ – до 13-15 млн. по оценке экспертов). Не принятие мер и санкций к нарушителям миграционного российского законодательства способствует уходу процессов в тень, повышает их коррупциогенность, не обеспечивает социальную стабильность в обществе.

Для общества важен не сам факт наличия тех или иных программ или государственных политик, а социальная эффективность от их реализации. Объективный смысл повышения социальной эффективности управления рисками миграционных процессов состоит в том, что его результаты должны обладать следующими свойствами:

- соотноситься с заявленными целями государственной миграционной политики и ожиданиями населения в этой сфере;
- обладать целесообразностью, рациональностью и актуальностью;
- быть реально востребованными и потребляемыми, как коренным населением, так и мигрантами;
- быть общественно ценными и полезными, удовлетворять потребности и обеспечивать жизнедеятельность людей;
- быть сравнимыми с затратами ресурсов и результатами в других странах и регионах РФ;
- измеряться и подлежать оценке;
- обладать устойчивостью, воспроизводимостью и содержать ресурсы для последующего развития;
- служить обратной связью между объектом и субъектом управления;
- свидетельствовать о реальном состоянии, поведении и ответственности общественных, государственных и иных структур, включенных в миграционные процессы [5].

В настоящее время сформировалась потребность осуществить необходимый перелом в подходе к оценке результативности и эффективности управления рисками миграционной политики. И это связано как с задачами концептуального, так и методологического и технологического характера, вопросов научного сопровождения мониторинга и анализа миграционных процессов.

Не должны оставаться без пристального научного анализа как позитивные, так и негативные международные миграционные практики. Так, не достаточно эффективно перенимается зарубежный опыт активного включения органов местного самоуправления и гражданского общества, церкви и волонтерских организаций в вопросы культурной адаптации и социализации мигрантов.

И отдельного внимания требует реализация государственной программы добровольного переселения соотечественников в Россию, которая должна выйти за рамки ведомственной реализации и обрести общенациональный стратегический смысл развития Российской Федерации.

Список литературы и Интернет-источники

1. Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2015 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 14 октября 2016 г.)
- Гаджимурадова Г.И. Ислам и интеграция женщины-мусульманки в европейское общество // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – №32. – С. 67-71.
2. Аналитический доклад КГИ «Эмиграция из России в конце XX – начале XXI века» // <https://komitetgi.ru/analytics/2977/> (дата обращения: 20 октября 2016 г.)
3. Журнал "Огонек" от 24.10.2016
4. Плюснин Ю. Отходничество в современной России // <http://www.strana-oz.ru/2012/5/othodnichestvo-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 27 октября 2016 г.)
5. Тюриков А.Г., Якунин А.С. Оценка социальной эффективности управления регионами по критерию качества жизни населения // Вестник Военного университета. – 2011. – №1 (25). – С.116.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
Раздел 1. НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ	7
<i>Аристова М.В.</i> Гендерный аспект демографической политики современной России	9
<i>Вилсон Р.</i> Пограничная политика как фактор демографического развития США	15
<i>Злотникова Л.М.</i> Социальная ответственность бизнеса в контексте демографических проблем.....	19
<i>Киселёва Н.И.</i> Вызовы и возможные решения демографического развития России	25
<i>Лапшов В.А.</i> Особенности демографического развития России в начале XXI века: социологический анализ	31
<i>Молчанова Е.В.</i> Значение социальных инноваций при реализации медико-демографической политики	38
<i>Новиков А.В.</i> Качество оказываемых медицинских услуг российскому населению в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения	43
<i>Пацiorковский В.В.</i> Пути демографического развития до 2025 года.....	49
<i>Потанина Ю.А.</i> Последствия демографического старения в России: показатели и ориентиры для социально-экономической политики	55
<i>Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н.</i> Социальные резервы демографического развития России.....	60
<i>Рязанцев С.В.</i> Внешняя миграционная политика как потенциальный ресурс демографического развития России	76
<i>Шишкина М.А.</i> Взгляды молодежи Республики Коми на приоритеты демографической политики в области рождаемости	85
<i>Шкиперова Г.Т., Курило А.Е.</i> Индикаторы устойчивого развития и качества жизни: анализ результатов оценки на примере Республики Карелия	90

Раздел 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ 95

- Архангельский В.Н.* Современная половозрастная структура населения России как фактор перспективной динамики его численности 97
- Власова Т.А.* Анализ демографической ситуации как основы формирования кадрового потенциала аграрного сектора экономики (на примере Белгородской области) 103
- Елизаров В.В., Данилова И.А.* Динамика численности и структуры населения в странах постсоветского пространства 108
- Козлова О.А., Величковский Б.Т., Макарова М.Н., Цепилова Т.М.* Социальные последствия дифференциации доходов населения в России 114
- Кузьмин А.И., Макарова М.Н., Казакова Н.В.* Оценка демографического потенциала «Большого Екатеринбурга» 121
- Нарбут В.В.* Особенности демографической ситуации в регионах России 127
- Синица А.Л.* Социально-экономические последствия изменения числа детей дошкольного возраста в России 134
- Чхутияшвили Л.В.* Проблема самореализации молодежи в современной России 139
- Чхутияшвили Н.В.* Демографические проблемы трудового потенциала в современных условиях 145
- Шакирова Н.М.* Социально-экономические и нравственно-эмоциональные проблемы семьи и вопросы демографии 150
- Щербич Л.И.* Искусственное прерывание беременности сквозь призму демографии 155

Раздел 3. ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 161

- Анисимов С.А., Павлов Б.С., Павлов Д.Б.* Социальный институт семьи как непреложный субъект и объект процесса воспроизводства человеческого потенциала в регионе (на примере Урала) 163
- Барашкова А.С.* Тренды брачного поведения населения в северной республике 181
- Козлова О.А., Макарова М.Н., Козлов А.В.* Парциальный вклад факторов социально-экономического развития в показатели смертности населения трудоспособного возраста 185
- Молчанов И.Н.* Развитие гендерных исследований в России: современные проблемы 191
- Мунин П.И.* Гендерная асимметрия социального капитала России и мира в сравнительном демографическом измерении 199

<i>Павлов Б.С., Паначев В.Д., Сарайкин Д.А., Сентюрин Л.Б.</i> Физическая культура молодого человека – это не только его прилежание к урокам физкультуры.....	205
<i>Сигарева Е.П., Оберемок-Якубова Е.Б.</i> Суммарная рождаемость в региональном и сельско-городском измерении.....	222
<i>Синельников А.Б.</i> Гендерные и брачно-семейные различия в ценностных предпочтениях	228
<i>Соловьев А.К., Попов В.Ю.</i> Старение населения как бюджетоформирующий фактор.....	236
<i>Сосунова И.А., Мамонова О.Н.</i> Рождаемость и демография «общества травмы»: время перемен.....	241
<i>Сукнёва С.А.</i> Тенденции и перспективы рождаемости в Республике Саха (Якутия).....	246
<i>Ушакова В.Г.</i> Демографические процессы в России и Германии: гендерный аспект	251

Раздел 4. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ И ЭМИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ257

<i>Абидов М.Х., Хаджалова Х.М.</i> Современные тенденции внешней трудовой миграции в Республике Дагестан.....	259
<i>Белгарокова Н.М.</i> Социально-экономические и культурно-адаптационные трудности беженцев в ЕС	265
<i>Брушкова Л.А., Зая И.Ю.</i> Роль социальных сетей в адаптации и интеграции этнических мигрантов.....	270
<i>Гришанова А.Г.</i> Внутривосточная миграция, как новый ориентир миграционной политики в России.....	281
<i>Донец Е.В.</i> Иностранцы граждане – студенты российских вузов как потенциал иммиграции в регионах современной России.....	286
<i>Вирккунен Й.</i> Границы, экстремизм, чувство защищенности: взаимосвязь миграции и безопасности в Финляндии.....	292
<i>Кожевникова Н.И., Фадеева Т.А.</i> Миграционный потенциал стран нового зарубежья и миграционная политика России: теоретические аспекты.....	302
<i>Кораблин Ю.А.</i> Личностный потенциал и трудовые миграционные настроения московского студента	307
<i>Красинец Е.С.</i> Политика по отношению к соотечественникам и реализация переселенческих программ в российских регионах.....	313
<i>Куприна Т.В.</i> Феминизация миграционных потоков и их профессиональный потенциал	319

<i>Моисеенко В.М.</i> Международная миграция в России в начале XX века	324
<i>Назаренко С.В.</i> Социальный контроль иммиграционного и эмиграционного поведения как механизм обеспечения социально-экономической и демографической стабильности в российском обществе	328
<i>Хорие Н.</i> Иностранные инвестиции в сельское хозяйство и миграции в российском восточном приграничье	345
<i>Просеков С.А.</i> Демографическая проблема Дальнего Востока в контексте российско-китайского сотрудничества.....	351
<i>Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.</i> Миграционные установки молодых вьетнамцев на обучение за границей: имеет ли Россия шансы получить вьетнамских студентов?	359
<i>Симагин Ю.А.</i> Влияние внешних и внутренних миграций на численность населения российских регионов	366
<i>Тухтарова Е.Х., Бедрина Е.Б.</i> Миграционные процессы в регионах России.....	371
<i>Тюриков А.Г.</i> Социальные риски современных трендов миграции в Российской Федерации	375

Научное издание

**НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Материалы II Международной научно-практической конференции
(8 декабря 2016 г.)

Ответственные редакторы-составители:

Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН;

Письменная Е.Е., доктор социологических наук, доцент

**NEW DIRECTIONS OF DEMOGRAPHIC POLICY
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS
OF THE ECONOMIC CRISIS**

The Materials of the II International Scientific and Practical Conference
Moscow, December 8, 2016

Managing editors – compilers:

Ryazantsev S.V., Doctor (Economics), Professor,
Corresponding member of the Russian Academy of Sciences;

Pismennaya E.E., Doctor (Sociology)

Подписано в печать 21.11.2016 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,0. Заказ 2799. Тираж 150 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru